

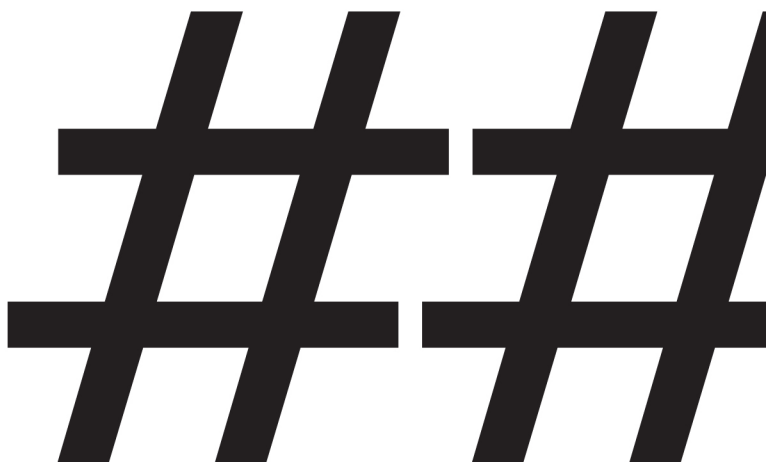
6

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

140²⁰²¹

* интернет при пандемии

неприкосновенный запас 6 [140] 2021

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ИНТЕРНЕТ ПРИ ПАНДЕМИИ	003	Введение в тему
ПАНДЕМИЯ/ ИНТЕРНЕТ + МЕСТО	008	Полина Колозариди. Руина и инфраструктура: как изменяется интернет во время пандемии
	026	Камеры наблюдения в городах: безопасность и территория. Беседа Дмитрия Муравьева и Леонида Юлдашева с Дмитрием Серебrenниковым
	042	Дмитрий Муравьев. Пандемия и цифровые технологии на глобальном Юге
ПАНДЕМИЯ/ ИНТЕРНЕТ + ОПЫТ И ЗНАНИЕ	049	Как понять, что происходит во время пандемии, изучая себя и других. Беседа Полины Колозариди с Аннетт Маркхэм
	062	Из каких цифр состоят цифровые навыки россиян? Разговор о статистике с Валентиной Поляковой и Константином Фурсовым
	073	Андреа Марсили, Анна Щетвина. Ковид в русских и итальянских мемах: от отрицания до взаимной поддержки
	097	Александра Архипова. Берегись покемонов: символическое сопротивление новой медицинской реальности в российских социальных сетях
ПАНДЕМИЯ/ ИНТЕРНЕТ + ИНСТИТУТЫ	126	Люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение. Разговор весны 2021 года
	135	Дарья Радченко. <i>Instagram</i> -соборность: конструирование социальности во время ковида
	158	Энгин Айсин, Эвелин Рупперт. Рождение сенсорной власти: как пандемия сделала ее видимой?
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	190	Бедные пенсионеры и богатые начальники <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
НОВЫЕ КНИГИ	193	Борис Соколов. 12 свидетельств о войне
	222	Константин Сонин. Высшее образование в России: ландшафт перед, во время и после революций

230	Кирилл Кобрин. Социализм в городе
246	Денис Шалагинов. Прогуливаясь вдоль лесных троп: антропология против санитарных кордонов
256	Рецензии

SUMMARY

278

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов
Игорь Кобылин

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Александр Суслов
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail: alexandersuslov@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz
member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2021

Введение в тему

Ковидные ограничения 2020–2021 годов стали важным событием для исследователей интернета и медиа. Интернет оказался для многих единственным способом поддерживать социальные связи, общаться и проводить время с близкими. Люди стали использовать интернет новыми способами и менять привычные практики: кто-то переносил в онлайн рабочие встречи, вечеринки, концерты, танцы; кто-то впервые открывал для себя виртуальный флирт и секс; кто-то стал собираться для семейных праздников по скайпу, сидя за разными столами, но все же вместе. Дополнительную поддержку во время пандемии получили практики, которые до этого часто находились под общим названием «цифровизации». Они и до этого активно развивались – селф-трекинг, онлайн-образование, наблюдение за жизнью городов и природными ландшафтами через видеокамеры и приложения. Да и сама пандемия как мировое событие, тревожное, травматичное, непонятное, требовала коллективного осмысления. Интернет оказался инструментом, площадкой и для обсуждения происходящего, и для наделения его смыслом, – от философских эссе в онлайн-журналах до карантинных мемов.

Идея этого тематического номера выросла из конференции «Internet Beyond 2020», которую весной 2021 года провел клуб любителей интернета и общества. Конференция собрала исследователей – антропологов, социологов, медиа-исследователей, –

ИНТЕРНЕТ ПРИ ПАНДЕМИИ

которые попытались осмыслить интернет и его отношения с миром и обществом, какими они стали во время этого сложного года. Порядок и структура номера связана с тремя темами – и, соответственно, мы предлагаем читателю три раздела.

В первом – «Пандемия/интернет + место» – собраны тексты о глобальном/локальном во время пандемии, о том, как в этих условиях люди выстраивали отношения с различными пространствами. В эссе «Руина и инфраструктура: как изменяется интернет во время пандемии» Полина Колозариди сравнивает интернет с городом и переосмысляет привычные противоположности – глобальный интернет и локальный город, онлайн и офлайн. Чтобы ответить на вопрос, как изменился мир в 2020 году, Колозариди вводит метафоры руин и инфраструктуры. Она предлагает считать прежний, глобальный, интернет – руиной, которая предоставляет место для новых инфраструктур, уже не несущих прежнего смысла, но сохраняющих его потенциал. Колозариди объясняет, что метафорический потенциал глобальной сети реализован, и говорить об интернете как о чем-то отдельном уже не имеет прежнего смысла.

Тема города и технологий не так нова, но некоторые аспекты лишь только ждут своего исследователя. Сложная политическая история разворачивается в той сфере, где осуществляется наблюдение и контроль за городскими пространствами. Они функционировали и раньше, но сегодня стали значительно заметней – и во время пандемии вызывают новую волну беспокойства. Дмитрий Серебренников в беседе с Дмитрием Муравьевым и Леонидом Юлдашевым рассказывает о своем исследовании того, как развиваются сети камер наблюдения в городах и слежка за горожанами. Серебренников выделяет несколько тем: как организованы сети камер, кто их регулирует, почему их много в одних местах, а в других вовсе нет, как измеряют риск и безопасность, как установка камер связана с процессами, ведущими свое происхождение из 1960-х. Серебренников представляет ситуацию в том виде, в котором она сложилась к началу пандемии, став своего рода исходной точкой. Какой она будет к концу очередного локдауна, пока неизвестно, – но само понимание структуры позволяет увидеть, что управление камерами и наблюдение за горожанами осуществляются не единым центром по заданным правилам, а эти правила формируются прямо сейчас.

Замыкает первый раздел выполненный Дмитрием Муравьевым обзор сборника «COVID-19 from the Margins. Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society». Из статьи становится понятным, что реализация антиковидных мер на «глобальном Юге» не однородна. Например, некоторые государства следуют за глобальными медицинскими

инициативами, а другие, наоборот, не вводят меры по ограничению офлайн-передвижений и переходу на «удаленку». Материалы из разных стран корректируют наше восприятие глобальности и однородности происходящего, а также уточняют наше знание о нем.

Второй раздел, «Пандемия/интернет + опыт и знание», посвящен непосредственно тому, как производится знание о пандемии и какую роль в этом знании играет интернет. А еще – влиянию пандемии на наше понимание интернета как технологии. Одно из ключевых напряжений, вокруг которых строились обсуждения, – это вопрос о переменных. Блок открывается беседой с Аннетт Маркхэм об автоэтнографии в пандемию. Маркхэм собрала исследователей (и не только), которые стали изучать собственный опыт, описывая его разными способами и обмениваясь друг с другом своими наблюдениями. В беседе подвергается критике разделение на научное и ненаучное изыскание и предлагается возможность самостоятельно расследовать, как именно складывается опыт действий в онлайн и офлайн. Отчасти именно такая реакция может, по мнению Аннетт Маркхэм, противостоять уверениям в безболезненности перехода на «удаленку». Однако нельзя утверждать, что масштабные количественные измерения происходящего – дело рук исключительно самоуверенных позитивистов (и стоящих за ними больших институций). Сложности изучения цифровизации посвящен разговор с исследователями Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Константином Фурсовым и Валентиной Поляковой. Они объясняют значение так называемых «цифровых навыков», а также рассказывают, какие сюжеты из жизни интернет-пользователей во время пандемии сложно зафиксировать. Сложившиеся до пандемии представления об интернете приходится пересматривать и тем, кто изучает статистику цифровой жизни, – ведь появляются новые виды практик.

Тему освоения знания продолжают в своей статье о мемах Анна Щетвина и Андреа Марсили. Мемы – это не просто смешные картинки, а практики, которые позволяют распознать разные группы и понять, каким смыслом они наделяют происходящее. Исследование анализирует мемы из России и Италии, делая акцент на том, что их объединяет. Авторы выделяют несколько стратегий пандемийных мемов: избегание, отчуждение, обеспокоенность, эскапизм, субверсия, одомашнивание, анализ/критика, а также признание эмоций.

Тема сложного знания затрагивается и в статье Александры Архиповой, посвященной онлайн-войнам сторонников и противников вакцинации. Архипова уточняет, что «ваксеры» и «антиваксеры» – это воображаемые сообщества, так как у тех,

кто выступает за и против прививок, зачастую очень разные основания. Между ними идет своего рода «гибридная гражданская война», и статья Архиповой, – в которой приводятся неологизмы, шутки, обсуждается ситуативность постов, вокруг которых формируются соответствующие сообщества, – помогает понять, как именно она устроена.

Третий раздел – «Пандемия/интернет + институты» – начинается разговором об образовании. Хотя переход к дистанционному образованию с началом локдауна вызвал сильную реакцию, этот процесс начался вовсе не в 2020 году. У него есть прошлое, корни и основания, которые начинались и в инфраструктурных проектах вроде перевода вузовской бюрократии на электронный документооборот, и в образовательных онлайн-проектах, которые начались задолго до пандемии. На «круглом столе» конференции «Internet Beyond 2020» выступали практики и исследователи цифрового образования из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», которые рассказывали, как формировались идеи и практики онлайн-обучения, а социологи поделились первыми результатами исследований процесса и последствий превращения дистанционного образования в массовое и даже повсеместное.

В статье «*Instagram*-соборность: конструирование социальности во время ковида» Дарья Радченко дает краткий очерк того, как в пандемию менялись религиозные практики. Статья основана на интервью как с постоянными прихожанами, так и с теми, кто посещает церковь лишь время от времени. Радченко соотносит разные типы участия в церковной жизни с тем, как люди вели себя в онлайн, и – особенно – обращает внимание на вопрос, почему во время локдауна «пересобирались» общины верующих. Конечно, это не первая и не единственная ситуация, когда медиа оказывается частью религиозных практик. Но раньше речь шла скорее о трансляциях служб (например по телевидению), а также об обсуждении религиозных и церковных вопросов в специальных чатах. Во время ковидных ограничений верующие объединялись уже и с помощью общих трансляций, нередко используя вторые экраны (например смартфон и компьютер), и даже устраивали в своих домах «Окна Пасхи» – создавая полугородское, полуофлайнное собрание верующих.

Раздел завершает перевод статьи Энгина Айсина и Эвелин Рупперт «Рождение сенсорной власти: как пандемия сделала ее видимой». Этот текст позволяет еще раз пересмотреть почти все темы, затронутые в номере. Ведь изменения в ходе пандемии – это не только перемещение из офлайна в онлайн, но и изменения власти, того, кто, как и за чем может наблю-

дать – и что узнавать. Авторы рассматривают этот вопрос в фукельдианской оптике и предлагают видеть не одну власть, а несколько ее разновидностей.

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Сквозная тема всех разделов – вопрос, кто сохраняет или обретает возможность действовать и наделять происходящее смыслом. Появляется все больше внешних устройств и институциональных форм наблюдения и узнавания того, что такое человек с его жизнью и смертью. Но одновременно немало людей сами сопоставляют разные виды знания, принимают решения и распознают то, что происходит. Авторы этого номера показывают ситуацию изнутри – пандемия еще не закончилась, окончательные выводы делать рано, однако представляемые статьи могут стать подспорьем и для дальнейших исследований, и для рефлексии в повседневности локдауна. Надеемся, в будущем эти тексты окажутся свидетельством того, что происходило, какие альтернативы и идеи возникали в 2020–2021 годах. Свидетельством, которое может оказаться важным после пандемии, когда разные смыслы и практики будут обретать иные черты. [Полина Колозарики, Анна Щетвина]

Полина
Колозариди

Руина и инфраструктура: как изменяется интернет во время пандемии

Этот текст описывает приключения интернета во время пандемии. Он вдохновлен и пропитан диалектикой как способом понимать явления в их движении. Это связано с тем, что предметом интереса здесь является интернет: одновременно как понятие и явление. Георг Вильгельм Фридрих Гегель напрямую в этом тексте не цитируется, но я стараюсь следовать его принципам и предлагаю диалектику понимания интернета¹.

Обращение к диалектике позволяет мне рассматривать приключения понятия, обращаясь к разным текстам вокруг интернета, объяснения в которых производятся с помощью метафор. Научные и исследовательские метафоры интернета в данном случае я считаю столь же эвристичными и спорными, как и пользовательские².

1 Поэтому общей ссылкой к тексту будет: ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, 1993, 2000. Я благодарю соучастников и соучастниц семинара по медленному чтению «Философии истории» Гегеля, без которых этот текст не мог бы осуществиться.

2 В этом подходе я следую за Дэниелом Миллером и Аннетт Маркхэм: MILLER D. *A Theory of a Theory of the Smartphone* // *International Journal of Cultural Studies*. 2021. Vol. 24. № 5 (<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1367877921994574>); MARKHAM A.N. *Disciplining the Future: A Critical Organizational Analysis of Internet Studies* // *The Information Society*. 2005. Vol. 21. № 4. P. 257–267.

ПАНДЕМИЯ/
ИНТЕРНЕТ +
МЕСТО

Я предлагаю увидеть диалектику изменения способов общения в пандемию не как противопоставление онлайн и офлайн (интернета и города) или глобального и локального. Этот текст предлагает ввести новые метафоры – руин и инфраструктур. При обращении к данным метафорам словосочетание «использование интернета» становится избыточной категорией и может быть заменено на «жизнь-с-интернетом».

Текст предназначен широкому кругу читателей³. Он проблематизирует политику в отношении интернета, соотношение онлайн и офлайн, ситуацию после и во время локдауна. Все это не требует специальных знаний об интернете, но позволяет понять, что происходит с интернетом, как соотносить с этим свое знание и практики. Начинается текст со сравнения интернета и города.

/ прелюдия. метафора пространства

выходя на улицы после снятия пандемических ограничений, многие горожане переживали удивление, вроде бы перед ними все тот же город, но они стали видеть его иначе.

похожее чувство переживаешь, сев на велосипед, переставая быть пешеходом. чуть меняется скорость. иначе чувствуешь рельеф и связь между районами. это изменение происходит вследствие смены позиции, способа наблюдения и переживания.

а в чем-то города изменились вне зависимости от позиций. закрылись многие кафе и магазины: не выдержали испытания режимом доставки. многие люди стали воспринимать торговые центры и очереди как источники опасности. в мегаполисах стало больше курьеров. иное значение приобрели скопления людей в транспорте. некоторые из этих изменений оцениваются как пугающие и новые.

мы наблюдаем не нейтрально; мы наблюдаем, оценивая.

кто-то упорствует в нормализации: этот город – все тот же город, что был в 2019-м.

кто-то продолжает ощупывать каждое новое и тем самым усиливать изменения. возврата к прежнему, вероятно, уже не произойдет. многие начали забывать, что было до пандемии. тем, кто пошел в первый класс или стал впервые преподавать или работать в 2020–2021 годах, никогда не узнать, что такое офлайновый первый класс или выпускной.

3 Этот текст написан в ситуации, когда многие вещи возможны для исполнения и в онлайн, и в офлайн. В практическом смысле он может помочь варьировать то, как стоит производить отдельные практики.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Полина Колозариди (р. 1987) – интернет-исследовательница, преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Национальном исследовательском университете ИТМО, координирует клуб любителей интернета и общества. Научные интересы – интернет-исследования, история технологий, философия знания.

кто-то будет говорить, что «настоящего» опыта этих событий у них не было. что «золотой век», где все было подлинным, – позади. кто-то – что вот оно, настоящее, что происходит теперь и с нами.

но пока, в 2021 году, «здесь и сейчас» все еще распознается как чрезвычайное положение. оно – чрезвычайное, даже если мы в нем надолго. за ним должно быть что-то другое.

«за ним» – значит после него, как после войны возвращаются к «нормальной жизни». но в случае пандемии возвращения не происходит как отдельного от самого положения процесса. масочный режим – это и есть способ вернуться к нормальной жизни. вот только сам собой, даже незаметный, он меняет представление о норме.

оппозицией этому изменившемуся пространству физической реальности должен был бы стать интернет. в нем все как будто стабильно.

но, возможно, интернет изменился еще сильнее, но мы пока этого не понимаем.

не понимаем, потому что интернет вроде как у каждого свой. и вместе с тем – более общий. в нем все единообразно. нет разных кабинетов и комнат. все заходят в одни и те же зум-комнаты или открывают мессенджеры с минимальной персонализацией, продуманной корпорациями.

да, зум заменил скайп.

но разве это важно в сравнении с тем, что впредь университета, который вовсе бы обходился без онлайн-комнат, мы скорее всего не увидим? да, миллионы людей стали из спорадических пользователей – постоянными. но разве это сравнится с тем, как меняется, например, рынок труда?

мой ответ на оба эти вопроса – да.

интернет как понятие и явление изменился.

гипотеза этого текста в том, что интернет стал частью общественной жизни.

рассматривать его в качестве отдельного пространства или инструмента, а также специфического объекта со своими правилами регулирования и происхождения более не имеет смысла.

как одновременно признать изменение реальным и распознать его множественность?

я предлагаю для начала разделять интернет и город как разные способы социального взаимодействия. во время локдауна они стали противопоставляться друг другу, но оказались ли более близкими и какую роль в этом играет пандемия – пока не ясно.

/ пандемия + интернет. гибридизация, уничтоженная системой

основные действующие слова текста

пандемия – это не только заболевание, а эпидемия мирового масштаба, социальное, медицинское и политическое явление.

интернет – это и технология, существующая как часть пользовательских практик, и пространство, в котором разворачиваются события, и инструмент общения. все эти разные элементы, а также образы, окружающие само понятие, – и есть интернет.

понятие – то, что мы познаем, договариваясь о значении слова.

явление – то, с чем мы имеем дело в ситуациях.

осуществление – когда понятие применяется в мире знания или повседневности.

ситуация – место и время осуществления понятия.

1. Пандемия и интернет – созданы друг для друга.

Но их близость неизбежно влияет на них и меняет обоих. Пандемии без интернета не было бы в тех формах и масштабах, в которых это происходит. Интернет, направленный в каждую организацию и общность силами регуляторов, установивших новую, пандемийную, норму, неизбежно изменился.

2. Сочетание интернета и пандемии производит гибридную ситуацию.

Понятие «гибридности» в отношении технологий описано в тексте «Манифест киборгов» Донны Харауэй. В нем идет речь о том, что сочетание человека и машины бросает вызов следующим оппозициям:

«Культура/природа, мужское/женское, цивилизованный/первобытный, реальность/видимость, целое/часть, деятель/ресурс, делатель/сделанное, активное/пассивное, правильное/неправильное, правда/иллюзия, тотальный/частичный, Бог/человек. [...] Культура высоких технологий интригующим образом бросает вызов этим дуализмам. В отношении человека и машины нет ясности, кто делает и кто сделан. Нет ясности, что есть дух и что тело в машинах, сводящихся к практикам кодирования»⁴.

3. Понятие гибридности (по Донне Харауэй) не изменило этих оппозиций.

Текст Харауэй – манифест, он предлагает увидеть и предъявить как программу: гибридизация может поколебать эпистемологические и политические основания мира.

⁴ ХАРАУЭЙ Д. Манифест киборгов // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 361–361.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Но в мире, вроде бы гибридном, мы продолжаем говорить «система», «пользователь» вопреки идеям Харауэй. Как будто мы в самом деле можем отделить «социальное» и «технологическое», себя как «человека» и как «пользователя», мир как «вообще мир» и «мир, устроенный технично».

Приставки «онлайн» или «цифровой» уменьшают революционный потенциал понятия гибридизации. Говорят, что есть образование – а есть онлайн-образование, есть письмо – а есть цифровое письмо. Но значение этих приставок вроде бы отсылает к технике, хотя на деле часто связано не с ней, а с бюрократическими институтами или скоростью общения.

Обещая нечто новое в своей гибридности, эту якобы-кибер-приставку внедряют все те же старые институты, реплицируя себя «в цифре».

Приставки «онлайн» или «цифровой» уменьшают революционный потенциал понятия гибридизации. Значение этих приставок вроде бы отсылает к технике, хотя на деле часто связано не с ней, а с бюрократическими институтами или скоростью общения.

4. Понятие системы поглотило понятие гибридности и политически его переопределило.

Гибридность не объясняет сегодняшнюю ситуацию из-за того, что она уже встроена в другую метафору. Это метафора системы, которую «киборги» унаследовали от кибернетики, тесно связанной с теориями систем. Система включает в себя живое и неживое, но, в отличие от гибридности, она предполагает, что нечто целостное существует и живет. А когда теряет целостность – меняется или умирает. Гибридность усиливает метафору системы, так как предлагает говорить одновременно о двух сущностях, которые могут составлять целое, не меняя своего содержания. Поэтому вместо изменений, предположенных Харауэй, интернет и «цифровое» заставляют сохранять прежние понятия.

5. Но в конкретных ситуациях эти понятия не являются противоположными.

Различия не лишены смысла для того, чтобы в чем-то разобраться. Но они не помогают, когда мы пытаемся признать сложность переплетения⁵. Да и в повседневной речи скорее обманывают. Например, разговоры о том, что техническое за-

5 Подробнее о сплетении и плетении см. в беседе с Аннетт Маркхэм в этом номере «НЗ».

меняет социальное. Если мы говорим, что человек все время «залипает» в *Instagram* и из-за этого чувствует свою жизнь ничтожной, мы едва ли можем по-настоящему понять, в чем проблема. Проблема в том, как устроено приложение, понуждая все дальше и дальше пролистывать картинки и разглядывать жизни других людей? Или дело в круге общения? Или *Instagram* заменил журнал о знаменитостях и мы имеем дело с проблемой нашей привычки к медиа о красивой жизни? В повседневности эти вопросы редко становятся предметом планомерной рефлексии. Отчасти это происходит потому, что это означало бы отказ от привычной дихотомии онлайн/офлайн, социального/технического.

Возникает иллюзия, будто признание дихотомии как-то позволит понять ситуацию. Но это не так. Не помогает и гибридность, так как она предполагает, что отдельные элементы все же существуют отдельно.

6. В 2021 году нет отдельного интернета и отдельной пандемии.

И вопрос о том, как именно интернет изменился во время пандемии или как он повлиял на ее ход, лишен смысла. Мы не можем говорить об интернете в сослагательном наклонении. Мы не знаем, каким он мог бы быть в наши дни, если бы пандемии не было. Можно сказать, для простоты, что интернет теперь навсегда с коронавирусом и ничто его не излечит.

Пандемия так же не могла бы стать тем явлением, которым она стала в 2020–2021 годах, если бы был невозможен переход к удаленной работе, учебе, доставке еды, оказанию услуг, подписанию договоров. Пандемия – это то, что стало возможным только с интернетом⁶.

7. Но взаимосвязь понятий не объясняет изменений, и, чтобы понять различия, недостаточно прежних понятий.

Само утверждение о взаимной связи интернета и пандемии – равно как социального и технического – не решает вопроса о том, что произошло с интернетом. Он существовал и до пандемии, а во время локдауна стал во многих пользовательских практиках более очевидным. Для верующих людей проблематично признать, что церковная служба в зуме, та же, что и в церкви⁷. А онлайн-образование не такое же, как учеба в аудиториях.

6 Но изменения реализуются в каждой стране и организации по-разному, в зависимости от режима локдауна, существующих сервисов и пользовательских практик. В разных частях мира разработаны разные вакцины. Протоколы по их признанию между странами пока только разрабатываются. Слово «протокол» здесь не случайно, оно отсылает к разным сетевым протоколам, которые были распространены до появления интернета – основанного на объединившем их протоколе TCP/IP.

7 Подробнее об этом см. статью Дарьи Радченко в этом номере «НЗ».

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Допустим, приставки «онлайн» или «цифровой» потеряли свою эмансипаторную силу, которую имели когда-то. Сами по себе они значат лишь то, что нечто происходит с участием интернета. Интернет в этой ситуации не освобождает от прежних бинарных оппозиций, а встраивается в них. Метафора гибридности начинает подводить: ведь сочетающиеся элементы уже не чужеродны.

Но где же цифровые аборигены, обжившие пространства, лишенные диктата «гигантов из плоти и стали»?⁸ Неужели интернет после пандемии – это интернет, насажденный государствами и корпорациями? Становится ли он радикально другим, чем тот, что вольно распространился по городам и весям?

/ вопросы власти. метафора руины

8. Чтобы понять интернет, нужно обратиться к его истории.

Все эти вопросы, вроде бы происходящие из момента, из «здесь и сейчас», могут обрести ясные ответы, если иметь в виду историю. Ту историю, которая может показать разницу между старым и новым, учитывая масштабы.

Финального ответа о том, что произошло с интернетом за время пандемии, вероятно, мы не получим. Для этого нужна большая дистанция во времени. Но можно продумать интеллектуальный фильтр, который позволит определить, где – руины прежних миров, онлайн-овых или офлайн-овых, а где – остовы возникающих или длящихся.

Ответить на этот вопрос нужно не столько ради интеллектуальных, сколько ради практических вопросов. Чтобы упорствовать в желании оставаться онлайн или возвращаться в офлайн, имеет смысл уяснить разницу между ними. Уяснять – глагол несовершенного вида. Он предполагает, что мы можем продолжительно и методично иметь в виду напряжение, существующее в конкретных практиках, от совещаний до переписки с возлюбленной. Это напряжение остается, проявляясь в сочетании руин и инфраструктур, которые на них громоздятся.

9. Часть интернета представляет собой руину.

Руинами могут быть и прежние цифровые, и аналоговые способы собираться и осуществлять коллективную деятельность. Но различение руин и практик в действующих инфраструктурах диалектически меняется.

Руины – то, что порой приспособливается под другие практики, теряя свое прежнее значение. Потеря прежних функций может быть разной: часть объектов становится искусством и помещается в музеи (как старинные фонари), часть – становит-

8 См.: BARLOW J. A *Declaration of the Independence of Cyberspace* [1996] (www.eff.org/cyberspace-independence).

ся элементом для чего-то другого (как столб, некогда установленный для линий телеграфа, используется для электрического кабеля). Часть таких переименований не обретает статуса «нового», а рассматривается как продолжение или порча. Часть – функционирует под знаменем новизны. Но они не являются новыми, поскольку работают на основании прежде разрушенного, не-целостного.

Интернет, если рассматривать его в рамках канонической истории – впрочем, весьма спорной⁹, – оказался во время пандемии как раз руиной. Не весь интернет, конечно, а в определении единой, глобальной, распластанной по городам и странам сети.

Отдельные его элементы при этом включены в действующие практики. Работая как «глобальное киберпространство», он одновременно оказывается и частью обеспечения повседневной работы государственных и частных предприятий, институтов образования, учета привившихся и уклонившихся граждан и так далее.

10. Руина – это не то, что исчезает, но то, что изменяет свое действие.

Впрочем, как это бывает в случае активного переделывания руин больших технологических систем, их пользователи тоже не остаются прежними. Простой пример – судьба древнеримских акведуков и жилых домов в Средние века. Они не использовались по назначению, а становились мостами или хозяйственными постройками. Но оставались своего рода миной замедленного действия, которая будет романтизирована и эстетизирована несколько веков спустя. Устройство средневековых городов было, безусловно, другим, чем в Риме, но легитимность Рима и римского способа управления во многих местах действовала столетиями. Конечно, я не утверждаю, будто причины этого были только в элементах зданий, ведь инфраструктуры знания и власти во многом не менее материальны.

11. Руина становится частью инфраструктуры, не будучи ее элементом и не действуя, как задумано.

Обращая этот пример на интернет и современную ситуацию, мы видим, как колоссальная по своему масштабу глобальная технология, наследующая и научно-техническим достижениям, и утопиям XX века, становится частью инфраструктур национальных государств. Ведь именно они оказываются, в конечном счете, ответственными за своевременность медицинской помо-

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

⁹ Подробнее об этом см.: Дрисколл К., Палок-Берже К. *В поиске недостающих историй сетей* // Неприкосновенный запас. 2020 № 2(130). С. 55–71; Юлдашев Л. *Тонет: реконструкция одной истории* // Неприкосновенный запас. 2020 № 2(130). С. 72–94.

щи, работу банков и установление санитарных норм¹⁰. А значит, за организацию действующих инфраструктур. Действующих – тех, которые позволяют практикам осуществляться без «швов» и проблем.

И, конечно, расшифровки требует слово из XIX века, актуализировавшееся в конце прошлого столетия, – инфраструктура. Я называю так сейчас не только водопровод и электричество, но и институты, обеспечивающие связность людей между собой¹¹. Значит, это уже обращает нас к другому статусу граждан как пользователей услуг, которые они предоставляют друг другу. Ужели мы друг другу – теперь водопровод?

12. Кто может включить руину в действие инфраструктуры и действительно ли национальные государства – это те самые агенты, что существовали до пандемии и распоряжались своими территориями, превращая их в условия и ресурсы существования населения? Ведь в использовании интернет-сервисов заложены экономические логики ситуации их производства: например, способы подсчета данных и уравнивания показателей в них. Оказываются ли сами государства здесь – так же гибридами, в которых руины идеи национального государства смешиваются с современными корпорациями? Или руинированы уже и государства, и корпорации?

Чтобы ответить на эти вопросы, стоит подробнее разобраться в логиках действия институций, которые ими распоряжаются. Например, не вполне ясно, в какой степени российское Министерство цифрового развития наследует Министерству связи, к которому с десяток лет назад добавились массовые коммуникации¹².

13. Внедрение инфраструктур происходит в конкретных ситуациях.

И, конечно, мы не можем говорить об универсальности на уровне отдельных стран. Ведь, возможно, меры ведения онлайн-практик во время локдауна, вроде бы повсеместные, оказались нечувствительными к контексту. Они оставляли зоны ненахо-

10 Конечно, государство не единый и неделимый субъект, несущий ответственность за все, что происходит в разных частях страны или районах города. Из разговора с Дмитрием Серебренниковым (см. публикацию в этом номере «НЗ») можно предположить, что государство с трудом координируется в нечто единое, но всегда не вполне целостное. Наряду с ним ответственность могут нести «ученые» или «медики», но вопрос к тому, как распределяется и устраивается ответственность за инфраструктуру, не делегируется полностью никаким акторам, кроме «государства». Поэтому при всем множестве кавычек и политических неопределенностей, которые вызывает этот тезис, едва ли я могу заменить его чем-то, хотя была бы рада поставить под вопрос.

11 Такой ход разработан в исследованиях Кристиана Сэндвига о платформах как инфраструктуре и об интернете как инфраструктуре инфраструктур: SANDVIG C. *The Internet as Infrastructure // The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

12 Эти вопросы еще не исследованы, и надеюсь, ситуации вроде нынешней смогут подтолкнуть к этому.

димости в селах, поселках и поселках городского типа, где пандемия осталась страшным мифом из больших городов, не слишком отличаясь от вышек 5G, и которые при сокращении внутренней и внешней мобильности оказались вовсе изолированными. За недостатком исследований по России здесь нужно обратиться к изучению пандемии на «глобальном Юге»¹³.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

14. Конкретные ситуации изменяют интернет в целом, так как они определяют, что – руина, а что – инфраструктура.

Итак, если дело не в том, что изменился интернет, то изменились способы управления и утверждения власти. Тут речь идет и о политической власти (кто решает, каким быть интернету, и реализует это решение), и об эпистемологической власти (кто вводит/оспаривает понимание того, что такое интернет).

Меры ведения онлайн-практик во время локдауна, вроде бы повсеместные, оказались нечувствительными к контексту. Они оставляли зоны ненаходимости в селах, поселках и поселках городского типа, где пандемия осталась страшным мифом из больших городов, не слишком отличаясь от вышек 5G.

Часть из них унаследована из прошлого, а значит, размышляя о том, что предпочтительно делать онлайн или офлайн, стоит иметь это в виду. В каждом случае я предлагаю вести речь не о гибридности, а о сочетании руины и инфраструктуры. Это сочетание функционирует, продолжая включать руину в порядок управления и осуществления событий.

/ вопрос о концепциях. диалектика

15. Понимание интернета возможно с учетом этих изменений.

Если рассматривать все эти вопросы как возникшие только по случаю пандемии, мы могли бы решительно согласиться с тем, что все сложно, а прежние понятия потеряли связь со своими значениями. Это бы как нельзя лучше соответствовало ощущению раз и навсегда изменившегося мира, в котором нас предают некогда привычные и рутинные практики, слова и чувства безопасности. Такое ощущение близко ностальгии по прежнему миру четких понятий, бесконечному «золотому веку», а также позволяет спокойно опустить и умыть руки.

13 См. обзор Дмитрия Муравьева на сборник «COVID-19 from the Margins. Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society» (2021) в этом номере «НЗ».

Но у этого текста и меня – его автора – другое предложение: раз-автоматизировав их, обрести возможность не потерять «жену, шкаф и страх войны»¹⁴, а понять их заново.

Ведь, возможно, изменился не интернет, а наша позиция в онлайне и офлайне. Наша – пользователей, исследователей, людей, заинтересованных в познании того, что происходит. И здесь, переместившись, нам нужно заново спросить себя о том, что происходит.

16. Изменение заключается в смещении знания быстрее, чем самих объектов.

Но стоит иметь в виду, что пишу я из ситуации со «смещенным центром тяжести». Пандемия не заканчивается, в России ежедневно больше зараженных, чем в 2020 году.

Пишу, как пишут голосовые сообщения на ходу, пишу, как читаются, переходя дорогу, не обращая порой внимания на автомобили и рискуя быть ими сбитыми. И так, я пишу из интернета и города одновременно – точно так же, как этот текст может читаться вами с экрана, но находитесь вы в конкретной ситуации.

17. Онлайн и офлайн не находятся в оппозиции друг другу.

В этой ситуации действуют разные способы общения, в частности – онлайн- и офлайн-способы. Они отличаются по тому, как устроены отношения между людьми: по принципу связи «здесь и сейчас» или «везде и когда-то». Если бы это было текстом лекции, ее услышали бы только в каком-то конкретном месте. Но если бы она была записана, то включилась бы ситуация «везде и когда-то»¹⁵. Но эта конкретная ситуация дает столь же конкретное значение абстрактной технологии. И наоборот, абстракция «тупления в *Instagram*» или «рутинная проверка почты» становится конкретной, когда мы понимаем, что такое интернет.

Цифровые технологии, по выражению антропологов Дэниела Миллера и Хизер Хорст, интенсифицируют диалектическую природу культуры. Эта диалектика отсылает к отношениям между ростом универсальности и партикулярности и внутренней связью между их положительными и отрицательными эффектами¹⁶. Возвращаясь к примеру с *Instagram*, мы можем понять, что само приложение универсально, оно универсальней, чем газеты о жизни знаменитостей или наблюдения на главной улице города. Но содержание этой практики может отличаться сильнее у людей из разных мест, поколений и социальных

14 Шкловский В.Б. *Искусство как прием* // Он же. *О теории прозы*. М.: Круг, 1925. С. 7–20 (www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html).

15 «Везде» тут имеет свои ограничения, так как не в каждом населенном пункте есть точка доступа, позволяющая, например, смотреть ролики на YouTube.

16 HORST H.A., MILLER D. (Eds.). *Digital Anthropology*. London: Routledge, 2020.

групп. И действительно отличается – как мы видим по исследованиям того же Дэниела Миллера¹⁷.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

18. Мы также не можем сказать, что интернет – это нечто противоположное городу.

Интернет не виртуален, как не виртуально наблюдение за перемещениями горожан, у которых обнаружен коронавирус. Им разрешено отходить от места проживания не больше, чем на сто метров, они зафиксированы в национальных и городских информационных базах. Интернет позволяет иной способ наблюдения (и значит, включает описанные выше пересобранные отношения власти). Точно так же он позволяет иначе общаться, игнорируя физическое пространство, но не противопоставляясь, а дополняя его. Это делает городское пространство более отчетливым и иначе сегментированным.

19. Интернет осуществляется, во многом продолжая быть прежним понятием – глобальной сетью.

Но постепенно это прежнее понятие осуществляется и меняется. Следующим шагом должно стать обращение к тому, где возникают новые противоречия, понимая, что разрешить их, по-прежнему говоря «все смешано», уже невозможно.

Простой ход в этом совершается через переворачивание, отрицание. Так Джорджо Агамбен пишет о происходящем во время локдауна как об укреплении и централизации власти государств, расчеловечивающей общество:

«Законно задать вопрос, можно ли еще определить такое общество как человеческое или утрату непосредственного общения, лица, дружбы, любви можно реально компенсировать абстрактной и, предположительно, абсолютно фиктивной безопасностью для здоровья?»¹⁸

Интернет демонизируется и абстрагируется, одновременно отдаляясь и от тех практик, в которые включен, и от концептуальных подходов к тому, чтобы понимать его в связи с другими понятиями¹⁹.

Возможно, это первый ход отрицания уже гибридного способа осуществления понятия и способа жизни. Но что значит здесь этот «способ жизни»?

17 MILLER D. ET AL. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016.

18 АГАМБЕН Дж. *Биобезопасность и политика. Центр политического анализа*. 2020. 11 мая (<https://centerforpoliticalanalysis.ru/position/read/id/biobezopasnost-i-politika>).

19 С тем, чтобы рядоположить интернет с чем-то, не имеющим в виду его «трансформирующей» роли как таковой, все непросто. Интернет-исследования как отдельная субдисциплина указывают на эту «неопируемость» своего ключевого объекта. Подробнее об см.: Колозариدي П. *Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания* // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 69–92. Здесь я пыталась показать, что интернет воспринимается исследователями и как самостоятельный объект исследований, и – в немалой степени – как нечто, меняющее существующие объекты.

20. Интернет перестает быть отделенным от жизни.

Чтобы описать интернет в жизни пользователей после локдауна, нужно перечислить огромный список практик и явлений, краткую версию которого я привожу ниже.

Но главное – все это ставит под вопрос само словосочетание «интернет в жизни пользователей». Если интернет не отделен от жизни, являемся ли мы все еще пользователями или имеем дело с другим типом отношений? Или культура и техника, о пагубной раздельности которых сокрушался Жильбер Симондон²⁰, оказались близки, хотя не вполне очевидным образом?

/ краткий и неполный список

того, что связано с изменениями статуса интернета в быту и обществе:

- организация общественного питания,
- сексуальные практики с гаджетами дистанционного управления,
- психологическое состояние пожилых учительниц младших классов,
- благосостояние компаний, занятых доставкой еды,
- зарплата сотрудника турбюро,
- запрет выкладывать видеозаписи спектаклей в общий доступ,
- расписание школьных автобусов, возивших детей из мелких сел в более крупные населенные пункты,
- квартирники,
- экскурсии в «родовые поместья» в лесу,
- опасения философов относительно телесной близости людей,
- возможность влюбиться в изображение человека на экране,
- необходимость поддерживать стабильность интернет-связи в школах,
- мемы с котами на совещаниях,
- ощущение, что Христос воскрес, когда сидишь перед монитором.

Что именно значат эти изменения и насколько они касаются именно интернета, я рассмотрю в последней части.

/ обратный ход

21. Фрагментация интернета осуществляет его как понятие.

Повсеместное распространение интернета во время пандемии не сделало его действительно глобальной сетью, а стало ощутимо предъявлять и противоположную тенденцию. Не глобализацию – а фрагментацию. Интернет как понятие претерпевает ту же трансформацию содержания, какую когда-то пре-

20 SIMONDON G. *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017.

терпело слово «революция» (из обозначения постоянного вращения оно стало синонимом движения в радикально новое).

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

22. Интернет становится обратным тому понятию, которым он был.

Появившийся когда-то как символ объединения необъединимого, продолжение утопических проектов XX века, он стал почвой их могил, из которой растут новые цветы, пусть и с душком прежних трупов.

Сравнение с революцией неслучайно. Движение понятия «интернет» имеет принципиальное значение по отношению к проектам Современности. Интернет в некотором смысле противоположен революции. Это изменение, подготовленное прежними десятилетиями его существования²¹, вполне обозначилось во время пандемии²².

Оба они являются результатами конкретного знания об обществе и политике, необходимости устраивать их тем способом, который позволит включать в принятия решений об общей жизни тех, кто не был включен. Но способы этого включения радикально отличаются. Интернет утверждает возможность связи каждого с каждым как базовое свойство, которое может происходить через протоколы, без «швов» и повсеместно. Революция означает открытость к не существовавшим и невозможным до этого способам взаимодействия.

**Повсеместное распространение интернета
во время пандемии не сделало его действительно
глобальной сетью, а стало ощутимо предъявлять
и противоположную тенденцию. Не глобализацию –
а фрагментацию.**

23. Интернет стал инфраструктурой и появляется в ситуациях как часть других систем.

Раньше вместе с интернетом приходили и локальные, и глобальные смыслы, которые пользовательницы²³ приспособили к своим нуждам. Сейчас интернет-общение неизбежно,

21 Перечисленные в предыдущем списке явления существовали, конечно, и до пандемии, но способ их сочетания с офлайном был во многих случаях другим: в основном более добровольным и зависящим от желания пользователей.

22 Я полагаю важным привести здесь комментарий Дмитрия Муравьева, возникший при подготовке номера: интернет-как-образ-жизни, реализованный в пандемию, и революции рождаются в своей готовности историй и одновременно с тем событийным характером, в том смысле, в котором о событиях говорят философы, например, Бадью А. *Можно ли мыслить политику*. М.: Логос, 2005. С. 53–60).

23 Именно так в тексте. Автор хотела, чтобы читатель «споткнулся» о неожиданно возникший феминитив. – *Примеч. ред.*

если человек хочет сохранить свои связи с институтами, обществом, государством.

Осталась ли все еще агентность пользователей? Можем ли мы, как оптимистично заявлено в начале текста, выбирать способы взаимодействия или обречены на то, чтобы быть встроеными в машины биополитики?

24. Пользователи стали объединяться и сопротивляться некоторым элементам интернета как системы.

Частично смысл происходящему люди придают через сопротивление. Это и отказ от прививок: из недоверия к большим институтам государства и медицины. Это и, в свою очередь, реакции на рост антипрививочных настроений и сопротивление им. Это студенческие и школьные протесты – в связи с тем, что онлайн-преподавание, построенное на материалах из интернета, не стоит заплаченных за него денег, а оценки не показывают действительного уровня знаний и навыков.

Все это во многом является попытками замедлить изменения, оставить возможность для индивидуального действия и агентности отдельных людей. Замечу, что почти нет попыток радикального сопротивления и заявлений о том, что каких-то технологий попросту не должно быть. Даже походы на вышки 5G не заканчиваются их разрушением, а чаще остаются достоянием городских легенд. Неслучайно мнение многих интеллектуалов, что текущие меры, принятые государством, – это усиление биополитики и контроля, которые оставляют все меньше возможности для прежних видов протеста и других способов политической жизни.

25. Пользователи продолжают фрагментацию интернета.

Другой смысл возникает и вне сопротивления, а в работе с существующей гибридностью, ее развитием.

Для того, чтобы сохранять агентность и иметь возможность действовать осмысленно, а не только подчиняться крупным машинам, люди осваивают навыки, которые раньше принадлежали активистам и продвинутым пользователям. Это рефлексия жизни в интернете как социальной жизни самой по себе: своих сетей онлайн-общения, норм, существующих в них, конфликтов, возникающих в интернете, которые не ограничены лишь интернетом. Это обращение к альтернативным сервисам, которые могут выполнять сходные функции. Это развитие активистских инициатив в альтернативных, локальных, мэш-сетях. Наконец, это рефлексия того, что происходит с данными, которые каждый человек производит и оставляет в интернете. Тем самым «единый» интернет фрагментируется дальше – на уровне конкретных практик. Это позволяет создавать зоны не-

находимости не только там, где интернета нет, но и там, где он есть. Правда, это уже другой интернет, а точнее, множественные интернеты.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

26. Фрагментацию сложно остановить, но ее можно возглавить.

Точнее, можно выработать тот тип понимания мира, в котором *интернеты* множественны. Такой тип понимания позволяет жить, не обращаясь только к прошлому в поисках идеального потерянного рая. Это значит, что само устройство знания и познания тоже может потерять централизацию. И то, что сегодня оказывается знанием «сверху», экспертным, может стать общим.

Особенность интернета здесь в том, что он не создан внешними силами, а обретает смысл только в практиках использования. У него нет иной функциональности или смысла, который назначен не-пользователями. Это происходит и с интернетом как явлением в жизни людей и как с понятием в описаниях его.

27. Интернет как понятие требует пересмотра.

Но если с интернетом в быту разобраться еще возможно, то с интернетом как понятием все остается непростым. Его прежнее значение как Глобальной Сети и Провозвестника Демократии не исчезло, оно по-прежнему действует, так как интернет не есть нечто целостное, существующий глобальный интернет сейчас функционирует как руина.

Признание этой метафоры позволит проститься с различием на онлайн- и офлайн-пространство как нечто противоположное.

28. Базовые метафоры используются одновременно.

Интернет-исследовательница Аннетт Маркхэм предлагает три базовые метафоры: интернет как пространство, как инструмент и как способ быть (*way of being*)²⁴. Все они используются подчас одновременно. Мы «выходим в интернет», чтобы использовать его функции, так как это неотторжимая часть нашего быта и жизни. Я предлагаю заменить ее на метафору жизни-с-интернетом.

29. В ходе изменения интернета меняется также оппозиция пользователи/технология.

Наконец, стоит обратиться к истории интернета, имея в виду ее пользовательские перспективы, так как это единственный ответ на вопрос «Чья это история?», предполагающий вариативность ответа, а не единственное указание на крупные корпора-

24 MARKHAM A.N. *Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tool, Place, Way of Being*. Paper presented at the 4th annual conference of the International Association of Internet Researchers. Toronto, 2003 (<https://annettemarkham.com/writing/MarkhamTPW.pdf>).

ции и государства. Правда, в результате этого обращения велик шанс потерять понятие «пользователя» как нечто ценное²⁵.

/ послесловие. метафора метафоры

30. Осуществление понятия происходит через осуществление метафор, которые теряют свою метафорическую роль.

Изменяя элементы понятия интернета, я предлагаю пересмотреть базовые метафоры, связанные с ними. В первую очередь это метафора интернета как пространства и/или объекта использования, связанного с человеком как пользователем. Вторая метафора интернета – как глобальной сети. Вместо нее я предлагаю рассматривать интернет и как локальную инфраструктуру, которая включает и население стран, и технические объекты, и бюрократические правила. Глобальная сеть в таком случае остается понятием-руиной, которое может существовать, подобно древнеримской руине, ожидая своего Ренессанса.

Политическая роль интернета и онлайн-платформ как способов эмансипации также достойна уточнения. Революционность подобных движений еще со времен «арабской весны» находится под большим вопросом. Координация политических протестов с помощью хэштегов (как *#blacklivesmatter*) или в фейсбук-группах продолжается. Но мы не называем революционными сами по себе булжники, хотя они и были превращены на время в оружие, оказавшись символом перемен определенного вида.

Затем следует проститься с метафорой интернета как медиа, способа отражения действий. Он оказывается отдельным медиа, только если мы предпринимаем отдельные усилия по сборке разнородных элементов. В основном же интернет используется как еще один способ исполнения практик.

31. Вслед за метафорами уходят прежние оппозиции, которые работали в связи с интернетом.

В целом пересмотру надлежит само разделение на физическое и виртуальное. Деметафоризация интернета, которая предлагается этим текстом, может послужить его включению в большую историю: и глобальную, и историю конкретных мест, где существуют многочисленные сетевые разработки. Более того, субъектом этой истории я предлагаю не считать пользо-

25 Описанный выше вывод может считываться как полностью политический. В некотором смысле он таков: предложить политизацию проблемы в качестве способа ее решения. Практический ответ на вопрос, как возможно сохранить возможность вариативности между онлайн и офлайн, заключается в том, что нужно политизировать сам этот вопрос. Это его анархо-консервативное решение. Оно полагается на утверждение о существовании практик и норм, а также агентность отдельных организаций и людей, а не на попытку изменить существующий большой порядок вещей. Но у этого текста есть и вывод на уровне идей, которые применимы к разным типам действия, необязательно политического и необязательно отсылающего к описанной позиции.

вателя, так как он был субъектом предшествующего витка истории²⁶. Когда всякий человек в крупной стране с разветвленной бюрократией волей или неволей включен во взаимодействие с интернетом, он перестает быть отдельным «пользователем».

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

32. Интернет осуществляется – уже без помощи дополнительных уверений о гибридизации и слиянии онлайн-ового и офлайн-ового – как часть способа жизни.

Жизни-с-интернетом. Он существует не как отдельная технология, а как часть процессов, но не сводится к тем биополитикам и способам управления, которые возникают в нем как в руине²⁷.

Так город, будучи регулируемым пространством со светофорами и заборами, остается пространством для освоения, а горожане сохраняют возможность действовать даже в таких условиях. Примерно сто или даже больше лет назад к нему возникали вопросы, сходные с теми, что возникают с интернетом сегодня²⁸.

P.S.

Это эссе представляет собой коллаж из философских высказываний и художественных зарисовок. Такая форма выбрана, так как практиковать классическое академическое доказательство из ситуации, когда пандемия продолжается, едва ли возможно. Однако для ситуации после нее свидетельства изнутри ситуации могут оказаться интересными и ценными.

В школьных учебниках будущего этот период, вероятно, не будет обозначен как время оформления чего-то радикально нового, уже хотя бы потому, что само понимание новизны и изменений будет изменено, рассыпется на множество мелких сюжетов. Вытянется ли из него новое линейное время и кому это нужно, мы пока не знаем.

Но уже сегодня возможно раз-автоматизировать интернет и рассмотреть его по-новому.

выходя в интернет после снятия пандемических ограничений, многие переживали удивление.

вроде бы перед ними все тот же интернет.

но он может быть другим

вместо и вместе с городом.

26 Со всем уважением к проектам Кевина Дрисколла и Камиллы Палок-Берже, а также Ольги Лялиной, например. Их необходимость для переходного этапа сложно переоценить, однако пора сделать следующий шаг. См.: Дрисколл К., Палок-БЕРЖЕ К. *Указ. соч.*; LIALINA O. *Turing Complete User* (<http://contemporary-home-computing.org/turing-complete-user/>).

27 Данным утверждением я отчасти спору с пониманием интернета, предложенным в тексте Эвелин Рупперт и Энгина Айсина в этом номере «НЗ».

28 Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь*. М.: Strelka Press, 2018.

Камеры наблюдения в городах: безопасность и территория

Беседа Дмитрия Муравьева и Леонида Юлдашева
с Дмитрием Серебренниковым

Дмитрий Муравьев
(р. 1998) – студент
Национального исследо-
вательского универси-
тета «Высшая школа
экономики», участник
клуба любителей интер-
нета и общества. Сфера
научных интересов –
интернет-управление,
критические исследова-
ния данных, исследова-
ния науки и технологии.

О б интернете в пандемию стали много гово-
рить в связи с технологиями, предположитель-
но обеспечивающими безопасность и конт-
роль над эпидемиологической обстановкой, –
это и QR-коды, и системы видеонаблюдения.
Роль последних в пандемию, казалось бы, ста-
ла еще более явной и выпуклой, но при этом ее тяжело понять,
если не учитывать более широкий социальный и политический
контекст возникновения таких систем. Постепенно повсемест-
ность систем наблюдения становится слоем «невидимой» ин-
фраструктуры, для выявления которой необходима отдельная
исследовательская работа. Участники клуба любителей интер-
нета и общества Дмитрий Муравьев и Леонид Юлдашев пого-
ворили с исследователем систем видеонаблюдения Дмитрием
Серебренниковым о логиках расположения камер, истории
их распространения в России и мире, а также о сложных от-
ношениях понятий «риск» и «безопасность» в исследованиях
инфраструктур наблюдения.

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ И СИСТЕМЫ ГОРОДСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Леонид Юлдашев: С чего вообще начался твой исследова-
тельский интерес к камерам видеонаблюдения?

Дмитрий Серебренников: Я заинтересовался этой темой
в 2018 году, когда прочел статью Сары Брейн в «American
Sociological Review»¹. Текст посвящен ее многолетнему по-
левому исследованию внедрения новых средств аналитики

1 BRAYNE S. *Big Data Surveillance: The Case of Policing* // American Sociological Review. 2017. Vol. 82. № 5. P. 977–1008. О предиктивных системах аналитики и практиках работы правоприменителей можно почи-
тать в: СЕРЕБРЕННИКОВ Д. *Она предсказала убийство: до чего дошли системы предсказания преступ-
лений – и за что их критикуют* // N+1. 2021. 16 сентября (<https://nplus1.ru/material/2021/09/16/predictive-policing>).

в полицейском департаменте Лос-Анджелеса и тому, как они изменили повседневную работу низовых сотрудников. Брейн показывает, что именно меняется в повседневной работе полиции с появлением новых технологий. Начиная разбираться с аналогичными системами и технологиями в России, я узнал про так называемые комплексы «Безопасный город» («БГ») и захотел изучить их качественными методами.

Л.Ю.: Как ты получил к ним доступ? Ведь это, вероятно, очень закрытое поле.

Д.С.: Городские системы камер наблюдения не принадлежат МВД и вообще силовым органам власти. Все системы, которые вы видите на улицах и про которые говорят, что это «полицейские камеры», *de jure* являются муниципальными. А к местным властям, в отличие от МВД, чуть проще получить доступ. Так, в одном из регионов России я объездил три муниципалитета, в каждом из которых брал интервью у руководителей, операторов и у других работников центров мониторинга и обслуживания «БГ».

Такие комплексы связаны с другой инфраструктурой – Системой единого номера дежурно-диспетчерских служб «112». Она создавалась в тот же период, что и «БГ», но, в отличие от комплексов безопасности, которые в типовом случае спонсировались региональным, а иногда и муниципальным бюджетами, на нее выделяли огромные федеральные транши. Поэтому «Безопасный город» часто развивался как дополнительная инфраструктура к «112».

Дмитрий Муравьев: То есть ты изучаешь две системы? Или одну? Или они действуют вместе?

Д.С.: *De jure* это разные системы, но фактически они очень часто создавались в симбиозе.

Л.Ю.: А что ты увидел, когда отправился в поле?

Д.С.: Мне показались интересными две проблемы. Первая – как организационно устроена инфраструктура камер в разных локациях. Целостна ли она или разорвана? Управляется ли одним-единственным игроком или контроль над ней распределен между многими организациями? С точки зрения ведомственных бюрократических интересов, это сложная, но одновременно важная технология, в которой заинтересованы различные органы власти, а не одна только полиция.

Сделаю лирическое отступление и расскажу одну из моих любимых полевых историй. В одном из городов, где я брал

**ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ**

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Дмитрий Серебренников (р. 1994) – младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Сфера научных интересов – правоприменение и новые технологии, исследования бюрократии, пространственный анализ.

Леонид Юлдашев (р. 1992) – координатор клуба любителей интернета и общества, исследователь истории интернета. Сфера научных интересов – исследования науки и технологий, акторно-сетевая теория, история интернета.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

интервью и вел наблюдение в городском центре мониторинга, местный сквер, в котором находился мемориальный комплекс Вечного огня, воспринимался чиновникам как очень проблемное пространство, поскольку его облюбовали бездомные. Они жарили на огне сосиски и постоянно там мусорили, делая место непривлекательным. Вдобавок дети зимой любили забегать к Вечному огню и иногда забрасывали его снегом. Огонь переставал гореть, а это грозило взрывом газа. В результате дежурные центра мониторинга по собственной инициативе специально начали следить за этим Вечным огнем. Если они видели там бездомных, сначала вызывали полицию, затем звонили дворникам и в другие коммунальные службы. Если они видели, что дети потушили огонь, они звонили в газовую службу, чтобы те разобрались с этой ситуацией и заново зажгли его. Дежурные отмечали каждый случай в специальных тетрадочках. Они показывали мне записи, и было видно, как инцидентов становится все меньше, меньше и меньше. После чего они показали мне на экране этот сквер: «Смотрите – красиво!». А сквер, и правда, выглядел привлекательно. То есть тактика реального использования новых систем наблюдения и безопасности может достаточно сильно отличаться от распространенного представления о том, что камеры нужны только правоохранителям. В описанном случае они использовались для того, что можно назвать «поддержанием комфортной городской среды».

Д.М.: Здесь отчетливо видно, что системы, создающиеся для одних целей, могут играть и другие роли.

Д.С.: Да, и это связано со второй проблемой, которая заинтересовала меня намного больше. Напомню, что я проводил наблюдение в небольших городах и муниципалитетах. Так вот, камеры расположены в городском пространстве очень по-разному. Они систематически наблюдают очень разные объекты.

Анализируя документацию по государственным закупкам на установку камер в исследуемом регионе, я обнаружил разные варианты их территориальной локализации. В первом случае большинство камер стояли по периметру города, на его въездах и выездах, а также по периметру администрации. Я назвал это «город как цитадель». Другой тип – «сетевой», когда контролируются ключевые инфраструктурные развязки. Третий тип – это более распределенный кейс: камеры устанавливали на инфраструктурно важных объектах – на котельной, водозаборе и так далее. Четвертый тип направлен на то, чтобы обезопасить детей.

Обсуждение последнего типа выводит нас на более широкие вопросы государственной политики в отношении несовершеннолетних. Здесь можно привести аналогию с работой конт-

рольно-надзорных органов, у которых есть специально рассчитываемые показатели риска для различных организаций. Исходя из значения показателя определяется, насколько часто нужно устраивать проверки для организации². Так вот, одни из самых высоких показателей риска – у атомных станций. С ними все понятно. Сравнимый с ними уровень – у школ, детских садов и других объектов такого рода. Какие-нибудь лесопилки – это менее рискованные предприятия в этой логике³.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Л.Ю.: А эти четыре случая соответствуют структурам организаций, устанавливавших камеры? Иначе говоря, можно ли предположить, что организационная сеть и сеть камер будут изоморфными?

Д.С.: Чтобы ответить на вопрос, нужно понять, как камеры появляются на территории. Происходит это в результате деятельности специальной рабочей группы в муниципалитете, куда входят представители МВД, местного департамента безопасности, МЧС и в некоторых случаях других заинтересованных. Собираясь, они определяют, куда поставить камеры, и в итоге должны прийти к некоему коллективному решению. Это дает нам основания говорить об институционально сформированной группе, которая коллективно выносит определенные решения.

В этом смысле мне показалось любопытным использовать концепты Людвика Флека и Мэри Дуглас о мыслительных коллективах и их связи с работой институтов. В результате мыслительный коллектив и стал единицей моего исследования. Меня интересует, как по-разному в разных коллективах может выстраиваться работа по классификации пространств – где необходимо обеспечить безопасность и наблюдение, а где это не является первоочередной задачей. После анализа небольших городов я решил попробовать радикально изменить масштаб при сохранении базовой теоретической рамки и сделать количественное исследование о пространственном расположении камер в Москве⁴, чтобы разобраться в устройстве релевантных бюрократических логик в совершенно другом контексте.

Д.М.: А в Москве есть открытые данные об этом?

Д.С.: Да, они находятся на сайте *data.mos.ru*. Там отмечены не все камеры, и можно услышать мнение, что власти наделя-

2 Постановление Правительства РФ от 17 августа 2016 г. N 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (<https://base.garant.ru/71473944/#friends>).

3 Подробнее см.: Кучаков Р., Кузнецова Д., Скугаревский Д. *Контроль и надзор в 2020 г. Жизнь без проверок в период пандемии: аналитический отчет* (<http://inspections.enforce.spb.ru>).

4 Под руководством Дмитрия Скугаревского.

ют особыми привилегиями определенные группы населения, делая их жизнь менее «просматриваемой»⁵. Это не совсем соответствует действительности, поскольку в Москве есть как минимум семь различных комплексов камер. В публичном доступе находятся только три.

Л.Ю.: Все ли комплексы ты анализировал?

Д.С.: Нет, и на то есть веская причина. Например, еще к 2013 году все школы Москвы должны были быть оборудованы камерами⁶, и это действительно было сделано⁷. На каждой двери подъезда многоквартирного дома в городе должны быть установлены подъездные камеры, и мэрия стремится к тому, чтобы претворить это в жизнь. В таком случае расположение или отсутствие камеры – это технический вопрос, в котором агенты не имеют своей дискреции⁸ в выборе, а мыслительный коллектив, принявший такое решение, был только один – это коллектив авторов документа, регламентировавшего такую тотальную установку. Из-за этого может показаться, что на таких данных невозможно посмотреть дискрецию решений об установке камер.

Но, как оказалось, возможно, если обратить внимание на камеры в местах массового скопления людей. Согласно озвученным критериям мэрии Москвы, «публичным» считается любое место, в котором одновременно могут пребывать пятьдесят человек и более. По сравнению с другими локациями здесь камер относительно мало, в том числе из-за дороговизны. До 2020 года их было 2,5 тысячи, сейчас около шести тысяч. Для сравнения – подъездных камер в Москве около ста тысяч.

Я сделал исследование, сравнив, чем отличается пространственный контекст расположения камер в местах массового скопления людей от пространственного контекста расположений любых других объектов Москвы (например банков, аптек, лавочек и чего угодно, что категориально выделяется как объект в городе в классификации ресурса «Open Street Map»). Проще говоря, я сравнивал специфику расположения камер в публичных местах с расположением других объектов в городе.

5 СЕРЕБРЕННИКОВ Д. *Видеонаблюдение за людьми: технологические и бюрократические проблемы* // Вedomosti. 2020. 29 апреля (www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/04/29/829339-videonablyudenie).

6 Постановление Правительства Москвы от 9 августа 2011 года N 349-ПП «Об утверждении государственной программы города Москвы “Умный город”» (<https://docs.cntd.ru/document/537906652>).

7 Безопасная школа: охранники должны видеть картинку с камер видеонаблюдения (www.mos.ru/drbez/documents/arhiv-novostej/view/86189220/).

8 Дискреция – степень свободы, которая есть у служащего в момент принятия решения. См. подробнее: LIPSKY M. *Street-level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. New York: Russell Sage Foundation, 1980.

Д.М.: И в чем отличие? Что влияет на распределение таких камер?

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

Д.С.: Прежде всего в наличии разных интересантов работы таких систем. Сети камер опутывают город специфическим образом, и мы можем найти неожиданные пространства, где их нет. Например, Кремль. В массиве доступных мне данных, не зафиксировано ни одной камеры, которая находилась бы на этой территории. Естественно, в реальности это не совсем так. Просто стоит немного вернуться назад и подумать: кому могли бы принадлежать эти камеры и кто заинтересован в их работе?

Это Правительство Москвы и МВД города. Однако их системы распространяются далеко не на весь мегаполис. Москва в этом смысле напоминает лоскутное одеяло, где отдельные «лоскуты» – это участки, для каждого из которых безопасность обеспечивают совсем разные интересанты с разными критериями безопасности, а также с разным пониманием самой безопасности (подчас даже на уровне законодательства).

Москва напоминает лоскутное одеяло, где отдельные «лоскуты» – это участки, для каждого из которых безопасность обеспечивают разные интересанты с разными критериями безопасности, а также с разным пониманием самой безопасности.

Л.Ю.: А встраиваются ли все эти системы безопасности в какой-то общемировой тренд развития?

Д.С.: Конечно. В чем-то они встраиваются со значительным отставанием, а в других аспектах – наоборот, с опережением. Это зависит от того, как и из какой точки России посмотреть.

Вообще если сделать небольшое отступление в историю камер наблюдения, то она, конечно, достаточно увлекательна и, судя по всему, поразительным образом уходит корнями ко Льву Термену, изобретателю терменвокса. В 1926–1927 годах он разработал первый в истории аппарат удаленного наблюдения за территорией в режиме реального времени. Опытный образец технологии, кстати, был установлен в кабинете наркома по военным и морским делам СССР Климента Ворошилова, который использовал его для наблюдения за посетителями во дворе комиссариата. Однако до реального активного применения камер было еще далеко.

Одним из серьезных толчков к такому применению были, как ни странно, события мая 1968-го – правда, не во Франции, а

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

в Великобритании. Тогда в Лондоне с помощью установленных на нескольких площадях камер полицейские могли успешно координировать свои действия против протестующих. Дальше этот инструмент становился все популярнее, но не настолько, чтобы вкладывать в развитие сети камер большие деньги.

Бум этой технологии в мире начался во второй половине 1990-х. Именно в то время в Европе и Америке на смену дорогим пленкам для записи пришли сравнительно дешевые жесткие диски. Начиная с 1994-го количество устанавливаемых камер с каждым годом кратно увеличивалось⁹. Теоретическую рефлексию о камерах наблюдения в то время можно почитать у Клива Норриса и Гэри Армстронга¹⁰, но, если брать вопрос шире и думать о наблюдении в целом, количеству работ по этой теме не будет числа.

В 2010-х неожиданно начался бум нейронных сетей и технологий распознавания лиц. Стоит отметить, что, хотя сами технологии идентификации человека по биометри[ческим данным] тестировались еще в конце 1990-х, по-настоящему использовать их стали только через 10–15 лет, в первую очередь в США. Они использовались также и в других странах. Со временем к этому активно подключился Китай, о последствиях чего мы слышаны.

Важно понимать, что весь этот разговор – это разговор о государственном секторе. Однако исторически камеры (и системы безопасности вообще) развивались благодаря существенному содействию частного сектора, и в первую очередь – благодаря банкам и страховым компаниям.

Д.М.: А что было в России?

Д.С.: Системы камер и системы безопасности начинают возникать в начале 2000-х [...] на уровне экспериментов отделов МВД. Эти эксперименты спонсировались местными администрациями – то есть мы имеем дело со множеством локальных инициатив. Их было действительно много, просто они были очень незначительны, по современным меркам, и редко когда развивались в более крупные проекты. Более масштабные проекты устанавливались в тех же банках или на стадионах.

В мае 2008 года президентом стал Дмитрий Медведев. Это первый в череде триггеров, подстегнувших местные власти к использованию таких технологий. Почему? По мнению некоторых моих респондентов – из-за дискурса. Здесь мы можем

9 McCaHILL M., NORRIS C. *CCTV in Britain*. Centre for Criminology and Criminal Justice, School of Comparative and Applied Social Sciences, University of Hull. March 2020 (www.urbaneye.net/results/ue_wp3.pdf).

10 NORRIS C., ARMSTRONG G. *The Maximum Surveillance Society: The Rise of CCTV*. London; New York: Routledge, 1999.

поговорить о силе популярного в то время дискурса о модернизации, о создании новых технологий, стартапов, о «Силиконовой долине в Сколково» и прочего. Региональные власти быстро сориентировались, каким образом можно получать федеральные субсидии – через разного рода «технологические» проекты, в том числе и в сфере безопасности.

Такова была ключевая (если верить моим информантам) причина, по которой по всей стране начали массово экспериментировать с системами типа «Безопасный город», выстраивать комплексы камер наблюдения и различные центры мониторинга. Если в первой половине «нулевых» мы могли наблюдать отдельные эксперименты – в основном (по финансовым причинам) в Москве, – то в период 2008–2012 годов это все пришло и в регионы. Причем, развивая новую технологическую инфраструктуру, представители власти на местах далеко не всегда получали желаемые субсидии.

Потом, в 2014 году, вышло постановление правительства о принятии концепции развития систем «БГ». Это ключевой момент всей истории камер и систем безопасности в России за последние десять лет. Во-первых, если немного огрубить, там было написано, что к Чемпионату мира [по футболу] 2018 года, а желательно и раньше, все крупные города должны создать у себя системы «Безопасный город». Во-вторых, «БГ» представлялся его планировщикам не столько как комплекс камер, сколько как достаточно крупная инфраструктура различных датчиков – на производстве, в котельных, на водозаборе, датчиков контроля качества воздуха и разных других. В-третьих, постановление не определяло, за счет каких средств должны быть построены системы, то есть фактически перекладывало ответственность за их создание на регионы, а те могли спустить это еще ниже – на уровень муниципалитетов.

«Безопасный город» в России выстраивался не по единому образцу. Скорее речь идет о наборе самых разных вариантов. Каждый регион или муниципалитет самостоятельно выбирал, как его создавать. В это же время в центре шли постоянные дебаты о принятии жестких стандартов таких комплексов, и на этих дебатах два ключевых интересанта (МЧС и МВД) никак не могли договориться друг с другом.

Л.Ю.: Но в итоге все договорились и во время пандемии все уже работало?

Д.С.: В целом, да, но опять же все слишком зависело от реализации системы в регионе. Например, в Москве так неожиданно совпало, что к моменту пандемии «БГ» вышел на свою полную рабочую мощность – и показал себя очень успешно.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Сами правоохранители с удивлением говорят, что за последний год, в том числе благодаря биометрии, показатели раскрываемости некоторых преступлений подскочили чуть ли не до 100%. И это поразительно даже для самих работников. Хорошо работающие технологии распознавания лиц действительно повышают ценность системы для ее пользователей, это уже не те камеры, которые требуют большого количества времени для поиска определенного события по записи и на которые вообще непонятно зачем смотреть в режиме ежедневного мониторинга. Говоря о последнем, вспоминается текст, который я читал на одном из полицейских форумов – это достаточно ранняя история, из «нулевых», – о том, как один из экспериментирующих с камерами руководителей отделов посадил своего подчиненного смотреть на экраны, и тот постоянно засыпал. Руководитель попросил знакомых программистов написать программу, которая раз в полчаса выдавала подчиненному простейшую головоломку. Если ее не решить, взывала сирена.

Л.Ю.: Ты говорил про [концепт Людвика Флека и Мэри] Дуглас и про согласование представлений разных ведомств, то есть коллективных акторов, которые образуют нового коллективного актора – комиссию, так скажем, по «Безопасному городу» в конкретном месте. А теперь оказывается, что, во-первых, они в сложных отношениях друг с другом; во-вторых, в разных местах у этой системы разное финансирование; в-третьих, в разных местах система функционируют по-разному. Можно ли предположить, что эти комплексы строят, заранее предполагая, что они понадобятся для разных нужд. Как согласование происходит, если пока тут одно сплошное рассогласование?

Д.С.: Здесь нужно различать уровни принятия решений. Ведомственная борьба происходит в высоких кабинетах – но там не решают, в каких местах ставить камеры. Даже в таком крупном городе, как Москва, технически это организовано так, что в каждом районе собирается комиссия из тех же членов, о которых я говорил: МВД, МЧС, представитель района и обычно кто-то четвертый, какой-то еще интересант. Они совместно (в рамках своей дискреции) решают, где должны быть расположены камеры, смотрят на свой бюджет, или, в случае Москвы, им спускают цифру, сколько камер они должны расставить, и исходя из этого думают, как им удовлетворить интересы друг друга. На высоком уровне, связанном с общей политикой, мы не можем говорить ни о каком мыслительном коллективе – разве что о мыслительном коллективе правительственной комиссии, итоговым решением которой было то,

что ее участники не могут прийти к компромиссу о стандарте таких систем.

На этом примере хорошо видно, когда мы можем говорить о бюрократическом мыслительном коллективе, а когда – нет. В первом случае коллектив – пусть со спорами и взаимными уступками – способен в итоге вынести коллективное решение, которое будет легитимно и в глазах его участников, и с точки зрения проверяющего их работу. Во втором – сделать такой шаг не получается и фактического действия не происходит. Мыслительный коллектив может работать только при условии непротиворечивости коллективных представлений. Да, мнения участников коллектива могут отличаться, кому-то решение может казаться не оптимальным; но тем не менее они должны прийти к соглашению, при котором их позиции не будут противоречивыми.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

РИСК И БЕЗОПАСНОСТЬ

Д.М.: Ты выделил четыре типа расположения камер. Рассуждая о причинах, ты упомянул, что происходит связка категории безопасности с категорией риска (например когда мы говорили про детей). Тут сразу возникает вопрос: о какого рода риске мы говорим?

Это тот же риск, который мы знаем по литературе, которая описывает категории риска в индустрии страхования, обществе риска, или же это связано с уникальным советским наследием в понимании риска? Является ли риск универсальным для всех этих типов?

Д.С.: Есть огромная библиография по историко-социологическому изучению риска, внутри которой можно выделить несколько традиций исследования этого феномена. Однако если попытаться найти какую-то общую почву между ними, то можно сказать, что риск здесь понимается как концепция количественной оценки вероятности последствий того или иного решения. Такая концепция появляется примерно в XVI–XVII веках. Со временем понятый таким образом риск становится крайне важным элементом как самого функционирования многих рыночных механизмов, так и объяснения их работы. Во второй половине XX века эта концепция, как спрут, распространяет свои щупальца и на нерыночные сферы жизни. Соответственно, выходит большое количество критических работ, посвященных связи такой квантификации и социального неравенства. Конечно, я не могу в паре предложений описать всю интеллектуальную историю понятия «риск» и конструкти-

вистских исследований риска, поэтому отсылаю вас к многочисленным работам по этой теме¹¹.

И есть – наверное, еще бóльшая по объему – практическая литература о применении риск-ориентированного подхода в решении различных задач менеджмента и государственного управления. Она стала крайне популярна с 1990-х, во времена расцвета концепции *New Public Management*, согласно которой, для того, чтобы принять верное управленческое административное решение, вам сначала нужно рассчитать связанные с ним риски.

Выше я уже говорил, что проверяющие органы оценивают школы как объекты с высоким уровнем риска. Конечно, проверяющие вряд ли даже слышали про критические исследования риска, и когда они используют этот термин, то используют его именно во втором – практическом – смысле.

Однако обращение к первому, критическому, подходу позволило мне определиться с центральным концептом моего исследования. Тут была сложность, поскольку на выбор приходили следующие три: риск, безопасность и наблюдение. Такой вот треугольник. В итоге я сделал упор на безопасность.

Л.Ю.: Почему?

Д.С.: Насколько я понимаю, до 2010-х безопасность – это в первую очередь концепт, использующийся в области исследований международных отношений двумя группами исследователей (я намеренно не говорю «школами», так как каждая из групп дробилась на множество школ). Первая – политическая (*real politics*), и она сосредоточена на исследовании того, как не допустить реализации каких-либо угроз государству. Эта школа была особенно популярна во время «холодной войны». Во многом она пересекалась с теми теориями в различных дисциплинах (например с теорией игр), в которых решалась проблема баланса отношений между двумя сверхдержавами¹². Вторая, критическая, группа обрела популярность уже в 1990-е. Исследователи, принадлежащие этой традиции, концептуализировали международную безопасность конструктивистским образом – то есть как инструмент для установления политической власти над определенной сферой жизни граждан или для получения морального права на планируемое военное вмешательство. В типичном сценарии при так называемой «секьюритизации» создается определенный дискурс о желае-

¹¹ Экскурс в основные теории риска и библиографию по каждой из них можно найти в сборнике: ZINN J.O. (Ed.). *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction*. Chichester: John Wiley & Sons, 2009.

¹² BUZAN B., HANSEN L. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

мом объекте как о том, что необходимо сделать безопасным. На основании этого выдвигаются претензии на установление контроля над объектом¹³.

Таким образом, «безопасность» закрепились за исследованиями государств или других больших политических акторов. Однако существовало одно «но». «Безопасность» – это слово повседневного языка, оно характеризует определенные практики повседневного мира. Именно эту карту в 2010-х попытался разыграть ряд исследователей, в первую очередь из англо-канадской академической среды. Здесь стоит сказать об Адаме Крауфорде и Мариане Вальверде. Они сосредоточены на изучении так называемых проектов (обеспечения) безопасности (*security projects*). Последние представляются набором практик для создания уверенности и комфорта в социальных взаимодействиях индивида с миром вокруг него. При этом понимаемая таким образом безопасность не поддается количественному измерению.

В то же время риск, даже в случае конструктивистской трактовки, – это всегда разговор о чем-то исчисляемом. Риск – это функция перевода некоторых отношений в исчисляемые вероятности. И на основе этих вычислений создаются алгоритмы принятия решений.

Грубо говоря, мы легко можем создать шкалу с несколькими порогами, по достижении которых можно однозначно говорить, что риск становится все более и более существенным. Безопасность же в смысле «стремления-обеспечить-себе-безопасность» менее вычислима и более онтологична. Возможно, мы как-то можем обозначить степени безопасности, но – как на уровне повседневной речи, так и на уровне исследовательской литературы – я не очень понимаю, как сделать это корректно (без использования других концептов – например, того же «риска»).

Д.М.: А что для такого исследования дает концепт проектов безопасности?

Д.С.: Используя эту логику проектов, мы получаем теоретическую склейку между расположением инфраструктуры и тем пространством, в котором может быть заинтересован автор проекта. Например, если вы устанавливаете у себя дома сигнализацию, то анализ ее размещения укажет на то пространство, которое вы хотели бы контролировать.

Если вы – коллектив чиновников, которые стремятся лучше контролировать обстановку в городе (или так потратить

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

13 PEOPLES C., VAUGHAN-WILLIAMS N. *Critical Security Studies: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2020.

бюджет, чтобы не навлечь гнев начальства), то изучение получившейся инфраструктуры способно показать, какие пространства вы считаете важными, либо какие локации, на ваш взгляд, легитимно делать безопасными. Кстати, по этой причине мы вообще можем говорить о существовании инфраструктур безопасности, демонстрируя, вокруг каких типов пространств они сосредоточены и где кончаются границы одной инфраструктуры и начинается пространство другой (то есть другого проекта безопасности от других мыслительных коллективов).

Д.М.: Здесь интересной кажется связка риска и инфраструктур безопасности. Интересно, насколько эта связка прямая, то есть соответствует ли, например, количество камер на атомных станциях их самому высокому месту в рейтинге риска?

Д.С.: Хороший вопрос, благодаря ему я могу вернуться к истории, которую не рассказывал вначале, поскольку это отдельная и большая тема.

Развивая идеи Крауфорда и Вальверде, я концептуализировал повседневную безопасность как нерефлексируемое ожидание индивида от конкретного социального порядка. К примеру, по окопным дневникам военного времени мы можем проследить, как их авторы начинают свыкаться с ежедневными бомбежками, которые входят в повседневный ритм жизни. Постепенно такие люди начинают чувствовать себя относительно спокойно (хоть и с долей фатализма) в этой обстановке. Я читал мемуары участника гражданской войны в Испании, и мне хорошо запомнилось авторское описание военных будней: когда нечто становится частью твоей повседневности, то чувство небезопасности частично проходит из-за привычки происходящего. При этом, если взять другой, более близкий нам пример, идя по темной незнакомой улице в неблагополучном районе, мы можем крайне некомфортно ощущать себя, потому что мы не знаем, что ожидает нас за поворотом.

Таким образом, инфраструктуры безопасности – это своего рода машины по производству *ощущения* безопасности. В радикальном варианте это превращается в театр безопасности (*security theatre*). Важно здесь то, что эти машины работают в обе стороны: они должны производить ощущение безопасности не только у пользователей, но и у создателей инфраструктуры. Ведь у чиновников, которые устанавливают камеры, есть особый интерес в том, чтобы на подконтрольной им территории ничего не случилось. Они стремятся сделать инфраструктуры максимально прозрачными, контролируемыми и понятными в первую очередь для самих себя.

В крупных городах, особенно в Москве, существуют различные органы власти, которые заинтересованы в контроле определенных, юридически закрепленных за ними пространств. Представители этих органов работают над тем, чтобы пространство их ответственности было более «дисциплинированным» и не создавало никаких проблем. В результате картография инфраструктур безопасности дает нам картографию контролируемых разными органами власти участков городского пространства. Как я говорил ранее, в Москве большая часть камер находится в ведении МВД и городского департамента безопасности, но оставшаяся часть города – это очень специфические пространства: элитные жилые комплексы со своими ЧОПами [частными охранными предприятиями]; ста-

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

Инфраструктуры безопасности – это своего рода машины по производству безопасности. Эти машины работают в обе стороны: они должны производить ощущение безопасности не только у пользователей, но и у создателей инфраструктур.

диоды, для которых существует отдельное законодательство по безопасности; Кремль и объекты ФСО [Федеральной службы охраны]; вокзалы и прочее. Про вокзалы интересно: когда вы заходите с улицы на вокзал, вы неожиданно попадаете из зоны ответственности одних полицейских в зону ответственности других полицейских, общий начальник которых находится на уровне Главного управления МВД России. В контексте нашего разговора немаловажно, что эти полицейские будут ориентироваться на разные нормативные акты и транслировать разные проекты безопасности.

Л.Ю.: Тут как раз вопрос: если разные ведомства пытаются навязать свои интересы, то похож ли получившийся результат на рациональный план или это лоскутное одеяло из воплощений, материализаций интересов разных ведомств? Если ты смотришь потом на эту карту, то укладывается ли распределение камер в единую логику или из него торчат несколько разных логик?

Д.С.: В случае Москвы – с рядом оговорок – по результатам количественного анализа можно говорить о том, что есть объекты, рядом с которыми чаще устанавливают камеры, как в местах массового скопления людей, но логики какого-то определенного ведомства там точно не просматривается. Скорее это обшая констелляция, в которой камеры чуть больше «притяги-

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ

КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ

ваются» к «детским» пространствам. Напомню, что речь идет только о тех камерах, которые находятся в ведении мэрии города и полиции. Стоит также проговорить ограничение, которое становится все серьезнее в последнее время: анализировать публичные места в Москве становится сложнее. Раньше (к началу 2020 года) камер было около 2,5 тысяч и бюджеты на системы были меньше, чем сейчас. Мои информанты говорили, что иногда приходилось решать, где и как ставить камеру или не ставить ее вообще. К середине 2021 года количество камер в местах массового скопления людей выросло более, чем в два раза, и мэрия, насколько мне известно, сейчас удовлетворяет почти любой обоснованный запрос на установку камеры. Пока что, анализируя расположение камер, я вижу примерно все те же закономерности, но сама тенденция на такое сильное расширение в перспективе не позволит проводить аналогичный анализ в будущем.

Л.Ю.: И получается, что они не договариваются в том смысле, что они не формируют общей логики, то есть они действуют коллективно, но при этом не сообщая?

Д.С.: В определенном смысле, да, это концептуальная проблема: если члены коллектива располагают большими ресурсами и могут действовать [по отдельности], то потребности в мыслительном коллективе и не возникает, так как между ними нет обсуждений и диалога.

Д.М.: Пока создается представление, что Москва – это город, где между различными инфраструктурами безопасности нет пересечений. Если я живу в элитном жилом комплексе на Остоженке и не выхожу за его пределы, то оказываюсь ли я полностью выключенным из городской системы видеонаблюдения?

Д.С.: В повседневном взаимодействии с городом мы редко когда можем увидеть ту границу между зонами интереса, о которой я говорю. Вы вряд ли чувствуете, что перешли какие-то невидимые границы режимов безопасности, переходя улицу. Однако для различных органов власти есть вполне понятная карта с «правилами игры». Зачем тратить свои бюджеты, влезая не в свою зону ответственности? Но бывают и пространства, в которых такие зоны пересекаются. Например, вы могли видеть на площадях столб или стену, на которой одновременно установлено множество разных камер, направленных в одну сторону. Вопрос – зачем? Скорее всего именно в этом пространстве проходит граница интересов разных органов власти, которые дотягиваются до этого места своими системами.

Л.Ю.: А разные службы и ведомства разве не имеют доступа к камерам друг друга?

**ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ,
ЛЕОНИД ЮЛДАШЕВ –
ДМИТРИЙ СЕРЕБРЕННИКОВ**

Д.С.: Зачастую – нет, по крайней мере в прямом режиме, без запроса. Здесь стоит сделать оговорку: с весны 2020 года в Москве усилился тренд на объединение всех систем в одну. До этого существовало множество различных комплексов, и нужно было решение о доступе просителя к той или иной системе. Получит проситель интересующий его материал или нет, зависит от его институционального веса. Например, если сотрудник Следственного комитета хотел получить информацию с камер какого-то ЧОПа, он в типичном случае просто просил предоставить записи, но если получал отказ, то мог прийти с обыском и изъять все принудительно. Однако такие радикальные меры могут быть применены далеко не к каждому ЧОПу далеко не каждым следователем.

Д.М.: Ты говорил о некотором тренде на централизацию в 2020 году, то есть во время пандемии [лоскутное] «одеяло» все больше и больше сшивают и оно становится однороднее. Меняется ли что-то при этом в повседневной работе сотрудников?

Д.С.: Пока сложно сказать. С одной стороны, почти каждый мой информант из правоохранительных органов говорит о большом количестве изменений. Если раньше камеры не считались особо важным инструментом, в первую очередь в режиме онлайн-мониторинга, то сейчас все изменилось за счет развития алгоритмов распознавания лиц. Опять же – это произошло не «вдруг»: новые версии алгоритмов стали элементом, который изменил роль инфраструктуры в работе сотрудников. Однако все эти изменения касаются процесса работы с территорией и непосредственной работы с делами, но на уровне институционального устройства или в рутинной деятельности работников изменений произошло очень мало. Кажется, в этом смысле более сильное влияние оказывают изменения структуры преступности (например увеличения телефонных и онлайн-преступлений) – но это тема для совсем другого разговора.

**КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
В ГОРОДАХ: БЕЗОПАСНОСТЬ
И ТЕРРИТОРИЯ**

Пандемия и цифровые технологии на глобальном Юге

Дмитрий Муравьев (р. 1998) – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», участник клуба любителей интернета и общества. Сфера научных интересов – интернет-управление, критические исследования данных, исследования науки и технологий.

Пандемия COVID-19 отлична от всех прочих тем, что сопровождается работой с большими объемами цифровых и статистических данных, осуществляемой государствами, коммерческими компаниями, некоммерческими организациями. В 2020–2021 годах – а вероятно, это продолжится и далее – учреждения здравоохранения, а также сами правительства стали использовать данные для наблюдения, к примеру, за состоянием больных или для создания новых форм контроля за поведением через геофиксацию местоположения граждан. Наблюдая за этими процессами, мы видели *датафикацию* пандемии – то есть процесс перевода в данные (*data*) тех аспектов жизни, которых до того никто не пытался квантифицировать¹. СМИ и социальные сети наполнены разнообразными визуализациями распространения вируса, а эксперты и политики в своих выступлениях постоянно привлекают данные, чтобы объяснить, в каком положении мы оказались.

Но кто такие эти «мы»? Одинакова ли «наша» позиция в этом процессе или же употребление местоимений «мы» и «наш» не более чем риторическая попытка собрать воедино множественный, плохо поддающийся унификации опыт? «Мы» находимся в двойственном положении, поскольку являемся одновременно и объектом и субъектом познания, основанного на данных. Однако, даже став неотъемлемой частью социальных отношений, основанные на данных решения ни в коем случае эти отношения не унифицировали. Политику данных нельзя рассматривать в качестве универсализирующей силы, поскольку она слишком сильно зависит от множества пересекающихся и накладывающихся друг на друга контекстов – национальных, социальных, экономических, городских и так далее. Это и есть краткая формулировка общей позиции авторов сборника «COVID-19 from the Margins», который призывает с вниманием относиться к социальным, политическим, географическим различиям, возникающим в момент, когда данные становятся частью социальных институтов и отношений, по-

¹ MAYER-SCHOENBERGER V., CUKIER K. *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think*. London: John Murray Publishers, 2013.

литических курсов, тактик низового сопротивления и, наконец, просто частью нашей повседневности (р. 14–23).

Сборник составлен из 47 коротких статей, в которых авторы размышляют над важными с их точки зрения изменениями, вызванными COVID-19 в странах (преимущественно) глобального Юга. У читателя есть возможность узнать о пандемии в Индонезии, Бразилии, Аргентине, Индии, Перу, но также в Италии, Шотландии, Австралии, Израиле. Такой расширительной трактовке Юга есть объяснение – о нем ниже. В сборнике представлены тексты, написанные на английском, испанском и китайском языках.

При таком количестве статей исчерпывающий анализ всех приводящихся там аргументов вряд ли возможен. Поэтому я предлагаю другой вариант обсуждения книги, включающий два последовательных шага. Во-первых, я раскрою контекст исследовательского блога «Big Data from the South» («Большие данные с Юга»), который – по признанию самих редакторов – способствовал появлению рецензируемого сборника. Во-вторых, я расскажу о центральных темах издания и кратко охарактеризую те способы работы с ними, которые предлагают нам авторы.

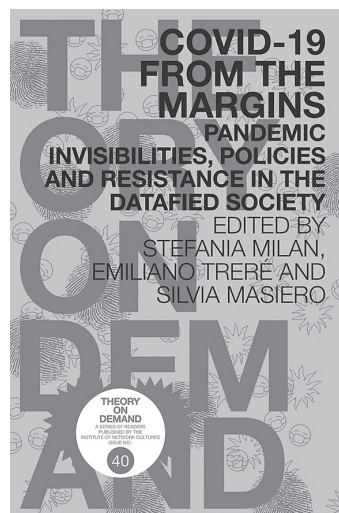
Контекст исследовательской инициативы

«Большие данные с Юга» – это блог, запущенный в октябре 2017 года в рамках исследовательского проекта «DATACTIVE» Амстердамского университета. Авторы этого проекта работают с широко определяемой темой политики (больших) данных, уделяя особое внимание дата-активизму – разновидности активизма, которая превращает данные в неотъемлемую составляющую политической борьбы. Дата-активисты либо включают сами данные в повестку политической борьбы (к примеру – организуют общественные кампании в защиту пользовательской приватности), или же используют их как инструмент политических изменений (например начиная общественную дискуссию о какой-нибудь социальной проблеме путем сбора данных о ней)². Блог работает как продолжение и расширение исследовательского проекта, в котором его сотрудники и их единомышленники пишут о темах и результатах своих исследований (и о близких сюжетах), при этом часто затрагивая и текущую социально-политическую повестку.

- 2 См. статью Дэвида Бералдо и Стефании Милан: BERALDO D., MILAN S. *From Data Politics to the Contentious Politics of Data* // *Big Data & Society*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 1–11. Об альтернативных и более ранних определениях дата-активизма см.: MILAN S. *Data Activism as the New Frontier of Media Activism* // YANG G., PICKARD V. (Eds.). *Media Activism in the Digital Age*. London: Routledge, 2017. P. 151–163.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬНОМ
ЮГЕ

COVID-19 from the Margins. Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society

MILAN S., TRERÉ E.,
MASIERO S. (Eds.).

Amsterdam: Institute of
Network Cultures, 2021. –
280 p.

Стоит отметить специфику того, что понимается под «Югом» в рамках этой инициативы. Развернутое объяснение можно найти в статье Стефании Милан, руководительницы «DATACTIVE», и ее коллеги Эмилиано Трере, которые поддерживают «гибкое, широкое и плюралистическое определение Юга(-ов)... рассматривает его как место (и как посредника) изменчивости, сопротивления, подрывной деятельности и творчества, принимая динамизм и множественность интерпретаций, выходя за рамки геополитического обозначения»³. Для них Юг не может быть сведен к конкретным пространствам – вместо этого, существует многообразие «Югов», элементы которых могут быть обнаружены и в странах глобального Севера. Таким образом, Юг перестает быть связанным с географией, а становится обозначением мест, в которых «люди страдают от дискриминации и/или оказывают сопротивление несправедливости и угнетению и борются за лучшие условия жизни против надвигающегося дата-капитализма»⁴.

Политику данных нельзя рассматривать в качестве универсализирующей силы, поскольку она слишком сильно зависит от множества пересекающихся и накладывающихся друг на друга контекстов – национальных, социальных, экономических, городских.

Когда началась пандемия, редакторы блога объявили о приеме статей на эту тему. Из 47 текстов, предложенных между маем и октябрём 2020 года, и была составлена книга. Авторы отправляли свои посты на рассмотрение редакторов блога, которые принимали решение о публикации. В первой половине 2021 года книга уже была сверстана и опубликована в открытом доступе Институтом сетевых культур – удивительно быстро для издания с академической спецификой⁵.

И это представляется неслучайным – весь проект создания и издания сборника может быть понят как работа с иной темпоральностью производства академического знания. Дискуссии

³ MILAN S., TRERÉ E. *Big Data from the South(s): Beyond Data Universalism* // *Television & New Media*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 319–335.

⁴ Ibid. P. 325.

⁵ Институт сетевых культур (Institute of Network Cultures) – организация, основанная в Амстердаме медиа-исследователем и активистом Гертом Ловинком в 2004 году. Работа Института носит междисциплинарный характер, в ее рамках «исследование» понимается максимально широко – туда включается работа не только академических ученых, но также художников, компьютерщиков, активистов. В рамках Института организуются события, исследовательские проекты, ведется свой блог, имеется специальная новостная лента. Работа Института часто выходит за рамки производства чисто академического знания, что позволяет выпускать книги несколько быстрее.

об этом сейчас активно разворачиваются, и нормативно заданные временные сроки производства академического знания (преимущественно через написание текстов) подвергаются критике с разных сторон. Если у одних исследователей фрустрацию вызывает необходимость непрерывно публиковаться – и ответом на это часто становится идеал «медленной науки» (*slow science*), – то для других проблема скорее заключается в том, что производство академического знания недостаточно динамично. Редакторы сборника, судя по всему, сторонники второго подхода – стремительная публикация становится способом придать текстам максимальную актуальность, в том числе и за пределами академии.

Редакторы определили жанр сборника как «моментальную историю». Этот жанр балансирует на грани между исследовательской работой и серьезной публицистикой. Принципиальным моментом был отказ от обновлений статей и указания дат написания текстов. Как свидетельствуют сами редакторы, «эта множественность историй отражает ускоренное и одновременно аномальное время самой пандемии, поскольку разные регионы и сообщества пострадали в разное время и в разных смыслах» (р. 20). Тексты сборника позволяют зафиксировать уже наблюдаемые изменения и дать основания для дальнейшей, более последовательной и медленной работы.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ СБОРНИКА

Статьи сборника распределены по пяти ключевым темам. Первая – человеческие «невидимости» и политики подсчета (*human invisibilities and the politics of counting*). Здесь авторы анализируют проблему слежки и наблюдения в странах глобального Юга, обращая особое внимание на технологические особенности многочисленных приложений для отслеживания переносчиков вируса. В публичных дискуссиях о пандемии часто высказывается мысль, что государства усилили свою биополитическую власть над населением. В этом разделе читатель среди прочего убедится, что эта мысль лишь отчасти отражает ситуацию в Латинской Америке.

Критике распространенного положения об усиливающейся биополитической власти в период пандемии посвящен текст Сильвио Вайсброда и Марии Соледад Сегура (р. 29–32). Они утверждают, что если биополитика предполагает заботу о здоровье населения ради умножения политической и экономической власти, то во многих странах Латинской Америки отсутствуют требующиеся для такой заботы инфраструктура и политическая воля. Это влечет за собой необходимость более

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬНОМ
ЮГЕ

осторожно переносить утверждения о работе той или иной формы власти из одного контекста в другой. В то же время в тексте о стереотипах, распространенных в Европейском союзе, Луиза Бялашевич показывает, что культурно укорененные представления о разных странах (к примеру – о «трудолюбивом севере Европы» и «ленивых южанах») остаются частью дискурса европейских политиков и используются для обоснования мер экономической взаимопомощи или же отказа от нее (р. 33–38). Таким образом, европейская политика продолжает во многом формироваться с оглядкой на эти устойчивые взаимные стереотипы. Наблюдения Бялашевич могут послужить стартовой точкой для размышлений о том, как пандемия повлияла на внутренние отношения стран ЕС – как на уровне конкретных политических решений, так и на уровне дискурса политических лидеров.

Вторая тема – закрепленные уязвимости и неравенства (*perpetuated vulnerabilities and inequalities*). Авторы документируют как опыт тех групп, труд которых стал необходимым в период пандемии, так и тех, кто наиболее пострадал от коронавируса. Это касается курьеров, precarious и платформенных работников, представителей ЛГБТ+, мигрантов и других маргинализированных сообществ. В статьях, посвященных этой теме, авторы демонстрируют, что и без того сложное положение указанных групп лишь ухудшилось вследствие пандемии.

В своем тексте о положении представителей ЛГБТ+ в период пандемии в Бразилии Рикардо Ром и Жозе Отавио Мартинс выдвигают тезис, что предлагаемое национальным правительством решение «остаться дома» игнорирует жизненную ситуацию ЛГБТ+ людей, которые часто не принимаются членами их семей из-за сексуальной или гендерной идентичности (р. 65–69). Тем самым то, что доступно большинству социальных групп – возможность просто остаться дома, – для маргинализированных сообществ трудно осуществимо или попросту исключено.

Третья тема – датафицированные социальные политики (*datafied social policies*). Авторы показывают роль решений, основанных на данных, в перераспределении ресурсов и в работе социальных служб. Важно, что сам получатель такой помощи начинает определяться исходя из новых форм цифровой идентификации (например биометрии) или по уже накопленным базам данных.

Многие авторы этого раздела согласны в том, что основанные на данных решения деполитизируют вопросы о том, кто должен получить помощь от социальных служб. В тексте о социальной политике в Колумбии в период пандемии Джоан Лопес показывает, что выдача социальной помощи через автомати-

зированные системы позволяет чиновникам снимать с себя ответственность, отметить претензии граждан как несостоятельные (р. 126–128). Такие апелляции к решениям, основанным на данных, выводят вопрос о получателе социальной помощи из политического поля.

Четвертая тема – технологические реконфигурации в период датафицированной пандемии (*technological reconfigurations in the datified pandemic*). Авторы анализируют, как пандемия перестраивает использование социальных медиа в Иране, кооперативных интернет-провайдеров в Южной Африке, что происходит с неперсональными данными в Индии и так далее. Особого интереса заслуживает текст про «суверенный Рунет», подготовленный командой исследователей «ResisTIC», базирующейся во Франции (р. 174–179). Авторы считают, что из-за пандемии предпринимаемые российским государством меры по усилению контроля над интернет-инфраструктурой оказались ослаблены, – несмотря на то, что сами по себе политические попытки масштабировать технологии надзора (*surveillance*) и контроля над интернетом усиливаются. Последнее в свою очередь вызывает новые формы низовой самоорганизации и сопротивления со стороны российских цифровых активистов.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬНОМ
ЮГЕ

Юг не может быть сведен к конкретным пространствам – вместо этого, существует многообразие «Югов», элементы которых могут быть обнаружены и в странах глобального Севера.

Пятая тема – разновидности пандемической солидарности и сопротивление снизу (*pandemic solidarities and resistance from below*). Авторы этой части сборника работают с тем, как социальные агенты реагировали на вызванные пандемией изменения. Особое внимание в разделе уделено деятельности волонтеров, современных художников, активистов разного рода, включая представителей коренных народов. Если объектами исследований, включенных в предыдущие разделы, зачастую становились большие (инфра)структуры или объекты, то в завершающую часть сборника вошли исследовательские тексты о многообразии форм коллективной креативности и сопротивления. К примеру, Киноко Мерино пишет о том, как китайские активисты использовали *GitHub*⁶, чтобы собирать связанные с COVID-19 материалы, не прошедшие через официальную цензуру (р. 216–220).

6 *GitHub* – сайт, где программисты делятся друг с другом исходным кодом разрабатываемого ими программного приложения.

Хотя все темы сборника и переплетаются между собой, внутри них можно обнаружить проблематику, особо релевантную для представителей конкретных исследовательских полей. Так, первая тема будет особенно интересна исследователям, работающим с темами приватности и наблюдения; вторая – исследователям социального неравенства, маргинализированных групп; третья – изучающим социальную политику; четвертая – специалистам в области медиа и технологий; пятая – тем, кто исследует активизм и социальные движения.

Сборник «COVID-19 from the Margins» позволяет получить представление о том, как именно цифровые технологии становятся частью социальных, политических и культурных процессов, связанных с пандемией, в странах и контекстах, о которых – в силу недостаточной заинтересованности – западный читатель знает не так много. Вместе с этим представленное в сборнике новое понимание глобального Юга ставит, как кажется, и новые вопросы на пересечении географии и социальности. Если понятие Юга теряет свою географическую привязку, приближаясь по смыслу к «месту» и «посреднику» сопротивления, то не становится ли вопрос о различии между глобальным Югом и глобальным Севером проблемой исключительно баланса власти? Можно ли и дальше говорить о каком-то смысле этих понятий?⁷ Если иметь в виду более длинную историческую дистанцию, то есть риск, что традиционное понимание, фокусирующееся исключительно на противопоставлении доминирования и сопротивления, обесценит те практики, политики и эпистемологии Юга, которые выходят за пределы его маргинальной позиции.

7 Интересующимся этой темой читателям можно порекомендовать специальный выпуск журнала «Социологическое обозрение» о глобальном Востоке (2020. Т. 19. № 3).

Как понять, что происходит во время пандемии, изучая себя и других

Беседа Полины Колозариди с Аннетт Маркхэм

К ГЛОБАЛЬНОМУ И ДАЛЬШЕ

Полина Колозариди: Давайте начнем разговор с парадокса: вроде бы интернет, карантин, вся ситуация с пандемией обычно воспринимаются как глобальное явление. В вашей работе 2009 года вы пишете о «глобальном существовании»¹, а в недавнем проекте 2020-го² – что пандемия обычно воспринимается глобально. При этом нельзя же просто сказать: «Ну, да, их называют глобальными, а они на самом деле совсем не такие». Что это все же значит? В ваших работах я нахожу надежду на какой-то ответ. Например, ваше исследование коллективных автоэтнографий³ помещает опыт жизни при пандемии COVID-19 в очень

- 1 MARKHAM A. *How Can Qualitative Researchers Produce Work that is Meaningful across Time, Space, and Culture* // MARKHAM A., BAYM N.K. *Internet Inquiry: Conversations about Method*. New York: Sage Publications, 2009. P. 131–155.
- 2 MARKHAM A.N., HARRIS A., LUKA M.E. *Massive and Microscopic Sense-Making during COVID-19 Times* // *Qualitative Inquiry*. 2020. November 30 (<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1077800420962477>).
- 3 MARKHAM A., HARRIS A. *Prompts for Making Sense of a Pandemic: The 21-Day Autoethnography Challenge* // *Qualitative Inquiry*. 2020. November 6 (<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1077800420962487>).

ПАНДЕМИЯ/
ИНТЕРНЕТ +
ОПЫТ И ЗНАНИЕ

*Полина Колозариди
(р. 1987) – интернет-
исследовательница,
преполагает в Националь-
ном исследовательском
университете «Высшая
школа экономики» и
в Национальном иссле-
довательском универ-
ситете ИТМО, координи-
рует клуб любителей
интернета и общества.
Научные интересы –
интернет-исследования,
история технологий,
философия знания.*

*Аннетт Маркхэм
(р. 1964) – содиректор
и профессор Исследова-
тельского центра диги-
тальной этнографии
(Digital Ethnographic
Research Centre, DERC)
университета RMIT
Australia, аффилирован-
ный профессор инфор-
матики университета
города Орхус (Дания).
Научные интересы –
цифровая культура,
исследования данных,
критическая педагогика,
арт-интервенции.*

конкретный контекст. Как вы считаете, как изучать и позна-
вать вещи, которые мы привыкли представлять глобальными?

Аннетт Маркхэм: Я писала об этом в 2009-м, статья назы-
валась «Как сделать свою работу глобальной» – вы, навер-
ное, о ней говорите. А автоэтнографический проект я начала
в прошлом году не потому, что пыталась поставить под вопрос
глобальный размах пандемии, но из-за того, что всем казалось,
что этот опыт [переживания пандемии] для всех одинаковый.
И правда, чувство было глобальное, невероятно глобальное.
Я в первый раз тогда почувствовала такое: «Ага, мы сейчас все
переживаем одно и то же».

Но это иллюзия. Естественно, все переживали по-разному.
И даже там, где, казалось бы, все у всех должно проходить оди-
наково, например, в одном городе, у разных групп людей все
по-разному. Но есть при этом ощущение – думаю, у многих оно
было, – осознание того, что все мы люди на одной планете. Та-
кое не очень часто получается: во время солнечного затмения
или чего-то еще большего – может, мировые войны как-то так
действовали. В воображении возникает на секунду конструкт
нашей общности, этот вирус поражает нас всех на очень глу-
боком личном уровне. Мы все носим маски и моем руки. Мне
кажется, на мгновение многие осознали себя такими же, как и
все остальные на планете. Это было замечательно.

Не знаю, долго ли это продлилось и сколько это чувство себя
поддерживало, но я сейчас много думаю об изменении кли-
мата, потому что это, видимо, будет следующей такой вещью
с глобальными последствиями, и хорошо бы нам понять, что
это за ощущение.

О моем автоэтнографическом проекте... В марте прошлого
года я хотела посмотреть, смогут ли разные люди, неважно где,
задуматься о том, что их связывает, о собственном микроскопи-
ческом жизненном опыте повседневности во время пандемии
в глобальном масштабе. В этом была вся затея: сделать так, что-
бы люди подумали. И мне было не так уж важно, *как* они дума-
ют, главное – чтобы думали. Моя идея была в том, чтобы завести
процесс и придумать хороший вопрос (или несколько вопросов),
которые бы навели людей на мысли. А потом уже смотреть, куда
эти мысли поведут. Я не ожидала, что у всех обязательно сой-
дутся взгляды, или что мы придем к согласию, или что мы будем
рассуждать одинаково. Поэтому неудивительно, что получив-
шиеся из этих размышлений статьи оказались очень разными.
Одна интересная вещь: несколько совсем разных людей исполь-
зовали в своих размышлениях образ плетения, плетения волос.
Работа, частные и политические жизни сплетались. Ты-ученый
сплетаешься с тобой-домашним педагогом, потому что все дети

сидят дома, потом в это вплетаясь ты-жена – все эти жизненные роли переплетаются. И еще «сплетение» использовалось в разговоре о связи людей между собой, о сплетении жизней.

Как мы это выяснили? Во многом задачей проекта было посадить людей вместе, чтобы они создали изысканный труп, как у сюрреалистов.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

П.К.: Изысканный труп?

А.М.: Это термин из движения сюрреалистов: нужно сложить кусочек бумаги, первый человек начинает рисовать голову, но только одна линия заходит за складку. Потом тебе передают бумажку, ты видишь только эту линию, ты что-то добавляешь, складываешь бумагу и оставляешь линию для следующих. Когда все готово, получается такая странная штука, результат сотрудничества – но, что именно в ней делают другие, мы не знаем. Мы сделали такой изысканный труп в проекте, первые писали девятнадцать слов о Ковид-19, отдавали их вторым, те читали слова и рисовали картинки по ассоциациям и передавали слова и картинки третьим, которые совмещали слова и картинки в своего рода видео или в каком-то движении, а четвертые добавляли музыку или саундтрек.

Смысл был в том, чтобы попробовать развить сотрудничество, из которого впоследствии может вырасти общая мысль, или, может быть, чтобы люди вместе статью написали. Так и вышло, было отлично. Но сложнее всего было разобраться со связью огромного и микроскопического. Напрямую понять это, решить проблему связи, было невозможно. И решение здесь не в том, как мы говорим о ней, а в процессе как таковом. Если посмотреть на проект со стороны через год и его обдумать, что-то в огромном и микроскопическом может стать яснее. Резонно?

СПЛЕТЕНИЕ И РАЗРАСТАНИЕ

П.К.: Во-первых, я думаю о метафоре сплетения – сплетения разных уровней частного и политического, огромного и микроскопического, но еще и сплетения жизней. Отличная метафора – и как она звучит, и как ощущается. То есть мы чувствуем этот процесс не только у себя в голове, но и телом. И я вспомнила, что в вашем автоэтнографическом проекте была часть, посвященная воплощенному (*embodied*⁴) опыту.

Вначале вы сказали, что это чувство, сознание нашей общей человечности, связано с воображением. Мой вопрос: можем ли

⁴ Мы используем слово «воплощенный», так как существует традиция перевода *embodied cognition* как «воплощенное восприятие». – Примеч. перев.

мы как-то его познать? Да, мы можем его почувствовать как что-то в моменте – но можем ли мы им поделиться? Можем ли мы поделиться этим пониманием, например, с помощью вашего изысканного трупа, или при совместном написании статьи, или через *Facebook*?

А.М.: Естественно, правильного ответа здесь, я думаю, нет. Моя собственная автоэтнографическая работа за прошедший год была весьма содержательной для меня и очень чувственной, очень телесной. Я писала, и у этого письма очень большая чувственная нагрузка.

И для некоторых читателей это работает. Например, для меня самой, когда я читаю свои тексты. Если я грустила, когда писала текст, я перечитываю его и грущу. Но, когда я дала читать свои тексты нескольким студентам на аспирантском курсе, который я вела в июне, им не понравилось. Не то чтобы именно не понравилось, но они сказали, что на них текст никак чувственно не подействовал. Это мне говорит о том, что, возможно, опыт COVID-19, карантина, пандемии для каждого живой и телесный очень по-своему. Все очень идиосинкратично и индивидуализировано, и ничье объяснение не поможет вам понять собственный опыт. Поэтому мне кажется, что им не понравилось читать о моих переживаниях по поводу COVID-19, потому что у них были свои. Читать о моем опыте никак им не помогало, он ничего для них не значил.

И, возможно, в этом трюк всего упражнения. В начале автоэтнографического эксперимента мы думали, что получится найти двадцать–тридцать заинтересованных, но, когда к нам пришли 150 анкет, мы не смогли отказать никому. Среди этих 150 человек некоторые очень активно участвовали, кто-то выпал, кто-то держался некоторое время, а кто-то поначалу ничего не делал, а потом встроился. У всех было разное расписание и разные точки входа в проект, и это тоже было хорошо.

Но истинный момент эксперимента в том, что в качестве его результата никогда не предполагалась серия статей. Задача была не в том, чтобы собрать и проанализировать какие-то данные о жизни разных людей и сделать из них выводы, а просто пригласить их поиграть вместе. Возвращаясь к вопросу, почему, с моей точки зрения, это актуально: может быть, я смогу все закольцевать. С помощью такого упражнения мы можем делиться, но не в порядке «передачи знания». Нет, дело тут не в передаче опыта или знания об опыте. Можно было бы спросить: а в чем тогда разница между исследованием и искусством, разве искусство не может выполнить то же самое? И что это за опыт такой, если им лучше поделиться в не-тексте, не-дискуссии или не-статье?

П.К.: Когда вы описали опыт одномоментного уравнивания, как происходило в мировых войнах и в нынешних страстях по поводу глобального потепления, я подумала: а что именно в этом особенного?

Ведь эти события и процессы – как в прошлом, так и сейчас – происходят одновременно для всех, каждый видит что-то – обычно ужасное или по крайней мере пугающее, войны и так далее. Мы можем вспомнить и более оптимистичные вещи – первого человека на Луне или в космосе.

Но в ходе этих событий у нас не было возможности поделиться чувствами и пониманием синхронно, потому что не было интернета. Не только интернета как технологии или инструмента для передачи информации, но и как *способа существования или жизни* с интернетом, который мог бы помочь нам делиться этими чувствами и пониманиями. Вопрос не в том, что «можно было бы об этом писать» – можно писать письма, это довольно-таки синхронно, можно написать книгу, но это не то же самое, что ваша работа и ваше общее автотнографическое дело. Тут скорее – воспользуюсь вашей метафорой – сплетение, когда мы все делаем это одновременно, находясь в разных местах.

Интересно, что примерно в то же время, когда появился интернет, оформились глобальные (западные) общественные науки. И сейчас я расположила бы многие дискуссии между двумя полюсами: позитивистским и интеракционистским. Вопрос в том, что мы делаем, чтобы синхронизироваться: составляем одну объективную систему знания или движемся к intersубъективности.

И второе: акцент в вашем эксперименте ставился не только на связанности, но и на разобщении, так? Ведь у нас есть границы наших тел – что поделать? Но второй шаг состоит в том, чтобы все же переживать вместе. И тут мне в голову приходит коллективный гибрид, киборг.

А.М.: Почему мы вообще можем говорить, что переживаем пандемию вместе? Отчасти потому, что она заполняет наши экраны. Мы буквально получаем вести со всего мира, как будто они касаются нас всех. Может, не всех, но этот бесконечный скроллинг, получение изображений отовсюду, рассылка мемов дают ощущение, как будто мы вместе.

Мы все друг друга как бы знаем, вращаемся примерно в одинаковых кругах, которые нас связывают с миром, и у нас одновременно обновляются ленты новостей перед глазами, тем более в пандемию, когда новости каждый день – даже не новости, а мемы – разрастаются. Все беспрестанно фокусируются на ней – пандемия же! И в этой ситуации мне не кажется иллюзи-

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

ей, что мы переживаем все это вместе, это настоящее чувство. А потом оно пропадает, ты понимаешь, что оно-таки ложное.

И вы правы: здесь происходит синхрония. Но я не знаю, дело в синхронии, или в том, что у нас есть доступ к большему объему информации, или это все плюс-минус одно и то же? Это одна и та же информация или сопоставимая? Но в любом случае цифровая среда поддерживает воображаемое нахождение в общем положении. И, хотя многие с этим спорят, я, честно говоря, до сих пор убеждена, что это так.

Почему мы вообще можем говорить, что переживаем пандемию вместе? Отчасти потому, что она заполняет наши экраны. Мы буквально получаем вести со всего мира, как будто они касаются нас всех. Бесконечный скроллинг, получение изображений отовсюду, рассылка мемов дают ощущение, как будто мы вместе.

П.К.: Эта мысль, что мы проживаем что-то не *одинаково*, но *сопоставимо*, очень важна, как и сам зазор между одинаковостью и сопоставимостью, и восприятие этого зазора ничуть не менее важно, чем ощущение связанности.

Но я вспоминаю еще одну вашу метафору – метафору разрастания. Вы говорили о разрастании мемов, и я поняла, что разрастание и сплетение как процессы не диалектичны, а просто противоположны, потому что разросшееся можно сплести, мы сплетаем волосы и даем им разрастись, так что все замыкается.

ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ, КАК У ШЕРЛОКА

П.К.: Как последовать за вами в этих исследованиях? Ваш проект хотя бы частично относился к науке или к искусству – верно? Или эти тяжелые слова не обнадеживают, а только нагоняют скуку?

А.М.: Я использую слово «научный» свободно. Сама я академический ученый, и я хочу поменять Академию, поэтому я пытаюсь вмешаться в решение политического вопроса «что считать научным изысканием» (*inquiry*).

Понимаете, если заниматься расследованиями, думать нужно, как Шерлок Холмс или еще какой-нибудь сыщик, и слово «расследование» тут подходит лучше, чем «исследование» (*research*).

Моя сестра, когда думает, где посадить чеснок в саду, практикует расследование, и в него входят все те же процессы, что и в мое расследование о том, как люди думают об интернете, просто они направлены на другой объект. Мне дозволено называть мое расследование научным, потому что я пишу о нем определенным образом, а ей – нет. Но, если посмотреть глубже, речь идет об отдельных повседневных привычках в наблюдении и осмыслении мира. То, чем мы занимаемся, – смыслопроизводство (*sense-making*)⁵, и оно входит в повседневное расследование. Процесс и продукт этого расследования – иногда письмо, иногда рисунок, иногда пение, временами это крик против ветра, что угодно.

Проект, над которым я работала последние годы, был сверхнаучным, потому что он стремился заставить людей задуматься о собственных жизнях в условиях пандемии с перспективы этнографа. Это примерно как то, что кто угодно может быть специалистом в общественных науках в тот момент, когда он/она разбирается в своем жизненном опыте, – и, если погрузиться в процесс рефлексии, об этом можно и написать.

Но даже если бы никто ни слова не написал, но стал думать о своей жизни иначе из-за рефлексии, значит, мой проект работает. То есть цель проекта смещается с производства научных статей на производство научного знания, если понимать науку как что-то аналитическое, то есть ориентированное на подробности и доказательства, движимое любопытством, а также скрупулезное и системное, желающее привести тебя к знанию. Как только мы определяем науку в терминах шире, чем рамки самой науки, процесс этого самоанализа оказывается абсолютно научным. Его результатом может стать то, как твое знание меняется, или как ты по-другому говоришь с друзьями, или что ты можешь об этом написать, или что меняешь свои привычки, или создаешь объект искусства об этом – объект, которым можешь поделиться с другими. Много что может стать результатом – от изменения твоего способа знать до выработки какого-то более формального продукта.

П.К.: У нас с вами похожие представления о том, что каждый может быть исследователем, – я говорю «исследователь», потому что для русского уха почти нет разницы между «исследованием» и «расследованием». И я согласна с идеей, что часто мы расследуем, как Шерлок Холмс. Как раз недавно я думала о мистицизме в текстах Конан Дойля, и о том, что у науки всег-

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

5 У этого понятия нет устоявшегося русского перевода. В ходе подготовки текста к публикации обсуждались и другие варианты: «смыслообразование», «производство смысла». Мы остановились на «смыслопроизводстве», так как это слово сохраняет акцент оригинала на *производстве*. В словосочетании «производство смысла» «смысл» оказывается исключительно объектом воздействия. – *Примеч. перев.*

да за пазухой припрятана мистика – даже само понятие «расколдовывание мира» на следующем ходе имеет дело с магией.

И, возможно, слово «изыскание» возвращает чары процессу исследования.

А.М.: Да! Любое расследование делает тебя похожим на Шерлока Холмса по разным причинам. Я всегда пользуюсь этим образом в преподавании, я говорю о трупах на полу и о том, как сыщик пытается воссоздать ход событий. Но еще я обожаю, как Шерлок смотрит на что-то, при этом видя гораздо больше. И, когда он смотрит, он видит сразу очень много вещей – не только предмет перед ним, но и что-то, чего перед ним нет. И тут возможна и работает идея расколдовывания или мистицизма.

П.К.: Есть книга Кирилла Кобрин о Шерлоке Холмсе и Новом времени⁶. Он там объясняет в том числе, как люди в Новое время осваивались с жизнью в городах. Дело в том, что очень разные люди выглядят похоже в большом городе и нужны особые сведения, чтобы их между собой различить и понять, что значит жить всем вместе в таких условиях, когда любой может оказаться убийцей или чужаком. И в этот момент в литературе появляется Шерлок Холмс, фигура современного знания, что особенно видно в «Собаке Баскервиль». Там есть доктор Мортимер – человек, ходящий по болотам и разыскивающий древние реликвии местной истории, примерно как это делали ранние антропологи с их черепами, в которых они ищут основания истории и человека.

Связывая это с нашей беседой, я сказала бы, что Шерлок Холмс – и квинтэссенция современности, и переходная фигура. Он открывает пути к тому, что лежит за западной модерностью, находится на границе между знанием наук, химией и так далее, и тем, что по ту сторону – алхимией, темными чувствами, невидимыми вещами.

А.М.: Наркотики. Он ведь принимает наркотики и играет на скрипке – так? То есть что-то происходит, пока он играет музыку, потому что она что-то иначе раскрывает?

П.К.: Это за пределами рационального. Когда он объясняет свои мысли Уотсону, они становятся похожи на статью, текст. Но само понимание нуждается в объяснении именно потому, что оно в том числе за пределами рационального.

6 Кобрин К. *Шерлок Холмс и рождение современности. Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017.

А.М.: Но важна и систематика. Это не систематика и скрупулезность в том смысле, как они бывают в химической лаборатории западной науки – да, они находятся за пределами рационального, но у них есть ритм, даже если строгой логики нет. А если подумать о других видах логики или систематичности, как в музыке? О таких вещах, как ритм, резонанс, реверберация. Я очень хочу написать книгу, в которой для разговора о методе используются эти метафоры.

Возвращаясь к проекту об автоэтнографии. Почему люди могут разделить опыт с другими? Это вопрос того, чтобы создать историю с сильным резонансом, с реверберацией, которая чувственно врезается в людей. Какие-то истории режут по сердцу, как гобой, звучащий в церкви, как когда слушаешь Вивальди на аутентичном инструменте в том месте, где ему и было положено звучать, – и то, как инструмент настроен, дает ему резонирующие качества в этих стенах, и он врезается тебе в душу и заставляет плакать.

Если подумать о результатах автоэтнографического проекта, там было 150 человек – каждый писал статьи, настроенные на их собственный опыт. И со временем, может, если подождать года три, люди напишут истории, которые срезонируют с опытами других людей, потому что они попробуют другой ритм – но пока что он настроен только на них самих.

П.К.: Мне очень нравятся ваши формулировки. Весной я проводила эксперимент с двумя группами: мы представляли исследование, как оркестр. Каждая маленькая группа как бы настраивала собственный инструмент-метод, а потом все собрались и попытались сделать из исследования процесс, как музыку.

Настройка была главной метафорой: ты сам отвечаешь за свой инструмент, а затем вы выступаете вместе. И моя идея состояла в том, чтобы развернуть традиционное представление о том, что результат – это статья. Я всем говорила, что представление результата – это не статья, а то, чем мы занимаемся эти 40 минут, наше исследование – это то, что мы играем во время этого разговора.

А.М.: Здорово! Полина, нам с вами нужно сделать что-то вместе, мы же думаем синхронно.

П.К.: Ну, да, нас ведь соединяет интернет.

А.М.: И теперь после всего этого представьте: все, что у вас есть, – это выступление на 40 минут. И потом они проходят.

Если есть только эти 40 минут, что это нам говорит о науке и об исследовании? И об Академии? О находках, что бы это ни значило? О создании сюжета?

П.К.: Сюжет часто важен, потому что, как ни крути, мы имеем дело со статьями. А сейчас у меня вопрос, в том числе о нашем разговоре, который в итоге станет текстом.

ЛЕТСПЛЕЙ И КРИТИКА

П.К.: Это довольно важный вопрос, в том числе и для меня. Предположим, мы расширим виды знания и скажем, что есть и расследование, и исследование, не только конкретно и исключительно научное или художественное. Тогда возникает вопрос: «Как мы можем об этом говорить, как мы можем друг друга критиковать?». Я имею в виду не критику запрещающую, исключаящую, но критику публичную, включающую других людей. Но и с банальной критикой как способом примечать ошибки, недопонимания – как нам быть пристальнее? Как ваш проект можно критиковать?

А.М.: С одной стороны, если создается ощущение, что проект недоступен для критики, возможно, дело в том, что он написан таким образом, чтобы от критики заслониться, возможно, часть процесса в нем скрыта, чтобы сделать критику невозможной.

В своей работе я стараюсь быть как можно более открытой в отношении того, почему я выбираю то или это, почему я работаю так, а не иначе или почему важно было сделать именно так. Большую часть времени, отведенного на выражение моей позиции, я трачу на объяснение, почему я считаю, что все было сделано хорошо. Всю мою жизнь это моя обычная практика – скорее всего потому, что я ищу одобрения от своих учителей и от тех, кого уважаю.

С другой стороны, мне интересна критика, которая находит слабые места в моих работах – например, в структуре или замысле. Как будто я разработчица и создаю пилотную модель. А в итоге она становится чем-то, что другие смогут применять – как будто это технологическая разработка, и ты разбираешь, что здесь сработало, а что нет. Если имеется в виду академический исследовательский процесс, из которого получают находки или интерпретации, я также закрываюсь от критики, потому что я не хочу открытости, потому что цель не в этом, она в чем-то еще.

Есть и третья интерпретация. Для меня исследовательский подход работает, только когда это исследование-интервенция.

Чтобы критиковать интервенцию, нужно спросить участников, что они чувствуют по ее поводу. Но в текст это не всегда возможно включить.

Получается, мы производим исследования или расследования и их смысл – в создании частного, в том, чтобы быть политической или этической интервенцией. А я выполняю функцию критического педагога⁷, занимаюсь стимуляцией определенного рода мышления или действия в течение недель. И то, что я делаю, – определенная ролевая модель, потому что я с собой очень жестка и я много думаю о своей роли как помощника или посредника, очень много времени уделяю таким размышлениям.

П.К.: Когда я читала вашу статью, мне пришла в голову мысль о летсплеях [*let's play*], которые делают геймеры на *Twitch* и *YouTube*. Это трансляции⁸: люди играют в видеоигру, и у них есть аудитория, люди, которые на них подписываются, и геймеры могут даже ничего не говорить, только играть. Они отыгрывают, играют игроков – это не ролевая модель, а просто конкретный человек, который играет в игру. В нее могут играть все, но зрители подписываются на определенных игроков, и это сводит людей вместе.

И тут речь не о «мы вместе, потому что мы как представители академического мира или художники, мы вместе, чтобы друг друга критиковать», а «мы вместе, потому что мы подписаны на этого человека, который отвечает на такие вопросы с помощью следующих методов, мы подписаны на этого ночного эльфа с его мечом, и мы говорим: “Нет-нет-нет, не ходи туда, умоляю, нет! Там огромный монстр!”»

То есть ты эльф с мечом или иногда с волшебной палочкой, и такой летсплей работает! Он, впрочем, создает разные отношения, привлекает людей по-разному, потому что, если ты создаешь технологию, другие будут тоже ею пользоваться, верно?

А.М.: Форма исследования, подход к исследовательской практике дает возможность создавать критерии для своей оценки, критерии анализа. Это происходит из подхода, но подход неотделим от цели. Как вы говорите, геймер на *Twitch* просто говорит: «Играем!», так что критерии оценки встроены в этот способ бытия и в цель.

Опираются ли критерии оценки исследования в Академии на цель исследования или на инструмент, на метод? Я считаю, что зачастую они происходят из корректного применения ин-

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

7 MARKHAM A.N. *Taking Data Literacy to the Streets: Critical Pedagogy in the Public Sphere* // *Qualitative Inquiry*. 2019. August 24 (<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1077800419859024>).

8 О *Twitch* и стриминге см.: ЕСАУЛОВА Д. *Регулировать нерегулируемое: как русскоязычные стримеры приняли новую политику Twitch.TV* // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 5(139). С. 254–265. – *Примеч. ред.*

струмента, сбора данных, или анализа, или интерпретации, или выражения позиции. Поэтому, если вместо инструмента вы вернетесь на уровень цели, вы открываете для себя всевозможные варианты значения критики. И вы уже намекнули на это раньше, когда сказали, что критика не заключается просто в замечании «здесь вы плохо сделали», критика также означает «как другие могут сделать то же самое?».

П.К.: Вернемся к теме интернета и пандемии. Вы, вероятно, читаете и чужие работы об этих темах. Как ваш проект, ваша исследовательская программа, этот совместный опыт помог думать об исследовательских программах других людей, об их способах познания?

А.М.: Огромный вопрос. Я была вдохновлена [...] маленьким проектом, в котором участники писали истории из ста слов. Кто угодно мог предложить свою историю из ста слов о моменте из дня про пандемию – их собирала какая-то художественная программа. Я хотела сделать что-то вроде этого, я хотела, чтобы люди зарылись в свои переживания и воплотили способы познания этого времени, чтобы вышло что-то, что могло бы сделать эти переживания видимыми.

Дело, наверное, в моменте, во времени – я чувствовала срочную необходимость это сделать.

И всегда есть такие моменты, когда можно ухватиться за возможность поменять то, как люди думают, и я все боюсь, что этот момент прошел, что все опять станет на свои места и мы будем стараться вернуться к тому, чем мы занимались раньше. И это было бы грустно, очень обидно.

А как это связано с другими исследованиями, проведенными в связи с пандемией? Мне кажется, было очень много прекрасных историй и в основном они дошли до нас из журналистских текстов. Я не прочла ничего, с чем я не была бы согласна в контексте того, что люди пишут об опыте карантина, переживании изоляции и о том, как они справляются с работой.

Я считаю, что один из самых опасных видов исследований, которые сейчас выходят, – это опросы, которые проводят в университетах; в них говорится, мол, «да все в порядке, ни у кого никакого затяжного стресса нет». У меня на работе, кстати, сказали: «Все такие продуктивные, в прошлом году у нас был стресс, но сейчас никакого стресса нет», и я думаю, что это полная ерунда. Мне кажется, что некоторые из этих опросов очень сильно пытаются подтолкнуть нас обратно в сторону обычного положения вещей и за этим стоит политическая мотивация – и я хочу продолжать с ней бороться.

П.К.: Возможно, сплетение и разрастание – это еще один способ бороться, обходить или менять норму.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

P.S.

А.М.: Я хотела еще обсудить метафору разрастания, рассеивания. Что если переживание пандемии – это рассеивание, вроде как рассеивается песок? А если к ней еще добавить реверберацию? Это действие и движение ритмичны, скорее звук, как скорость реверберации, которой он становится. Эксперименты со звуком над тарелкой с песком удивительны.

Громкость увеличиваешь, и вот это «жжжжжж» поднимается до высоких частот – и песок меняет узор. А потом переключаешь на низкую частоту реверберации, и узор меняется, но он очень симметричный, фрактальный. Он меняет узоры из-за резонанса, высокие частоты, низкие частоты. В итоге получается узор, похожий на плетеную косичку, но он может и разрастись, но разрастись орнаментально, не хаотично. Или узор может быть, как диаграмма социальной сети, как карта сети – или из этих линий может получиться круг.

Перевод с английского Бориса Грызунова

Из каких цифр состоят цифровые навыки россиян?

Разговор о статистике с Валентиной Поляковой и Константином Фурсовым

Полина Колозариди (р. 1987) – интернет-исследовательница, преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Национальном исследовательском университете ИТМО, координирует клуб любителей интернета и общества. Научные интересы – интернет-исследования, история технологий, философия знания.

С началом пандемии значение цифры и цифровых данных в том, что мы узнаем о мире, заметно возросло. Количество заболевших, выздоровевших и умерших, эффективность вакцин, статистика распространения вируса – все перечисленное оказалось в фокусе внимания не только исследователей, но и простых граждан. С помощью подсчетов можно узнавать и о других сторонах того, что происходит на фоне пандемии: например, о том, как люди привыкают к новой ситуации или, напротив, как сопротивляются ей. Об этом мы поговорили с научными сотрудниками Института статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики Валентиной Поляковой и Константином Фурсовым.

Полина Колозариди: Насколько я знаю, вы недавно занимались изучением того, как люди живут с интернетом в пандемию. Скажите, можно ли говорить о том, что эпидемический интернет – это тот же интернет, к какому мы привыкли в благополучные времена?

Валентина Полякова: Результаты нашего онлайн-опроса, проведенного в конце 2020 года, показали, что за последние два года очень расширился спектр навыков работы в интернете, а также изменилась интенсивность его использования¹. Мне было интересно, как эти новые тенденции отразятся в показателях Росстата, который тоже измеряет цифровые навыки населения. Основываясь на наших данных, я предполагала, что и это ведомство после начала пандемии зафиксирует существенный прирост россиян, обращающихся к интернету. Однако свежие данные Росстата показывают, что в цифровых практиках в стране ничего существенно не изменилось². Не наблюдается также и сколько-нибудь заметного перетока нашего населения из сегмента с низким уровнем цифровых на-

1 См.: Полякова В.В., Фурсов К.С. *Цифровые практики россиян в период самоизоляции*. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 2021. 28 января (<https://issek.hse.ru/news/438496284.html>).

2 Подробнее о статистике Росстата см.: *Поведение россиян в интернете в год пандемии* (<https://issek.hse.ru/news/470858519.html>).

выков в сегмент с их более высоким уровнем. Доля населения в возрасте от пятнадцати лет и старше, никогда не пользовавшегося интернетом или вообще не имеющего цифровых навыков, сократилась менее, чем на три процентных пункта³. Более детальный анализ разных данных показал, что изменение затронуло не качество, а количество использования: интернетом стали пользоваться более интенсивно. Если же люди и осваивали какие-то новые для себя цифровые навыки, то они по-прежнему относились к тому же сегменту навыков, который был освоен ими прежде. Иначе говоря, к каким-то серьезным сдвигам в этом плане пандемия не привела.

П.К.: А можно ли привести примеры навыков по разным сегментам?

Константин Фурсов: Говоря о низком уровне навыков, мы имеем в виду прежде всего самые элементарные пользовательские действия: коммуникацию, интернет-серфинг, поиск информации, просмотр видео и прослушивание музыки – то есть потребление цифрового контента в том или ином виде.

В.П.: У людей из этой группы очень ограниченный функционал цифровых устройств, они используют меньшее количество приложений. А чем выше уровень навыков, тем выше, соответственно, интенсивность использования, функциональность устройства – цифровая инклюзия расширяется.

П.К.: А как вы охарактеризовали бы более высокие уровни?

К.Ф.: Следующим уровнем можно считать использование специальных приложений, генерацию и загрузку контента в социальных сетях, работу с офисными программами. Кроме того, сюда же можно зачислить и решение проблем с помощью интернета, более вдумчивое и рациональное использование ресурсов сети. Самый высокий уровень – тот, который условно называется «программистским»: он предполагает, помимо написания программ, опыт работы с макросами, простейшими кодами или их частями. Отвечая на вопрос, как изменился интернет за время пандемии, полезно проанализировать соотношение между перечисленными уровнями. До пандемических ограничений интернет существовал как естественное продолжение нашей физической реальности: им пользовались лишь между делом, да и то лишь те, кто был с ним «на ты». Когда ввели локдаун, стало понятно, что выбора уже нет, поскольку

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ**

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

Валентина Полякова – научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Константин Фурсов – научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

3 Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. *Индикаторы цифровой экономики: 2021. Статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 163.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

это первейшее средство связи с внешним миром. Такие вещи очень сложно «ловить» опросами, но есть ощущение, что именно в период самоизоляции большинство людей осознали неизбежность цифровизации – у цифровых инструментов больше не было альтернативы. В России такая адаптация прошла поразительно быстро. В конце 2020 года, планируя свое исследование, мы руководствовались гипотезой о том, что большинство населения так или иначе уже погрузилось в интернет-среду. (На деле, правда, оказалось не совсем так, но об этом чуть ниже.) Конечно, адресуя свои вопросы именно интернет-пользователям, мы невольно смещались в сторону чуть более продвинутых граждан. По нашему предположению, в эту категорию теперь должны были попасть люди, которых там раньше не было. Потому-то мы и ввели в качестве дополнительного измерителя шкалу, фиксирующую уровень овладения цифровыми навыками. Нам было важно понять, насколько это соотносится с общероссийскими статистическими показателями.

Именно в период самоизоляции большинство людей осознали неизбежность цифровизации – у цифровых инструментов больше не было альтернативы.

П.К.: Почему в вашей интерпретации самым передовым навыком оказывается навык технический? Ведь исследования так называемого «цифрового разрыва» свидетельствуют о том, что в наибольшей степени благами интернета пользуются не те, кто лучше подкован технически, а те, кто умеет пользоваться разными инструментами⁴.

В.П.: Рассчитывая уровень цифровых навыков населения, Росстат опирается на методологию Евростата, в основу которой положена информация о 22 видах действий, выполняемых в ходе работы на компьютере или в интернете⁵. Население сегментируется на «не-пользователей» и «пользователей», отличающихся разным уровнем навыков (низким, базовым, выше базового). Третью из упомянутых групп составляют люди, которые овладели навыками всех оцениваемых типов на уровне выше базового. В нашем исследовании из этой подгруппы дополнительно были выделены те, кто не только использует разнообразные инстру-

⁴ См.: DIMAGGIO P.J., HARGITTAI E. *From the «Digital Divide» to «Digital Inequality»: Studying Internet Use as Penetration Increases*. Princeton Center for Arts and Cultural Policy Studies. 2009. Working Paper Series № 15. P. 1–25.

⁵ См.: *Individuals Who Have Basic or Above Basic Overall Digital Skills by Sex (tepsr_sp410)*. Eurostat Metadata (https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/tepsr_sp410_esmsip2.htm).

менты, но еще в той или иной мере освоил работу с кодом. При этом выяснилось, что наряду с представителями IT-индустрии в этой группе оказались люди, не занятые в информационной отрасли, но умеющие тем не менее пользоваться какими-то инструментами программирования (например, макросами).

П.К.: Насколько мне известно, вы начали изучать цифровые навыки задолго до пандемии. Означает ли это, что понятие сформировалось отнюдь не в последнюю пару лет, а гораздо раньше?

К.Ф.: Разумеется, вы правы. В частности, есть программа Организации экономического сотрудничества и развития, посвященная исследованию компетенций взрослого населения (Programme for the International Assessment of Adult Competencies, PIAAC), в которой, помимо прочего, измеряется и способность действовать в технологически насыщенной среде, то есть использовать инструменты, обеспечивающие эффективность доступа, обработки, оценки информации. Для выяснения картины пользователю предлагается серия задач разного уровня, позволяющих определить, какие инструменты человек может использовать и насколько исходя из этого он продвинут. Соответственно, интернет здесь рассматривается как часть технологической реальности. Мы исходили из похожей логики, фокусируясь, однако, на цифровой среде. Параллельно у нас шел еще один проект, где мы пытались классифицировать так называемые цифровые продукты и услуги. Занимаясь им, мы убедились, что построить однозначную типологию крайне сложно. Возьмем, например, приложения для доставки еды или вызова такси. Это что такое – цифровой продукт или цифровая услуга? Может быть, это просто традиционная услуга, которая реализуется с применением цифровой технологии? В то же время ее предоставляют с использованием приложения, подключенного к цифровой платформе, работа которой невозможна без интернета. Такие синтетические решения типичны для нашей эпохи; интернет – наш универсальный коммуникатор, связывающий с конкретным оператором услуги или же с хранилищем информации. Или давайте посмотрим на музыкальные, книжные, кинематографические подписки. Составить коллекцию всей музыки, всех книг, всех фильмов, созданных на планете, сегодня невозможно, никакого пространства не хватит. Но зато вместо этого можно оформить подписку. Подписка же – несомненная цифровая услуга; за ней, разумеется, стоят музыканты, писатели, режиссеры, но произведенный контент уже лежит в цифровом слое. На примере этого частного сюжета легко понять, что интернет стал частью более широкой цифровой реальности.

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ**

**ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?**

П.К.: Не кажется ли вам исходя из сказанного, что интернет как объект уже перестает быть посредником? У нас на глазах оформляется какой-то гибрид, микс из цифровых и интернет-ных приемов, а сам интернет больше не выглядит как нечто самостоятельное. Но это довольно странно – мы же не пытаемся рассматривать обособленно, скажем, электричество и не говорим про его «пользователей».

К.Ф.: Да, аналогия с электричеством действительно уместна. Мы столкнулись с этой проблемой, пытаясь в ходе подготовки своего опроса разобраться с практиками и приложениями; просто голову тогда сломали. Обсуждая с пользователями разнообразие «точек входа», включающее телефон, планшет, лэптоп, стационарный компьютер, мы подумали: а есть ли вообще смысл в интересующем нас контексте разделять компьютеры, телефоны и другие цифровые устройства? Ведь интернет как универсальный проводник сродни электричеству, которое позволяет функционировать абсолютно любому электроприбору. Но люди, как мне кажется, не слишком проблематизируют интернет. У них есть социальная сеть, но то, что она «питается» от интернета, – уже не вопрос для обсуждения. Об этом начинают говорить и думать в единственном случае: когда сеть вдруг пропадает. До подобных моментов интернет воспринимается как нечто естественное, фоновое. Классическая STS-проблематика – когда что-то ломается, тогда и начинаем об этом думать.

П.К.: Но что именно ломается? С одной стороны, платформы и интернет можно рассматривать как своего рода инфраструктуры. С другой стороны, люди имеют к ним разный доступ. Кто-то в пандемию вынужден был учиться, а кто-то занимался легитимизацией своего образа жизни. Скажите, что предопределяло эту разницу – предшествующий опыт пользователей или что-то еще? И почему, если люди в пандемию по-настоящему начали осваивать новые навыки, таких приобретений оказалось совсем немного?

В.П.: Совсем немного – это если верить данным Росстата. Исходя из их цифр получается, что у определенной категории интернет-пользователей крайне низкие навыки и невысокая интенсивность обращения к интернету даже в тех случаях, если они, условно говоря, каждый день просматривают свой профиль в социальной сети. Как нам представляется, тут все-таки налицо цифровой навык – хотя, возможно, и не слишком продвинутый. Порой читаешь какой-то пост с использованием не очень распространенного термина и видишь, как люди

в комментариях спрашивают: «А что это такое?» Удивляешься, конечно, ведь так элементарно просто взять и загуглить! Но у некоторых людей нет такой естественной привычки – это факт. При этом, однако, сказанное не означает, что цифровые навыки у них начисто отсутствуют.

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ**

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

П.К.: Не ощущаете ли вы нужду в каких-то дополнительных исследовательских методиках или в расширении нынешнего концепта интернета? Ставя вопрос так, я имею в виду людей, для которых интернет уже давно стал не технологической, а скорее социальной средой. Об этом замечательно пишет дана бойд: она говорит, что у так называемых «цифровых аборигенов» (многим уже сильно за тридцать) совсем нет тех навыков, о которых вы рассуждаете – у них вообще другие отношения с сетью, они используют иные практики⁶. А у нас между тем метрики остались прежние. Не пора ли подключать какие-то дополнительные качественные инструменты, позволяющие оценивать и понимать этот «гибридный» интернет?

В.П.: Речь идет о разных подгруппах интернет-аудитории, и здесь действительно есть определенная проблема в том, как совмещать различные методы исследований. Скажем, мы опрашивали интернет-пользователей – людей, которые погружены в сеть. При этом, действительно, мы выделили сегменты с разным уровнем навыков, причем среди них обнаружили и те, у представителей которых уровень навыков невысок. Тем не менее структура собранного нами массива данных по социально-демографическим показателям отличается от структуры массива, полученного Росстатом. Кроме того, есть категории пользователей, которые мы вообще не в состоянии поймать, и никакое «тонкое взвешивание» не помогает. Иначе говоря, приходится признать, что значительную часть людей, которые в той или иной степени присутствуют в сети, нельзя зафиксировать с помощью онлайн-методов. Перед исследователем, естественно, встает вопрос методологии: если с помощью онлайн-рекрутмента можно описать представителей «ядерной» интернет-аудитории, то как быть с теми, кто вроде бы относится к интернет-аудитории, но крайне слабо интегрирован в нее? И вот тут возникает мысль о привлечении этнографических и иных качественных методов – хотя бы для того, чтобы понять, как пользуются цифровыми инструментами эти люди.

6 См.: Бойд Д. *Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. (См. рецензию на эту книгу в «НЗ»: Колозариди П. *Почему не существует цифровых аборигенов. Как интернет не меняет наших детей* // Неприкосновенный запас. 2021. № 4(138). С. 263–271. – Примеч. ред.)

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

П.К.: Невидимые пользователи – это тема, с которой, по моему мнению, связан определенный парадокс. С одной стороны, вы отмечаете, что увеличение числа пользователей, причем обладающих разными навыками, не прекращается. С другой стороны, постоянно слышны разговоры об усталости от удаленки и желании минимизировать сетевую часть нашей жизни. Возможно, это тоже не отражается в статистике – но как вы считаете, нельзя ли сейчас говорить о своего рода неприятии тех элементов интернета, которые недавно считались чем-то незаменимым?

{ Значительную часть людей, которые в той или иной степени присутствуют в сети, нельзя зафиксировать с помощью онлайн-методов.

К.Ф.: Нет, мы не отмечали ничего подобного. Но дело в том, что наша фокусировка на практиках и на образе жизни и не предполагала проблематизации собственно интернета и отношения к нему. Обсуждая приложения и точки входа в сеть, мы, в конечном счете, анализировали различные аспекты повседневности. Например, ты регулярно бегала в парке или занималась спортом на открытых тренировках, а потом вдруг тебе запретили это делать. Ты продолжила заниматься дома? И если да, то как – с живым тренером онлайн, с виртуальным тренером-программой или вообще самостоятельно? Вот в таком ключе мы работали. Нас интересовала не сама специфическая практика, а факт ее реализации с помощью интернета. Вопрос же о неприятии интернета или даже отвращении к нему – другая проекция. Тут уже не важны ни приложения, ни точки входа, да и тип сервиса тоже. Существенно лишь то, как ты себя в этом процессе осознаешь. Да, наверное, можно попробовать построить какую-то типологизацию и зафиксировать это в количественном опросе, например, через оценку удовлетворенности или комфортности, но мне кажется, что здесь гораздо более важен качественный срез. А если так, то мы упираемся в необходимость расширения методологии, о чем говорилось выше. В указанном смысле любопытен эпидемический пример перехода образования в онлайн. Там, действительно, здорово ощущается усталость. Но, задумываясь, без труда приходишь к выводу, что практики, которые мы наблюдали в первые месяцы пандемии – я говорю об отправке в интернет традиционных учебных курсов, – это лишь вынужденный переход к взаимодействию посредством экрана, а никакое не онлайн-образование. Последнее строится совер-

шенно по другим принципам, там свои форматы, правила и методики. Мы же наблюдали скорее перетаскивание традиционных очных форматов в цифровую среду – это были костыли, а не интеграция. Вот он – «неудобный» интернет.

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ**

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

П.К.: Переход, о котором вы говорите, в значительной степени зависел от того, как действовали и образовательные структуры, и отдельные люди – причем не в медийном пространстве, а на бюрократическом и организационном уровнях. Однако интернет – это еще и те штуки, о которых мы не особенно думаем: всевозможная техническая оснастка и внутренняя машинерия. Интересно, а как в этом аспекте соотносились видимый интернет и невидимый интернет, они сближались или отдалялись?

К.Ф.: Мы спрашивали пользователей, устанавливали ли они в последнее время новый софт или приложения, и если да, то какие. У нас предусматривались разные рубрики для таких программ: финансы, медиа, сервис, подписки (на музыку или кино), спорт, безопасность и так далее. И через это, собственно, мы фиксировали проникновение интернета в пандемийную повседневность. Чего мы не делали, но что между тем предоставляет дополнительную информацию об интернете – мы не отмечали производимые абонентами изменения скорости и качества подключения. Ведь когда трафика вдруг становится много, возникает необходимость усовершенствовать канал связи: увеличить скорость или усилить сигнал. В статистических обследованиях домохозяйств предусмотрен показатель доступа к широкополосному интернету, но в социологическом опросе акценты можно расставить по-другому, сосредоточившись именно на самой пользовательской ситуации. Так, в первую волну резко возрос спрос на качественные веб-камеры и кольцевые лампы освещения, позволяющие улучшить качество картинки при чтении и записи лекций. Я точно знаю, потому что это обсуждалось в преподавательских кругах, хотя, на мой взгляд, это не массовая история, да и не совсем про интернет.

П.К.: А сюда включены истории про школы на селе, где ученики и преподаватели в локдаун собирались порой вокруг здания почты, поскольку интернет имелся только там?

В.П.: Это еще одна отсылка к невидимым пользователям: в онлайн-панелях сельские жители мало представлены. Не стоит забывать, что для онлайн-опроса важно качество соединения и оборудования. Если у человека плохая связь, то у него может зависнуть анкета – и он вылетит из опроса.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

К.Ф.: Мне тем не менее кажется, что это «ловится» как раз на сопоставлении нашей онлайн-выборки и общих статистических данных. Сопоставляя несколько источников данных, мы выстраивали свою выборку весьма хитрым образом. Причина заключалась в том, что одних только данных Росстата нам было мало: они не позволяли выделять отдельные группы онлайн-пользователей. И это при том, что у коллег вроде бы всероссийское обследование, большая вероятностная выборка, простые вопросы – «пользуетесь / не пользуетесь», «как часто» и так далее. Но признаков все равно не хватало.

Практики, которые мы наблюдали в первые месяцы пандемии, – это лишь вынужденный переход к взаимодействию посредством экрана, а никакое не онлайн-образование. Мы наблюдали скорее перетаскивание традиционных очных форматов в цифровую среду – это были костыли, а не интеграция.

В.П.: Тут важно иметь в виду, что в ходе онлайн-опросов возможны перекосы. В базе Росстата, которая доступна для скачивания, есть разделение на поселения городского и сельского типа. Пользователей из сельских поселений мы, конечно, можем опросить, но в значительно меньшем объеме, чем хотелось бы; городские же поселения сами бывают очень разными, среди них есть и очень малые, и очень большие. Разбивка по населенным пунктам не слишком удобна, когда вы проектируете выборку опросов по онлайн-панелям. Поэтому приходится привлекать данные репрезентативных опросов ФОМ и ВЦИОМ, чтобы посмотреть, какова дробность структуры по типам населенных пунктов, выявляемая ими. Желая скорректировать перекося в сторону более обеспеченных пользователей, мы добавляли стандартный вопрос о субъективной оценке доходов. Его подчас критикуют, но на него очень просто ответить. Впрочем, как бы то ни было, часть сегмента интернет-аудитории все равно осталась для нас невидимой.

К.Ф.: Да, этих людей не было в онлайн-панелях в принципе, но это точно интернет-аудитория. В итоге, собственно, и родилась сама идея невидимых пользователей.

П.К.: Как мне представляется, ваши исследования могут служить важнейшим основанием для принятия принципиальных решений: например, продлевать какие-то онлайн-режимы

или нет. В моем идеальном мире воображаемый бюрократ сопоставляет риски пандемии с цифрами из ваших отчетов – и, возможно, в тот момент у него рождается понимание, что существенная часть наших экономических проблем обусловлена неспособностью граждан освоить необходимые цифровые навыки. Но так ли это на самом деле? Чувствуете ли вы значимость своей работы как составляющей меняющегося инфраструктурного ландшафта страны?

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ**

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

В.П.: Одна из насущных проблем – дефицит умений, гарантирующих безопасность в интернете. Пользователи с низким уровнем цифровых навыков оказываются наиболее уязвимыми мишенями для цифровых мошенников. Поэтому надо не просто интегрировать максимально широкие слои населения в интернет, но и подчеркивать важность освоения азов цифровой безопасности. Пока такие навыки есть только в группе продвинутых пользователей, которая в масштабах всей аудитории (и населения в целом) крайне мала. Отношение к технологиям среди этой группы принципиально отличается от того, что мы наблюдаем в остальных группах. При этом ее члены осознают наличие рисков, но чувствуют себя готовыми противостоять им. Это обеспечивает им уверенность в цифровом окружении и открытость к технологическим инновациям.

П.К.: Но что вы все-таки скажете по поводу моего идеального мира? Бюрократы прислушиваются к вам, и если да, то в какой мере?

К.Ф.: У нас недавно была очень интересная дискуссия с профессором Инной Девятко, заведующей кафедрой анализа социальных институтов Высшей школы экономики. Она обратила внимание на интересную вещь, которая многое объясняет: нынешняя пандемия стала первой, которая разворачивается при наличии социальных сетей. Иначе говоря, это первый случай, когда люди не просто активно интересуются происходящим или ищут информацию о событиях, но и сами высказываются, интерпретируют происходящее, делятся мнениями и опытом. И где же это делать, как не в интернете? Раньше люди тоже искали спасения от бедствий в сообществах, но сейчас границы этих сообществ невероятно расширились. С одной стороны, современный человек вроде бы оказался в изоляции – наедине с собой или с теми, кто делит с ним жилье, – но, с другой стороны, у него есть доступ к тысячам или даже миллионам других людей, которые, как и он, пытаются осмыслить происходящее. Это фиксируется и в нашей исследовательской работе: все потихоньку погружаются в сеть. Согласно нашим под-

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ,
ВАЛЕНТИНА ПОЛЯКОВА,
КОНСТАНТИН ФУРСОВ

ИЗ КАКИХ ЦИФР СОСТОЯТ
ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ
РОССИЯН?

счета, порядка 70% людей стали активнее в онлайн. Наряду с этим мы зафиксировали и определенный «цифровой разрыв», который хорошо просматривается в том числе и благодаря той самой невидимой аудитории, что упоминалась выше. Стало очевидно, что распространение онлайн-практик идет крайне неравномерно.

П.К.: Иначе говоря, ваши результаты зафиксировали своеобразный «эффект Матфея»: «Богатый становится богаче, сильный – сильнее, а шансы остальных на успех только падают».

К.Ф.: Действительно, если пользователь не был интегрирован в сеть и ему никто не помог, то новая ситуация лишь ухудшила его положение, потому что быстрая адаптация оказалась невозможной. Кстати, идеальному бюрократу этот вывод должен показаться важным, поскольку от понимания ситуации зависит принятие принципиальных решений: какие сервисы развивать, с какими группами населения работать и так далее. В Москве любят рассказывать об активности пользователей сайта *gosuslugi.ru*: мол, все уже в цифре, активность пользователей растет, а аудитория ширится. Но, по нашему мнению, все не так однозначно. Мы, например, вскрыли интересный сюжет о том, что проводниками в интернет для людей старшего поколения зачастую становились родственники. Это чудесно, но мы не знаем наверняка, учили ли они старшее поколение пользоваться электронными госуслугами или же просто выполняли за пожилых нужные операции, в том числе и с их собственных аккаунтов? С чем мы имеем дело – с инклюзией или с углубляющимся разрывом? Отсюда, собственно, и вопросы, которые, по идее, должны интересовать идеального бюрократа: как развивать навыки не компенсаторным механизмом, а прямым и непосредственным вовлечением, как втягивать в цифровую среду людей, которым вроде бы это не нужно, но которые без цифровой интеграции рискуют проиграть? Во всяком случае нам очень хотелось бы, чтобы такие темы обсуждались. И мы своей работой пытаемся способствовать этому.

Ковид в русских и итальянских мемах: от отрицания до взаимной поддержки

АНДРЕА
МАРСИЛИ,
АННА
ЩЕТВИНА

Пандемия коронавируса оказалась сильным стимулом для самого разнообразного цифрового творчества: арт-флешмобы в соцсетях, записи в блогах в духе «10 рецептов домашнего хлеба для “чайников”», сложносоставные советы о приеме имбиря и чеснока – а еще мемы. Во время пандемии появилось столько мемов, что исследователи и практики стали выделять их в отдельный жанр – карантинные (*quarantine*). Вроде бы коронавирус – довольно тяжелая тема, над которой кажется неуместным смеяться, – так почему же мемы оказались так популярны?

На уровне здравого смысла мемы могут ассоциироваться с шутками и смехом, но это далеко от реальности. С их помощью люди выражают разные эмоции и чувства, выстраивают солидарность, находят форму для выражения того, что сложно описать словами. Чтобы понять роль карантинных мемов, в октябре–ноябре 2020 года мы провели ретроспективное исследование в двух странах – России и Италии. Мы исходили из интуитивного предположения, что мемы помогают людям осмыслить пандемию. Как относиться к вирусу и ограничениям – всерьез или расслабленно? О чем волноваться, а что не стоит принимать близко к сердцу? Как действовать в контексте пандемии, где теперь проходит граница между тем, что хорошо и плохо? Карантинные мемы работают с этими вопросами – а иногда и предлагают четкие ответы.

Мы считаем, что это явление – реакция на кризисную ситуацию и одновременно конструирование самого кризиса. Но что значит «конструирование кризиса» – уж не обвиняем ли мы мемы во всех пандемийных бедах? Совсем нет – говоря о такой роли мемов в пандемии, мы опираемся на идею медиа-исследователя Антуна Де Рикера, который предположил¹, что явления, которые в повседневном языке называются «кризисом», можно рассматривать как социальную практику. Кризис, беда,

Андреа Марсили – исследователь городского и уличного искусства, а также современных низовых субкультур.

Анна Щетвина (р. 1997) – независимая исследовательница интернета, координатор клуба любителей интернета и общества. Сфера научных интересов – культуральная история веба, *digital disengagement*, культурная апроприация технологий.

1 DE RYCKER A. *Reconceptualizing Crisis. «Doing Crisis» as a (Re)contextualized Social Practice* // PATRONA M. (Ed.). *Crisis and the Media Narratives of Crisis across Cultural Settings and Media Genres*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018.

катастрофа не просто приходят и наступают откуда-то извне, а конструируются социально, то есть с помощью определенных действий, использования конкретных пространств и предметов, особых навыков, через наделение происходящего рядом конкретных смыслов, которые разделяются и поддерживаются людьми. Если мы считаем пандемию кризисной ситуацией, посвященные ей мемы можно счесть одной из практик, через которую люди выстраивают понимание и способы поведения.

Мемы могут ассоциироваться с шутками и смехом, но это далеко от реальности. С их помощью люди выражают разные эмоции и чувства, выстраивают солидарность, находят форму для выражения того, что сложно описать словами.

Италия и Россия оказались в фокусе нашего внимания по нескольким причинам. Хотя мемы – глобально узнаваемый и широко используемый формат цифрового контента, тематически они укоренены в определенных культурных кодах. Мемы отсылают к конкретным знаменитостям, традициям и явлениям, которые могут быть известны только отдельным группам интернет-пользователей. Работа с несколькими странами позволяет одновременно увидеть закономерности в использовании мемов как глобального формата и сохранить чувствительность к местному контексту. Выбор конкретно этих двух стран был связан с нашей коллаборацией: Анна большую часть жизни провела в России, а Андреа – в Италии, и наши знания языка и контекста своих стран помогают в интерпретации мемов из этих регионов.

В результате исследования появилась возможность выделить несколько способов адресации пандемии, которые мы обозначили как *стратегии фреймирования*: отчуждение, избегание, обеспокоенность, анализ/критика, одомашнивание, субверсия, признание эмоций и эскапизм. Посмотрев, как эти стратегии существуют во времени, мы поняли, что процесс производства коронакризиса не был линейным и однозначным. Практика карантинных мемов – это длительный процесс, в котором различные представления о происходящем возникали и накладывались друг на друга, коррелируя с новыми ограничениями и новостями о коронавирусе.

Такое исследование карантинных мемов, с одной стороны, показывает нам спектр разных фольклорно воспроизводимых отношений людей к вирусу и пандемии, конструирование восприятия кризиса. С другой стороны, результат этого исследования – иллюстрация того, что мемы как практика не существуют

в статике, а динамично меняются одновременно с другими сферами медийной жизни и повседневности.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

ЧТО ТАКОЕ МЕМЫ И КАК ИХ ИССЛЕДУЮТ

Интернет-мемы на первый взгляд могут показаться не самой важной частью современной культуры. Потенциал символического фреймирования и культурных репрезентаций у кино и высокого искусства хорошо описан, а вот мемы в 2021 году скорее остаются периферией исследований и критики. Но кое-что мы уже можем сказать об этой сфере. Интернет-мемы – это небольшие единицы цифрового контента, которые могут принимать разные формы – картинок, видео, гифок, мелодий или движений. Они легко распространяются и творчески адаптируются к разным контекстам и ситуациям. В исследованиях *teme studies* объектами интереса обычно оказываются семиотика мемов, их политическое влияние, сообщества, которые выстраиваются вокруг этого контента. Рассуждая о возможных определениях, Лимор Шифман акцентирует внимание на том, что эти объекты всегда связаны с некоторым полем. Знания об этом поле влияют на новые техники выразительности и форматы, которые люди используют при создании мемов². Можно сказать, что эта практика похожа на своеобразную игровую площадку, в рамках которой люди переставляют детали визуального конструктора – меняют стили, играют с содержанием и отсылками. Известный пример – мем «Loss», его суть сводится к четырехчастной геометрической структуре, которую люди пытаются найти где угодно. Когда они находят и «клеят» находку словом «Loss» или другим узнаваемым способом, мем воспроизводится. Эта своеобразная игра в узнавание вообще очень характерна для данной практики.

Чтобы воспроизводить мем, нужно уметь его читать и понимать его значения. Это требует особого знания, разделяемого создателями и читателями/распространителями. Кристина Морено-Альмейда, исследуя политические мемы в Марокко, акцентирует внимание на том, что тематически и по своему семантическому устройству они отсылают не к опыту одного читателя, а к некоторому общему, коллективному опыту³. То есть, когда человек читает мем, он чувствует единение, общее знание с автором и с другими людьми, которые лайкнули пост

² SHIFMAN L. *Memes in Digital Culture*. Cambridge: MIT Press, 2013.

³ MORENO-ALMEIDA C. *Memes as Snapshots of Participation: The Role of Digital Amateur Activists in Authoritarian Regimes* // *New Media & Society*. 2021. Vol. 23. № 6 (<https://doi.org/10.1177/1461444820912722>); NISSENBAUM A., SHIFMAN L. *Internet Memes as Contested Cultural Capital: The Case of 4chan's /b/board* // *New Media & Society*, 2017. Vol. 19. № 4. P. 483–501.

или переслали его кому-то еще. И это общее знание/понимание особенно привлекательно, в нем можно угадать даже конспирологическое удовольствие.

Общность опыта не просто «защита» в структуру мема – она связана еще и с тем, как мемы возникают и передаются. Важнейшая часть жизни мемов – постоянное участие, вовлеченность. Люди, практикующие мемы, могут переходить из роли читателя в роль создателя и наоборот – это культура соучастия, уход от авторства в пользу коллективной практики низового творчества⁴. Мем жив, пока его воспроизводят и трансформируют, лайкают и постят. Именно из-за этой активности многие исследователи предлагают рассматривать мемы как практику, а не просто как совокупность цифровых объектов. Мемы практикуются и существуют в первую очередь в действиях.

Мемы выражают разные чувства, состояния. В этом смысле мемы не только про шутки и смех – кроме смехового, мемы могут вызывать и иные эффекты. Например, иронические и саркастические мемы – они, скорее, осуждают нечто. Акцент на мгновенные сильные переживания цепляет смотрящего, заставляет его откликнуться. Анастасия Денисова, например, предлагает выделять в мемах три эмоции, которые побуждают людей к реакции: умиление, гнев или обеспокоенность⁵.

Комбинируя эмоциональную заряженность и инсайдерские отсылки, мемы оказываются очень сильным механизмом по установлению или закреплению норм: что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо. Многие из них строятся на прямых или завуалированных моральных суждениях. И наоборот, если мы не разделяем какой-то идеологии, заложенной в меме, он не покажется нам смешным. Если мы осуждаем сексизм, будем ли мы смеяться над шуткой, построенной на высмеивании «глупых блондинок»?

КАРАНТИННЫЕ МЕМЫ КАК ПРАКТИКА

При рассмотрении карантинных мемов в качестве практик мы совместили две оптики – теорию практик Элизабет Шов, Мики Панцара, Мэтта Уотсона⁶ и идею Антуна Де Рикера о «кризисе как практике». Де Рикер утверждает, что явления, которые на языке здравого смысла называются «кризисами», конструиру-

4 BURGESS J.E. *Vernacular Creativity and New Media*. Ph.D. Thesis. Queensland University of Technology, 2007 (https://eprints.qut.edu.au/16378/1/jean_burgess_thesis.pdf).

5 DENISOVA A. *Viral Culture, Memes in Society and Politics* // Westminster Papers in Communication and Culture. 2020. Vol. 15. № 1. P. 74–79.

6 SHOVE E., PANTZAR M., WATSON M. *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes*. Thousand Oaks: Sage, 2012.

ются через практики. Пандемия – как раз подобная кризисная ситуация, в которой привычный порядок жизни сильно пошатнулся. Люди использовали мемы как коллективный способ надолго отсрочить наступление кризиса и его разные этапы.

Но что такое практика? Например, как мы отделяем практику от просто действия? Элизабет Шов и ее соавторы предлагают рассматривать практику как комбинацию *материалов, компетенций и значений*.

Материалы в данном случае – это специфические физические объекты, вещи, пространство, в которых действие осуществляется. Поскольку мемы существуют в интернете в виде простых единиц контента, они не очень требовательны к физическому материальному окружению. Мемы могут передаваться самыми разными способами – их могут показывать на экране телефона другу при офлайн-встрече. В этом смысле материальный контекст мемов очень разнообразен. Но, кроме физических объектов, мемы задействуют особые интерфейсы – например, группы в социальных сетях или мессенджеры. Чтобы описать мемы как практику, нужно описать соответствующие интерфейсы и их особенности. Для этого исследования мы решили сфокусироваться на группах в социальных сетях, в которых люди публикуют и обсуждают мемы.

Компетенции – это знания и умения, которые есть у участников практики. Например, навыки, которые нужны пользователю, чтобы создать смешной мем или чтобы уместно его прокомментировать. В случае карантинных мемов это так же знания о пандемии и оценка происходящего, которая будет поддержана другими участниками практики. Ведь если выразить с помощью мема нереалистичное или слишком непопулярное (но и недостаточно яркое) мнение о происходящем, он не вызовет реакции.

И, наконец, *значения* – это сеть из разных смыслов, с которыми связана практика сама по себе и отдельные ее элементы для участников. Это эмоции, ценности, иерархии, нормы, связанные с мемами и реакцией на них. Согласно Де Рикеру, при конструировании кризиса важно, как люди описывают свою позицию по отношению к кризису, какими значениями наделяют эти отношения между собой и происходящим.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

МАТЕРИАЛЬНОСТЬ

Для исследования мы взяли по одной популярной платформе для каждой страны – *Facebook* для Италии и «ВКонтакте» для России. Мы выбрали открытые группы (паблики), посвященные юмору, с наибольшим количеством подписчиков. В *Facebook* –

077

ПАНДЕМИЯ/ИНТЕРНЕТ +
ОПЫТ И ЗНАНИЕ

четыре группы с количеством подписчиков от 300 тысяч до 4,1 миллиона. Во «ВКонтакте» это была одна, но наиболее популярная группа с 12 миллионами подписчиков (на конец октября 2020 года).

Facebook – самая популярная среди итальянцев платформа. Всего в его итальянском сегменте 35 миллионов профилей, что составляет почти 60% населения Италии на 2020 год⁷. Мемами на Facebook обмениваются разными способами, но мы рассматривали только *группы*. Группы – низовое медиа внутри платформы, на которое люди могут подписываться и в котором могут участвовать. Наиболее популярные группы, которые специализируются на мемах, иерархичны: публикуют контент только администраторы, а остальные люди читают, комментируют или репостят. В январе–ноябре 2020 года основными инструментами взаимодействия с постами были лайки, репосты и комментарии. В секции комментариев люди зачастую публикуют ответные мемы, как бы продолжая разговор на тему, которую поднял пост, или выражая свои переживания от мема – особый *mood*.

«ВКонтакте» – самая популярная социальная сеть среди российских пользователей⁸, его аудитория насчитывает 73,4 миллиона человек⁹, что составляет 83% пользователей Интернета в России¹⁰. Устройство «ВКонтакте» напоминает *Facebook* – с профилями, лентами, сообщениями и группами. Как и в *Facebook*, лайки, репосты и комментарии – основные способы взаимодействия, которые предлагает социальная сеть. Небольшая разница между платформами связана с тем, как люди выражают свою эмоциональную реакцию на пост. Если в *Facebook* можно выбрать эмоцию-реакцию, то во «ВКонтакте» на тот момент была только одна универсальная кнопка «Нравится» (в виде сердечка). Чтобы конкретизировать свою реакцию, люди оставляли комментарии с соответствующими эмоджи¹¹ – например, смеющиеся, злые или испуганные лица, иногда отдельные слова или фразы.

7 *Digital 2020 Italia* [ноябрь 2020 года] (<https://wearesocial.com/it/digital-2020-italia>); *Digital 2020 Russia* [ноябрь 2020 года] (<https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation>); *Facebook Users in Italy* [январь 2020 года] (<https://napoleoncat.com/stats/facebook-users-in-italy/2020/01>).

8 *Website Ranking* [декабрь 2020 года] (www.similarweb.com/website/vk.com/#overview).

9 «ВКонтакте» рассказала о росте выручки более, чем на 20%, и аудитории в России – до 73 млн (<https://vk.com/press/q1-2020-results>).

10 *Global Web Index's Flagship Report on the Latest Trends in Social Media* [2020] (www.globalwebindex.com/hubfs/Downloads/Social%20flagship%20report%20Q3%202020%20-%20GlobalWebIndex.pdf).

11 Эмоджи – небольшие графические изображения определенного типа. Платформы (например *Facebook* или «ВКонтакте») предлагают ряд эмоджи на выбор – обычно это лица с разными их выражениями и атрибутами, а еще предметы, части тела, звери, животные, геометрические формы.

КОМПЕТЕНЦИИ И ЗНАЧЕНИЯ: КАК ЧИТАТЬ МЕМЫ

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

Анализ компетенций, необходимых для создания и восприятия карантинных мемов, сильно переплетен с пониманием значений. Это знания культурного контекста, новостей и других отсылок, которые авторы задействуют, чтобы сделать мем, а читатели – чтобы прочесть и отреагировать. Исследователь встает в позицию читателя и пытается развернуть сеть знаний, которые нужны для прочтения мема.

Хотя сам метод такого пристального чтения не был строго методологически структурирован, мы анализировали каждый мем исходя из ряда его характеристик:

– *Элементы* – как мем устроен на уровне изображения, из каких элементов состоит, как они сочетаются друг с другом.

– *Визуальный стиль* – элементы формы в их общности, визуальные отсылки мема к другим мемам или явлениям. Например, лягушка Пеппе может ассоциироваться с фразой «Feels good bro», с неудачниками, к которым легко почувствовать эмпатию, и даже с альт-райт идеологией. Коллажи с котами, бабочками, яркими цветами – с платформой «Одноклассники», как некоей неопределенной идеей старшего поколения, а также – с постиронией.

– *Форма/шаблон* – какие вариации мема возможны/существуют, чем они отличаются друг от друга, а что остается неизменным. В исследовании мы обычно работали с одной вариацией мема – одной картинкой, которая создана по какой-то форме или логике, известной по множеству других мемов (например «девушка пробует комбучу»). Знание шаблона позволяет понять, на чем мем ставит акцент, в чем оказывается знакомым своей аудитории, а что оригинально обыгрывает.

– *Имплицитное знание* – какие знания о политике, повседневности, других мемах и тому подобном нужны, чтобы понять мем и посмеяться/отреагировать.

– *Эмоциональный модус* – какую реакцию пытается вызвать мем. Здесь нужна интроспекция в сочетании с наблюдением за цифровыми следами. Какие чувства вызывает мем у исследователя? Он смешной? Он ироничный? Он злой? Хочется ли, увидев мем, посмеяться над кем-то конкретным, или над ситуацией, или над собой? Или же он вызывает чувство ироничной жалости к себе? Или к кому-то еще? После этого реакция исследователей соотносится с тем, как на этот мем реагировали люди в комментариях.

– *Идея и нормативность* – что мем говорит о мире, как его описывает. Возможно, мем дает прямое высказывание по какой-то теме. Или (в большинстве случаев) имплицитно подразумевают определенное понимание хорошего/плохого, смешного/

079

ПАНДЕМИЯ/ИНТЕРНЕТ +
ОПЫТ И ЗНАНИЕ

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА
КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

серьезного, своего/чужого. А иногда наоборот, мемы пытаются подорвать привычные категории, задаются вопросами или выказывают недоумение по поводу чего-то.

Такое пристальное чтение отдельных изображений было направлено на развертывание сети компетенций, стоящих за каждым отдельным мемом, и на первичное понимание его значений. Как и с любой другой практикой, здесь важен контекст. Открытка с блестками и пожеланием доброго утра может быть отправлена серьезно, а может – как шутка, в зависимости от того, кто, когда и кому, в каком медиуме ее отправил. Использование лягушонка Пепе в картинке может намекать на расистский подтекст, а может и не иметь особого явного значения.

Илл. 1. Мем из русско-
язычного паблика
«Леонардо Дайвинчик».

КОРОНАВИРУС - ЭТО КОГДА ОДИН ЧИХНУЛ, А СТО УЖЕ ОБОСРАЛИСЬ, ПОЭТОМУ В МАГАЗИНАХ И НЕТ ТУАЛЕТНОЙ БУМАГИ

Люди уже совсем ...[ОБАЛДЕЛИ]

Таким же образом саркастичный мем о коронавирусе может высмеивать неких других, а может быть самоиронией. Чтобы понять, как мем считается в конкретной группе, мы смотрели на комментарии, которые люди оставляли к публикациям в социальных сетях. Комментарии как опора для трактовки мема важны и в самих практиках тоже. Так, в российской группе, с которой мы работали, мемы представляли собой не просто картинку, а якобы скриншот изображения и комментария анонимного пользователя к нему. Это комментарий направляет восприятие картинки – дополнительно объясняет позицию, с которой этот мем стоит читать. Например, комментарий высмеивает панику людей (илл. 1), которые поспешили скупить товары первой необходимости перед локдауном. Этот мем можно было бы прочесть как самоироничный, но комментарий четко отделяет «нас» – читателей мема – от «других», которых «мы» осуждаем за такое поведение.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

КТО ТАКОЙ ЭТОТ ВАШ КОРОНАВИРУС

Сбор материалов, этнографические наблюдения и анализ проводились в октябре–декабре 2020 года. Исследуя группы в *Facebook* и «ВКонтакте», мы собрали базу из 322 мемов (по 161 на каждую социальную сеть). В целом исследование было разделено на четыре этапа. Сначала мы проанализировали, в каком материальном контексте и с помощью каких действий организована практика мемов. После этого мы попробовали выстроить систему кодов, обозначающих, каким образом они описывают коронавирус. Если мем не подходил под те описания, которые мы уже ввели, мы выделяли новый код. Каждая картинка могла иметь несколько кодов. Получившуюся кодировку мы обозначили как ряд стратегий фреймирования, имея в виду, что каждая из таких стратегий предлагает свой способ адресации отношений людей к пандемии – и друг к другу во время пандемии. Всего мы смогли идентифицировать восемь таких фреймов: избегание, отчуждение, обеспокоенность, анализ/критика, одомашнивание, субверсия, эскапизм и признание эмоций.

Избегание

Часть мемов выражала сомнение, что коронавирус вообще достоин такого внимания. Эти мемы высмеивают панику, пытаются снизить градус напряжения и показать, что страхи преувеличены (при этом опираясь на метафоры и яркие образы,

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

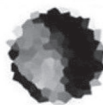
ЧТО РАССКАЗЫВАЮТ В СМИ:

ЧТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ:

Илл. 2. Мем из русско-
язычного паблика
«Леонардо Дайвинчик».

Это про коронавирус?

а не на проверенную информацию). Это стратегия вытеснения коронавируса и связанной с ним проблематики из общественной повестки, утверждение, что он занял слишком много места, причем безо всяких на то оснований. Коронавирус надоел, от него устали, поддерживающие фразы вызывают только желание закатить глаза, а телевизор хочется выкинуть на помойку. Иногда эти мемы прямо выражали неверие, что коронавирус существует. Например, мем иронично свидетельствует: СМИ преувеличивают опасность коронавируса (илл. 2). Italianские мемы были менее скептически, и даже в ситуациях, где картинку

можно было прочитать разными способами, люди в популярных группах выбирали тот, который признавал коронавирус как нечто значимое. Например, один итальянский мем состоял всего лишь из фотографии человека с плакатом «Коронавируса не существует. Отключите 5G». Как это интерпретировать? На первый взгляд в самой картинке нет никакой оценочности, это просто фотография человека с плакатом – с ней можно согласиться, а можно ее высмеять. Все комментаторы (если мы убеждены, что администраторы не почистили комментарии) высмеивают человека с плакатом и считают подобное утверждение глупостью и конспирологией. «Избегающие» мемы появились и пережили пик популярности в момент, когда в обеих странах вводили первые сильные ограничения (март–апрель 2020-го). В контексте конструирования кризиса эти мемы были попыткой избежать всеобщности и серьезности пандемии, вытеснить ее как нечто важное из общественного дискурса.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

Отчуждение

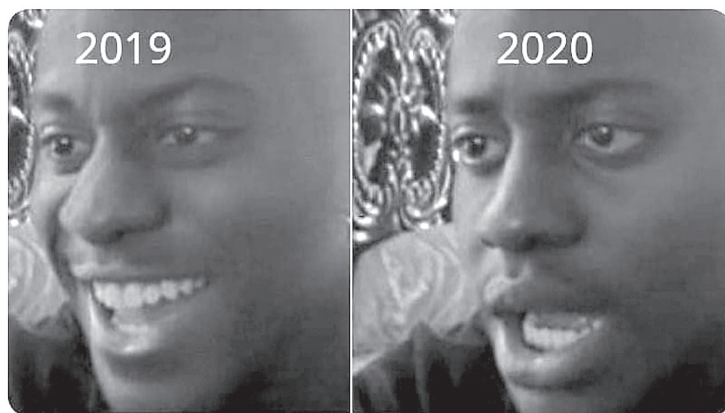
Этот способ фреймировать пандемию и связанные с ней явления рисует коронавирус как чужой, далекий, *не наш*. Эта стратегия уже признает его существование, но отрицает собственную причастность к нему. Он заражает китайцев, а не нас. Тех, кто живет в «плохих регионах», а не нас. Тех, кто отличается от нас. Это стратегия дистанцирования, страха и ксенофобии, но еще – наделения происходящего некоей определенностью.

la partestrana dell'internet

"There are hot Asian girls in your area"

Илл. 3. Мем из итало-язычного паблика «Itrashtenimento 2.0». Подпись «Горячие азиатки недалеко от вас» отсылает к рекламе порно и сервисов онлайн-знакомств. Мем показывает две реакции на подобную фразу – в 2019 году герой мема обрадовался бы, а в 2020-м – испугался.

Вирус – эфемерное, неосязаемое – в этих мемах наделялся местом действия, понятной материальностью. Другая страна, другие тела – угроза, которая находится под боком, но не перешла границу.

Такое отношение к коронавирусу было особенно актуально на первых этапах пандемии, когда еще не было понятно, насколько проблема глобальна; в глазах практиков мемов мир четко делился на «опасные» и «безопасные» места. Конечно, сначала опасной зоной был Китай, а заодно и люди азиатской внешности, проживающие в родной стране. Но потом такие же мемы стали появляться про «красные» регионы – например, Ломбардию в Италии. Общаясь под постами с мемами, люди из обеих стран агрессивно выражали неприятие по отношению к «опасным» группам, обвиняя их в происходящем.

Обеспокоенность

В какой-то момент игнорировать пандемию стало сложно. Даже если не все люди поверили в существование коронавируса, его последствия затронули и итальянцев, и россиян – страны закрыли границы, ввели ограничения, установили локдаун. Вероятно, из-за этого с февраля–марта по май 2020 года многие мемы описывали коронавирус как что-то, с чем нельзя не считаться. Люди болеют и умирают, тревожные новости не заканчиваются, будущее оказывается туманным и непредсказуемым. На фоне этого солидарность, взаимная поддержка и немного юмора нужны, как никогда. Мемы становятся креативной формой для того, чтобы распространять новости, обозначать тему пандемии как серьезную и важную, в шутливой форме выражать свой страх перед неопределенностью.

Темы и общий настрой в мемах этого типа менялись со временем. Вначале обеспокоенность пандемией была направлена вовне – картинки выражали сочувствие другим странам и людям, советовали не сдаваться и смотреть в будущее с оптимизмом. Затем, с распространением вируса в Италии и России, они становились более информативными, сообщали о новых ограничениях, сравнивали жизнь до ковида с тем, что сейчас. Комментарии к постам такого рода – это или эмоциональные реакции, или личные истории о том, кого и как затронул ковид. Российские комментаторы были особенно эмоциональны. Посты с мемами, которые постулируют «ковид здесь, нам с ним жить», становились местом для выражения негативных эмоций, злости на ситуацию, чувства безысходности.

2015 ГОД:

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

2020 ГОД:

Горькая правда..

Илл. 4. Мем из русско-
язычного паблика
«Леонардо Дайвинчик».

Анализ и критика

Другая стратегия относилась к коронавирусу как к поводу подумать на другие темы – ситуация с медициной в стране, отношение к другим эпидемиям (например ВИЧ), состояние политической системы и экологии. Такие мемы иногда предлагали оригинальные идеи или некоторую попытку анализа пандемии. К примеру, один из постов «ВКонтакте» иронизировал над тем, как из-за коронавируса стало очевиднее, насколько сильно Москва отделена от остальной России. Через «аналитические» мемы люди пытались нащупать место пандемии в мире, критически сравнивая ее саму и ее последствия с другими явлениями, системами, стереотипами. Отчасти эта стратегия выверяет

**АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА**

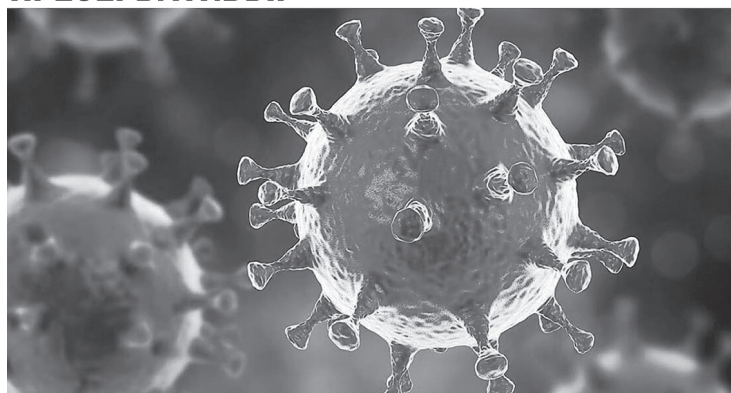
КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

степень вовлеченности в происходящее: если медики, государство и медиа утверждают, что нужно серьезно относиться к этому вирусу и сильно менять жизнь под него, то почему к другим важным явлениям в мире мы не относимся серьезно? Стоит ли пересмотреть приоритеты? Кроме подобного вопрошания, мемы могут и прямо критиковать какие-то решения или действия государства и отдельных людей. Российские мемы критикуют полицию, которая во время вынужденной изоляции скорее действует устрашающе, нежели эффективно. Итальян-

Илл. 5. Мем из италийского паблика «Itrashtenimento 2.0». За основу взята фотография, не связанная с пандемией, которую используют как метафору для иллюстрации неравномерного распределения внимания общественности. Подпись к человеку слева: «Когда эксперт-вирусолог говорит о коронавирусе». Подпись к человеку справа: «Когда кухонный эксперт распространяет фейковые новости по всему интернету».

**5 000 ЛЮДЕЙ УМЕРЛИ ОТ КОРОНАВИРУСА,
И ВЕСЬ МИР УЖЕ НАДЕВАЕТ МАСКИ.
35 МИЛЛИОНОВ ЗАРАЖЕНЫ ВИЧ, НО НИКТО
НЕ СЧИТАЕТ НУЖНЫМ НАДЕВАТЬ
ПРЕЗЕРВАТИВЫ.**

Илл. 6. Мем из русскоязычного паблика «Леонардо Дайвинчик».

ские мемы тоже критикуют полицию за неэффективность, но идея страха перед полицейскими не возникает. Важной темой также оказались фейковые новости и в целом вопрос экспертизы распространяющейся информации о коронавирусе. Так, многие мемы критикуют мнимых специалистов, которые публикуют слухи и непроверенные факты.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

Одомашнивание

Эти мемы можно назвать главным инструментом конструирования кризиса – через юмор они активно обживают различные изменения, которые стали происходить в мире. Не избегают и не отчуждают коронавирус, а включают его в привычные смысловые системы, связанные с повседневностью. Коронавирус в этих мемах становится практически бытовым, прирученным, как неудобный сосед, которого не выгонишь – значит, приходится искать способ жить вместе. Один из самых популярных приемов здесь – объединение коронавирусных тематик с известными стереотипами, образами или поп-культурой. Например, российские мемы сравнивают новый мир со вселенной

ИЗ-ЗА ПАНИКИ СВЯЗАННОЙ С КОРОНАВИРУСОМ «ПЯТЁРОЧКА» ПОШЛА НА КРАЙНИЕ МЕРЫ И ОТКРЫЛА ТРЕТЬЮ КАССУ

Галя переключилась в режим
повышенной готовности!

Илл. 7. Мем из русскоязычного паблика «Леонардо Дайвинчик» обыгрывает идею о том, что в магазине «Пятёрочка» все время не хватает рабочих касс. Некая абстрактная «Галя» – известный персонаж мемов, обобщенный образ старшего кассира или продавца.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

«Сталкера»; обыгрывают образы ученика, только и мечтающего о закрытии школы на карантин, и «неубиваемого русского алкоголика», который выживет в любых условиях. Italianские мемы цитируют Симпсонов, шутят про туалетную бумагу и сериал «Карточный домик» (на английском «The Paper House», «Дом из бумаги»). Другой способ одомашнивания пандемии – это ретроспективный взгляд на нее как бы из будущего. Так коронавирус становится не только частью настоящего, но и историей. Подобные мемы воображают мир через много лет, когда их авторы, став уже пожилыми, будут рассказывать внукам о пережитой самоизоляции. Если суммировать идею разных одомашнивающих мемов, она могла бы звучать так: «теперь мы живем в таком мире, это уже данность». Но такие картинки не просто рисуют новый мир – они объясняют, как в нем правильно жить, что теперь хорошо, а что плохо. Например, зло высмеивают противников ограничений и вакцинации. Или осуждают тех, кто не носит масок.

Илл. 8. Мем из италийского паблика «Meme dalla Terza Repubblica». Подпись: «Базовый набор “Давай встретимся, чтобы выпить кофе”». Изображение использует формат мемов под названием «стартер пак» (starter pack) – базовый набор вещей для какой-то деятельности, образа жизни или ситуации.

Субверсия

Мемы в рамках этой стратегии высмеивают страшное, как будто бы пытаясь снизить серьезность разговора про вирус, чуть осла-

бить эмоциональную вовлеченность. Например, они описывают вирус самыми абсурдными образами: люди в них используют ветчину или аквалангистские костюмы в качестве средств индивидуальной защиты, называют вирус «коровавирусом», накладывают поверх шарика с изображением вируса лицо Майка Вазовски из мультфильма «Корпорация монстров» – тоже зеленого шарика, правда из совсем другого контекста. Коллажи, странные фотографии, игра слов и смыслов – с помощью отсылок к популярной культуре и к одержимости максимальной креативностью пользователи смеются над собой и грустным миром, в котором вдруг очутились.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

Coronavirus non ti temo!

Илл. 9. Мем из италоязычного паблика «Itrashtenimento 2.0». Подпись: «Коронавирус, выходи на бой!».

Такое использование абсурдных приемов переворачивает отношения власти. «Корона», которая загнала всех в дома, заставила работать и учиться удаленно, разъединила близких, – это большая и влиятельная внешняя сила. Описывая ее глупыми образами, люди на время как будто бы получают контроль над ситуацией – хотя бы над ее смыслами. Если не можем победить, можем хотя бы высмеять.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА
КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

БОГАЧИ В 2020

Илл. 10. Мем из русско-
язычного паблика
«Леонардо Дайвинчик».

На рынке ценных бумаг лидирует туалетная

Эскапизм

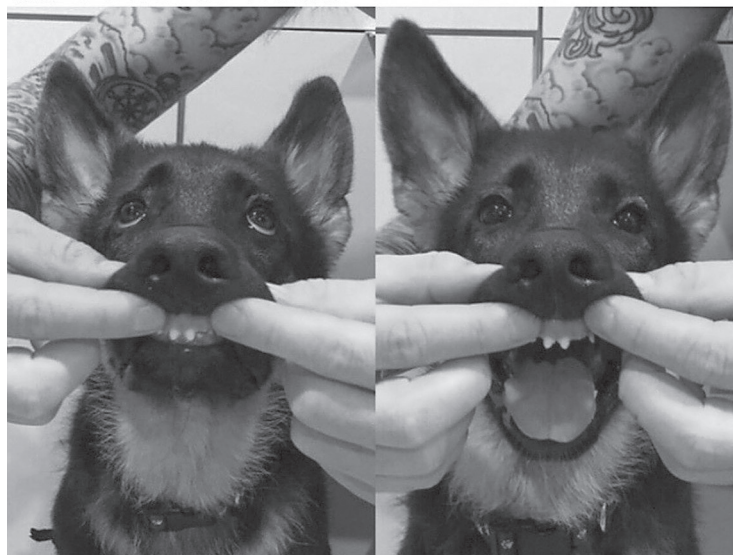
Эта стратегия встречалась реже остальных, но она хорошо их оттеняет. Эскапистские мемы отсылали к пандемии косвенно, публично отказываясь комментировать ситуацию от недостатка сил, эмоциональной истощенности. Они или рисуют утопичный мир, в котором все хорошо, или предлагают зрителям посмотреть на что-то простое, милое и хорошее, отвлечься от коронавируса и плохих новостей. В отличие от отрицающих мемов, эти картинки не комментируют коронавирус практически никак – они просто и прямолинейно предлагают уйти в другой мир, в котором все хорошо и нет проблем. Эта стратегия появилась уже во время локдауна, когда люди успели про-

**АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА**
КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

*Илл. 11. Мем из ита-
лоязычных пабликов
«Itrashtenimento 2.0» и
«Politically Rétro». Скрин-
шот из компьютерной
игры с подписью «Здесь
нет коронавируса».*

СЕГОДНЯ У ЭТОГО МАЛЫША ПРОРЕЗАЛИСЬ ПЕРВЫЕ ЗУБКИ. НЕ КОРОНАВИРУС. НЕ ПОЛИТИКА. ПРОСТО ЗУБКИ

Милафка

*Илл. 12. Мем из русско-
язычного паблика
«Леонардо Дайвинчик».*

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА
КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

сидеть несколько месяцев взаперти и устать от этого настолько, что хотелось сбежать в спокойный мир видеоигр и милых картинок.

Признание эмоций

Не все мемы, которые можно назвать «карантинными», фреймировали пандемию напрямую. Одна из стратегий, которую мы нашли, работала скорее с последствиями коронавируса – с эмоциональными состояниями людей, жизнь которых изменилась. Мемы помогали выразить сложные, специфические чувства и переживания, которые понятны только тем, кто испытал этот опыт. Например, одиночество, сводящее с ума, которое переживали люди, месяцами сидя взаперти. Или тревожное ощущение, что будущее размыто, а происходящее сейчас никогда не кончится.

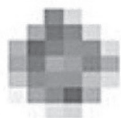

Илл. 13. Мем из италийского паблика «Trash Italiano». Подпись: «Осталось совсем немного».

Один из типов мемов, которые оказались тут актуальны, – это «добрые мемы» (*wholesome* – благотворные), – изображения, которые направлены напрямую на положительные эмоции (умиление, радостное сопереживание, чувство спокойствия и веры в себя). Например, картинки с надписями «Мы справимся» или истории отдельных людей, победивших коронавирус. Комментарии к таким мемам обычно тоже касались эмоций – люди солидаризировались с описанными ситуациями, писали, что тоже переживали подобное.

МОИ 4 СОСТОЯНИЯ НА САМОИЗОЛЯЦИИ:

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА
КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

Это я при карантине

Илл. 14. Мем из русско-
язычного паблика
«Леонардо Дайвинчик».

КАК СТРАТЕГИИ МЕНЯЛИСЬ СО ВРЕМЕНЕМ

Говорить о некоем стабильном фреймировании пандемии через мемы не оправданно. То, как люди говорили про ситуацию в марте 2020 года, совсем не обязательно схоже с тем, что и как они говорили в сентябре. Чтобы понять, как меняется рецепция и фреймирование пандемии, мы соотнесли базу мемов с таймлайнами развития пандемии в двух странах. За начальные точки были взяты новости о первых случаях коронавируса в Италии и России. За конечную точку – дата, условно отмечающая начало второй волны коронавируса в обеих странах – 31 октября 2020 года. Мы проследили изменения, прои-

зошедшие в темах и стратегиях, и сопоставили их с событиями, произошедшими в странах в то же время.

Когда мы собирали базу данных, мы отмечали дату, когда та или иная картинка была опубликована. Соотнеся эти даты с таймлайном развития ограничений, мы увидели, что самым важным событием, которое повлекло за собой активное осмысление, стал локдаун. В Италии он начался 8 февраля 2020-го, а постепенные смягчения начались 4 мая. На этот период приходится наибольшее количество публикаций постов с мемами о пандемии в день. В России мы видим аналогичную ситуацию: 16 марта закрываются школы и постепенно ужесточаются меры, в этот момент происходит бум постов на соответствующую тематику. Затем количество постов постепенно снижается, вероятно, из-за того, что в июне 2020-го важной темой для обсуждения стали поправки в Конституцию. В группах, которые мы исследовали, эта тема стала громким инфоповодом и потеснила переживания, связанные с карантином. Однако посты о коронавирусе продолжают стабильно публиковаться практически каждый день в течение всего периода, который мы изучали в данном исследовании.

Стратегии фреймирования, которые мы выделили, тоже появлялись и исчезали постепенно. Например, избегающие и отчуждающие мемы характерны для периода до карантина, когда в странах были официально зарегистрированы первые кейсы заболевания, но каких-то серьезных перемен в жизни людей еще не произошло. Во время локдауна, оказавшись взаперти, люди перестали пытаться отрицать или отчуждать роль вируса, а переключились на активное осмысление той новой повседневности, в которой они оказались. Анализ и критика помогли выверить масштаб, в котором о пандемии вообще стоит говорить и думать. Одомашнивающие и признающие эмоции посты легитимировали те мелочи жизни и эмоциональные состояния, которые изменились во время карантина. А когда сидеть дома стало невыносимо, популярными стали такие способы говорить о коронавирусе, как субверсия и эскапизм – возможно, потому что обычных шуток стало недостаточно и возникла потребность в более радикальном высмеивании перемен или в перемене дискурса.

На небольшой выборке, с которой мы работали, сложно проследить смену стратегий так, чтобы делать какие-либо глобальные обобщения. Для более точного понимания того, как стратегии сменяли друг друга, нужно анализировать сразу много групп и мемов. Но даже на использованном нами материале мы видим, что стратегии – это не нечто однородное, они возникают и практикуются как реакция на внешние события и динамику изменений, которые происходят с практикующими мемами людьми.

MEME THE PAIN AWAY: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

Мы не знаем, можно ли переносить эти результаты на другие регионы и аудитории. Может быть, в Бразилии или в локальных пабликах во Владивостоке стратегии были совсем другими. Может быть, за остаток 2020-го и в 2021-м появились новые. Все же изученные нами триста мемов – небольшой кусочек мемного мира. Но, даже работая с таким срезом, мы можем видеть, как одни и те же фреймы пандемии повторяются, воспроизводятся. Это позволяет говорить о том, что мемы – не ситуативные картинки, не отдельные единицы контента, которые важны только в контексте досуга и развлечений. Через практику создания, распространения, реакций мемы формируют и воспроизводят смыслы. Каждая стратегия фреймирования из описанных нами – это определенное понимание того, что такое пандемия и как автор и воображаемая аудитория с ней соотносятся. В этом смысле мемы вполне могут быть объектом исследования социальных репрезентаций и объектом критики, в том числе социально-политической. Например, критики расистских шуток об азиатках, высмеивания чужой (а не своей) боли и так далее.

Само начало разговора об этой сфере в России важно – и на уровне научных изысканий, и на уровне аналитики. На настоящий момент даже в международном поле мы практически не знаем исследований, которые рассматривают эту практику диахронически. В мемах часто видят статичный слепок мировосприятия, тревог, надежд, норм. Но в нашем исследовании мемы – это не слепок, это поток. И подход, в котором выделение стратегий связано с прослеживанием их изменений во времени, кажется здесь очень удачным. Мы видим, что какие-то смыслы кристаллизуются (например в виде фреймов), но затем возникают новые и новые, а потом вдруг старые приходят и опять становятся актуальными. В этом смысле, если исследователь будет смотреть только на мемы апреля 2020 года и популярные только в одной социальной группе в Италии, он увидит в основном добрые мемы, поддерживающие, признающие эмоции. Увидит и скажет: «В этой группе людей мемы служат для поддержки друг друга, заботы об эмоциональном состоянии». Но такое исследование даст срез лишь одного из процессов. Упущенными окажутся злобные расистские мемы февраля 2020-го; мемы, отрицающие важность ковида вообще, и другие фреймы – все, через что эти же люди уже прошли к апрелю 2020-го. Мы не можем характеризовать социальную группу, посмотрев на мемы, которые они распространяют в конкретный момент. Мемы – это процесс, а не результат.

АНДРЕА МАРСИЛИ,
АННА ЩЕТВИНА

КОВИД В РУССКИХ
И ИТАЛЬЯНСКИХ МЕМАХ...

И, наконец, важный итог исследования – то, как через ретроспективный анализ мемов мы видим перемены состояний людей. Эти посты – как круги на воде от камушков новостей и ограничений. Ввели локдаун – и людям страшно, им хочется шутить про отсутствие будущего, смерть и постапокалипсис. Затем наступает лето 2020-го, а локдаун не заканчивается, и очень обидно. Наконец, сил на обиду не остается, и хочется уйти, убежать в фантастические миры уютных игр и кино, в которых спокойно. Через несколько лет люди, пережившие пандемию, вряд ли смогут точно вспомнить, что переживали тогда. А может, и не захотят возвращаться к травматическим воспоминаниям. Практика мемов является не просто отдушиной и верным спутником, но и своеобразным виртуальным архивом. Обращаясь к нему в будущем, мы сможем вспоминать, какими мы были в 2020 году, – и понимать других.

Берегись покемонов: символическое сопротивление новой медицинской реальности в российских социальных сетях¹

АЛЕКСАНДРА
АРХИПОВА

«В России объявлен режим ХЗ».

*Анекдот, распространившийся во
время локдауна весной 2020 года*

В июне 2020 года, задолго до начала кампании по вакцинированию населения от COVID-19, медицинские социологи сравнили готовность прививаться будущей вакциной в девятнадцати странах². Россия отказалась лидером по количеству нежелающих вакцинироваться. Еще раньше о высоком уровне сомнений россиян в самых разных вакцинах говорили и медицинские антропологи³. Для тех, кто знает эти исследования, пусть и грустной, но совершенно не удивительной покажется текущая ситуация. В России полностью привилось только 35% россиян (на середину ноября 2021 года), тогда как, например, в США – 68% жителей⁴. Согласно ноябрьскому опросу «Левада-центра»⁵, 45% респондентов по-прежнему не готовы вакцинироваться.

Ситуация, при которой примерно половина населения страны выступает за прививки от коронавируса, а вторая – против, привела к возникновению «холодной гражданской войны», или к *ощущению* «холодной войны»⁶. Внесенный в ноябре

*Александра Сергеевна
Архипова (р. 1976) –
фольклорист, социаль-
ный антрополог, стар-
ший научный сотрудник
Лаборатории теорети-
ческой фольклористики
Школы актуальных
гуманитарных исследо-
ваний РАНХиГС, пригла-
шенный исследователь
Центра Вудро Вильсона
(Вашингтон, США).*

- 1 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Большая благодарность Полине Колозариди за терпение и советы.
- 2 LAZARUS J., RATZAN S., PALAYEW A. ET AL. *A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine* // *Nature Medicine*. 2021. Vol. 27. № 2. P. 225–228.
- 3 Ожиганова А.А. *Вакцинация: мнения оппонентов // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири. Труды по медицинской антропологии*. М., 2009. С. 152–161.
- 4 См. статистику на сайте: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>.
- 5 *Коронавирус, вакцины и меры* [1 ноября 2021 года] (www.levada.ru/2021/11/01/koronavirus-vaktsina-i-meru/) (АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)
- 6 Хотя в этой статье я описываю российскую ситуацию, хочу подчеркнуть, что она свойственна не только России, хотя в странах Западной Европы и Северной Америки отказов от прививок меньше (<https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>). Противостояние, описываемое в этой статье, также анализируется в работе: GERMANI F., BILLER-ANDORNO N. *The Anti-Vaccination Infodemic on Social Media: A Behavioral Analysis* // *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16. № 3 (<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247642>).

2021 года в Государственную Думу законопроект о QR-кодах для привитых и переболевших (только с их помощью можно будет пользоваться общественным транспортом или ходить в торговые центры) еще больше поляризовал общество.

В это противостояние втянуты почти все – от домохозяек до членов правительства. Многие россияне ощущают себя на линии фронта и задумываются над вопросом, как надо вести эту войну. Неудивительно, что в ноябре 2021 года участники научно-популярного форума «Ученые против мифов» постоянно спрашивали меня примерно одно и то же: каков собирательный портрет противника прививок (реже – сторонника вакцин), как с ним разговаривать, нужно ли ему объяснять, что он – враг:

«Насколько уместно/корректно антипрививочникам приводить аналогию, что пандемия – это война людей с вирусом и что каждый антипрививочник встает на сторону врага (то есть, по сути, является коллаборационистом, предателем и пособником геноцида)?»⁷

«Холодная гражданская война» ведется с помощью вербального и визуального «оружия» – и этим оружием являются, с одной стороны, страшные слухи, городские легенды об опасных последствиях прививок, листовки, обидные прозвища; а с другой, – анекдоты, пародии на городские легенды, карикатуры, нравоучительные рассказы о печальной участи антипрививочников. В этой статье я хочу разобраться, как устроено символическое сопротивление новой медицинской реальности и с той и с другой стороны, понять его истоки и глубинные причины.

Для этого я и мои коллеги из группы «Мониторинг актуального фольклора» записали более ста интервью⁸ со сторонниками и противниками вакцинации – взрослыми и подростками⁹. Транскрипты интервью затем кодировались и превращались в базу данных.

Одновременно мы с января 2020 года по текущий момент составляли словарь сторонников и противников вакцинации, слухов, народных медицинских советов и других инфодемических текстов о коронавирусе и вакцинации в социальных сетях. Обнаружив новый неологизм или повторяющийся сюжет слуха, мы сначала собирали его варианты (вербальной формы или сюжета). После чего для каждой лексемы и каждого сюжета создавали поисковый запрос из повторяющихся ключевых слов и через анализатор социальных медиа «Медиалогия» за-

7 Вопрос от Светланы С., заданный мне на форуме «Ученые против мифов», проходившем 13–14 ноября 2021 года в Москве (<https://uch.pm/>).

8 Ссылки на интервью я буду давать в квадратных скобках сразу после цитаты, например: [женщина, 61 год, Нальчик, сентябрь 2021 года]. Последняя дата указывает на время, когда состоялось интервью.

9 91 интервью с подростками были записаны в ходе проекта «Ковидное детство».

пускали поиск по этим ключевым словам¹⁰. Таким образом, мы видели, в каком объеме в социальных сетях репостились тексты и слова, отвечающие поисковым запросам. Сейчас наш корпус инфодемических текстов превышает девять миллионов репостов (за период с января 2020-го по октябрь 2021-го), а корпус неологизмов, выражающих отношение к вакцинации и локдауну, – около двух миллионов репостов за июнь–ноябрь 2021-го. Притом это только верхушка айсберга, поскольку «Медиадиалогия» практически не видит данных мессенджеров.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

Ситуация, при которой примерно половина населения страны выступает за прививки от коронавируса, а вторая – против, привела к возникновению «холодной гражданской войны». В это противостояние втянуты почти все – от домохозяек до членов правительства.

И, наконец, для того, чтобы понять, как эти метафоры войны воплощаются в политических действиях, я сделала базу данных по протестам против обязательной вакцинации и введения QR-кодов, которые проходят сейчас – в октябре и ноябре 2021 года – в самых разных регионах России. Сейчас в этой базе собраны сведения о 232 акциях.

СРАЖАЯСЬ ИЛИ АДАПТИРУЯСЬ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И ДВЕ ЕГО ФУНКЦИИ

«Мир слухов и сплетен – это привилегированный мир, с помощью которого исследователь общества или антрополог может измерить температуру популярных ожиданий»¹¹, – это высказывание принадлежит антропологу Джеймсу Скотту. Почему «привилегированный мир» и почему автор использует медицинскую, даже больничную, метафору? Все началось в конце 1970-х, когда Скотт выбрал своим «антропологическим полем» крестьянскую Малайзию. Во время полевых наблюдений он обратил внимание, как крестьяне, которые не могут себе позволить вступить в прямой конфликт с налоговыми инспекто-

10 О том, как мы собирали эти данные, см.: Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. *Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231–265.

11 Интервью с Джеймсом Скоттом (<https://gastronomica.org/2017/03/14/an-interview-with-james-c-scott/>). Здесь и далее все переводы цитат сделаны мною.

рами, полицейскими, чиновниками (всеми теми, кого Скотт называет «доминирующим классом»¹²), прибегают к самым разным формам косвенного и – главное, ненасильственного – сопротивления. Кланаясь и приветствуя очередного сборщика налогов, малазийский крестьянин держит «фигу в кармане»: он сделает неприличный жест, понятный только своим, или расскажет в кругу семьи крайне непристойную шутку после его отъезда. Такое ненасильственное сопротивление власти – «оружие слабых» (*weapon of the weak*) – может выражаться в песне, анекдоте, обидных прозвищах и даже в саботаже¹³.

Идею «оружия слабых» Скотт значительно доработал в следующей книге – «Искусство сопротивления»¹⁴. В обществах, в которых присутствует жесткое разделение на «подвластных» (*subordinates*) и «господствующих» (*dominants*) и нет возможности обсуждать конфликты и «спускать пар» прямым путем, развиваются два типа высказываний. Группа «господствующих» заставляет «подвластных» делать максимально лояльные высказывания (*public transcripts*) в публичном пространстве и разыгрывать «спектакли повиновения»¹⁵. Эти публичные транскрипты¹⁶ выражают интересы господствующих групп. Бывшие жители СССР должны сразу вспомнить демонстрации 7 ноября и 1 мая, на которых по разнарядке надо было нести портреты Брежнева и лозунги типа «Спасибо партии за нашу счастливую жизнь»¹⁷.

Вторая форма транскриптов является противоположностью первой. Это высказывания, которые делаются «за кулисами» публичной жизни, в пространстве, недоступном для взгляда власти, где «подвластные» могут собираться и говорить, не опасаясь быть услышанными. В советском случае это кухня, в кубинском – внутренний дворик дома, на итальянских фабриках 1950-х – туалеты¹⁸, а в современном российском – прост-

12 Скотт по своим взглядам близок к неомарксизму, и для него естественно оперировать понятиями «класс» и «доминирующий класс».

13 SCOTT J. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.

14 ИДЕМ. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press, 1990.

15 Ibid. P. 20.

16 Термины Скотта *public/hidden transcripts* довольно часто переводят как «публичные и скрытые послания», однако это не очень точно. Если бы Скотт хотел вложить это значение, он использовал бы термин *message* или *signs*. «Транскрипт» – это не только *послание*, но и расшифровка (как «транскрипт интервью»). *Transcript* у Джеймса Скотта – это и сама шифровка, и дешифровка одновременно.

17 На Кубе в 2000-х, например, когда жены политзаключенных стали устраивать акции «Женщины в белом» (в белых одеждах молча шли по центру Гаваны), то рабочих с окрестных предприятий по разнарядке сгоняли к месту шествия и заставляли громко выкрикивать в их адрес оскорбления (например: «вы – американские проститутки»). Мои кубинские друзья, рассказавшие под моим нажимом про эту практику (а я прожила некоторое время в этой стране), явно стыдились, что такое здесь вообще происходит; более того, они совершенно не хотели, чтобы это записывала в своем блокноте. Тем не менее к таким вещам при Фиделе Кастро их время от времени принуждали.

18 FAVRETTO I. *Toilets and Resistance in Italian Factories in the 1950s* // *Labor History*. 2019. Vol. 60. № 6. P. 646–665.

ранство *Telegram*-канала. Эти разговоры «за кулисами», содержащие прямую критику, не могут быть прямо высказаны «в лицо власти».

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

Между кухонной критикой и публичным выражением лояльности находится некая «серая зона»: это более публичное пространство, чем кухня или дворик, но не демонстрация и не трибуна съезда. Критика власти и недовольство, которые могут в закулисном мире проговариваться открыто, на публике расходятся в виде слегка замаскированных высказываний – сплетен, слухов, шуток, куплетов и сказок (Скотт называет их «скрытыми транскриптами»). Именно поэтому в цитате, приведенной в начале, Скотт говорит о необходимости изучать сплетни и слухи: их распространенность – показатель социального «давления».

Маскировка скрытого транскрипта может происходить по крайней мере двумя путями. Первый способ – это сокрытие содержания (поэтому эти транскрипты двусмысленны, аллегоричны и полны эвфемизмов), а второй – сокрытие автора или отправителя сообщения (посмотрите на граффити вокруг нас). Любимый пример такой маскировки у Скотта – появившиеся в среде североамериканских рабов сказки о братце Кролике, которые, с одной стороны, выглядят как невинные рассказы про животных, а с другой, – представляют собой символическое утверждение господства слабых над сильными.

Важно понимать, что в теории Скотта эта ситуация не статична. Скрытые транскрипты находятся в постоянном движении – они могут покидать пространство кухонь и дворики и проникать в публичное пространство. Появление большого количества скрытых транскриптов – признак, что общество лихорадит (вспомните больничную метафору, с которой мы начали). И, когда скрытые транскрипты пытаются занять место публичных, начинается революция.

Критик¹⁹ может сказать, что маска анонимности или аллегоричности в этих историях крайне условна. В советском анекдоте, распространенном в 1944–1945 годах, Берия приходит на прием к Сталину и слышит, как сидящий в приемной маршал Жуков вполголоса говорит сам себе: «Ах ты черт усатый». Берия бежит докладывать «отцу народов», что Жуков его ругает. Сталин вызывает Жукова, и между ними происходит такой диалог:

Сталин: Вот товарищ Берия говорит, что ви в приемной сказали «черт усатый». Ви кого имели в виду, товарищ Жуков?

Жуков: Конечно же, Гитлера, товарищ Сталин!

Сталин: Очень хорошо, а ви кого имели в виду, товарищ Берия?

19 Конечно, в теории Скотта можно найти немало упрощений, за которые его всячески критиковали, например: GAL S. *Language and the «Arts of Resistance»* // *Cultural Anthropology*. 1995. Vol. 10. P. 405–425; Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 258–326.

В этом анекдоте маршал Жуков выкручивается за счет двусмысленности высказывания. Реальным рассказчикам и слушателям анекдотов в 1930–1950-е так везло гораздо реже: анонимность и аллегоричность политических шуток и историй довольно редко спасала их от жестокого преследования. Тогда зачем нужны эти маски, если они мало что скрывают? Дело не в них самих, видимо, но в их игровом характере, который дает возможность отстраниться от происходящего.

Если читатель дочитал до этих строк, то у него может возникнуть вопрос: какое отношение все сказанное выше имеет к реакции на вакцинацию в российских социальных сетях? Несмотря на некоторую экзотичность материала, самое прямое.

Анекдоты, слухи и городские легенды не просто отражают неприятную реальность – они могут трансформировать понимание этой реальности. Тексты, которые издеваются над сильными, делают реальность гораздо менее страшной и, таким образом, помогают выживать.

Дело в том, что и анекдоты, и слухи, и городские легенды не просто как зеркало отражают неприятную (для их носителя) реальность – они могут трансформировать понимание этой реальности. Тексты, которые выворачивают наизнанку неприятную реальность и издеваются над сильными, делают реальность гораздо менее страшной и, таким образом, помогают выживать. По мнению историка Роберта Терстона, именно в этом заключалась функция советских анекдотов во время Большого террора: «Советские люди смеялись, чтобы сделать свои страхи управляемыми»²⁰. В этом случае фольклорные тексты, высмеивающие власть или содержащие смелые предположения о ее тайных мотивах, не столько выражают скрытое бессильное сопротивление, сколько помогают людям выживать и адаптироваться. И поэтому, как справедливо указывали многие исследователи, те, кто рассказывает анекдоты, совершенно не обязательно являются борцами с режимом, а даже и наоборот²¹.

Итак, адаптивная функция фольклора преобразует страшную, неприемлемую реальность во что-то более понятное –

20 «They laughed to make their fears manageable»: THURSTON R.W. *Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941* // Journal of Social History. 1991. Vol. 24. № 3. P. 554.

21 Об этом писали и Эллиот Оринг, и Алексей Юрчак: ORING E. *Risky Business: Political Jokes under Repressive Regimes* // Western Folklore. 2004. Vol. 63. № 3. P. 209–236; ЮРЧАК А. Указ. соч.

то, с чем можно иметь дело. Именно такой процесс мы наблюдаем, когда люди сталкиваются с новой медицинской реальностью. Сопrotивляясь непривычной информации, которая, как правило, требует резкого изменения устоявшегося образа жизни, люди начинают распространять тексты, которые могут показывать невозможность, бесчеловечность нового режима или изменять предлагаемую информацию в нужном ключе. В этом случае объектом символического сопротивления тех, кто чувствует себя слабым, оказываются не только представители политических институтов, но и официальной медицины.

В конце 1980-х – 1990-е мир сталкивается с эпидемией ВИЧ, и в ее разгар в США и Канаде, а потом и в России²² стали массово появляться легенды о ВИЧ-инфицированных иголках. Одна девушка пошла в кинотеатр (поехала на автобусе, села на скамейку) и вдруг почувствовала, как ее что-то укололо. Она осматривает поврежденное место, обнаруживает там иголку и понимает, что анонимные злодеи заразили ее СПИДом (иногда к зараженному шприцу прикладывается записка «Добро пожаловать в мир ВИЧ!»). Фольклорист Дайан Голдстейн в книге «Однажды во время вируса: ВИЧ-легенды и повседневное восприятие рисков»²³ показывает, как неразрывно связаны страхи перед изменением медицинской реальности и появление легенд, отрицающих эти изменения. Официальная медицина убеждает людей, что новая опасность – ВИЧ-инфекция – может исходить от их сексуального партнера, даже постоянного, и, чтобы защитить себя, надо постоянно проверять своего партнера и/или использовать презерватив. Другими словами, новая опасность исходит из дома, и это медицинское знание не может не тревожить людей, потому что это нарушает привычное представление о доме как о самом безопасном месте. Однако легенда о зараженных ВИЧ иголках дает совершенно другую картину: в ней заражение происходит не дома, а в публичных местах, источником заражения является не знакомый партнер, а анонимный и – что очень важно! – невидимый злодей, и, наконец, заражение в легенде происходит совершенно асексуальным образом. Так «легенды о заражении опасными болезнями» делают нашу реальность гораздо более комфортной для рассказчика, полностью снимая с него любую вину за недостаточно пуританское сексуальное поведение, и одновременно создают почву для сопротивления новой медицинской информации.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

22 Карпунина А.В. «Добро пожаловать в мир СПИДа»: легенды о зараженных иглах с 1980-х годов и до наших дней // Фольклор и антропология города. 2018. № 1.

23 GOLDSTEIN D. *Once Upon a Virus: AIDS Legends and Vernacular Risk Perception*. Logan: Utah State University Press, 2004.

В 2012 году фольклорист Андреа Китта, ученица Дайан Голдстейн, еще до того, как это стало мейнстримом, задалась вопросом: почему такое большое количество образованных людей сопротивляется вакцинации – процедуре, которая давно доказала свою полезность? Она изучала отношение к прививкам в семьях образованных канадцев из среднего класса²⁴. Вывод, к которому она приходит, может показаться удивительным, но он многое объясняет в нашей жизни. В современной жизни дети есть высшая ценность, и благополучные канадцы озабочены тем, чтобы стать «правильными родителями» с момента зачатия (а иногда и раньше). В частности, тревожные родители (которые не являются убежденными антипрививочниками) пытаются изучать (естественно, в основном в интернете) аргументы за и против прививок. Они накапливают большое количество вопросов, которые стремятся задать медицинским работникам в процессе обсуждения будущих прививок. Как правило, медицинские работники (речь идет не о врачах, а скорее о медсестрах) не имеют времени и желания объяснять, почему надо обязательно вакцинировать ребенка здесь и сейчас, поэтому они начинают запугивать родителей, показывая им фотографии умирающих от кори детей или даже прибегая к городским легендам. Так, популярностью среди медицинского персонала пользуется история о докторе из Торонто, который отслеживает родительские отказы от вакцинации и, узнав про невакцинированного ребенка, немедленно звонит в ювенальную службу. После чего ребенка прямо из школы забирают в приют²⁵. В терминах Джеймса Скотта родители отказываются в положении слабой группы перед лицом сильных (представителей государственной медицины). Они чувствуют угрозу ребенку и своим родительским правам, ощущают, что их лишают агентности и права выбора, и начинают сопротивляться: как минимум они поддерживают распространение историй про опасные прививки, а как максимум – отказываются от вакцинации и начинают карьеру активистов-антипрививочников. Чем страшнее истории о прививках (они заражают болезнями, делают бесплодными или вызывают аутизм у ребенка), тем более обоснованным кажется отказ от вакцинации: поэтому градус радикальности и страшности в этих историях только возрастает.

Похожая ситуация сложилась в СССР. В годы после Второй мировой войны было много вспышек инфекционных заболеваний, которые привели к значительной детской смертности²⁶.

24 КИТТА А. *Vaccinations and Public Concern in History: Legend, Rumor and Risk Perception*. New York; London: Routledge, 2012.

25 Ibid.

26 FILTZER D. *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Вакцинация оказалась практически единственным способом победить болезни и снизить детскую смертность. С 1960-х складывается план вакцинации детей, которой было трудно – а на самом деле почти невозможно – избежать.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

Советская медицина взаимодействовала с родителями, как родитель с неразумным отпрыском. Часть вакцин ребенок получил уже в роддоме, часть – в школе. Родителям было не просто отказаться от прививок: нужно было убедить врача, что вакцинация опасна. Суровый, бескомпромиссный характер советской медицины и почти полное лишение родителей свободы воли в этом вопросе привели к тому, что иногда родители боролись с этим давлением, таким образом обретая свободу воли и право решать за своего ребенка. Рассказы об опасности вакцин – о том, что они вызывают бесплодие, – всего лишь способ рационализировать отказ от вакцинации. В результате многие родители из семей советской интеллигенции (в том числе врачей) пытались отказаться от вакцинации. Отказ от вакцинации стал замаскированной привилегией: «У нас в школе [Москва, 1980-е] к детям, которые имели медотвод от прививки, относились, как к особам царских кровей» [А.Е., женщина, 42 года, Москва]. Эта форма «медицинского инакомыслия» была близка к политическому инакомыслию, а иногда и сочеталась с ним.

Этому, конечно, во многом способствовал тот факт, что благодаря строгой советской системе вакцинации в предыдущие годы опасные детские инфекционные заболевания стали редкостью, и родители перестали видеть смысл в вакцинации: зачем прививаться от полиомиелита, если вероятность этого заболевания кажется очень низкой, а друзья и близкие рассказывают истории об ужасных аллергических реакциях на вакцины? Практически каждый второй бывший советский гражданин рассказывал мне о страхе (его собственном или родительском) возможной аллергической реакции на вакцину: «У моего ребенка аллергия, а наши врачи этого не учитывают» [Л.А., женщина, 52 года, Москва]. Рассказ об опасной аллергии, которая (может быть) есть у ребенка и которую не учитывает медицина (подчеркнем, что во многих случаях родители лишь предполагали, что такая аллергия может проявиться), является метафорой той индивидуальности, которая подавляется советской медициной. Неудивительно, что после распада СССР количество желающих сделать прививку ребенку в первой половине 1990-х в разных постсоветских странах начало резко уменьшаться²⁷.

27 Байбусинова А.Ж., Мусаханова А.К., Шалгумбаева Г.М., Даулетьярова М.А., Токанова Ш.Е., Нуртазина С.К. *Индивидуальные и социальные факторы, влияющие на отказ от вакцинации детей в г. Семей Республики Казахстан* // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 6 (<https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-i-sotsialnye-factory-vliyayuschie-na-otkaz-ot-vaktsinatsii-detey-v-g-semey-respubliki-kazakhstan>).

Итак, вакцинация может восприниматься как давление института сильного, будь то политический институт или официальное медицинское знание. Отказ от вакцинации рационализируется с помощью самых разных слухов и городских легенд. Люди начинают распространять тексты, которые могут показать невозможность, бесчеловечность нового режима или изменить предложенную информацию в правильном направлении. Мы видим такой процесс не только в советском прошлом, но почти в любой ситуации, когда люди сталкиваются с новой медицинской реальностью.

{ Рассказ об опасной аллергии, которая (может быть) есть у ребенка, является метафорой той индивидуальности, которая подавляется советской медициной.

СПОСОБЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТКАЗА ОТ ВАКЦИНАЦИИ

Сейчас, в 2021 году, когда весь мир пытается бороться с эпидемией коронавируса с помощью новых вакцин, проблема отказа от прививок или сомнений в вакцинах (*vaccine-hesitancy*) встала весьма остро (хотя совершенно не является новой, просто теперь мы все ее замечаем). Ситуация в России с высоким уровнем сопротивления вакцинации тем более привлекает внимание. Существует простое объяснение, к которому любят прибегать даже журналисты и медиа-персоны²⁸: антипрививочники – это глупые люди, которые в принципе против прогресса и вакцин в целом. Однако ситуация гораздо сложнее: сомнение в вакцине связано с множеством факторов, и представление о единой группе антипрививочников, объединенной общей причиной отказа, – это миф. Как показывают результаты нашего исследования (интервьюирования взрослых и подростков), способов рационализации отказа от вакцинирования может быть довольно много. Не претендуя на полноту, перечислим здесь основные причины, которые рационализируют страх перед прививкой.

Первая причина – это, действительно, искренняя вера в опасность вакцины, причем эта опасность может быть разной. Для них вакцины опасны, но не в медицинском смысле. Они представляют опасность иного порядка: вакцины – это изобретение внешнего врага для контроля людей, вживления чипа, сбора генетических данных или массового убийства. Тех, кто разделяет эту точку зрения, мы назовем «конспирологами».

²⁸ «Дождались третьей волны, придурки»: Знаменитости набросились на антипрививочников и вакцинофобов // Фонтанка.ру. 2021. 15 июня (www.fontanka.ru/2021/06/15/69970718/).

Вторая причина – это страх «перестраховщиков». Это люди, которые, как и указанная выше группа, плохо понимают, как устроены вакцины, и страшно беспокоятся, как прививки повлияют на состояние их здоровья и иммунитета: «У меня нога больная, поджелудочная, а вдруг вакцина это ухудшит?» [женщина, 61 год, Нальчик, сентябрь 2021 года]. «Перестраховщики», в отличие от «конспирологов», оперируют наукообразным языком и часто повторяют, что они вообще не против вакцинации, но вот конкретно «эта вакцина не готова, потому что настоящую вакцину надо делать годами». Среди «перестраховщиков» очень часто встречается аргумент «Я подожду, пока остальные привьются» и таким образом создадут вокруг «вакционный пузырь». «Перестраховщики» могут даже уговаривать привиться окружающих – например, коллег на работе.

Третья причина – это, собственно, недоверие не к вакцинам, а к агентам вакцинации. Во-первых, это может быть недоверие российской медицине: «У нас даже аспирин сделать не могут», «В стране с такой плохой медициной не могли сделать хорошую вакцину», – говорят мои информанты. Во-вторых, это недоверие к политическим институтам в России. Опросы «Левада-центра»²⁹ показывают, что существует зависимость между теми, кто не хочет вакцинироваться, и теми, кто не доверяет президенту. Люди, разделяющие именно эту точку зрения, считают, что «российское правительство не может сделать ничего хорошего»; «они постоянно нас обманывают – почему я должен им верить?». Популярный аргумент: «Я не против вакцины в целом, но вы знаете, в какой бочке и как они делают наши вакцины?». Те, кто опасается именно российских вакцин, часто испытывают раздражение от отсутствия вакцинных альтернатив («Почему нам не предложат импортные вакцины?»). Именно эту точку зрения в разговоре со мной в июне 2021 года высказал Александр М., художник, 58 лет:

А.А.: Если вы не привились, то по какой причине?

А.М.: Если коротко, то из недоверия к изготовленному в РФ.

А.А.: А если подробнее?

А.М.: Вакцина – сложный в изготовлении препарат. Не могу поверить, что она может быть должным образом и в больших количествах произведена здесь, где и приличного аспирина своего нет.

А.А.: А есть еще причины для невакцинирования, кроме недоверия к властям?

29 «Готовность сделать прививку, а также доля уже привитых больше среди тех, кто одобряет деятельность Владимира Путина: 31% готовы привиться, 45% не готовы, 22% ответили, что уже привились. Среди тех, кто не одобряет деятельность президента, лишь 14% готовы привиться, 71% не готовы, 14% ответили, что уже привились» (www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya/) (АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

А.М.: Недоверие ко всей здешней продукции. Другой причины нет. Про «власть» и речи нет. Это за пределами вопроса о доверии. [...]

А.А.: Есть ли среди ваших знакомых/родных те, кто не будет вакцинироваться? Как они это объясняют?

А.М.: Есть. Резоны те же. Еще прибавляется раздражение от пропаганды.

А.А.: Вы привились бы «Пфайзером»?

А.М.: Да. «Пфайзер» [сделан там] там, где живут исправно, криво для себя не насадят, пожнут добротное. За содеянное отвечают.

Мнение моего собеседника о том, что можно доверять «Пфайзеру», потому что его делают там, где «за содеянное отвечают», не случайно. Оно возникает из восприятия российского общества как изначально коррупционного. В октябре 2021-го российские социологи из компании «GXPnews» опубликовали результаты исследования, сравнивая отношение к вакцинации в разных странах³⁰. Согласно этому отчету, на отношение к вакцинации влияют несколько факторов: количество заболевших (насколько респондент испугался), восприятие общества как коррумпированного (насколько респондент думает, что все вокруг воруют) и постматериалистические ценности³¹ (гражданские права, в том числе права этнических и социальных меньшинств, равенство полов, борьба за экологию). Если человек не видит вокруг себя заболевших, он не боится болезни. Если он считает, что все вокруг воруют и обманывают, он не будет доверять и процессу вакцинации (потому что воровство и коррупция будут происходить и там, согласно его представлению). И если в обществе борьба за гражданские права мало популярна, то люди в этом обществе будут меньше думать о спасении других, принимая решения вакцинироваться. В России, говорят авторы исследования, очень низкий индекс постматериальных ценностей (по сравнению с шестью западными странами) и очень высокий индекс восприятия коррупции (выше только в Таджикистане), что и приводит к высокому уровню отказов от вакцинации.

«ВАКСЕРЫ» И «АНТИВАКСЕРЫ»: ДВА ВООБРАЖАЕМЫХ СООБЩЕСТВА И ИНТЕРНЕТ-ВОЙНА

Мы живем сейчас (лето и осень 2021 года) в ситуации «холодной гражданской войны» за/против вакцинации, где полем

30 Доверие к власти или осознанный выбор? Что на самом деле влияет на темпы вакцинации (<https://gxpnews.net/2021/10/doverie-k-vlasti-ili-soznatelnost-naseleniya-chto-na-samom-dele-vliyaet-na-tempy-vakczinaczii/>).

31 Термин предложил американский политолог Рональд Инглхарт: кроме базовых ценностей (еда, безопасность), людей (и особенно молодежь) в западных демократиях больше волнуют проблемы гражданских свобод и экологии, права на аборт и так далее: INGLEHART R. *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1977.

сражения становятся чаты и каналы в мессенджерах, а также социальные сети. Участники этой «войны» чувствуют себя ответственными за вакцинацию окружающих или за отказ от нее. В последние дни октября мне пришло сообщение: «Зря вы у себя в чате содержите “антиваксеров”. Этим вы способствуете убийству людей», а затем – издевательская угроза «позвольте Вас порекомендовать в СМИ как соучастницу убийства людей». Автором этих посланий оказался врач, который был недоволен моим слишком вежливым тоном в разговоре с противниками вакцинации – он воспринимался как прямое пособничество одной из сторон и пассивное убийственное бездействие. Я уверена, что, какую бы позицию в споре о вакцинации ни занимает читатель этих строк, он точно был очевидцем (а возможно, и участником) по крайней мере хотя бы одного сражения в этой «гражданской войне».

Конечно, сторонники и противники вакцинации существуют³². Но неверно утверждать, что они представляют собой два жестких сообщества. Это сообщества *воображаемые* (в терминологии Бенедикта Андерсена³³) – они объединены не общим адресом или совокупностью привычек, но общей идеей.

В этой «гражданской войне» каждое воображаемое сообщество считает себя слабым, а группа с противоположными взглядами кажется, наоборот, сильной. Противники вакцинации в своих *Telegram*-каналах (которые как раз являются тем самым «закулисным пространством» в терминах Джеймса Скотта) считают себя угнетенным меньшинством и борются против большинства. И, казалось бы, сторонники вакцинации должны чувствовать себя сильными – ведь на их стороне федеральная пресса и представители власти. Однако очень часто, несмотря на это, сторонники вакцинации тоже чувствуют себя слабыми и беспомощными. Популярный страх сторонников прививки заключается в том, что противники вакцинации препятствуют восстановлению нормального социального порядка:

«Антипрививочники противятся достижению коллективного иммунитета. Из-за них мы не можем вернуться к нормальной жизни» [С.П., мужчина, 43 года, Москва].

«Из-за тех, кто не прививается, мой ребенок все время то на дистанте, то офлайн. Боже, как они надоели» [Ю.С., женщина, 45 лет, Иркутская область].

Сторонники вакцинации часто описывают себя с помощью военной лексики: «Я нахожусь в окружении», «Меня окружили

32 Напомню еще раз, что противиться прививкам можно по разным причинам, не говоря уже о том, что людям свойственно менять свое решение вакцинироваться / не вакцинироваться (под влиянием разных факторов) – и особенно это касается группы «перестраховщиков».

33 Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

враги». Так, например, моя собеседница Н. рассказала, что ее невестка не разрешила Н. взять на руки новорожденного внука. Причиной этого оказалась недавняя вакцинация Н. Невестка считает, что вакцинированные «излучают из себя» опасные для ребенка вещества. Н. подчеркнула, что точку зрения невестки разделяют и ее родители – таким образом, семья поделась на два лагеря. Поэтому сторонники вакцинации иногда спрашивают меня, как разговаривать с антипрививочниками, бесконечно изумляются большому количеству противников вакцинации и нередко панически спрашивают меня, сколько, по моему мнению, «антиваксеров» в стране: «Боже, Саша, я никогда не представляла, что их столько, они окружают меня на каждом шагу [А.А., женщина, 41 год, Москва]».

Сторонники и противники вакцинации существуют. Но неверно утверждать, что они представляют собой два жестких сообщества. Это сообщества воображаемые – они объединены не общим адресом или совокупностью привычек, но общей идеей.

И сторонник, и противник вакцинации рассматривают представителей власти и врачей (реже учителей) как представителей враждебной группы. Для сторонников вакцинации врачи часто недостаточно хорошо объясняют необходимость прививок (или вообще являются антипрививочниками), а для противников вакцинации врачи – это либо представители зла, либо угнетенные правительством люди, которые не могут сказать правду. Поэтому, например, противники вакцинации будут распространять истории о том, как врачи за деньги ставят диагноз «коронавирус» тем умершим, у кого такого заболевания не было (всплеск этих слухов пришелся на май–июнь 2020 года, а потом на сентябрь 2021-го), и поэтому врачам верить нельзя. Сторонники вакцинации будут распространять истории про врачей, которые отговаривают прививаться и вкалывают физраствор вместо вакцины.

В ходе этой «войны» представители и того и другого воображаемого сообщества изобретают собственное «оружие слабых», чтобы объединиться и поразить своего врага, – это специфические речевые жанры и особые речевые регистры.

НОВАЯ СЕГРЕГАЦИЯ

И сторонники, и противники вакцины считают обязательную вакцинацию проявлением новой сегрегации.

Для противников вакцин это один из основных страхов, и, чтобы его выразить, они используют в своих текстах и протестах метафоры геноцида, Холокоста, войны. С начала ноября 2021-го по всей стране проходят протестные акции против введения обязательных QR-кодов для посещения общественных мест. Протестующие делают все, чтобы напомнить через военные тропы о нежелательности такого действия. Они собираются у мест массовых расстрелов³⁴, поют «Священную войну» и другие песни Великой Отечественной, надевают желтые звезды и подают властям петиции, в которых регулярно звучит слово «геноцид».

Страх сегрегации поддерживается через распространение городской легенды о надписях на двери «Тут живут вакцинированные» (вариант – «непривитые»):

Женщина 1: Но вот разговаривала со знакомой из родного города. Там одна активистка предложила на дверях квартир тех, кто не вакцинировался, приклеить опознавательные значки. Бред, да?

Женщина 2: Бред. В смысле как идеи, так и ее осуществления. Хотя бы потому, что вряд ли кто-то на дверях развешивает сведения о вакцинации своей семьи или отсутствии вакцинации. Хотя в родной местной группе в сети видела пост и фото: дверь с надписью мелом во всю дверь «Здесь живут невакцинированные». Человек пришел с работы и обнаружил подобное «художество» на своей входной двери в квартиру³⁵.

Фотография, о которой говорят две женщины (илл. 1), широко разошлась в интернете 11 ноября – ровно на пике обсуждения непопулярного закона о QR-кодах. Впервые она появилась в паблике «ВКонтакте» жителей Тольятти. Верифицировать ее подлинность не удалось, скорее всего это мистификация (первые упоминания о такой надписи появляются в российских сетях 26 октября как о метафоре бессмысленного разделения, и только потом появляется «подлинная» фотография).

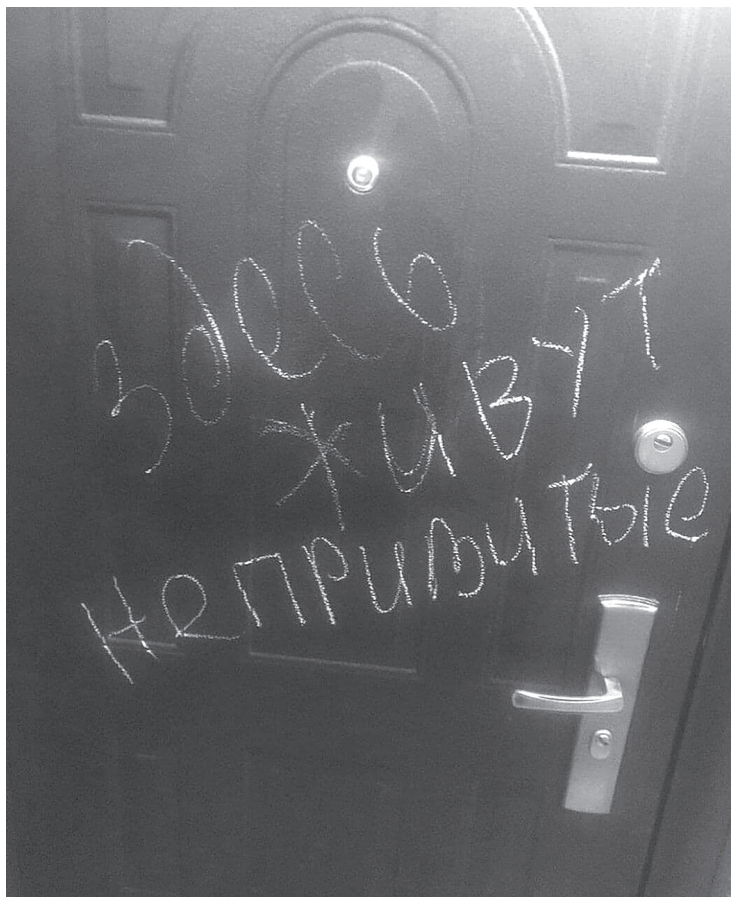
Сторонники вакцинации тоже касаются этой темы, хотя не так явно, причем в некоторых текстах сегрегация оказывается желательным действием. «Ваксеры» распространяют довольно жестокие мемы и шутки, в которых противники вакцинации оказываются высланы, умрут от болезни или будут расстреляны: «Все, не желающие вакцинироваться, будут высланы из пределов Москвы в Россию». В этих шутках вакцинированные оказываются в положении новой элиты («–Как вам новая девушка

34 Например, жители города Железногорска Курской области специально собрались протестовать против QR-кодов возле мемориала «Большой дуб», где в 1942 году фашисты заживо сожгли жителей одноименной деревни за помощь партизанам (<https://46tv.ru/odnoj-strokoj/v-kurske/158269-v-kurskoj-oblasti-zapisali-videobraschenie-k-prezidentu-protiv-qr-kodov-i-prevraschenija-strany-v-cifrovoj-konclager.html>).

35 Разговор в чате «Моя семья» 14 ноября 2021 года.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

вашего сына? – Хорошая девушка, из вакцинированной семьи»), именно им будут доступны новые блага (при желании в интернете легко можно найти мем на основе известной картины под заголовком «Вакцинированные вселяются в квартиры отказавшихся от прививки»).

Илл. 1. Фотография, подлинность которой не установлена, из паблика «ВКонтакте» жителей Тольятти.

НЕ ТОЛЬКО ЧИПИРОВАНИЕ: НОВЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ ИДУТ НА ФРОНТ

В течение 2020–2021 годов противники и сторонники вакцинации выработали свои языки символического сопротивления³⁶. Основной лингвистический прием обоих дискурсов – последо-

36 Петербургские лингвисты из Института лингвистических исследований опубликовали подробный словарь новой лексики, сложившейся в ходе пандемии: *Словарь русского языка коронавирусной эпохи* / Под ред. В. Мокиенко. СПб.: ИЛИ, 2021. Однако по причинам, которые остаются неясными, составители проигнорировали большую часть, описывающую вакцинацию, а также сторонников и противников прививок. В этом словаре нет слов «чипирование» и «чипизация», «жижа» и «шмурдяк» и многих других, а они очень важны.

вательное превращение нейтральных или новых слов в дисфемизм (вакцина – *факцина*) или создание неологизма с оттенком дисфемизма. Их целью является стремление уязвить противника – в диапазоне от проявления иронии до оскорбления (в конце статьи можно найти список этих неологизмов и рассказ о том, как велся поиск таких слов и какие были ограничения).

Термин *дисфемизм* был предложен австралийскими лингвистами Китом Алланом и Кейт Барридж³⁷, которые разрабатывали семантическую теорию X-фемизмов (*X-phemisms*) о лингвистических способах защиты и нападения. В зависимости от коммуникативной ситуации мы можем назвать ситуацию или явление прямо, используя ормофемизм³⁸ (*он умер*) или прибегая к заменам. Тогда возникают эвфемизм (*он ушел от нас*) или дисфемизм (*откинул копыта*).

«Говорить эвфемистически – это значит использовать язык как щит против опасного, нежеланного, неприятного; эвфемизмы не должны быть обидными и должны иметь позитивные коннотации; говорить дисфемизмами означает использовать язык как оружие для атаки других, или по крайней мере для их исключения»³⁹.

Таким образом, эвфемизм – строго обратное явление для дисфемизма. Если дисфемизм понижает статус обсуждаемого объекта и имеет своей целью обидеть, оскорбить или смутить слушающего, то эвфемизм, наоборот, защищает слушающего, повышая статус объекта, например, через использование высокого стиля. В английском языке глагол *to defecate* является ортофемизмом, *to poo* – эвфемизмом, а *to shit* – дисфемизмом⁴⁰.

Динамика СВ-языка (язык *сторонников вакцинации*) и ПВ-языка (язык *противников вакцинации*) отражает степень накала публичной дискуссии. Небольшой подъем экспрессивных неологизмов происходит в июне, когда начинается публичное обсуждение перспектив обязательной вакцинации, но самый массовый рост словоупотребления происходит в октябре–ноябре 2021 года, когда в связи с ростом количества заболевших и умерших «гражданская война» в интернете снова набирает обороты (см. илл. 2 и перечень неологизмов в конце статьи).

Обсуждаемые два словаря развиваются в противоположных направлениях. Словарь сторонников вакцинации, чем дальше, тем больше становится социально приемлем (слово «антивак-

37 ALLAN K., BURRIDGE K. *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

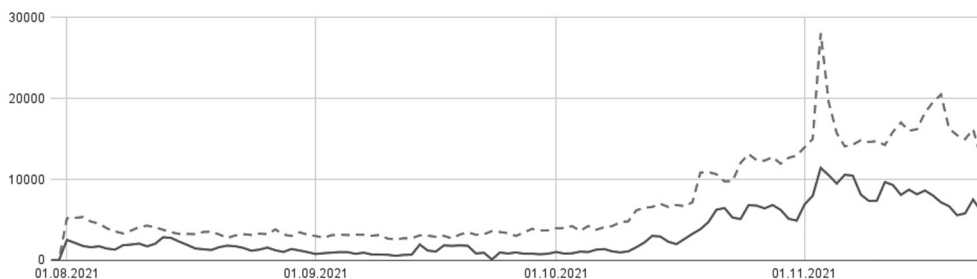
38 Ортофемизм – от греческого *ortho* (правильный, прямой, нормальный) и *pheme* (речь).

39 ALLAN K., BURRIDGE K. *Op. cit.* P. 222.

40 Стоит обратить внимание, что такое понимание эвфемизма не вполне соответствует его обыденному употреблению в русскоязычной среде, где под эвфемизмом понимается любая замена.

сер» как термин уже употребляется в федеральных СМИ), в то же время словарь противников вакцин уходит из зоны общего пользования в подводную часть мессенджеров: люди боятся запретов, бана социальных сетей, вмешательства правоохранительных органов. Зато *Telegram*-каналы противников вакцинации растут с большой скоростью: я обнаружила более двадцати каналов с аудиторией более 15–20 тысяч подписчиков, канал «Ковид-сопротивление» насчитывает 100 тысяч, и десятки каналов с аудиторией менее 14 900 подписчиков.

Илл. 2. Словари сторонников (сплошная линия) и противников (пунктирная линия) вакцинации. По вертикальной оси — число упоминаний. Три самых популярных слова сторонников вакцинации: антиваксер, ковид-диссидент и антипрививочник. Три самых популярных слова противников вакцинации: уколизация, жижа, коронобесие. (Слово чипирование здесь не указывается, поскольку употребляется сторонниками обоих дискурсов.) Абсолютные цифры, полный перечень слов см. в конце статьи. Данные собраны «Медиалогией» по российским социальным сетям с 1 августа по 23 ноября 2021 года.

Использование слов *чипирование* и *чипизация* показывает, как развиваются данные языки. Эти невероятно популярные в социальных сетях неологизмы встретились в контексте вакцинирования с 1 июня по 8 ноября более 529 тысяч раз, причем всплеск произошел как раз во время второй и третьей недели июня, когда обсуждался вопрос о всеобщей вакцинации. С мая 2020 года в России становится сверхпопулярна теория о том, что коронавирусные тесты (а позже и вакцина от коронавируса) — это способ установить контроль над населением, придуманный основателем компании «Microsoft» Биллом Гейтсом: якобы в каждом уколе или тесте содержится микрочип. Поэтому слова *чипирование* и *чипизация* использовались изначально как дисфемизмы, демонстрирующие страшную правду о вакцинации. Но постепенно употребление слова *чипирование* стало нормализоваться. Я то и дело слышу вокруг ироничные фразы «Ну, все, вчера я чипировался» (то есть вакцинировался). Такое словоупотребление позволяет дистанцироваться от процесса, но тем не менее не воспринять вакцинацию в штыки. Показателен популярный в 2021 году анекдот: «Объявление: Тем, кто чипировался шесть месяцев назад, надо подойти к ближайшей вышке 5G и обновить прошивку в чипе».

Язык нормирующий и язык эмоциональный

Язык сторонников вакцин (СВ-язык) довольно прост и построен на бинарном противопоставлении научной картины мира и

ненаучной. Обвинение в мракобесии и необразованности – типичная черта такого дискурса. Конструирование слов происходит за счет оппозиции *норма – не норма*. Противник носителя этого языка находится на периферии нормы: он всегда «анти-», «без-» или «идиот»: *антимасочник, антипрививочник, безкурарник, ковидиот*. Само позиционирование говорящего на этом регистре (стилистическом варианте языка) тоже связано с идеей нормы, поэтому здесь очень мало полных неологизмов. Тот, кто использует этот язык, позиционирует себя как образованного человека и сдержан в своих эмоциональных лингвистических экспериментах. То небольшое количество дисфемизмов, которые характерны для данного дискурса, активно используется федеральными СМИ. В октябре–ноябре 2021 года они стали гораздо активнее называть противников прививок «дураками», «убийцами», «лишенными когнитивных способностей»⁴¹. Противостояние подчеркивается не только лингвистическими приемами: журналисты федеральных каналов призывают писать анонимные доносы⁴² и создавать кибердружины для ловли антипрививочников⁴³.

Если основная функция СВ-языка представить себя и свои взгляды как норму, то ПВ-язык устроен гораздо сложнее. Главная особенность заключается в том, что он подчеркнуто экспрессивен и эмоционален, и это отнюдь не свойство русского языка: как показало исследование аналогичной проблемы в англоязычном *Twitter*, твиты противников вакцинации производят намного больше эмоционального контента (25%), в отличие от твитов сторонников вакцин (0,3%)⁴⁴. Эта экспрессивность связана с тем, что люди, говорящие на таком языке, ощущают себя в окружении и вынуждены защищаться, в том числе и словами. Поэтому сторонники вакцинации, ограничительные меры, вакцины и вакцинированные на ПВ-языке часто описываются либо с помощью военных метафор борьбы с фашизмом, либо как что-то, лишённое человеческих свойств.

К первой группе относятся слова *вакци-наци* и *QR-гетто*⁴⁵. Вторая группа многочисленнее. В нее, во-первых, входят неологизмы, главная задача которых сделать из сторонников вакцинации животных и исключить их из человеческого общества

⁴¹ Например, главный редактор «RT» Маргарита Симоньян написала, что «антипрививочники стали вызывать неприязнь и сомнение в их когнитивных способностях» (<https://t.me/margaritasimonyan/9410>).

⁴² Теперь можно, заполнив онлайн-форму, сообщить об «антипрививочнике»: *Общественная палата запустила горячую онлайн-линию «АнтиФейкКовид»* // РИА «Новости». 2021. 3 ноября (<https://ria.ru/20211103/antifeykkovid-1757552920.html>).

⁴³ Иванов А. *Кибердружины для поиска антиваксеров в Сети появятся в России* // 360. 2021. 10 ноября (<https://360tv.ru/news/obschestvo/kiberdruzhiny-dlja-poiska-antivakserov-v-seti-pojavjatsja-v-rossii/>).

⁴⁴ GERMANI F., BILLER-ANDORNO N. *Op. cit.*

⁴⁵ Это новое слово появилось несколько дней назад. Пока я дописываю эту статью, оно уже набрало 21 тысячу репостов – и это только начало.

(поэтому привитые очень часто называются *стадо*, коронавирус становится *барановирусом*, маски – *намордником*, а QR-коды – *куриными кодами*). Во-вторых, эмоциональные неологизмы описывают вакцинированных как существ, лишенных человеческого начала, через метафору технологии и игрушки: так появляются *прошивка* (вакцина), *покемоны* (привитые) и *Шпунтик* (вакцина «Спутник»). И, в-третьих, вакцинированные воспринимаются буквально как зомби, что подчеркивается словами *чипированные* и *уколотые* (отметим, что оба эти слова – рекордсмены ПВ-словаря, см. в конце статьи). Ну, и наконец, вакцина обозначается словами, основная коннотация которых – указание на что-то низкопробное. Поэтому вакцина называется *факцина*, *жижа* или *шмурдяк* (в 1990-е так называли дешевый самогон или другой алкоголь низкого качества): «“Ваксеры” лихуют!.. Вкололи шмурдяк и получили свой QR-код»⁴⁶. С помощью этих приемов носители ПВ-языка порождают весьма эмоциональные тексты. 15 ноября один противник вакцинации написал мне в чате следующий текст:

«К октябрю 2020 ваши ковидлобесные пророки обещали что померет 90% населения планеты)))) показывали братские могилы размером с Манхеттен))) рефрижераторы сгонялись для трупов. Однако дружки твои дебилюга врут))) У вас ведь как – очокурился уколотый – значит купил себе отшприцовку))) ну и конечно намордник не носил, это уж вы не забываете))) А ты само чучело – в наморднике хоть спишь? Смотри, ковидла, она ух ночью тоже не спит, так что не снимай, а лучше в противогазе спи и живи!))» (орфография и пунктуация оригинала).

Носители ПВ-языка, по словам пользователя паблика в «ВКонтакте» (направленного против вакцинации), воспринимают себя как «партизан гибридной войны». А партизаны все время должны менять пароли, и поэтому среди носителей этой позиции возникают все новые и новые неологизмы, которые должны маскировать и принижать объект разговора (и так «Спутник» становится *Шпунтиком*). По этой причине словарь противников вакцинации крайне текуч. В этом смысле показательно лингвистическое творчество блогера и гида Екатерины Синицыной-Сантини. Екатерина живет в Италии, ее основной заработок – туристы. С начала эпидемии она сняла много роликов, в которых между рецептами салатов рассказывала, что никакой эпидемии «короны» в Италии нет (в марте 2020-го видео стало вирусным, набрало более трех миллионов просмотров, потом было удалено). В июне 2021 года именно Екатерина показала в своем YouTube-канале, что (якобы)

46 <https://telegram.me/1499477158/5711679>.

у вакцинированных появляется в сети свой номер (потому что чип в вакцине излучает сигнал), и устроила в Тоскане охоту на *покемонов* (вакцинированных): она ходила с телефоном и пыталась поймать по Bluetooth *жизизированных*. С ее легкой руки вакцинированные и в других *Telegram*-каналах стали называться «покемонами». Екатерина Синецына-Сантини проводит лингвистические опыты постоянно: она и ее поклонники используют целую систему лингвистических скрытых транскриптов, которые созданы за счет прямых ассоциаций: кроме фраз типа «Осторожно, берегись покемонов!», в ее *Telegram*-канале можно найти такие, например, высказывания: «Не, что с цветочком, сдохнут быстрее, чем запаркованные». «Цветочек» или «цветок» – это вакцина «Astra Zeneka», а «Паркер» – «Pfizer», «Космос» – «Спутник».

Выше мы обсуждали словарь в его основной функции. Противники вакцинации используют его в этом качестве, когда, например, надо написать эмоциональные комментарии под новостью о введении QR-кодов. Но иногда противники вакцинации (в гораздо большей степени, чем сторонники) используют этот язык, чтобы объединиться: он становится мета-средством, языком, говорящим о языке. В этом случае к неологизму из ПВ-словаря не просто ставится хэштег, но они выстраиваются в очень длинные цепочки: самая длинная, которую я нашла, насчитывала 67 дисфемизмов с хэштегом. Вот типичный пример:

#QR-код, #вакцинация, #прививка, #укол, #уколизация, #вакцина, #шмурдяк #обязательная_вакцинация, #сегрегация, #фашизм, #самоизоляция, #корonavirus, #ковид, #COVID-19, #принуждение, #электронный_концлагерь, #конституция, #нарушение_прав, #цифровой_концлагерь, #цифровизация #ковидобесие

«ФОЛЬКЛОР НЕНАВИСТИ»: СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ПРОТИВ ЧЕРНОГО ЮМОРА

Кроме языка ненависти, есть еще и «фольклор ненависти»: и сторонники, и противники вакцинации используют устойчивый набор речевых жанров, которые призваны продемонстрировать несостоятельность аргументов противоположной группы.

Противники вакцин распространяют страшные истории о смерти невинных людей из-за прививки или о том, как чип в вакцине контролирует людей. Цель этих историй – во-первых, убедить свою аудиторию повременить с прививкой, а во-вторых, продемонстрировать бесчеловечность и отсутствие эмпатии у «ваксеров»: «Вчера у дочки соседки подруги ноги отнялись, но вам, конечно, все равно, Саша» [женщина, 45 лет, Париж].

Мы зафиксировали более семидесяти разных сюжетов городских легенд и слухов, связанных с прививками и их страшными последствиями, – к сожалению, здесь нет возможности перечислить все. Но вот городская легенда, которая за лето 2021 года набрала 52 тысячи репостов в открытых социальных сетях:

«Всем доброй ночи! Сегодня общался со знакомым который прилетел с Англии, у него мать работает в больнице в Англии медсестрой, там во всю идет вакцинация населения, он против вакцины, его мать сделала ему сертификат якобы он прошел вакцинацию, то есть выдала оригинальный документ не поставив вакцину, прилетев в страну свою откуда он родом в аэропорту он показал этот документ чтобы не садили его на карантин, таможенники попросили его пройти через устройство которое сейчас практически во всех аэропортах показывает температуру тела, он прошел и ему сказали, что он не вакцинирован и его сертификат не действителен, так как вакцина содержит тяжелые металлы, и что им сразу видно вакцинирован человек или нет! И как после этого не верить в глобальный контроль и теорию заговора!» (орфография и пунктуация оригинала).

В то же время «оружием слабых» сторонников вакцин становится черный юмор – они распространяют бесчисленное количество анекдотов и шуток, подчас весьма жестких, цель которых не только выставить в черном свете противников вакцинации, но и показать бессмысленность их борьбы: «Идея стартапа. Берем в долг у 10 антипрививочников. Доходность – 50%». Именно это подчеркивает народный «девиз», к которому часто прибегают сторонники вакцинации: «Чем больше антипрививочников, тем меньше антипрививочников».

Очень часто эти шутки пародируют основные конспирологические теории, связанные с прививкой: «Те, кто считает, что вакцина изменит их ДНК, должны рассматривать это как шанс».

Юмор сторонников вакцинации пародирует элементы типичного поведения противников вакцинации (так, как его представляют себе сторонники):

- Вы планировали беременность?
- Нет.
- Но вы предохранялись?
- Ну, я купил справку, что я в презервативе.

Однако большинство шуток сторонников вакцинации построены по принципу заимствования и пародирования дискурса «врага» – назовем этот пример «кривое зеркало». В многочисленных шутках обычные аргументы антипрививочника воспроизводятся, при этом ключевой элемент дискурса (аргумент про опасность вакцины) заменяется на что-то из совершенно другого контекста:

Сторонник вакцинации: Почему ты перед прыжком не надеваешь парашют?

Противник вакцинации: Во-первых, от него побочка (лямки спину натирают), а во-вторых, нет стопроцентной гарантии, что он раскроется.

Подходят инженер и антивакцинатор к мосту через реку, кишащую крокодилами и пираньями.

Антипрививочник: Скажите, насколько надежен этот мост?

Инженер: Надежен на 99,9%.

Антипрививочник: Как? Целая 0,1%, что он обвалится? Тогда я вплавь.

Это не что иное, как частный случай формалистского острашения. Острашение позволяет смотреть на ситуацию «извне» и тем самым видеть ее абсурдность. Пример «кривого зеркала» настолько продуктивен, что становится моделью порождения большого количества текстов. Приведенный ниже текст про шины, несмотря на свою длину (здесь цитируется только фрагмент), в восемнадцать раз популярнее в социальных сетях, чем любой из упомянутых выше анекдотов. Причина такой популярности, видимо, как раз заключается в предельном обнажении приема: сплошном перечислении якобы научных аргументов противников прививки.

«Друзья, в ближайшее время разномастные мошенники и официальные власти начнут призывать вас сменить летнюю шину на зимнюю. Алчные производители шин, псевдоинженеры, продажные журналисты и блогеры со всех щелей будут уговаривать вас заплатить космические деньги за абсолютно ненужный и даже опасный продукт. Не поддавайтесь и не становитесь рабами мирового шинного закулисья. Зимняя шина – фейк. Вот несколько фактов о которых умалчивает современная наука и производители. [...]

Состав зимних шин неизвестен и до конца не изучен. Шинная мафия продает нам какую-то непонятную смесь.

На зимних шинах разбиваются и гибнут еще больше, чем на летних. Зимняя шина не дает 100% гарантии от ДТП. Тогда зачем нас загоняют на шиномонтаж? [...]

В Конституции ничего не написано про обязательное использование зимних шин» (орфография и пунктуация оригинала).

ПЕРЕМИРИЕ: КОГДА СЛАБЫЕ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

Выше мы описывали ситуацию, когда граждане – противники или сторонники вакцинации – направляли свое «оружие слабых» друг против друга. Однако иногда носители противоположных точек зрения объединяются и пользуются одним и тем же оружием. Я говорю об анекдотах про особенности

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА

БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

российского локдауна и российской политики в отношении коронавируса. Оба воображаемых сообщества высмеивают политику властей, и такие шутки распространяются в пабликах и *Telegram*-каналах почти вне зависимости от позиции по вакцинации.

Так, например, противоречивая политика борьбы с коронавирусом в России в начале эпидемии (официальные медиа описывали страшную ситуацию в Италии, но говорили, что в России все будет хорошо) привела к тому, что уже с 10 марта 2020 года начинает распространяться анекдот: «При пересечении границы России коронавирус теряет свои патологические свойства и становится обычным ОРВИ». Непоследовательность российских мер (то вводится жесткий карантин, то он отменяется) породила язвительный народный комментарий:

Есть три способа борьбы с ковидом.

- 1) Китайский: жесточайший карантин, вбухать кучу денег.
- 2) Шведский: ничего не делать.
- 3) Российский: объявить китайский, реализовать шведский, разницу – своровать.

Навязчивость российской вакцинационной политики приводит к тому, что и сторонники, и противники прививок от коронавируса охотно репостили анекдот о вакцинации «Спутником». Примечательно, что сам анекдот появился через несколько часов после того, как в декабре 2020 года было объявлено о старте вакцинационной кампании. Необычна и его форма – это явная пародия на те самые страшные легенды о зараженных СПИДом иглах, которые злоумышленник оставляет в сиденье кинотеатра. Обратите внимание на характерное для страшных историй оформление:

«Ужас, ПРОЧИТАЙТЕ!!! В кинотеатре “Комсомолец” зрительница села на кресло и почувствовала боль от укола в ногу. Когда она присмотрелась, увидела еле видную иголку в кресле, которая выглядывала примерно на 3–4 миллиметра, а также записку: “Вы только что вакцинировались «Спутником V»”» (орфография и пунктуация оригинала).

Отказ российской политической элиты публично подавать пример вакцинации (вспомним, сколько ждали вакцинации Путина, и до сих пор у многих есть сомнения, привился ли он) привел к появлению нового анекдота:

- Путин точно привился?
- А он хоть раз обманывал?

И наконец, особое недовольство у сторонников и противников вакцинации вызывает отсутствие поддержки малого биз-

неса в ситуации локдауна и тот факт, что оплата «нерабочих дней» возлагается не на правительство, а на предпринимателей: «Заходит Путин в бар и говорит: “Всем пива! За счет заведения!”»

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВЫХОДИТ НА УЛИЦЫ

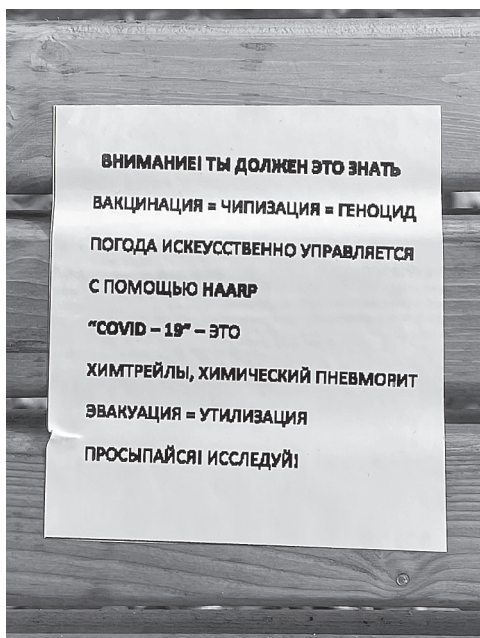
Как мы помним, теория скрытых и публичных транскриптов Джеймса Скотта динамична. Периоду открытого протеста всегда предшествует период, когда скрытые транскрипты постепенно покидают территорию кухонь и стен туалетов, начинают обретать более заметную форму и захватывать публичное пространство, контролируемое сильными.

Когда я начинала писать эту статью, в начале лета 2021-го, все описанные выше скрытые транскрипты были действительно скрытыми. Слухи и анекдоты распространялись устно, в *WhatsApp* и *Telegram*-каналах, хотя иногда их выкладывали для публичного обсуждения. Никто почти еще не делал их частью граффити или протестного плаката.

Но, когда в ноябре 2021 года статья подошла к своему логическому завершению, ситуация в России значительно изменилась. Противники вакцинации, обретя свой язык сопротивления и свою публичную идеологию, выражаемую с помощью этого языка и фольклорных текстов, стали публично представлять себя как сообщество угнетенных. Теперь уже скрытые транскрипты используются не в закрытых чатах и кухонных беседах, но стали появляться на граффити и плакатах. Ровно этим языком говорят участники 52 акций протеста против обязательной вакцинации, которые прошли в ноябре 2021-го. Более того, противники вакцинации и QR-кодов теперь ведут «войну» на совершенно другом уровне. Они начали взламывать публичные транскрипты и захватывать публичное пространство, которое принадлежит сильным. В октябре–ноябре 2021 года мои коллеги стали свидетелями, как этот захват происходил: вот на скамейке парка в Москве размещена листовка (илл. 3), вот в Петербурге прямо на асфальте противники вакцинации оставляют сообщение, что «вакцинация – это смерть» (илл. 4), а вот исправляют публичные транскрипты с информацией о вакцинировании (илл. 5–6 и 7–8) – и послание получает противоположный смысл.

И это чрезвычайно захватывающий материал. Но уже для другой статьи.

Илл. 3. Стикер на скамейке в парке. Москва. 2 октября 2021 года. Фотография Ирины Костериной.

Илл. 4. Надпись на дороге возле Гагаринской улицы, Санкт-Петербург. 1 ноября 2021 года. Фотография Артемия Плеханова.

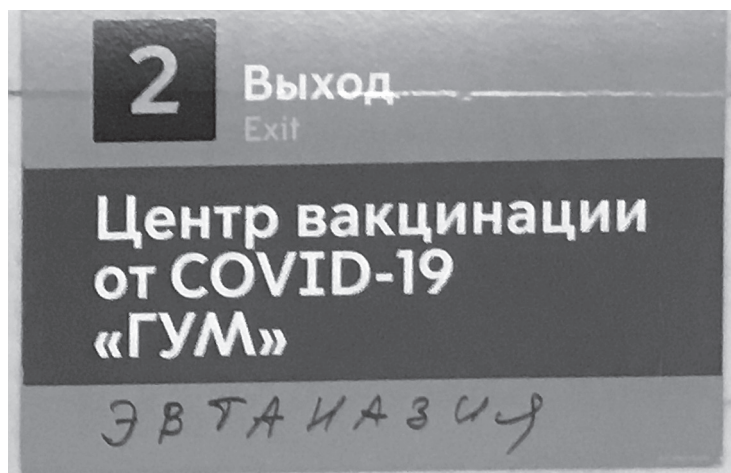

Илл. 5, 6. К объявлению о вакцинации прикреплено противоположное по смыслу сообщение. Санкт-Петербург. 19 ноября 2021 года. Фотография Федора Веселова.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

Илл. 7, 8. Женщина
приписывает слово
«эвтаназия» к указа-
телю на центр вакци-
нации. Станция метро
«Китай-город», Москва.
16 ноября 2021 года.
Фотография Екатерины
Белоглазовой.

ЭКСПРЕССИВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ВАКЦИНАЦИИ, КОРОНАВИРУСУ И ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫМ МЕРАМ. ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ

Перед вами – частотный словарь экспрессивных неологизмов, показывающих эмоциональную оценку коронавируса, вакцин от коронавируса, сторонников и противников вакцинации от ковида и ограничительных мер, в том числе локдауна и QR-кодов.

Этот словарь составлялся следующим образом: в ходе мониторинга социальных сетей, наблюдения и интервьюирования я находила новые лексемы, а затем через анализатор сетевых данных «Медиалогия»⁴⁷ смотрела, насколько часто это слово встречается в российских социальных сетях (напомним, что «Медиалогия» практически не «видит» содержимого мессенджеров). Конечно, поиску легко поддаются неологизмы, не имеющие другого значения, например, *ваксер* или *антиваксер*. Легко искать слово, например, *шмурдяк*, потому что первичное значение (дешевый алкоголь) сейчас уже не используется. Однако некоторые слова, например, *чипирование*, могут встретиться в разных ситуациях, например, в объявлениях о продаже щенка или о походе в ветеринарную клинику для чипирования домашнего любимца. В такой ситуации я пользовалась *методом ограничения контекста*. В поисковом запросе рядом с целевым словом указывались ключевые слова, которые должны исключить неподходящую ситуацию из выдачи или, наоборот, сузить контекст до желаемого. Кроме того, поскольку эти слова только что возникли и не имеют устоявшегося словарного облика, в поисковом запросе я учитывала все варианты написания одной и той же лексемы, например, *барановирус* и *баранавирус*.

Таким образом, цифры, которые вы видите в этом частотном словаре, показывают не абсолютную популярность ковидных неологизмов в период с 1 августа по 10 ноября 2021 года, но нижний предел этой популярности.

⁴⁷ Сервис «Медиалогия» получает данные из порядка 1500 платформ, включая социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Twitter и другие), YouTube, блоги, в том числе автономные, форумы, комментарии к текстам онлайн-СМИ.

Частотный словарь ковидных неологизмов
(1 августа – 10 ноября 2021 года).

Неологизм	Число упоминаний	Неологизм	Число упоминаний
чипизация/чипирование	533 650	ковид-скептик	1436
уколизация/уколотые	193 755	фуфлокарантин	1316
антиваксер	181 233	[...]код ⁴⁸	1234
ковид-диссидент	93 523	ковидлобес/ковидлобес	878
жижа/жижизация/ жижизировать/жижизатор	92 782	вакци-наци	660
антипрививочник	83 321	квакцина	632
коронабесие	78 330	фикцинация	594
шмурдяк	74 891	хреновирус	394
барановирус	54 263	фейкодемия	260
ковидла/ковидло	30 672	кар-кар коды	198
факцина/факцинация	8 474	Шпунтик [«Спутник V»]	160
лохдаун	22 915	привитыш	159
намордник	21 935	подбородочник	125
ковикулы	17 534	голоносик	118
безмасочник	16 176	путикулы	116
антивакцинатор	11 883	прививашки	114
прибивки/прибитые	11 165	голомордый	91
куриный код [QR-код]	9737	баранобесие	69
масочник	8904	ужализация	57
прививочник	8869	коровобесие	42
ваксер	8368	подносник	36
покемон [вакцинированный]	6064	паникавирус	34
ковидо-фашист	4423	ковид-лоялист	29
антимасочник	3906	коронапофигист	28
фуфлодемия	2964	антивакционщик	24
макароновирус	392	ковид-правоверный	5
ковидиот	2315	бескуарник	4
фейковирус	1665	вакционщик	2
овцинация	1564	бессмертные	1
вакциноскептик	1492	вакцинатнутые	1

48 К сожалению, редакция не может целиком привести здесь слово, важное для понимания лексического аспекта «холодной гражданской войны» времен коронавируса. Оно составлено из созвучной слову «куар» производной от известного практически каждому носителю русского языка общенного существительного и слова «код». Прискорбная пугливость российского государства в отношении разнообразных проявлений родного языка – которые к тому же даются в чисто академических текстах – не позволяет нам оставить в таблице это слово в том виде, в котором оно существует в исследовании Александры Архиповой. Ханжество и цензура, характерные для нынешнего периода истории России, в очередной раз вошли в противоречие с интересами научного знания. – *Примеч. ред.*

Люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение

Разговор весны 2021 года¹

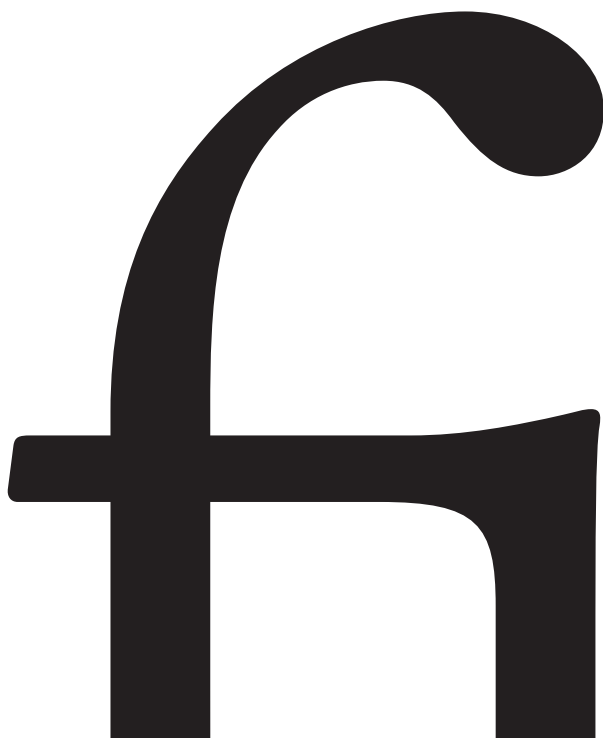

Полина Колозариди: Участники этого разговора – коллеги из Высшей школы экономики. Это нетрадиционное решение для конференции нашего клуба любителей интернета и общества, который утверждает в своих программных текстах: давайте будем открытыми по отношению к разным институтам и городам, не ограничиваясь столицами. Но наш выбор не случаен. У ВШЭ образ вуза, успешно занимающегося цифровизацией образования. А клуб любителей интернета и общества давно сотрудничает с ВШЭ, поэтому мы решили остановиться на ней. Но есть и другой тип разнообразия. Мы собрали тут и тех, кто управляет онлайн-образованием, и тех, кто исследует его.

Общий вопрос ко всем: что в цифровизации образования стало просто продолжением уже начатой до пандемии работы, а что действительно оказалось новым?

¹ Сокращенная расшифровка «круглого стола», прошедшего на конференции «Internet Beyond» в апреле 2021 года.

ПАНДЕМИЯ/
ИНТЕРНЕТ +
ИНСТИТУТЫ

Евгения Кулик: Давайте я отступлю на год назад. Если сравнивать российские вузы с зарубежными, то можно сказать, что все прошло более-менее успешно. В течение двух недель практически все высшее образование страны перешло в онлайн. Наибольший успех здесь был у тех вузов, у которых уже были отработанные бизнес-процессы. Понятно же, что переход в онлайн – это не просто создание цифрового контента. Нельзя просто положить лекции в LMS (*learning management system*, система управления обучением) и радоваться этому. Должно быть отработано, например, администрирование образовательного процесса. Все то, что в Вышке давно перешло в цифру: запись на курсы по выбору, согласование учебных планов, назначения факультативных дисциплин студентам.

И второй важный момент – готовность цифрового контента. Заменить большинство дисциплин трансляцией – это очень сложно, ресурсоемко. А онлайн-курсы были доступны далеко не все. И тут мы наблюдали, мне кажется, уникальный феномен, когда вузы, бизнес, коммерческие компании начали предлагать цифровой продукт университетам, чтобы те не прерывали учебный процесс. Ведущие российские университеты бесплатно открыли доступ абсолютно ко всем своим курсам.

Но такой стрессовый переход в онлайн был чреват тем, что часть задач может быть выполнена некачественно. И когда руководитель вуза понимает, что дистант в глазах родителей приравнен к некачественному образованию, разумеется, это будет тормозить развитие данного формата в этом конкретном вузе. Когда есть идея, что качественно – это только офлайн, а значит, нам онлайн не нужен. У части вузов такие настроения есть.

Полина Колозариди: Но для ВШЭ все тоже было не совсем просто?

Евгения Кулик: До ковида Высшая школа экономики организовывала от семи до двенадцати тысяч экзаменов в год с использованием прокторинга². А например, в летнюю сессию их было больше 200 тысяч. А сессия, как мы знаем, длится несколько недель. Для Вышки вызовы были связаны с тем, что нужно было резко, взрывным образом масштабировать все уже принятые решения.

Полина Колозариди: Вот, наконец-то, разговор про интернет начинается с материальности, с инфраструктур, с устройства – то есть с того, о чем мы как пользователи (да и порой как исследователи, не будем греха таить) нередко забываем.

² Так называется процедура, позволяющая дистанционно осуществлять наблюдение и контролировать людей, сдающих экзамен.

люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение

Полина Колозариди – интернет-исследовательница, преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Национальном исследовательском университете ИТМО, координирует клуб любителей интернета и общества.

Евгения Кулик – руководитель дирекции онлайн-образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Евгений Терентьев –
исследователь Инсти-
тута образования
Национального иссле-
довательского универ-
ситета «Высшая школа
экономики».

Евгений [Терентьев], когда вы изучали студентов и преподавателей во время перехода на дистанционное образование, вы видели такую же картину, как описала Евгения Кулик, или там совсем другая история?

Евгений Терентьев: В 2019-м у нас было качественное исследование: мы говорили с сорока преподавателями из двадцати университетов о том, что и как меняется в их работе в связи с более активным распространением цифровых технологий и интернета. Это исследование завершилось в феврале 2020 года, ровно накануне пандемии.

Мы увидели полярное отношение к происходящему. Были цифровые оптимисты, которые выступали драйверами цифровизации и «онлайнизации», они смотрели позитивно на перспективы этих процессов. Были оппозиционеры-«луддиты», которые всячески сопротивлялись и практически ломали компьютеры. Были те, кто спокойно воспринимал происходящее. Классическое разделение. Но главное, цифровое будущее образования, о котором разговоры велись и до пандемии не один год, воспринималось большинством участников опроса как далекое будущее. Никто не верил, что сейчас, по мановению руки мы за неделю возьмем и придем. А ведь пришлось. [смех]

С этими же людьми мы провели еще один раунд исследования, но уже в начале апреля – в самый жаркий период, когда начались все самые масштабные трансформации. Ситуация вот этого масштабного перехода, безусловно, была стрессовой. В начале, несмотря на всю стрессовость, многими участниками этого процесса происходящее было воспринято с энтузиазмом как своеобразный вызов. Но со временем рутинизация преподавания в онлайн-среде привела к снижению уровня оптимизма.

Еще раз мы планируем поговорить с этими людьми в июне, чтобы получить осмысленную рефлексию с учетом продолжительного опыта – и, кажется, у нас будет еще более пессимистическая картинка.

Проявились новые проблемы: нарушение коммуникации со студентами, баланса между работой и личным временем. Этот баланс всегда был зыбким для академических профессионалов, мы это знаем. Но в условиях тотального перехода в цифру граница между этими сферами жизни стала совсем проницаемой. В особенно уязвимой ситуации оказались люди с семьями, с маленькими детьми. И в этих условиях наощупь переизобретались новые практики преподавания и работы в онлайн-среде.

Если говорить про студентов в целом – значительная доля, порядка 40%, очень оптимистично отнеслись к происходящему: меньше времени на дорогу, параллельно с учебой можно

еще что-нибудь поделать – можно пива попить, пока ты на занятиях сидишь, выключив камеру, и так далее.

Но среди студентов также заметно выделяется группа тех, кто испытывал трудности. Не у всех есть стабильный быстрый интернет, компьютеры. У части людей – старые телефоны, неудобные для занятий. Конечно, в первую очередь проблемы у молодежи из семей с низким социально-экономическим статусом – в большей степени из регионов, но даже в Москве очень большой уровень расслоения.

Другая важная группа здесь – это руководители. Это тоже люди, которым нужна психологическая поддержка в условиях стресса. Стресс возникает в связи с содержанием их профессиональной деятельности, но в пандемию [появляется] дополнительный стресс из-за новых условий работы.

Полина Колозариди: А как ты проводишь грань между луддизмом, изобретательством и невозможностью включиться в образовательный процесс в целом?

Евгений Терентьев: Под луддизмом я понимаю активное, сознательное, систематическое сопротивление тем изменениям, которые происходят. Конечно, кроме «луддитов», есть и те, кто просто плывет по течению, – таких много: правила они соблюдают, но экспериментировать не будут. И есть люди, условно назовем их «технооптимисты», которые ловят драйв и экспериментируют. У меня нет количественных данных, и я не могу оценить, насколько распространена каждая из позиций, но этим категориям присуще разное поведение, разные установки. Про это могу более подробно рассказать.

Полина Колозариди: Оптимисты, конформисты и – условно – сопротивляющиеся. Как именно устроена граница между ними?

Евгений Терентьев: Мне кажется, нужно говорить не о четкой границе, а о своеобразном континууме. Там гораздо больше вариаций, гораздо больше полутонов – а не только два полюса: белые и черные. Позиция может постепенно меняться – через накопление опыта, через общение с другими коллегами. И, переосмысливая происходящие процессы, человек приобретает агентность. У нас многие в интервью говорят: «Да, я раньше всегда с опаской относился, а тут попреподавал – и кайфово ведь! Все студенты приходят, посещаемость выросла. Мне комфортно, я могу пойти чай пить в перерыве». И он или она начинает вовлекаться, экспериментировать, обсуждать с коллегами.

С этим связан еще один интересный сюжет: у нас в условиях пандемии стала активно развиваться культура неформальных

академических взаимодействий – сетей поддержки, обсуждений, обмена опытом. Такие формы самоорганизации академического сообщества – очень интересный феномен для социологического или культурологического изучения. Интересно было бы проследить динамику их развития. Но все равно мне кажется, что не бывает так: «рубильник перещелкнули», и человек из группы противников цифровизации образования сразу стал ее сторонником.

Полина Колозариди: Меня зацепила тема про то, как люди со временем меняют отношения – энтузиазм сменяется пессимизмом, привычкой.

Евгений [Патаракин], как вы видите это в долгосрочной перспективе, появилось ли что-то радикально новое сейчас? И кто здесь приноравливается к кому?

Евгений Патаракин –
руководитель образовательной программы
«Цифровая трансформация образования»
в Национальном исследовательском универ-
ситете «Высшая школа экономики».

Евгений Патаракин: Важный момент, о котором Евгений Терентьев уже сказал, – агентность не включается нажатием кнопки: вот у тебя не было субъектности, вдруг случилась цифровизация, что-то перещелкнуло, и ты стал субъектом. Это то, что постепенно наращивается. Здесь важны процессы низовой самоорганизации, причем не только между преподавателями, но и между студентами.

Если говорить про историю, то я могу выступить в роли динозавра, который помнит, как оно было. Были надежды, что мы сейчас сделаем что-то новое и важное. Было чувство, что вот появилась абсолютно новое средство, давайте мы с ним поиграем. Я помню это ощущение в 1990-е, когда появился веб – Всемирная паутина (WWW) пришла к нам в школу. У нас было ощущение – ба, да мы же сейчас можем делать такое, чего не может сделать никто! Давайте мы рискнем и будем пробовать, экспериментировать. Ну, оторвут нам головы, но мы хотя бы посмотрим на то, как бывает.

Это было удивительным ощущением. И в 1993 году у нас стало больше проектов, которые выполнялись группами студентов компьютерной школы совместно с преподавателями. Самым дорогим были эти связи, а не доступ к каким-то ресурсам. Люди увидели: вот мои соседи делают этот проект, я могу в нем участвовать.

А сейчас, мне кажется, цифровые технологии в образовании – это такой массовый мейнстрим, в котором все сводится к набору стандартных скиллсетов³. Это то, о чем говорил, например, Уорд Каннингем: «Приходят они ко мне со своими сертификатами... А что мне они? Ты сядь попрограммируй».

3 От англ. *skillsets* – наборов навыков.

И возможность сесть и попрограммировать, вместе делать продукт, сейчас тоже открыта для всех, и нужно зафиксировать, что она есть.

люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение

Полина Колозариди: Мне кажется, круг замкнулся. То, что вы говорите, очень контрастирует с тем, с чего начала Евгения Кулик – с идеей, что переход обеспечивается за счет управления. И мы в нашем разговоре стараемся не упускать интернет как нечто, очень разнообразное. С одной стороны, интернет как технологию, которая встроена уже сейчас и в бизнес-процесс. С другой стороны, интернет как то, что позволяет заниматься изобретательством, организовывать новые формы социальности. И я пытаюсь понять, говорим ли мы про один интернет или про разные?

**Агентность не включается нажатием кнопки. }
Здесь важны процессы низовой самоорганизации, }
причем не только между преподавателями, но }
и между студентами. }**

Евгения Кулик: Мне кажется, что мы говорим об одном и том же, но в разных сферах деятельности. Эксперименты в управлении – это тоже эксперименты. Просто каждый экспериментирует в собственной профессиональной деятельности: преподаватели – в одном, а менеджеры и управленцы – в другом. И каждый ищет решение той ситуации, которая у него возникла, используя доступные инструменты.

И есть еще один тезис, который мне очень хочется озвучить по результатам выступления Евгения Терентьева. Он говорил, что возникли службы психологической поддержки, поскольку переход на онлайн-образование, действительно, был психологически непростым для многих людей. А я обратила внимание, что практически нигде вообще речь не идет о менеджерах среднего и нижнего административного звена. А это как раз те люди, которые находятся внутри инновационных процессов, те, кто связывает воедино университет. Это те, кто взаимодействует со студентом, с преподавателем, с информационными системами, с топ-менеджерами, – на них все держится. И вот эти люди, на мой взгляд, пережили самый серьезный стресс, хотя именно они редко обращаются за психологической поддержкой – в этой аудитории не распространена соответствующая культура.

Анна Щетвина: У меня вопрос в продолжение того, что мы уже начали обсуждать. Мне очень интересно, насколько в дис-

Анна Щетвина – независимая исследовательница интернета, координатор клуба любителей интернета и общества.

Иван Груздев – исследователь Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

куссиях о цифровизации учитывается проблема качества жизни студентов. Ведь в первую очередь в таких дискуссиях речь заходит о менеджменте – как сделать так, чтобы все в этих экстремальных условиях работало. И даже тогда, когда ставится вопрос о самочувствии студентов и аспирантов, он ставится в бизнес-контексте – насколько хорошо они смогут работать. Но очевидно, что вопрос должен ставиться шире. Скажите, включена ли сейчас рефлексия о *well-being* студентов в процесс принятия решений?

Иван Груздев: Надо сказать, что студенты у нас очень разные – даже внутри ВШЭ. Были категории студентов, которые вообще не сильно напряглись. А были студенты, которые, конечно, переживали эту историю довольно тяжело. Например, студенты-первокурсники, только недавно поступившие в университет. Они хотели полноценной студенческой жизни, о которой все столько говорят, но получили ее только на полгода, а затем ушли на карантин.

Мне кажется, можно выделить три вида проблем, с которыми столкнулись студенты. Во-первых, это, конечно, психология. По разным оценкам, от четверти до трети обучающихся сталкивались так или иначе с серьезными психологическими вызовами. Вторая проблема – это все, что касается саморегуляции и самоорганизации. Когда студенты ходят в университет, это структурирует их время и деятельность. И когда выясняется, что физически в здание университета приходиться не нужно, то задача настроиться на занятия – читать, думать в домашних условиях – оказывается очень серьезным вызовом, не все с этим справились. И третий вид проблем – это то, о чем мы уже говорили, это проблемы студентов, которые находятся в сравнительно неблагоприятных социально-экономических условиях. Помните, было много шуток про парня, который залезал на березу с компьютером, чтобы учиться, потому что только там у него хорошо ловил интернет.

Ну, и, конечно же, все жаловались на недостаток социализации.

Полина Колозариди: Вопрос, который поставила Анна [Щетина], в некотором смысле возвращает нас к началу – к теме агентности. Правильно ли получается, что в пандемию, по сути, реализовываются все те же прежние механизмы? При этом все больше стали говорить о том, как бы студентов не просто научить, а именно вовлечь. Это не то что плохо – а любопытно, возможно ли еще со студентами по-другому разговаривать? Возможно ли еще перепридумывать сам процесс образования?

Ксения Вахрушева: Мне в какой-то момент показалось, что весь прошлый год прошел в обратной миграции студенчества в регионы. Потому что многие приехали в столицу учиться, а потом начали возвращаться домой, когда поняли, что здесь нет очных занятий, а жить в столице довольно дорого. А тут вдруг появилась возможность учиться на дистанционке, жить с мамой, вкусно кушать, гулять с собакой. Но, когда мы возвращаемся домой, у нас появляется сразу миллион раздражающих факторов: мы уехали, и нашу комнату отдали младшей сестре. У нас больше нет своего стола и шкафа, своего физического пространства. Есть родственники, которые все время ходят на заднем фоне, когда ты в зуме. Есть мама, которая все время предлагает пообедать, когда у нас идет пара.

И кажется, что здесь можно обнаружить интересные сюжеты. Например, что это все может стимулировать локальные городские объединения людей с похожими запросами или даже появление коворкингов. Или – другая интересная тема – как студенты, которые чуть-чуть посмотрели на столичную жизнь, возвращаясь, приносят ее опыт в те места, где жили и продолжают жить.

Евгения Кулик: Еще нужно посмотреть, обусловлен ли такой возврат в регионы желанием студентов. Возможно, это страх родителей, что студент живет в мегаполисе, где постоянно увеличивается количество заболевших. А вообще, да, это очень интересная тема. Я на днях наткнулась на сообщение, что сейчас очень многие люди при заказе дизайн-проекта квартиры просят организовать отдельную комнату, кабинет-библиотеку. То есть вот это новый тренд, которого не было до ковида.

Евгений Терентьев: Прокомментирую вопросы, о которых чуть раньше зашла речь – о роли университета как гуманитарной, а не производственной организации. У нас в интервью это часто всплывало. В отдельных университетах преподаватели говорили: «Бог ними, с образовательными результатами. Главное, чтобы студентам комфортно было, чтобы они пережили бы эту ситуацию пандемии. Ну, не будем их грузить ничем, пусть они будут спокойны, хорошо себя чувствуют и не испытывают никакого стресса из-за этого образования». Это интересный сюжет, он звучал не один раз. То есть абсолютной доминантой становится качество опыта, благополучия в университете.

Но при этом те же преподаватели часто беспокоятся о воспитательной функции своих университетов. Когда они видят студентов в аудиториях, то считают, что они их ограждают. Университет становится такой крепостью, призванной защи-

*Ксения Вахрушева –
комьюнити-менеджер,
выпускница образова-
тельной программы
«Медиакоммуникации»
Национального исследо-
вательского универси-
тета «Высшая школа
экономики» (2020).*

щать молодых людей от негативных влияний. Ведь за стенами университета – наркотики, алкоголь, вредные люди. Если университет перестает выполнять функцию «передержки», то что же с ними со всеми будет? Вырастет поколение непонятно кого. И в этом смысле сама пространственность университета как места тоже должна стать отдельным объектом изучения: как меняется восприятие этого пространства, какие потенциальные эффекты это может иметь?

Иван Груздев: В завершение хочется еще одну вещь сказать про исследования образования в пандемию. Мы обсуждали это недавно в «Шанинке» с Дмитрием Рогозиным, и он тонко подметил одну вещь. Когда мы запускали опросы студентов и преподавателей в пандемию, к этим данным был очень сильный, почти нездоровый интерес разных руководителей. С одной стороны, это делало нашу работу менее вдумчивой, а с другой стороны, она была очень энергичной. Потому что, когда руководители хотят видеть данные, ты суетишься. А сейчас очевидный интерес к этой теме схлынул – мы там что-то делаем, но уже не находимся под таким пристальным вниманием. И в этом есть возможность действовать как вдумчивые, не торопящиеся, в хорошем смысле независимые исследователи. Очень важно не потерять внимание ко всем этим случившимся изменениям, потому что объем трансформаций, произошедших в самых разных сферах жизни и в образовании, пока еще совершенно не осознан, а последствия его не отрефлексированы. Потому что жизнь просто разделилась на «до» и «после». Я думаю, на этих материалах можно лет десять, а то и двадцать заниматься хорошим социологическим анализом.

Полина Колозарики: Спасибо большое. Пережив пандемию, мы автоматически получаем возможность быть и свидетелями, и исследователями, и деятелями в этом непростом процессе изменения. Хочется лучше понимать: с чем мы сопоставляем эти процессы? Ведь примечательно, как наш разговор переходил от одних акторов к другим. Там появлялись и исчезали администраторы, родители, город, студенты, преподавательницы, исследователи, социологи, психологи и так далее. Интересно, чей подход окажется, в конечном счете, основным в описании этого процесса, а чей станет базой для того, чтобы говорить об интернете в образовании как о чем-то совсем другом?

Instagram-соборность: конструирование социальности во время ковида

ДАРЬЯ
РАДЧЕНКО

Чат прямой трансляции в *Instagram* пестрит смайликами, эмоджи в виде сложенных рук и сообщениями: «Воистину воскресе!», «Аминь!» и «С праздником!». Лайв-стрим ведется с чьего-то смартфона, установленного на штативе в одном из московских храмов, а я слежу за ним со своего ноутбука у себя дома. Наряду с десятками, если не сотнями тысяч, других православных весной 2020 года я оказалась в ситуации локдауна, когда вместо посещения пасхальной литургии я была вынуждена подключаться к ней при помощи гаджета. Опыт в высшей степени странный (впоследствии слово «странный» будут независимо друг от друга повторять многие участники моего исследования) – не в последнюю очередь потому, что на праздничные богослужения обычно собираются сотни людей, а к трансляции были подключены не больше тридцати. Но их живая реакция на происходящее на экране немного успокаивает – она показывает, что литургия как совместное действие все же осуществляется, хотя и в распределенных пространствах. Впрочем, совместное ли? Означают ли комментарии в чате, что я и другие зрители лайв-стрима являемся соучастниками богослужения? Как мы преодолеваем разрыв между сакральным пространством и религиозным сообществом? Эти вопросы легли в основу сначала полевого дневника, который я вела параллельно с онлайн-службой, а затем – и развернутого исследования практик, связанных с дигитализированным участием в богослужении. (Данная статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС¹.)

В марте 2020 года россияне столкнулись с пандемией, вызванной распространением коронавируса нового типа – COVID-19. Рост заболеваемости и массовая озабоченность ситуацией заставили постепенно менять повседневные практики. В январе–марте 2020 года правительство России начало ограничивать

Дарья Александровна Радченко (р. 1979) – цифровой антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС.

1 Автор выражает глубочайшую признательность всем участникам исследования, а также коллегам – Сете Лоу, Павлу Куприянову, Полине Колозарики, Леониду Юлдашеву, Марине Байду, Дмитрию Доронину и другим, – чьи замечания, вопросы и комментарии помогли в работе над статьей.

трансграничные перемещения, эвакуировать российских граждан из стран с высоким уровнем заболеваемости, вводить иные меры контроля над распространением эпидемии. 23 марта РПЦ отреагировала на ситуацию беспрецедентной инновацией богослужебного обихода: был принят ряд санитарно-гигиенических мер, призванных минимизировать риски заражения во время богослужений. Вспыхнувшие во многих приходах, монастырях и на медийных площадках протесты² пытались успокоить, заявляя, что эти меры позволят сохранить доступ прихожан в храмы – последние не будут закрыты администрацией принудительно. Вместе с тем уже 25 марта президент России объявил о введении «нерабочих дней». 29 марта Патриарх Московский и всея Руси призвал верующих воздержаться от посещения храмов, а 2 апреля режим нерабочих дней был продлен до конца месяца. Тем временем в ряде регионов (в том числе в Москве и Санкт-Петербурге) 30 марта был введен полноценный локдаун с применением санкций за нарушение режима самоизоляции. Наконец, 15 апреля Москва ввела пропускной режим, резко ограничивающий свободу перемещения горожан.

Для православных верующих эта ситуация оказалась серьезным ударом: период ограничений совпал с финальными неделями Великого поста, Страстной Седмицей, когда проходят многие значимые богослужения, и, что особенно болезненно, с празднованием Пасхи (в 2020 году она пришлось на 19 апреля). Ограничения, введенные светскими властями, подразумевали, что на богослужениях смогут присутствовать только члены клира и работники храмов (хор, алтарники, технический персонал). Миряне многих российских городов оказались отрезаны и от храма, и друг от друга в важнейший православный праздник³. В качестве если не выхода из положения, то некоторого смягчения этой ситуации им было предложено следить за богослужениями по трансляциям в Интернете и по телевидению, которые были организованы как силами отдельных приходов, так и благотворительными фондами.

Православная церковь и ранее переживала ситуации, когда приходилось прибегать к удаленному участию прихожан

- 2** См. об этом: Лученко К. *Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1(39). С. 39–57; *Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений. Материалы первого семинара* / Сост. С.В. Чапнин. М.: Проект «Соборность», 2020; Великанов П., прот. Чернов В.В. *Евхаристия в условиях карантина: опыт Англиканских церквей* // Богословский вестник. 2020. № 2(37). С. 107–122; Агаджанян А. *Сопротивление и покорность. Вызовы пандемии, позднеמודерные эписетемы и русский православный этос* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1(39). С. 12–38.
- 3** Реализация этого предписания различалась от епархии к епархии и от прихода к приходу: в одном и том же городе разные священники могли полностью подчинить литургическую жизнь прихода новым условиям, сохранить ее при видимости соблюдения предписаний или открыто протестовать против любого ограничения доступа мирян в храмы: Макаркин А.В. *Полифония русской церкви: государственный фактор, общественный запрос и вызов пандемии* // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 2(97). С. 117.

в религиозных практиках, в основном из-за гонений на веру, дефицита храмов и священников:

«В то время [1930-е] входило в обиход заочное отпевание. Прежде об этом и слыхом не слыхали. Но теперь люди умирали в тюрьмах, в ссылках, где их никто не отпевал, в отдаленной местности, где не было храмов, [...] и жизнь подсказала выход»⁴.

В 1970–1980-е распространилась практика прослушивания религиозных передач, проповедей, транслируемых западными «голосами» или записываемых на магнитофон, а с 1990-х стали популярны теле- и радиопередачи о вере и трансляции богослужений. Вместе с тем все эти практики осознавались как формы икономии⁵ в ситуациях, когда храмы закрыты, находятся далеко от мест проживания верующих, когда посещение храма несет риски репрессий или если прихожанин не может добраться до него из-за ограничений, связанных с состоянием здоровья. Дистанционное участие в религиозной жизни никогда не рассматривалось православной церковью как нормативное, и тем более предписанное, но допускалось в качестве снисхождения к человеческим немощам или практическим затруднениям⁶. Кроме того, трансляции богослужений понимаются как форма миссионерства, направленная на то, чтобы познакомить с православной службой тех светских зрителей, которые не приходят в храм из-за каких-либо культурных или психологических барьеров⁷. В то же время стремление попасть на богослужение, невзирая на опасности или неудобства, трактуется как желательное поведение – хотя бы потому, что телесное участие в литургии путем причащения догматически является главным и необходимым условием для того, чтобы быть частью Церкви Христовой⁸. И именно это телесное участие и оказалось невозможным.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

- 4 Трапани Н.В. *«Другой жизни я не могла принять...»*. Сергиев Посад: Издательство Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2019. С. 286.
- 5 То есть подхода к решению церковных вопросов с позиции снисхождения, практической пользы, удобства. – *Примеч. ред.*
- 6 Нормативного документа РПЦ об удаленном участии в богослужениях по понятным причинам не существует (центром богослужения являются таинства, удаленное осуществление которых не предполагается). Однако за 2020–2021 годы вышел ряд текстов об этой практике, созданных священниками, размышляющими о том, как маргинальный способ участия в жизни церкви впервые стал массовым. См.: *Системные проблемы православия...*; Уминский А. *Книга о молитве. Тяжесть правила или разговор с Отцом?* М.: Никея, 2021; и другие.
- 7 Романовская Н.В. *«Когда телевизор во благо»: опыт формирования общественного православного телевидения в России* // Ученые записки ЗабГУ. Серия «Филология, история, востоковедение». 2012. № 2. С. 246.
- 8 Представители некоторых христианских деноминаций рассматривали и даже практиковали возможность причащения онлайн. В отличие от других форм взаимодействия с верующими – например, удаленного благословения верб и пасхальной трапезы, – этот подход был оценен священноначалием РПЦ как абсолютно неприемлемый. См., например: Говорун К. *«Богословие ковида», или «Знаменательная буря» короновирусной пандемии* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 1(39).

Следуя тезису Мориса Мерло-Понти о теле как инструменте познания⁹, феноменологическая критика цифровых взаимодействий, предложенная Хьюбертом Дрейфусом, строится на том, что «бестелесность», отсутствие физического измерения во взаимодействиях, препятствует полноценному восприятию ситуации и людей в ней¹⁰. А значит, соприсутствие и совместность в цифровой среде невозможны. Обсуждая это положение, датский исследователь Андерс Хугард в статье о коммуникации в *Snappchat* замечает, что утрата телесности может приводить к созданию новых механизмов связи между людьми путем манипулирования технологическими средствами: управления положением гаджета, телом относительно гаджета, создания новых текстовых форм и так далее¹¹. В нашем случае вопрос оказывается еще сложнее: состоится ли реализация соучастия в религиозном ритуале, когда невозможна центральная для сообщества практика, подразумевающая соприсутствие в едином физическом и сакральном пространстве? Какие коммуникативные практики используются для преодоления разрыва и воссоздания этого общего пространства – и с кем оно, собственно, разделяется в этом процессе? В нарративах о ритуальных практиках, спонтанно складывавшихся в условиях сильной неопределенности, мы будем постоянно наблюдать противоречивые реакции на происходящее, попытки экстренной переборки социальных сетей и тот тип субъекта, о котором Аманда Лагерквист пишет так:

«Человеческое существо, которое спотыкается, падает, не понимает, борется; которое уязвимо, болезненно, безмолвно и не находит выхода, но которое, прокладывая себе путь в нашем цифровом бытии, также переживает моменты предельного смысла, солидарности, поддержки и наполненности»¹².

В этой статье я сосредоточусь на анализе взаимодействий между людьми в медиатизированном богослужении. Формы конструирования сакрального пространства при помощи материальных объектов я обсуждаю в другом тексте, созданном на материалах этого же исследования¹³.

9 «Тело – это наш общий способ обладания миром» (Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 196).

10 DREYFUS H. *On the Internet*. New York: Routledge, 2009.

11 HOUGAARD A. *World at Your Phone: How Snappers Embodiment the Digital World* // *RASK – International Journal of Language and Communication*. 2018. № 47. P. 119.

12 LAGERKVIST A. *Existential Media: Toward a Theorization of Digital Thrownness* // *New Media & Society*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 107.

13 Радченко Д.А. *Пасха онлайн: конструирование соприсутствия в медиатизированном ритуале* // ШАГИ/ STEPS. 2021. Т. 7. № 4.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

Мое изучение «онлайн-Пасхи» проходило в двух направлениях. Во-первых, в течение предпасхального и постпасхального периодов проводились качественные исследования в русле цифровой этнографии. Я работала с онлайн-архивами лайв-стримов и постов в социальных медиа, занималась включенным наблюдением происходящего: трансляций богослужений, переписки в социальных медиа, флэшмоба «Окна Пасхи». В целях сохранения анонимности имена пользователей были заменены на буквенные шифры. Все цитаты воспроизводятся дословно с сохранением орфографии и пунктуации оригинала, но, чтобы затруднить их деанонимизацию при помощи поисковых машин, в тексты внесены графические изменения.

Во-вторых, были проведены сорок полуструктурированных интервью продолжительностью от 30 до 120 минут с верующими, которые участвовали в пасхальном медиатизированном богослужении¹⁴. В мои задачи входил анализ спектра позиций по изучаемым вопросам, поэтому целью интервью был сбор нарративов людей, максимально разнообразных по демографическим характеристикам и по степени вовлеченности в жизнь храмовых общин. В процессе интервью оказалось, что разнообразие было достигнуто и по идеологическому характеру этих общин: мои собеседники представляли самые разные направления православия¹⁵. Среди них есть и либералы, и консерваторы, и фундаменталисты, и экуменисты. Выборка была смещенной: почти все мои собеседники – пользователи *Facebook*, выразившие желание принять участие в исследовании после моего поста о нем. Большинство из них – жители крупных городов и, за некоторыми исключениями, специалисты социально-гуманитарного профиля (научные работники, психологи, юристы, маркетологи, архитекторы, предприниматели, медиа-специалисты, педагоги, экскурсоводы). Поэтому полученные результаты нельзя автоматически распространять на всех православных России. Но, опираясь на данные анализа социальных медиа, я могу с уверенностью утверждать, что мои собеседники продемонстрировали практики и ценности, характерные для достаточно широкого круга верующих.

Еще одна важная особенность собранного корпуса интервью заключалась в том, что на мое объявление в *Facebook* откликнулись именно те люди, которым по какой-либо причине было

14 Подробнее о методологических вопросах проведения глубинных интервью см. в публикации первой части исследования: Радченко Д. Указ. соч.

15 Также проводились единичные интервью с католиками и протестантами. Благодаря этим беседам удалось возможным оценить, какие аспекты восприятия онлайн-богослужения специфичны именно для православной культуры.

важно поделиться опытом участия в трансляции богослужения. Для большинства моих собеседников это необычный опыт, иногда воодушевляющий, иногда травмирующий, но всегда эмоционально насыщенный, который хочется обсудить и зафиксировать.

ПУСТОТА И СОПРИСУТСТВИЕ

В современной русской православной церкви укрепился тип так называемого «храмового» благочестия, в котором христианская жизнь сосредоточена вокруг физического здания храма и происходящей в нем литургии¹⁶. Центром общины является священник – в качестве не только ключевого актора ритуала, но и инициатора большинства совместных действий общины¹⁷. В результате во время пандемии и локдауна сотни тысяч православных оказались отрезаны от того, что составляло основу их религиозной практики – от Евхаристии, храма и священника. Даже в тех случаях, когда священники к началу пандемии уже вели активную деятельность в онлайн-пространстве и, соответственно, имели развитые площадки для взаимодействия с прихожанами, переход от непосредственного контакта к цифровому оказался весьма непростым.

Ориентация современного массового православия на «индивидуальное христианство»¹⁸, каким бы оксюмороном не выглядело это словосочетание, привело к тому, что для многих легитимная, одобренная и даже настоячиво рекомендованная священноначалием замена посещения храма трансляцией была сначала воспринята как скорее позитивное изменение: во время службы никто не отвлекает. Однако многие из моих собеседников с некоторым удивлением отмечали, что испытывали негативные эмоции от этой пустоты, а спустя некоторое время и вовсе отказались от просмотра трансляций.

Проблема, как оказалось, заключается не в отсутствии активной коммуникации с другими. «Мешающие другие», которых не знают по именам и не всегда различают в лицо, выступают в нарративах о переживаниях во время богослужения как фон собственной религиозной активности, как бахтинское «коллективное тело» верующих, в которое встраивается говорящий. Это коллективное тело обладает физическими характеристиками (масса тел в храме изменяет акустику, создает ощущение дышащей, живой среды вокруг, может быть неудоб-

¹⁶ Системные проблемы православия... С. 28.

¹⁷ Врублевская П. Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *Laboratorium*. 2015. № 3(7). С. 129–144.

¹⁸ Агаджанян А. Указ. соч. С. 12–38.

ной – люди толкаются, напевают, перекрывают обзор солей), создает недифференцированный шум, лишенный смысловых сигналов (шуршит, кашляет, негромко переговаривается, кричат или играют дети и так далее). Входящие в него люди практически не общаются – за исключением сугубо технических моментов, связанных, например, с просьбой передать свечу к той или иной иконе. Особенно явным это тело становится в момент пения мирянами ограниченного репертуара текстов: «Символ веры», «Отче наш», тропари и кондаки некоторых праздников (на Пасху практикуется коллективное пение «Христос воскрес из мертвых» и «Воскресение Христово видевше»). Ощущение себя анонимной частью этого коллективного тела оказалось критически важным: как ни парадоксально, внутри него выразить свое религиозное переживание проще, чем во время просмотра трансляции с членами семьи.

«Сначала я думала, что я буду “на службе” одна, значит, я сейчас могу распеться во весь голос. А сестра тоже приняла участие. Я так больше... так больше в себе пела, но не могу сказать, что нам мешало, просто при другом [человеке неудобно]... и вот, соответственно, когда ты находишься в храме, [вокруг] много-много людей, и там в момент, когда ты плачешь, на тебя никто не обратит внимания. А здесь сестра, которая рядом. [Я] понимала, что она сейчас даже может прокомментировать как-нибудь»¹⁹.

Трансляция богослужения из пустого храма также вызвала у аудитории сложные чувства. Отсутствие мирян на праздничном, обычно многолюдном богослужении бросалось в глаза. С одной стороны, это было, по выражению одной из моих собеседниц, «трогательно и жутковато»²⁰: обширные пространства, предназначенные для масс людей, были пусты, в них находились только клир и люди, обеспечивающие как ход богослужения, так и ход трансляции. Некоторые собеседники говорили о том, что это препятствует ощущению соборности молитвы: ты остаешься наедине со служащими клириками и ощущаешь себя одиноким зрителем происходящего – остальные зрители при этом «не существуют». С другой, пустота подтверждала правильность выбора и говорила о сознательности верующих, которые соблюдают самоизоляцию, чтобы не заражаться самими и не заражать окружающих, особенно тех, кто в силу возраста или заболеваний может тяжело перенести коронавирусную инфекцию или даже погибнуть (пафос заботы о ближнем был одним из важных медийных – в том числе православных – меседжей этого периода, призывавших оставаться дома²¹).

19 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, психолог, православная.

20 Женщина, около 30 лет, живет в Москве, научный работник, католичка.

21 Агаджанян А. Указ. соч. С. 27.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

И, напротив, присутствие людей в храме могло раздражать и вызывать горечь, поскольку ассоциировалось с отсутствием социальной ответственности и христианских добродетелей.

При этом мои собеседники нередко замечали некоторую «фигуру умолчания» (чаще в тех храмах, где трансляция была организована силами клира и сотрудников и осуществлялась через социальные медиа). Обычно камеру старались установить таким образом, чтобы в кадр не попадало основное пространство храма. Перемещения камеры были строго ограничены; несмотря на это, по определенным признакам зрители замечали, что в храме присутствуют миряне. Так, один собеседник²² рассказал, что во время трансляции, зрителем которой он был, сам процесс причащения не демонстрировался, но по тому, что священники вышли на солею с несколькими чашами, было понятно, что в храме очень много причастников (несмотря на то, что на сайте храма был опубликован призыв оставаться дома). Другая собеседница²³ заметила причастников в отражении на стекле, закрывающем икону.

В результате возникало ощущение, с одной стороны, некоторого лукавства, а с другой, явного разделения на «своих» и «чужих» – или, пользуясь распространенной вернакулярной терминологией, «прихожан» и «захожан». Типологизация верующих по степени их вовлеченности в жизнь церкви не входит в задачи этой статьи²⁴; мы воспользуемся приведенными эмпирическими²⁵ терминами не для оценки глубины чьей-либо веры или частотности посещения храма, а лишь для того, чтобы описать разные уровни вовлеченности в коммуникационные сети общины. (Заметим на полях, что и сама община храма может иметь различную плотность связей – от структуры, в которой небольшое тесно связанное ядро окружено большим количеством постоянных и периодических посетителей, не коммуницирующих в храме ни с кем, кроме священника, до приходов, в которых вообще нет и не может быть людей извне. Также обратим внимание на то, что один и тот же человек может быть «прихожанином» одного храма и «захожанином» другого.)

В исследовании Ивана Забаева и Елены Пруцковой показано, что люди, входящие в такие общины, чаще посещают службы (93% приходят раз в месяц и чаще, в среднем среди православных по России эта цифра составляет 8%), чаще при-

22 Мужчина, около 40 лет, живет в Москве, предприниматель, православный.

23 Женщина, около 50 лет, живет в Москве, научный работник, православная.

24 См. об этом подробнее, например: Пруцкова Е. В. *Куличи и/или причастие: типология православных верующих, участвующих в освящении пасхальной пищи* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 243–260; Емельянов Н. Н. *Парадокс религиозности: откуда берутся верующие?* // Там же. С. 32–48; Маркин К. В. *Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии* // Там же. С. 274–290.

25 То есть выполняющими (согласно Кеннету Пайку) смыслообразительную функцию. – *Примеч. ред.*

чащаются (70% не менее раза в месяц, по России в среднем – менее 3%) и у них имеются более сильные сети связей, которые могут помочь им в кризисной ситуации²⁶. С одной стороны, кажется, что COVID-19 сильнее всего ударил по людям, которые привыкли регулярно посещать храм и участвовать в Евхаристии. Но, с другой, именно для них локдаун был отчасти компенсирован доступом к сложившимся внутри приходов сетям поддержки: они могли рассчитывать не только на бытовую помощь со стороны соприхожан, но и на эмоциональную поддержку и участие в религиозных практиках, организованных «своими для своих». В интервью среди таких практик упоминаются онлайн-встречи, совместные чтения Евангелия, общая молитва в *Skype* или *Zoom*, а также возможность пообщаться со священником, с которым уже налажен постоянный контакт, или пригласить его домой для получения причастия. Наконец, включенность в неформальные сети коммуникации, закрытые от посторонних, во многих случаях позволяла им узнать, что они могут прийти на службу даже в условиях официального запрета (замечу, что последнее не практиковалось никем из моих собеседников). Верующих, которые вовлечены в такие неформальные сети коммуникации, мы здесь и далее будем называть «прихожанами».

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

COVID-19 сильнее всего ударил по людям, которые привыкли регулярно посещать храм и участвовать в Евхаристии. Но именно для них локдаун был отчасти компенсирован доступом к сложившимся внутри приходов сетям поддержки: они могли рассчитывать на эмоциональную поддержку и участие в религиозных практиках, организованных «своими для своих».

Верующие, которые не включены в эти сети, пользуются исключительно публичными источниками информации и поэтому вынуждены придерживаться официально объявленных правил посещения богослужений. Среди них наиболее уязвимыми оказались совсем не те люди, которые привыкли посещать храм изредка, по большим праздникам или спонтанно, чтобы поставить свечку, помолиться и заказать требу. Под удар попали скорее те верующие, для которых участие в литургии

26 ЗАБАЕВ И.В., ПРУЦКОВА Е.В. *Социальные сети поддержки в православной общине. На примере трех крупных православных приходов г. Москвы // Современная социология – современной России. Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 602–604.*

принципиально важно, оно составляет центральную, если не единственную, часть их христианской жизни, но по той или иной причине они не включены в жизнь определенного прихода. Именно такие собеседники говорили о чувстве изолированности, о невозможности пригласить священника домой из опасения лишний раз его побеспокоить в то время, как он нужен другим людям (пожилым, больным), о дефиците информации, о растерянности перед лицом стремительно меняющихся условий во время приближения главного праздника христианского годового цикла – Пасхи. В результате именно эти верующие, вовлеченные в богослужебную практику, но не в приходские сети взаимодействий, в период пандемии ощущали, что не выполняют базовую обязанность христианина.

«И вдруг серьезное испытание на самом деле. После [...] Пасхи мы увидели разные... видеоролики, как народ встречал Пасху. И когда стали смотреть это, оказалось, что у всех все по-разному. Некоторые были на службе, и было много народу, и никто не дезинфицировал ложки, то есть все было по-старому. Мы видели радостные лица этих людей, мы видели радостные лица в своем храме, тех, которые смогли проникнуть. А дверь была закрыта, это точно. Те, кто успел до этого проникнуть, и их радостные лица были... и вообще это, просто, как будто совершен какой-то несчастный какой-то поворот. Или ты предал и неправильно поступил, и тебя проверяли, или что-то»²⁷.

МОЛЧАНИЕ «ЗАХОЖАН»

Итак, наиболее комфортной для многих моих собеседников оказалась ситуация, когда в соответствии с предписаниями властей и священноначалия пасхальное богослужение осуществлялось в пустом храме, без присутствия мирян, но при этом сохранялась возможность взаимодействия с другими. Воскресение Христово является центральным событием не просто годового праздничного цикла православных, но всего христианского вероучения, и поэтому о стремлении выразить и разделить пасхальную радость говорило большинство моих собеседников. Заметим, что личное знакомство с людьми, находящимися в том же богослужебном пространстве, совершенно не являлось необходимым условием создания «виртуального прихода». Для «захожан» ключевыми факторами оказывались само наличие других людей в этом пространстве и возможность выполнения тех ритуальных действий, которые они привыкли выполнять в храме.

27 Женщина, около 60 лет, живет в Санкт-Петербурге, психолог, православная.

Вопреки ожиданиям выяснилось, что экран далеко не всегда воспринимался как непреодолимое препятствие для общения во время литургии. Для прихожан очень важно было видеть священника, ощущать, что они как-то взаимодействуют с клиром и вовлечены в службу. Поэтому многие, даже те, кто участвовал в трансляции в одиночестве, пели тропари, отзывались на пасхальные приветствия священника (хотя некоторым вначале было неловко обращаться к экрану). Как сказала одна из моих собеседниц, для нее было важно, что, несмотря на пространственный разрыв на физическом уровне, благодаря этим возгласам и тому, что люди «по ту сторону экрана» хотя и не слышат их, но осознают наличие отвечающей им аудитории, выстраивается некоторое взаимодействие между теми, кто находится в храме, и теми, кто участвует удаленно. Тем самым создается общее богослужebное пространство:

«Мне хочется думать, что мы были несколько в идентичной ситуации [со священниками]. То есть, что священники понимали, что как бы часть [людей] их смотрит или слушает [онлайн]. То есть это был такой контакт... он условно был односторонний [...] – у меня было ощущение, что словно как будто бы не то чтобы этим освящается жилище, в котором я нахожусь, но какое-то есть в этом... протяженность от храма до дома»²⁸.

Попытки преодоления дистанции между домом и храмом выразились в том числе в комментировании трансляций богослужений. Эти комментарии, как правило, четко соотносились с происходящим в физическом пространстве храма. Разберем один из наиболее полных и типичных примеров такого чата (один из храмов Нефтеюганска). До утра в комментариях появляются лишь редкие смайлы и приветствия. В физическом пространстве храма в это время идет сбор верующих, служат Полунощницу, начинается крестный ход. Реплики в чате в это время представляют собой аналог приветствий, которыми люди могли бы обмениваться в самом храме, входя туда. Однако эти реплики не поддерживаются ответными комментариями совершенно так же, как не были бы положительно восприняты громкие разговоры в самом храме. Подтверждая это наблюдение, некоторые из моих собеседников сообщили, что, войдя в трансляцию, они здоровались в чате с собравшимися, но отключали чат после начала богослужения, потому что ощущали, что такая «болтовня» отвлекает от молитвы.

Чуть позже полуночи крестный ход возвращается к входу в храм, и перед закрытыми дверями храма священник первый раз возглашает: «Христос воскрес!»». В этот момент трансля-

28 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, педагог, православная.

ции в комментариях появляются ответные реплики: «Воистину воскрес!»). Дальше начинается пасхальная заутреня, в которой возгласы «Христос воскрес!» повторяются многократно, и, соответственно, в чате появляется очень много отзывов – это пик интенсивности комментариев. На этом этапе они уже начинают перемежаться эмоджи – сердечками, сложенными руками, цветочками. Где-то к часу ночи поток текстов существенно снижается – во время пасхальной службы к этому моменту также постепенно происходит отток людей из храма, в нем остаются только те верующие, которые собираются участвовать в литургии и причащаться в пасхальную ночь. Однако качественного изменения текстов не происходит – люди по-прежнему отвечают на пасхальные приветствия священника, параллельно идет поток эмоджи, кто-то публикует реплики ектении, кто-то пишет строки пасхального тропаря, кто-то уже начинает поздравлять тех, кто физически присутствовал в этом храме, с причастием и вообще всех – с Пасхой (причем вместо формулы «Христос воскрес – Воистину воскрес» возникает несколько секуляризованный текст «Поздравляю со светлым праздником Пасхи»). Во время отпуска начинаются благодарности за трансляцию: люди виртуально «подходят» к кресту священника в комментариях.

Еще одним способом преодоления физического разрыва – правда, встретившимся в интервью только однажды, но зато нередко упоминаемым в сообщениях в социальных медиа – оказалась подача записки (и совершение соответствующего пожертвования) в момент службы. Это действие, по словам упомянувшего о нем участника исследования²⁹, является своего рода симультанным материальным «пробросом», связывающим пространство дома с пространством храма. Такое представление основано на функции записок в практике РПЦ – это своего рода помянник, который подается для поминовения перечисленных лиц священником за здоровье или за упокой во время двух частей литургии – проскомидии и сугубой ектении. Хотя формально предполагается, что лицо, подавшее записку, присутствует в храме во время совершения этих молитв (и молится за поминаемых им лиц соборно с другими участниками литургии), на практике этого чаще всего не происходит. Подача записки – один из немногих ритуалов, осуществляемых как воцерковленными, так и лишь номинально православными христианами. Для последних это важный повод зайти в храм: в большинстве храмов записки (и пожертвования за их принятие) принимаются исключительно очно через свечной ящик и за наличные (хотя во время пандемии практика онлайн-запи-

29 Мужчина, около 40 лет, живет в Москве, менеджер, православный.

сок с пожертвованием через безналичный перевод существенно расширилась). Кроме того, существует негласное представление о желательности подачи записки на бланке именно того храма, в который она подается. Итак, для одних записка – способ молиться совместно с другими (именно поэтому важно перечислить деньги за записку в процессе богослужения или до него, чтобы записка попала к священнику ко времени произнесения соответствующих молитв), а для других – одна из немногих религиозных практик, осуществляемых исключительно в храме (и поэтому виртуальная записка в определенной степени символизирует посещение храма).

Некоторые писали просьбы о поминовении непосредственно в комментариях во время трансляции богослужения. Этот переход молитвы в, казалось бы, не приспособленное для сакральной практики публичное пространство онлайн-чата мои собеседники описывали как неожиданный, странный, но создающий ощущение единства во время изоляции.

«Я днем, листая соцсети, увидела прямую трансляцию из Храма Гроба Господня и ожидание вхождения огня, и люди писали молитвы в комментариях. [...] Мы же привыкли считать, что это такая интимная вещь – молитва, причем не обязательно даже вслух проговаривается, может быть, что-то, что происходит у человека в мыслях. А здесь люди выкладывают все в какую-то одну огромную бесконечную простыню: все свои надежды, просят прощения за какие-то вещи, просят об исцелении родственников, просят просто мира во всем мире, просят там тоже исцеления мира от этого вируса, из-за которого все вынуждены сидеть дома»³⁰.

«Люди пишут комментарии. Параллельно, например, разносит молитва, и все они пишут “Господи помилуй” или “Христос воскрес” все вместе. [...] То есть, ты понимаешь, что люди так же, как и ты, находятся [в той же ситуации], ты со всеми вместе»³¹.

На первый взгляд активность в комментариях кажется способом сборки виртуальной общины. В принципе, в вербальной онлайн-коммуникации действительно могут складываться сообщества ранее незнакомых людей и проводиться полноценные ритуалы³². Однако в нашем случае это, по-видимому, воплощение своего рода тренда на «индивидуальное христианство», когда верующий взаимодействует прежде всего со священником и транслирует свое религиозное переживание не соприхожанину, а в сакральное пространство (даже участвуя в коллективном пении). В комментариях к трансляции

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

30 Женщина, около 30 лет, живет в Москве, медиа-менеджер, православная.

31 Женщина, около 45 лет, живет в Москве, домохозяйка, православная.

32 O'LEARY S. *Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks* // Journal of the American Academy of Religion. 1996. Vol. 64. № 4. P. 794.

люди мало общаются друг с другом: обмена репликами, диалога практически не происходит. Они обращаются в основном к священнику, несмотря на то, что во время службы он эти комментарии не читает и в лучшем случае может ознакомиться с ними только после службы.

По сути, эти реплики оказываются воспроизведением того поведения, которое могло бы осуществляться во время физического присутствия в храме. Именно эти привычные практики (а мои собеседники говорили о том, что какие-то действия – например, совершение крестного знамения, ответ «Воистину воскресе» на возглас священника – воспроизводятся ими «автоматически», «инстинктивно») превращают чат в некоторое подобие храма, помогают создать сакральное богослужбное пространство и ощущение своего присутствия в нем.

Диалоги с конкретными мирянами обычно возникали только у тех моих собеседников, которые плотно вовлечены в жизнь прихода: поют на клиросе или в любительском хоре, участвуют в молодежных инициативах, посещают воскресную школу, лекции и так далее. Как сказала одна моя собеседница, ей было приятно увидеть свою знакомую в чате трансляции, потому что, несмотря на физический разрыв и изоляцию, они оказались в одном виртуальном пространстве.

«Я [...] потом там у одной девушки увидела, что она смотрит трансляцию и написала ей “мы с тобой вместе на службе”»³³.

Переход к взаимодействию между лично неизвестными людьми осуществляется только в одном случае – когда коммуникация «сбоит», будь то из-за проблем с гаджетами и связью или из-за вторжения в комментарии агрессивно настроенного человека со стороны. В этих случаях возникает своего рода техногенная солидарность: люди выясняют, «сбоит» ли трансляция только у кого-то одного или у всех; исключили ли трансляцию целенаправленно, чтобы не показывать крестный ход или причащение мирян, или же видеоизображение «зависло»; можно ли технически удалить «тролля» из чата и так далее. Приведем пример такого рода проверки связи, осуществлявшейся с перерывами более получаса³⁴:

Храм Казанской иконы Божией Матери (18 апр. в 23:24): Хорошо слышно видно?

АР (18 апр. в 23:25): Хорошо

ЛЛ (18 апр. в 23:25): Да, все хорошо слышно и видно

АТ (18 апр. в 23:25): видно отлично

АЕ (18 апр. в 23:25): хорошо

ИС (18 апр. в 23:26): видно хорошо, слышно не очень

33 Женщина, около 20 лет, живет в Москве, педагог, православная.

34 Имена пользователей в целях сохранения анонимности здесь и далее заменяются инициалами.

АМ (18 апр. в 23:29): Видно хорошо, но тихо, громкость на максимум, но тихо.

АМ (18 апр. в 23:32): Теперь хорошо

ЮЛ (18 апр. в 23:32): у нас прерывается все время

АТ (18 апр. в 23:33): У меня не прерывается

ГБ (18 апр. в 23:41): У меня тоже все хорошо

АМ (18 апр. в 23:50): слышно даже лучше, чем когда в храме стоишь

МТ (18 апр. в 23:59): тишина чтото

МТ (19 апр. в 0:01): УРА

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

В приведенном примере зрители трансляции откликаются и на первый запрос о качестве связи со стороны ее организатора, и на проблемы друг друга. Обращает на себя внимание высказывание последнего пользователя: за одну минуту до полуночи – когда «по расписанию» должна начаться собственно пасхальная заутреня – он обеспокоенно пишет в чат об отсутствии звука, и сам же сигнализирует через две минуты о том, что звук (крайне вовремя) вернулся. Этот сигнал, по-видимому, не просто указание на его эмоции в связи с тем, что он снова вовлечен в богослужение, но и подсказка другим об «отбое тревоги».

Привычные практики превращают чат в некоторое подобие храма, помогают создать сакральное богослужebное пространство и ощущение своего присутствия в нем.

Дейдрэ Боден и Харви Молоч³⁵ описывали схожую ситуацию проверки телефонной связи: они пишут, что, когда мы говорим «алло, ты меня слышишь», мы проверяем одновременно и качество связи («меня вообще слышно, есть связь?»), и актуальность самого разговора, наличие контакта («ты все еще со мной, ты внутри этого разговора?»). Параллельно солидаризации с находящимися в физическом пространстве храма участники онлайн-трансляции вырабатывают и формы солидарности между собой: для них важно не ощущать себя отторгнутыми, выброшенными из связи, а разделять общие проблемы с другими.

Отсутствие высказывания в чате, разумеется, не означает отсутствия вовлеченности. Один из моих собеседников³⁶ обратил внимание на то, что в чате трансляции, которую он смотрел в *Instagram*, участники переписки были явно знакомы друг

35 BODEN D., MOLOTCH H. L. *The Compulsion of Proximity* // FRIEDLAND R., BODEN D. (Eds.). *NowHere: Space, Time and Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 257–286.

36 Мужчина, около 30 лет, живет в Москве, научный работник, православный.

с другом и со священником. В *YouTube* во время официальных трансляций «люди просто пишут какие-то вещи, не обращаясь ни к кому», а в *Instagram*, где проходили лайв-стримы, организованные храмами самостоятельно, приходили в основном прихожане этих храмов, судя по тому, что они обращались к священнику по имени. В это взаимодействие «своих» он не стал вторгаться с текстовыми комментариями (так же, как не стал бы вклиниваться в беседу незнакомых людей), но ставил сердечки, чтобы показать заинтересованность в тексте проповеди и при этом сохранить нейтральность.

Оказалось, что в пространстве трансляции (особенно осуществляемой силами прихода, хотя формально и не являющейся закрытой) люди могли испытывать почти те же чувства, которые переживает человек, впервые пришедший в место сбора незнакомому ему и тесно сплоченного сообщества: он остерегается включаться в беседу; не уверен, что у него есть право высказаться и может лишь выразить эмоцию невербально. В онлайн участники службы точно так же делились на «прихожан» и «захожан», как и во время офлайн-богослужений. Одна собеседница сказала, что ей кажутся приемлемыми «уставные» объятия и поцелуи на службе (особенно между знакомыми), но неуместными и «примитивными» комментариями в чате трансляции³⁷.

При этом даже те люди, которые не имеют связей с общиной и не комментируют в чате, все равно обращали внимание на то, сколько человек в данный момент смотрят трансляцию. Особенно ярко эти эмоции проявлялись, если количество участников существенно превышало потенциальную вместимость храма, из которого велась эта трансляция. Цифра на экране оказалась способом подкрепить свою позицию (выбора в пользу онлайн-службы и подчинения официальному предписанию вместо подпольного проникновения на офлайн-службу), а также преодолеть ощущение одиночества и отчужденности. Само наличие людей в трансляции объединяет собравшихся и делает молитву «соборной», то есть имеющей особое значение и силу. На этих «цифровых прихожан» проецируются собственные представления о ситуации: предполагается, что все молятся об одном и том же. Некоторые мои собеседники, комментируя свои ощущения, ссылались на тезис о единстве христиан в Святом Духе, для которого не существует расстояний и физических границ.

«Все равно создается такое символическое идеологическое пространство. Этим молитва, она в принципе отличается для меня, например, от медитативных каких-то практик, потому что там все

37 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, педагог, православная.

равно есть некоторый образ Другого, к которому это обращено, и с которым ты это разделяешь. И когда я говорю, я... я понимаю, что меня не слышат, не слышит кто-то другой, реальный в смысле, живой человек. Я не разделяю это с ним буквально, но я это разделяю это с ним на символическом уровне. Я понимаю реально, что “воскресе из мертвых, смертью смерть поправ”, “воскресение Христово видевшие”, что вот это – то что происходит сейчас со всеми нами. И через это у меня такое чувство соучастия, чувство, что вот мы все вместе, друг с другом, сейчас входим в эту реальность»³⁸.

Виртуальная община трансляции богослужения, таким образом, это не община взаимодействующих друг с другом в виртуальной среде людей, а совокупность людей, часто анонимных, не знающих друг друга и практически не связанных между собой, которые стечением обстоятельств оказались в одной ситуации.

Приход из «своих»

Изучая практики медиа-потребления спортивных синхронных событий, исследователи обратили внимание на то, что во время просмотра матча по телевизору болельщики одновременно пользуются и другими коммуникационными устройствами (телефонами, планшетами и так далее) для получения дополнительной информации, общения с другими, синхронного с просмотром обмена эмоциями, а также для участия в интерактивных видах деятельности (голосованиях, тотализаторе и тому подобное)³⁹. При этом, согласно одному из исследований такого рода, люди переключаются между экранами до 2,5 раз в минуту, но при этом удерживают внимание и запоминают содержание просмотренного или прочитанного на обоих экранах точно так же, как и люди, сосредоточенные на одном экране⁴⁰. Похожие практики оказались распространены и среди верующих, вовлеченных в просмотр трансляции праздничного богослужения.

Прежде всего дополнительные гаджеты использовались для обращения к тексту богослужения (нередко не вполне понимаемого даже воцерковленными людьми). Некоторым из моих собеседников такое совмещение гаджетов помогло хотя бы частично ощутить себя участником, а не зрителем происходящего – хотя, разумеется, не сняло проблему полностью.

38 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, психолог, православная.

39 PFEFFEL F., KEXEL P., KEXEL C.A., RATZ M. *Second Screen: User Behavior of Spectators while Watching Football* // Athens Journal of Sports. 2016. Vol. 3. № 2. P. 119–128.

40 SEGIJN C.M., VOORVELD H.A.M., VANDEBERG L., SMIT E.G. *The Battle of the Screens: Unraveling Attention Allocation and Memory Effects When Multiscreening* // Human Community Research. 2017. № 43. P. 295–314.

«Мы пели вместе с нашим хором. То есть мы открыли полностью текст весь в телефоне, на большом экране было вещание, мы все пели, у меня дети тоже, младший ребенок в хоре в детском поет. Но меня не покидало чувство что это какая-то такая Пасха, что что-то не то, и в общем, у меня были скачки настроения – то прям так радостно, то я куда то провалилась: что я здесь делаю, почему я здесь нахожусь и почему я перед экраном»⁴¹.

Некоторые могли увеличивать количество трансляций. На втором экране параллельно запускалась трансляция из какого-либо другого храма – постоянно, или на время перерывов, или нарушений связи в ходе основной трансляции. Например, одна моя собеседница⁴² рассказала, что во время Великого поста в ее приходе трансляции богослужения не велись. Она смотрела трансляции из совершенно постороннего для нее храма и за время, предшествующее Пасхе, привыкла к нему, стала ощущать свою связь с ним – несмотря на то, что физически там никогда не бывала и ни с кем из священников или прихожан не знакома. В пасхальную ночь в ее собственном приходе была, наконец, анонсирована онлайн-трансляция, чему моя собеседница очень обрадовалась, но при этом она чувствовала желание и даже некоторое моральное обязательство участвовать в службе вместе со своим новым «виртуальным приходом». Поэтому на первом экране шла трансляция из ее прихода, а параллельно, на втором экране, была включена трансляция из нового для нее храма. Другая женщина⁴³ столкнулась с тем, что из ее любимого храма шла только аудиотрансляция, без видео. К ней она подключилась через смартфон (который был в этом случае первым экраном, потому что она следила за службой именно по нему), а параллельно она включила трансляцию из храма Христа Спасителя по телевизору, но без звука. В результате видеоряд и аудиоряд шли из разных мест с неизбежной рассинхронизацией, но ей это не мешало⁴⁴.

Второй экран мог использоваться и как средство коммуникации, создания своего рода виртуальной общины совместно участвующих в богослужении людей. Многие из участников исследования замечали, что проблема удаленной Пасхи не

41 Женщина, около 45 лет, живет в Москве, домохозяйка, православная.

42 Женщина, около 35 лет, живет в Москве, сотрудник сферы рекламы, православная.

43 Женщина, около 35 лет, живет в Москве, работает в IT-сфере, православная.

44 Этот пример показывает, что выбор гаджета в качестве первого или второго экрана (присвоение ему статуса основного, на котором смотрят трансляцию богослужения или, в случае двух трансляций, более ценную из них) не зависит от размера этого экрана. Участники исследования, смотревшие богослужение совместно с семьей, особенно – с детьми, для которых важно зрелище, предпочитали большой экран телевизора, позволяющего не просто разглядеть детали, но и «захватить» в богослужбное пространство своих близких, создавая ощущение общего присутствия в нем – особенно во время праздничного богослужения. Те же, кто смотрел в одиночку или в беспокойщем окружении, чаще выбирали экран смартфона. Небольшой экран позволял им сосредоточиться, сфокусироваться, не отвлекаясь на происходящее вокруг и не втягивая домашнюю повседневность в богослужбное пространство.

только в отсутствии соборной молитвы как таковой, а еще и в отсутствии неформального общения с приходскими друзьями, обмена поздравлениями, новостями и подарками, возможности поделиться пасхальной радостью (особенно остро это воспринималось при встрече Пасхи в одиночестве). Так, одна из моих собеседниц рассказала, что она смотрела трансляцию из Казанского собора вместе со своими родителями. При этом ее бабушка, с которой они не могли воссоединиться в пасхальную ночь из-за карантинных ограничений, тоже смотрела трансляцию из Казанского собора, но по другому телеканалу. В результате они видели изображения с разных камер и смонтированное разными режиссерами, и при полной синхронии самого богослужения их визуальный опыт довольно существенно различался. Кроме того, они подключили видеосвязь по *WhatsApp* на смартфонах, чтобы параллельно службе обсуждать происходящее⁴⁵. Еще одна участница исследования рассказала, что они включили через *WhatsApp* в семейный просмотр трансляции подругу сына-подростка, которая давно мечтала побывать на пасхальной службе (в семье девушки Пасху не отмечают)⁴⁶. Такая ситуация встречается довольно часто – при помощи второго экрана люди обеспечивали виртуальное соприсутствие близких внутри богослужебного пространства у себя дома.

«И на крестный ход мы ходили вот так: то есть я со свечкой, с телефоном, и мои родители в деревне тоже с телефоном, со свечкой, вышли на улицу, ходили по участку, а я по квартире ходила со свечкой, и мы все вместе пели, и потом уже там они начали цокаться яйцами»⁴⁷.

«Я знаю, что кто-то из моих знакомых... прямо они в зуме собрались и параллельно смотрели как бы. Они обменивались комментариями, там, говорили “Христос воскрес”, вообще какое-то было совместное пространство для того, чтобы смотреть трансляцию»⁴⁸.

Второй экран мог также использоваться для того, чтобы поздравить близких текстовым сообщением. Оказалось, что ситуация удаленного богослужения парадоксальным образом помогала поддержанию связей: мои собеседники, за редкими исключениями, говорили, что обычно не могут отправить поздравительные сообщения во время богослужения, хотя испытывают потребность разделить пасхальную радость с друзьями в ее наивысшей точке, объединить этим действием тех, кто не находится рядом, создать своего рода удаленную общину из близких по духу людей.

45 Женщина, около 20 лет, живет в Москве и Санкт-Петербурге, студентка, православная.

46 Женщина, около 50 лет, живет в Екатеринбурге, научный работник, православная.

47 Женщина, около 20 лет, живет в Москве, педагог, православная.

48 Женщина, около 35 лет, живет в Санкт-Петербурге, педагог, православная.

«По смыслу, община – это вот те близкие люди, с которыми ты разделяешь их переживания обычно, и все такие друг друга знаете, поддерживаете. [...] Но по факту, вот есть два храма, куда я в Москве хожу обычно и, несмотря на то, что я знаю там некоторых прихожан, и среди этих некоторых прихожан есть даже какие-то мои близкие друзья, это все равно не... это не то. А здесь это... именно вот они – мои близкие люди, с которыми мы обычно общаемся, с которыми у нас прекрасные отношения, и можно связаться с каждым из них прямо в пути, прямо здесь и сейчас, и этому ничто не мешает»⁴⁹.

Отсутствие внешнего контроля со стороны других прихожан (а многим пользоваться смартфоном в храме неловко) позволило реализовать этот запрос. Одна из моих собеседниц даже предположила, что люди смотрели службу онлайн, потому что другие формы социального взаимодействия во время локдауна оказались невозможными⁵⁰. Трансляции богослужений, следуя этой логике, стали заменой не только физического присутствия в храме, но и пасхальной трапезы с родными или друзьями.

Второй экран, таким образом, позволял осуществить довольно сложные констелляции соучастников богослужения, снимая противоречия между тем, что Джон Урри обозначил как «воображаемое» (наблюдаемое в образах) и «виртуальное» (осуществляемое в реальном времени «поверх» географических и социальных границ)⁵¹. Там, где первый экран (например телевизора) в силу технических особенностей не позволяет участвовать в ритуале и общаться с другими людьми, на помощь приходит второй.

«Окна Пасхи» и поиск внешней поддержки

Еще одним способом компенсировать изоляцию стало участие во флэшмобе «Окна Пасхи», инициированном православным журналом «Фома». В нем предлагалось в полночь зажечь на окне свечу⁵² и прокричать в окно или с балкона пасхальное приветствие, чтобы увидеть друг друга и показать пример радости и надежды в трудное время. Предполагалось, что хэштег *#окнапасхи* будет использоваться прежде всего для пиара акции, но участники стали активно выкладывать фотографии с этим хэштегом на свои страницы социальных медиа. Тем самым флэшмоб из «акции для офлайн-соседей» стал онлайн-

49 Женщина, около 25 лет, живет в Москве, психолог, православная.

50 Женщина, около 30 лет, живет в Москве, медиа-менеджер, православная.

51 URRY J. *Mobility and Proximity* // *Sociology*. 2002. Vol. 36. № 2. P. 255–274.

52 Богословским обоснованием акции была ссылка на слова Евангелия: «Никто, зажегши светильник, не ставит его в тайник, ни под сосуд, но на подсвечник, чтобы входящие видели свет» (Лк 11:33).

событием (что вполне укладывается в общий тренд «спектализации» Пасхи в социальных медиа⁵³). По данным, собранным при помощи системы «Brand Analytics», этот хэштег за неделю был воспроизведен в социальных медиа свыше 14 тысяч раз (фотографии с этим хэштегом публиковались в разное время – накануне пасхального богослужения, непосредственно во время него, сразу после завершения, наутро и в течение всей Светлой Седмицы).

При этом пользователи стали выставлять на окна не только свечи. Это могли быть наборы икон и свечей (например пользовательница *Instagram S_K* поставила на подоконник три разных образа Христа и четыре Богоматери, а перед ними выставила две свечи), гаджеты с трансляцией пасхальной службы, куличи, вазы с вербами, статуэтки ангелов, деревянные яйца, четки – иными словами, почти любая атрибутика, ассоциирующаяся с Пасхой и в целом с православием. Часто в таких натюрмортах использовались лампы, с которыми обычно ходят крестным ходом на Пасху. Некоторые пользователи поставили на окно тонкие церковные свечи (с которыми, по-видимому, они следили за пасхальной службой) с импровизированной бумажной манжеткой, чтобы не капал на руки воск. «Окна Пасхи» тем самым становились развернутыми визуальными высказываниями о том, как пользователи проводят пасхальную ночь.

На фотографиях видно, как одни участники флэшмоба старались приподнять подсвечник со свечой повыше, так, чтобы его было видно с улицы, например, используя высокий подсвечник, расположив свечу на куличе или поставив ее на перевернутую посуду, а другие, по-видимому, вовсе не задумывались над тем, заметят ли свечу соседи. Как правило, в первом случае натюрморт оказывался самым аскетичным (чаще всего – только сама горящая свеча), а во втором – максимально насыщенным предметами. В этих практиках проявилось то, как пользователи определяют главного адресата сообщения. Это могут быть соседи, которым должно быть видно свет свечи и слышно пасхальный возглас, или домочадцы и пользователи социальных медиа, для которых выставляется и фотографируется «пасхальный натюрморт». Мои собеседники подтверждали это наблюдение: даже тогда, когда их окно, по определению, никому не видно (например в условиях жизни в частном доме в деревне), они использовали эту практику для поддержания онлайн-связей, а некоторые ставили свечу на окно, фотографировали ее и не выкладывали в социальные медиа, а просто отправляли своим родным и друзьям вместо поздравительной открытки.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

53 Крихтова Т. М. Куличи в Инстаграме. Спектализация Пасхи молодыми российскими женщинами // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1 «Богословие. Философия. Религиоведение». 2018. № 79. С. 98–114.

Эти фотографии нередко «озвучивались» (имитируя офлайн вариант произнесения пасхального приветствия со свечой в руке): в подписях и комментариях к постам воспроизводились фрагменты пасхальных тропарей, кондаков, других богослужебных текстов, отрывков из Евангелия, связанных с праздником. Так, пользовательница S_L разместила фотографию, на которой изображены руки со свечами, сопроводив ее подписью: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав! Христос Воскресе!!!» Аналогично, пользователь A_P сопровождает фотографию окна со свечой подписью «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его!».

Если люди наблюдали свечи у других и получали ответы на свои приветствия – и офлайн, и в социальных медиа, – у них возникало искомое ощущение общности (упоминания об этом встречаются и в социальных медиа, и в высказываниях моих собеседников). У других, напротив, возникла фрустрация из-за того, что они ожидали увидеть огромное число свечей в окнах, услышать праздничные возгласы со всех сторон, но этого не случилось.

«Единственно, что мы сделали – мы с балкона офлайн кричали с балкона “Христос воскрес” и нам ответили. [...] У народа не очень видела, что там вокруг – как будто горело тоже немножко»⁵⁴.

«Для меня, например, было очень важно увидеть как-то... в инстаграме какая-то движуха, активность, какое-то вот такое... инстаграм-соборность. [...] Я увидел, что на мой пост абсолютно незнакомые люди начали писать мне “Христос воскрес!”. Вот я этого не ожидал. Мне это понравилось, я тоже начал писать»⁵⁵.

В обоих случаях – и тогда, когда сообщение «Окна Пасхи» было ориентировано на проходящих по улице и соседей, и тогда, когда оно было посланием онлайн-контактам в социальных медиа, для участников этой акции было очень важным увидеть, что и другие люди тоже празднуют Пасху в самоизоляции. Как пишет одна из пользовательниц *Instagram*:

«Пусть мы были не в храме, но, смотря на огоньки свечей в доме напротив, я настолько ясно чувствовала нашу соборность, что духовно мы вместе, что просто слезы наворачивались на глаза».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Замена опыта посещения физического храма медиа-трансляцией богослужения не столько внесла в практики прихожан что-то новое, сколько проявила существующие, но не всегда

⁵⁴ Женщина, около 35 лет, живет в Санкт-Петербурге, педагог, православная.

⁵⁵ Мужчина, около 30 лет, живет в Москве, научный работник, православный.

проговариваемые изменения, накопившиеся за последние десятилетия.

Стало видимым индивидуализированное «христианство для себя», подразумевающее контакт в ходе службы либо исключительно с трансцендентным, либо, кроме того, с клириком, помогающим осуществлению главного контакта. Другие в этой системе нередко выступают в качестве анонимного коллективного тела прихода, фона для осуществления ритуала.

В то же время наличие «других» в пространстве религиозного переживания оказалось во многих случаях предельно значимым – вопрос только в том, кто же эти другие. Границы общины в ситуации удаленного взаимодействия были пересмотрены и расширены. Членами «виртуального прихода» оказались лично знакомые прихожане одного храма; участники одной трансляции; члены домохозяйства; близкие, с которыми хочется разделить радость; часто незнакомые лично «друзья» в социальных сетях; соседи по дому или улице; случайные прохожие и, наконец, целые приходы, выступающие в такой сети как некоторое единство. «Отбор» элементов для общины (я ставлю слово «отбор» в кавычки, чтобы не создать впечатления рефлексивного рационального процесса) осуществляется таким образом, чтобы каждый из них мог поддержать нас в совместных эмоциональных практиках⁵⁶: разделить религиозное переживание и радость Пасхи и при этом находиться либо в достаточно доверительных отношениях с нами, либо, наоборот, быть не настолько значимым для нас, чтобы начать контролировать внешнее проявление этих практик, пусть даже невольно. Это достигалось сложной манипуляцией гаджетами и каналами связи. Включая одни устройства или приложения и выключая другие, верующие могли одновременно осуществлять взаимодействие в нескольких пространствах как онлайн, так и офлайн и регулировать включенность в сети «виртуальных приходов».

Понятие общины или сообщества не случайно вызывают у современных исследователей такие затруднения: наш кейс показывает, как община становится флюидной, ситуативной, превращаясь, по сути, в продукт индивидуальной сборки. Если рассмотреть эти социальные констелляции с позиций сетевого анализа, мы увидим не просто сложно устроенную и подвижную структуру кластеров связи, но сеть, которая пересобирается заново любым ее элементом⁵⁷ на основе не столько институциональных правил и предписаний, сколько аффективных практик.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

INSTAGRAM-СОБОРНОСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНОСТИ ВО ВРЕМЯ
КОВИДА

56 SCHEER M. *Are Emotions a Kind of Practice (And Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion* // *History and Theory*. 2012. № 51. P. 193–220.

57 LATOUR B., JENSEN P., VENTURINI T., GRAUWIN S., BOULLIER D. «*The Whole Is Always Smaller Than Its Parts*»: *A Digital Test of Gabriel Tarde's Monads* // *The British Journal of Sociology*. 2012. Vol. 63. № 4. P. 590–615.

Энгин
Айсин,
Эвелин
Рупперт

Рождение сенсорной власти: как пандемия сделала ее видимой?¹

ВВЕДЕНИЕ

Энгин Айсин (р. 1959) – профессор Школы политики и международных отношений Лондонского университета королевы Марии (Великобритания). Область научных интересов – механизмы осуществления международной политики.

Эвелин Рупперт – дата-социолог, профессор департамента социологии Лондонского университета Голдсмита (Великобритания).

Чтобы понять, как пандемия коронавируса мобилизует практики работы с данными, мы начнем с анализа форм власти, которые эти данные производят, собирают и систематизируют. Иными словами, нашей отправной точкой будут не сами данные, а формы власти, которые производят данные и действуют, опираясь на них. Именно путем этого анализа мы придем к предположению о заре новой формы власти, которую называем сенсорной.

Рассматривая длительный исторический процесс развития современной власти – способов, которыми накопление субъективированных² народов приводит к накоплению знания и делает возможным накопление капитала, – мы начнем с того, что Фуко понимал как формы власти, сменяющиеся с XVII века на Западе. Нам известнее всего *суверенные* (охватывают примерно XVII и XVIII века), *дисциплинарные* (охватывают примерно XVIII и XIX века) и в какой-то степени *регулирующие* (охватывают примерно XIX и XX века) формы. Различия в осуществлении каждой из форм можно продемонстрировать на примере того, как каждая из них управляет народами: суверенная власть стремится выжать *почтительное послушание*, дисциплинарная требует *покорного подчинения*, а регулирующая власть желает *калибровать* проявления послушания и покорности в соответствии с состоянием здоровья и богатством групп населения.

Нам следовало бы подробнее рассказать об этих трех формах власти, но главная цель этой статьи в том, чтобы пред-

1 Перевод выполнен по: ISIN E., RUPPERT E. *The Birth of Sensory Power: How a Pandemic Made it Visible?* // Big Data & Society. 2020. Vol. 7. № 2. P. 1–15. Авторы крайне признательны за полезные комментарии к ранним черновикам этой статьи Мэттью Фуллеру, Лале Халили, Адриану Маккензи и Линде Монсис. Авторы выражают благодарность членам Теоретической лаборатории в Школе политики и международных отношений Лондонского университета королевы Марии за замечания и вопросы во время семинара по ранней версии данной статьи; особенно – Мари Бошам, Лиз Чаттерджи, Диего де Мериha, Джеймса Иствуда, Ниви Манчанда, Патрика Пинкертонa, Эльке Шварц и Дирдре Трой. Авторы также благодарят Юджина Бреннана за полезный отклик. Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов в отношении исследования, авторства, публикации данной статьи. Авторы не получали финансовой поддержки в связи с исследованием, авторством, публикацией данной статьи.

2 То есть подконтрольных и идентифицированных. – *Примеч. перев.*

ложить четвертую форму власти, доселе не названную (по крайней мере явным образом). Мы не будем давать ей формальное определение, но зато расположим в определенном контексте и опишем во взаимосвязи с другими формами власти. Мы называем ее «сенсорной властью» и предлагаем считать, что она охватывает примерно XX и XXI века, а если точнее – период с 1980 года. Истоки сенсорной власти восходят к тем вычислительным технологиям, которые использовались в Великобритании и США в XIX веке для переписи населения. Эти технологии придумал Чарльз Бэббидж («разностная машина»), сконструировал Георг Шутц и собрал в готовую к использованию форму Уильям Фарр в Центральном бюро регистрации актов гражданского состояния Великобритании – все ради того, чтобы Англия могла собирать демографическую статистику³. Вне всякого сомнения, дисциплинарная и регулирующая формы власти в XIX веке служат предпосылкой и катализатором для развития вычислительных технологий. К XX веку вычислительные технологии стали информационными и содействовали развитию военных, правительственных и корпоративных сетей, которые к XXI веку посредством интернета приняли форму сетей личных связей. Именно персонализированные, миниатюризированные и распределенные вычисления с 1980-х, а также приложения, устройства и платформы, особенно с 1990-х, стимулировали развитие технологий обнаружения и отслеживания, породили логику платформ для реализации услуг, основанных на данных. От военной и финансовой сфер, от гостиничной индустрии и транспортного сообщения до сферы здравоохранения – все сектора попали в зависимость от данных, которые обнаруживают и отслеживают людей в их движениях, чувствах, потребностях и желаниях. Впрочем, сенсоры, формирующие эти технологии и производимые ими данные, породили не только новые способы накопления капитала, но и способы накопления субъективированных народов. Под «сенсорами» мы подразумеваем различные технологии, позволяющие выследить людей, распознать их и сделать пригодными для считывания с помощью сенсорных устройств⁴ посредством разных форм оцифрованных данных

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

³ HACKING I. *The Taming of Chance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 53.

⁴ В оригинале – *sense-able*. Под «сенсорами» авторы статьи имеют в виду не столько устройства, которые воспринимают прикосновения (например сенсорный экран), сколько всяческие разведывательно-сигнализационные и измерительные датчики. Для понимания контекста обратимся к статье Карло Ратти – директора MIT Senseable City Lab. Он пояснил название своей лаборатории следующим образом: «Неологизм *senseable* одновременно означает и “способный почувствовать” [*able to sense*], и “осмысленный” [*sensible*]. Так мы подчеркиваем человеческую точку зрения, противопоставляя ее чисто технологической» (RATTI C. *Towards a «Senseable City»: Technology, Trial and Error to Make a City Really «Smart»*. Istituto per gli studi di politica internazionale. 2018 (www.ispionline.it/it/pubblicazione/towards-senseable-city-technology-trial-and-error-make-city-really-smart-21558)). – *Примеч. перев.*

(текста, числа, изображения, звука, сигнала и так далее) о поступках людей – например, о транзакциях, передвижениях, поисковых запросах, кликах и так далее. Именно посредством связи с такими сенсорами – будь то фитнес-приложения, музыкальные стриминговые сервисы или устройства с геолокацией – люди субъективируются⁵ и появляются на свет в качестве субъективированных народов (*subject peoples*). Субъективированные народы сформировались именно вследствие быстрого распространения сенсоров почти во всех сферах жизни. Таким образом, рождение сенсорной власти не только сигнализирует о новых технологиях накопления капитала и субъективированных народов, но и дает понять, как новые жизненные уклады претворяются в реальность.

Нас заботит вопрос, привлекла ли пандемия коронавирусной инфекции внимание к этой новой форме власти, сделала ли она ее видимой и артикулируемой в начале XXI века. Иными словами, хотя сенсоры в вышеописанных формах распространялись с 1980-х, именно в условиях пандемии та форма власти, которую они составляют, стала бесспорной – или вполне – очевидной и ощутимой. Мы утверждаем, что эта новая форма власти проявляется в обнаружении и отслеживании инфекций, передвижений, контактов и так далее. Принимая во внимание критику программ обнаружения и отслеживания заболевших и их контактов (*tracking and tracing*), которая велась из разных углов – например, с точки зрения проблем приватности, негласного наблюдения и отчуждения имущества или прав собственности⁶, – мы надеемся, что изучение этой новой формы власти в более длительной исторической перспективе позволит определить возможные формы сопротивления.

Последние несколько лет мы работали над пониманием этой новой формы власти⁷. Наши труды еще продолжаются, и язык рассуждений менялся вместе с нашим осмыслением. Однако реакция международных и национальных властей (правительственных, корпоративных, организационных) на вызовы пандемии в 2020 году настолько наглядно продемонстрировала, как наши мысли воплотились на практике, что, хотя воздействие пандемии продолжается, мы убеждены: сейчас самое время поделиться, пусть даже и поверхностно, рядом предложений

5 То есть становятся подконтрольными и идентифицируемыми. – *Примеч. перев.*

6 COULDRY N., MEJIAS U.A. *The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2019; LYON D. *The Culture of Surveillance: Watching as a Way of Life*. Cambridge: Polity, 2018; ZUBOFF S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs, 2019.

7 BIGO D., ISIN E., RUPPERT E. (Eds.). *Data Politics: Worlds, Subjects, Rights*. Routledge Studies in International Political Sociology. London: Routledge, 2019; ISIN E., RUPPERT E. *Data's Empire: Postcolonial Data Politics* // BIGO D., ISIN E., RUPPERT E. (Eds.). *Op. cit.* P. 207–227; ISIN E., RUPPERT E. *Being Digital Citizens*. London; New York: Rowman and Littlefield International, 2020.

в качестве краткого, общего изложения более обширного проекта. Прежде, чем мы сформулируем наши предложения по теме сенсорной власти, необходимо кратко описать суверенную, дисциплинарную и регулиующую формы власти, приводя в пример текущие правительственные и корпоративные ответы на вызовы коронавирусной пандемии. Затем мы надеемся проиллюстрировать, как пандемия делает четвертую форму власти видимой и артикулируемой.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

От военной и финансовой сфер, от гостиничной
индустрии и транспортного сообщения до сферы
здравоохранения – все сектора попали в зависимость
от данных, которые обнаруживают и отслеживают
людей в их движениях, чувствах, потребностях
и желаниях.

ФОРМЫ ВЛАСТИ: СУВЕРЕННАЯ, ДИСЦИПЛИНАРНАЯ, РЕГУЛИРУЮЩАЯ

Краткий обзор форм власти необходим, так как периодизация и операционные процессы стали основными поводами для разногласий. Исследования Фуко 1970-х⁸, где он понимал власть как стратегии и технологии, посредством которых люди управляют собственным поведением и поведением других людей, оказались чрезвычайно плодотворными⁹. Фуко радикально расширил представление о публичной власти от просто государства до различных пространств – таких, как поликлиники, рабочие дома, больницы, армии, тюрьмы, лагеря, школы, города, – и тех пространств, где управленческое поведение по отношению к другим и к себе служило предпосылкой и катализатором для изобретения стратегий и технологий, осуществлявших управление¹⁰. Хотя целое поколение ученых проникательно и скрупулезно подчеркивало, что исследования Фуко о формах власти не выходят за определенные рамки, их работы в свою очередь не привели ни к достижению какого-либо консенсуса, ни к продуманным и надежным методам анализа власти. Общая картина сложна и неоднозначна, однако мы тем не менее по-

8 FOUCAULT M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage, 1977; IDEM. *The History of Sexuality: An Introduction*. New York: Pantheon Books, 1978; IDEM. *Power/Knowledge*. Hemmel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1980.

9 LEMKE T. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York: New York University Press, 2011.

10 IDEM. *Foucault's Analysis of Modern Governmentality: A Critique of Political Reason*. London: Verso, 2019.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

пробуем кратко изложить версию, представленную в таблице ниже, которая помогла нам структурировать наши мысли, послужив аналитическим инструментом. В каждой строке представлена одна из названных форм власти. Каждой из них соответствует структурированная по столбцам информация о том, что мы кратко освещаем в этой статье: о стратегиях и технологиях, которые эта форма власти задействует; о знании, которое она производит; об объектах, которыми она управляет; об ассамбляжах, которые она принимает и предписывает; о сопротивлении, которое она вызывает.

Формы	Истоки	Стратегии	Технологии	Знания	Объекты	Ассамбляжи	Сопротивления
Суверенная	примерно XVII–XVIII века	почтительное послушание	сдерживание, жестокость	картография, политическая арифметика	территории	колонии, доминионы, нации	восстание
Дисциплинарная	примерно XVIII–XIX века	покорное подчинение	заточение, исправление, наказание	медицина, нозология, психология, социология	тела	лагеря больницы, фабрики, тюрьмы, школы, рабочие дома	свержение
Регулирующая	примерно XIX–XX века	калибровка	корректировки	демография, экономика, эпидемиология, евгеника, статистика	группы населения	категории, классификации	Уклонение
Сенсорная	примерно XX–XXI века	деятельность	модуляция	вычислительные социальные науки, криптология, наука о данных, наука об интернете	кластеры	приложения, устройства, платформы	непрозрачность

Формы власти, подходящие для накопления субъективизированных народов и накопления капитала. Стратегии, технологии, знания, объекты, ассамбляжи и сопротивления – это лишь примеры, наглядно демонстрирующие то, как каждая форма власти функционирует и вызывает сопротивления.

Когда мы говорим «форма власти», мы имеем в виду ту логику принятия управленческих решений, посредством которой власть оказывает воздействие и порождает последствия. Три формы власти обозначаются теми названиями, которые даны присущим им отличительным логикам – суверенной, дисциплинарной и регулирующей. Как и Фуко, мы используем слово «стратегии», чтобы указать на различные действия, которые являются преднамеренными и служат определенной цели, но

при этом несубъективны. Существуют стратегии власти, в соответствии с которыми и посредством которых субъекты целенаправленно занимают позиции, но которые сами по себе не являются продуктом какого-либо индивидуального или коллективного субъекта. Как и Фуко, мы обращаемся к *технологиям* в более широком смысле слова, имея в виду не только устройства, компьютеры, сети инженерно-технического обеспечения, коммутаторы и роутеры, но и способы организовывать и систематизировать действия и практики. Стратегии и технологии привели к появлению особых знаний, необходимых для их проработки и применения на практике, вроде некоторых *знаний*, что есть в научных дисциплинах (например в медицине) и *объектов* управления (например группы населения). Все формы власти осуществляются посредством *ассамблей*, таких как колонии, фабрики и организованные группы, которые запускаются в действие связными взаимоотношениями между технологиями, практиками, данными, методами, учреждениями, органами власти, профессиями и так далее. Наконец, ввиду того, что люди являются *подконтрольными* субъектами по отношению к власти, каждая форма власти вызывает различные *сопротивления* у людей как субъектов, *осознающих себя в структуре* власти¹¹, – таких как, например, восстание и бегство.

Ключевой момент для понимания трех форм власти состоит в том, как накопление капитала переплетено с накоплением подконтрольных людей. Читателей может удивить совместное упоминание этих двух словосочетаний в связи с формами власти, однако мы опираемся именно на мысли Фуко, который настаивал:

«Эти процессы – накопление людей и накопление капитала – неотделимы друг от друга; невозможно было бы решить проблему накопления людей без роста производственного аппарата, способного их содержать и использовать; напротив, техники, делающие полезным кумулятивное множество людей, ускоряют накопление капитала»¹².

11 В работе «Субъект и власть» Фуко, рассматривая разновидности и причины сопротивления и противодействия, приводит два определения термина «субъект»: «Основная цель выступления – борьба не столько с тем или иным институтом власти, той или иной группой, тем или иным классом, той или иной элитой, – сколько с конкретной техникой или формой власти. Эта форма власти распространяется непосредственно на повседневную жизнь, что классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности, навязывает им закон истины, которую им следует признать и которую другие должны признать для них. Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов. Существуют два смысла слова “субъект”: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию. В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработает и угнетает» (Фуко М. *Субъект и власть*. М., 2006 (<https://gtmarket.ru/library/articles/7373>)). Авторы настоящей статьи показывают разницу определений с помощью предлогов: «subject to power» – о подконтрольном субъекте, «subject of power» – о субъекте, осознающем себя в структуре власти. – *Примеч. перев.*

12 Он же. *Надзирать и наказывать*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 324.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

Накопление подконтрольных субъектов (принуждение с целью сделать множества народов полезными, здоровыми и продуктивными) и накопление капитала (производство экономического, культурного и социального капиталов и превращение их в богатство) также требуют накопления знания (о субъектах и объектах в структуре власти), присущего данным формам власти. Для подобных связанных взаимоотношений необходимо, как Фуко не раз излагал¹³, чтобы власть функционировала и в негативном (жестокость, угроза, страх, жуткий ужас, пытка, отчаяние) и в позитивном ключе (желание, привлечение, соблазнение, возможность самореализации, надежда).

Все же несколько ключевых посылок из исследований Фуко вызвали разногласия. Мы схематично перечислим их и тем самым зафиксируем, что эти разногласия сейчас формируют наши представления о формах власти. Первое из них касается заявления, которое Фуко не раз повторял и которое цитировали некоторые наиболее проникательные его толкователи. Он часто заявлял, что суверенные формы власти всегда были ритуальными, дорогостоящими и насильственными. Нам кажется, что суверенная власть была значительно более распространена, чем Фуко предполагал. Способы, которыми суверенная власть принуждает к почтительному послушанию, обязательно или не всегда зиждутся исключительно на дорогостоящих и насильственных формах. Для осуществления власти в арсенале всегда есть негативные и позитивные репертуары, да и сама суверенная власть менялась с течением времени (мы подробнее остановимся на этом позднее).

Во-вторых, Фуко часто заявлял, что суверенные формы власти «быстро вышли из употребления и сменились тонкой, рассчитанной технологией подчинения»¹⁴. Это утверждение повторял и Жиль Делёз: он настаивал, что «общества дисциплины» уступали место «обществам контроля»¹⁵. Эти заявления о смене любой формы власти через вытеснение не подтверждаются нашими собственными исследованиями¹⁶. Мы не считаем, что формы власти выходят из употребления и просто сменяются новыми формами. Нам скорее хотелось бы уяснить, как новые формы власти артикулируются в существующих, как гнездятся в них некоторое время и, возможно, мутируют в новые формы. Порой Фуко описывал это как переход от одной формы власти к другой, с пересечениями, отголосками и взаимодействиями,

13 FOUCAULT M. *Power/Knowledge*.

14 IDEM. *Discipline and Punish...* P. 220.

15 DELEUZE G. *Control and Becoming* // IDEM. *Negotiations*. New York: Columbia University Press, 1990. P. 169–176; IDEM. *Postscript on Control Societies* // Ibid. P. 177–182.

16 ISIN E. *Being Political: Genealogies of Citizenship*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.

однако предположение о смене через вытеснение оставалось практически неизменным. Как показал Джеймс Скотт¹⁷, все формы власти могли существовать в зачаточных или угнезданных формах с тех пор, как города, государства и империи стали формироваться в качестве организованных политико-территориальных образований. Однако мы ограничим свое внимание изучением лишь *современной* власти – с XVII века в Европе, – так как более глубокие и широкие генеалогии рисуют более сложную картину.

В-третьих, в исследованиях Фуко есть неявно выраженное, но ключевое утверждение, что современные формы власти, особенно способы субъективации¹⁸, симметричны. Это частично вытекает из тонкого замечания Фуко о том, что власть функционирует не только негативно, но и позитивно, и под влиянием этой мысли он сформировал представление, будто бы все акторы оказывают влияние на действия друг друга на равных условиях. В исследованиях Фуко несимметричности – которые сами по себе являются как продуктами, так и инструментом реализации властных отношений, например, класс, гендер и раса, – играют скорее двойственные роли¹⁹.

Последнее, на чем стоит остановиться и что частично следует из концентрации исключительно на современной власти в Европе: Фуко ограничил поле своих исследований «обществами, как у нас», совершенно упуская из виду тот факт, что «общества, как у нас» были сформированы путем господства, отчуждения собственности и угнетения «других обществ». Иными словами, как наглядно проиллюстрировал Вальтер Миньоло, современность и колониальность были двумя аспектами одного и того же процесса развития в разных формах власти, и упущение этого факта является важным ограничением исследований власти у Фуко²⁰. Империи экспериментировали на субъективированных народах, используя в колониях разнообразные стратегии и технологии власти, принятые в метрополии²¹. Мы не можем изолировать «общества, как у нас» от «обществ, как у них», и признание этого факта имеет существенные последствия для исследований власти.

Непросто разобраться в том, как Фуко формулировал, развивал и расширял свои исследования о формах власти в лекциях. Эти расшифровки опубликованы посмертно – и не вполне по-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

17 SCOTT J.C. *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. Yale Agrarian Studies. New Haven: Yale University Press, 2017.

18 *Subjectification* – то же, что *subjection*, то есть превращение в подконтрольный субъект. – Примеч. перев.

19 STOLER A.L. *A Colonial Reading of Foucault: Bourgeois Bodies and Racial Selves* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Biopower: Foucault and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. Ch. 16.

20 ISIN E. *Citizenship after Orientalism: An Unfinished Project* // *Citizenship Studies*. 2012. Vol. 16. № 5–6. P. 563–572.

21 МБЕМБЕ А. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press, 2001.

нятно, содержат ли они наброски и уточнения, помимо тех, что уже есть в напечатанных работах. Стюарт Элден и Томас Лемке детально изложили все моменты, в которых лекции и книги Фуко сходятся и расходятся²². Особенно подробно они осветили важные наблюдения из лекций «Нужно защищать общество», «Безопасность, территория, население» и «Рождение биополитики»²³. Мы не будем вдаваться в подробности этого непростого вопроса в рамках данной статьи, но мы не уверены, могут ли эти лекции разрешить четыре упомянутых выше противоречия. Таким образом, последующий набросок – это наши размышления о трех формах власти с целью предложить четвертую.

Сейчас мы хотим поразмышлять о пандемии коронавируса, чтобы проиллюстрировать, как каждая форма власти функционирует посредством нескольких стратегий и технологий, форм знаний и объектов управления. Мы уже отметили, как суверенная власть принуждает к почтительному послушанию (локдаун, комендантский час, политика сдерживания); дисциплинарная власть требует покорного подчинения (сакральные жертвы, дистанцирование, изоляция, наказания, санитарная культура и гигиенические навыки); а регулирующая власть калибрует воздействие послушания и покорности в соответствии со здоровьем групп населения (статистические показатели заражения, передачи, летальных исходов, выздоровления и иммунитета). Ниже мы подробнее рассмотрим каждую из этих трех форм власти в качестве подводки к нашей дискуссии о четвертой форме, которая, хоть и сплетена с первыми тремя, все же отличается от них на нынешнем этапе.

Что такое суверенная власть? Она охватывает примерно XVII и XVIII века. Рождение суверенной власти ассоциируется, с одной стороны, с рождением в Новое время империй современного типа, а с другой стороны, – с появлением государственных аппаратов, которыми эти империи управлялись. В этот период главной заботой суверенной власти все больше становились здоровье и богатство субъективированных народов. Европейские империи строились за счет накопления субъективированных народов, используя рабство, колонизацию коренных народов и заселение колоний. Если для каждого из этих процессов необходимо принуждать субъективированные народы к почтительному послушанию, то это также служило предпосылкой и катализатором для поиска более результа-

22 ELDEN S. *Foucault's Last Decade*. Cambridge: Polity Press, 2016; LEMKE T. *Foucault's Analysis of Modern Governmentality: A Critique of Political Reason*. London: Verso, 2019.

23 FOUCAULT M. *Society Must Be Defended: Lectures at the College de France, 1975–76*. New York: Picador, 2003; ИДЕМ. *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France 1977–1978*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007; ИДЕМ. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978–1979*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.

тивных и экономически выгодных способов управления ими. Если ключевыми объектами управления были *территории*, которые управлялись технологиями заселения, насильственного изгнания и отчуждения имущества, то ключевые формы знания, известные под названием «политическая арифметика»²⁴, также развивались в соответствии со здоровьем и богатством субъективированных народов. Невозможно представить накопление торгового капитала без трансатлантической работорговли, а именно – без продажи африканских народов в колониальные поселения, без порабощения коренных народов и без насильственного выдворения «опасных народов» – изгоняемые со своей территории, эти «опасные народы» были вынуждены сами становиться переселенческими колонIALИСТАМИ. Если управляющие метрополии намеревались подчинять «опасные» группы населения жестокими мерами, то они управляли колониями путем масштабных захватов, передислокаций и отчуждений имущества. Как определил Фуко, суверенная власть – это та, что «заставляет умирать и позволяет жить»²⁵. Вскоре мы увидим обратное значение этой мысли.

Нельзя сказать, что, наблюдая за эффективным закрытием границ и ограничением передвижений, во время пандемии коронавируса мы стали свидетелями возвращения суверенной власти. Нельзя сказать, что она вернулась – потому что, в общем-то, она никуда и не уходила: просто ее осуществление больше не требует таких технологий власти, как упомянутые выше. Локдаун, комендантский час, заточение, регламентирование передвижений, пограничный контроль и общие ограничения мобильности субъективированных народов находятся в ряду других рутинизированных и институционализированных технологий, которые суверенная власть развивала в течение долгого времени. В действительности мы стали свидетелями более широкого распространения и развертывания суверенной власти во время пандемии коронавируса. Можно отметить, что Австрия²⁶, Новая Зеландия или Тайвань поспешнее всех закрыли границы, а Китай и вовсе захлопнул не только внешние, но и внутренние границы, ограждая и изолируя целые города. Но давайте не будем забывать, что и внешние и внутренние границы уже и так давно подвергнуты непосредственному контролю²⁷ на всех континентах, пусть и с разной интенсивностью в разных государствах. Это примеры того, как осуществление суверенной власти введено в повседневную, негласно очевид-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

²⁴ PETTY W. *Essays on Mankind and Political Arithmetic*. London: Cassell, 1888.

²⁵ GROS F. *Is There a Biopolitical Subject? Foucault and the Birth of Biopolitics* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.* Ch. 13.

²⁶ Так в оригинале. Судя по всему, опечатка – и имеется в виду Австралия. – *Примеч. ред.*

²⁷ Дословно: «субъективированы для контроля». – *Примеч. перев.*

ную практику. Хотя суверенная власть стала со временем менее заметной, все же если понадобится принуждать субъективированные народы к почтительному послушанию, то почва для реактивации суверенной власти вполне готова. Границы как формы суверенной власти стали чем-то само собой разумеющимся; они принимаются и даже поощряются доминирующими группами, в то время как у других групп – например, у беженцев – границы ассоциируются с жестоким опытом и являются предметом споров и борьбы. Если жестокости границ и не признаны широко, то, возможно, лишь потому, что суверенная власть проявляет себя менее видимо – не только в смысле физической заметности, но и в том плане, что ее технологии вошли в повседневную практику и в мыслях, и в телах. Таким образом, мы не должны отождествлять невидимость и несуществование. Также нам не следует удивляться насажденному суверенной властью почтительному послушанию, несмотря на эпизодические рассредоточенные протесты, по большей части в США, но также и в других странах, как, например, в Германии или в Великобритании, где протестующие ставили под сомнение ограничения мобильности. Во время пандемии мы действительно увидели, насколько суверенная форма власти сплетена с другими формами власти, из которых она черпает силу, но от которых ее следует отделять в аналитических целях. В отличие от XVII и XVIII веков, суверенная власть в XXI веке не могла бы функционировать без *опоры на дисциплинарную и регулирующие формы власти*, которые, несомненно, способствуют ее невидимости.

Что такое дисциплинарная власть? С XVIII по XIX век мы свидетельствуем появление новой формы власти, которая производила действия над телом – его дисциплиной, его мощностью, его волей. Ключевым объектом является человеческое *тело*. Безусловно, суверенная власть также воздействовала на человеческое тело: такие жестокости, как клеймение темнокожих тел, зрелище пыток и насильственных перемещений, невзирая на губительные последствия, были широко распространенными технологиями²⁸. Для накопления субъективированных народов необходимо осуществлять власть как право принимать решения о жизни и смерти тел²⁹.

И все же, как настаивает Фуко, «начиная с XVII века, эта власть над жизнью развилась в двух основных формах; однако эти формы не были полярно противоположными друг другу, скорее, они составляли два полюса развития, связанные между собой целым посредническим кластером взаимоотношений». По Фуко, дисциплинарная власть сформирована первой:

28 BROWNE S. *Dark Matters: On the Surveillance of Blackness*. Durham: Duke University Press, 2015.

29 FOUCAULT M. *The History of Sexuality...* P. 135.

«[Дисциплинарная власть сконцентрирована] вокруг тела как машины: его дисциплинирования, оптимизации его мощностей, выколачивания его силы, параллельного повышения его полезности и его послушной покорности, его интеграции в системы эффективного и экономически выгодного контроля»³⁰.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

Это было «анатомо-политикой человеческого тела», где оптимизация телесных мощностей ради производства постепенно стала первоочередной задачей. Это могло начаться в казармах (у солдат) или на кораблях (у рабов), но дисциплинарная власть шаг за шагом производила ярко выраженные ассамбляжи, где технологии власти и формы знания сочетались во имя создания тел, оптимизированных для производства. В течение последующих трех веков дисциплинарная власть породила поликлиники, тюрьмы, больницы, школы, работные дома, лагеря – и, со временем, тренажерные залы, магазины, разнообразные студии и прочие ассамбляжи, где формы знания содействовали в людском самоуправлении.

**Дисциплинарная власть шаг за шагом производила
ярко выраженные ассамбляжи, где технологии
власти и формы знания сочетались во имя создания
тел, оптимизированных для производства.**

Просто задумайтесь, как мы все коллективно стали экспертами в анатомо-политике наших собственных тел во время пандемии коронавируса. Мы не только ежедневно следили за медицинскими новостями о вирусе и способах заражения, но также усвоили предписания и предостережения, как вести себя безопасным для других людей образом. Нам посоветовали принести в жертву нашу повседневную жизнь и изолироваться, чтобы спасти и сохранить себя, других людей и системы общественного здравоохранения. За удивительно короткий срок мы развили новые формы поведения: мы защищаем себя и друг друга, соблюдая физическую дистанцию, закрывая лицо и регулируя наши контакты. Мы развили поразительно ритуализированные гигиенические практики по дезинфекции самих себя. Мы осуществляли все те формы покорного подчинения, к которым призывает дисциплинарная власть, так как субъективированные народы беспокоятся о собственном и чужом здоровье и безопасности. *Если мы следовали правилам заточения, наложенным суверенной властью, почтительно-*

30 Ibid. P. 139.

послушно, то правилам безопасности, к которым призывала дисциплинарная власть, мы следовали покорно-подчиненно. Пандемия акцентировала наше внимание на том, что мы ощущаем на себе воздействие этих двух форм власти одновременно. Мы, наши тела, осознали, как эти две формы власти – суверенная и дисциплинарная – зависят друг от друга и работают сообща. При обычных обстоятельствах ни одна из этих форм власти не была бы заметной. В текущей же ситуации они оказываются на виду. Без тени иронии нуждающимся в помощи были предложены практические руководства по тому, как заново научиться общению с людьми после заточения³¹.

Нам кажется, что сконцентрированность Фуко на проекте паноптической тюрьмы Иеремии Бентама точно отражает отношение между суверенной и дисциплинарной властью, и это отношение регулировалось наказанием: денежные штрафы, взимаемые платежи, сертификаты, разрешения и удостоверения личности были мобилизованы для отделения тех, кто успешно откликался на запросы суверенной власти, придерживаясь дисциплины, от тех, кто этого не делал. Фуко замечает, однако, что дисциплинарная власть медленно, но верно вступает в связь с другой формой власти, которая на нее влияет. Это третья форма власти, которая казалась проблематичной и беспокойла Фуко во второй половине 1970-х и в последующих исследованиях. Изначально Фуко обозначил ее как «биовласть», а сопряженное с ней осуществление власти назвал «биополитикой». Чтобы облегчить анализ, опуская часть проблем, мы предпочитаем называть ее регулирующей формой власти по причинам, описанным ниже.

Что такое регулирующая власть? С XIX по XX век мы наблюдали появление власти, одновременно тотализирующей [всеобъемлющей. – Примеч. перев.] и индивидуализирующей:

«[Это регулирующая власть], сконцентрированная на теле биологического вида (населения); тело пронизано механиками жизни и служит основой биологических процессов: продолжения рода, рождаемости и смертности, уровня здоровья, ожидаемой продолжительности жизни и долголетия, с учетом всех состояний здоровья, которые могут повлиять на эти параметры. Надзор за этими факторами принимал форму целого ряда вмешательств и способов регулирующего контроля: биополитики населения»³².

Используя слово «население» как синоним «биологического вида», Фуко отмечает:

31 *Social Distancing: A Practical Guide to How to Socialise in England Now* // BBC News Online. 2020. May 30 (<https://bbc.in/3gtwjbx>).

32 FOUCAULT M. *The History of Sexuality*... P. 139.

«[Появилась] эта невероятная биполярная технология: анатомическая и биологическая, индивидуализирующая и конкретизирующая, направленная на регулирование деятельности тела, с вниманием к жизненным процессам – и эта технология характеризует власть, перед которой, возможно, больше не стоит задачи убивать, но высшей функцией которой является инвестирование в жизнь любым возможным образом»³³.

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

Это позволило Фуко увидеть ключевую взаимосвязь между дисциплинарной и регулирующей формами власти. Каждая из них зависит от другой, но сейчас дисциплинарная власть функционирует успешнее как позитивная сила, нежели негативная. Хотя сам Фуко никогда не использовал этот термин, нам кажется, что для определения этого взаимозависимого отношения вполне подходит слово «калибровка». То, что исполняет регулирующая власть, является стратегией калибровки: она мобилизует формулирование и/или предписывание надлежащих форм поведения для тел, которые необходимы или создают условия для функционирования здоровья и богатства населения. Что особенно важно, регулирующая власть калибрует поведение тел не с помощью выговоров и наказаний за неподчинение требованиям (хотя связь между суверенной и дисциплинарной властью продолжает функционировать), а путем убеждения, направляющего руководства, задабривания и подталкивания тел к убеждению, что их здоровье и богатство напрямую зависят от подчинения власти. Тела сами себя дисциплинируют как субъекты, несущие ответственность за собственное и всеобщее благо.

Мы не можем придумать лучшей иллюстрации для этого процесса, чем крайне упрощенная по структуре и смыслу метрика, ставшая символом текущей пандемии: индекс репродукции, число R . Как объясняли на официальных и медийных сайтах, R – это индекс, показывающий, сколько тел заражает каждое тело или как вирус воспроизводится³⁴. Если некое тело заражает три тела, то репродукция в три раза выше, чем если бы это тело заражало только одно другое тело. Логика калибровки тут состоит в следующем: если данное тело идентифицировано, уединено и изолировано, то его вред населению нейтрализован. В одной из британских правительственных рекламных кампаний R -индекс был показан на графике в форме спидометра, на котором отмечался актуальный на тот момент темп распространения инфекции; реклама увещевала людей «оставаться начеку, чтобы сохранять низкий уровень R -индекса». Как только эпидемиология осуществляет свою функцию по калибровке тел по группам населения, медицина

33 Ibid.

34 Cookson C. *R Number: The Figure that Will Determine when Lockdown Lifts* (<https://on.ft.com/3b3tagb>).

может осуществлять свою функцию по лечению отдельных, индивидуальных тел и по инвестированию в их жизнь. Немало было сказано и сделано относительно концепции коллективного иммунитета, который в теории должен быть приобретен после того, как многие переболеют и затем успешно вылечатся от коронавируса. Что такое, в сущности, коллективный иммунитет, если не реализация суверенного права на решение о жизни и смерти народов, особенно когда постепенно стало очевидно, что пожилые, физически слабые, бедные, социально не защищенные, а также темнокожие тела погибали в несоразмерно большей степени? Если суверенная власть «заставляет умирать и позволяет жить», как мы видели выше, то регулирующая власть «заставляет жить и позволяет умирать»³⁵.

Чтобы вернуться к взаимосвязи между накоплением субъективированных народов и накоплением капитала (или к взаимосвязи между здоровьем и богатством населения), мы проследили напряжение во время пандемии коронавируса, выраженное в виде взаимовыгодного обмена с компромиссными уступками между здоровьем и экономикой. Когда суверенная власть (пере)запустит экономику? Каков взаимовыгодный обмен с компромиссными уступками между жизнями и источниками заработка?³⁶ Если накопление субъективированных народов и вправду вызывает накопление капитала и накопление знания, то при анализе форм власти необходимо держать в поле зрения все три процесса, поскольку они переплетены и взаимосвязаны. Более того, наряду с существованием разных форм знания и субъективированных народов, капитал необходимо понимать и рассматривать в разных формах (экономической, культурной, символической), как настаивал Пьер Бурдьё³⁷.

В этом кратком обзоре мы упустили, как действуют пересечения и динамика между разными формами власти и как каждая из них зависит от определенных аспектов другой во время пандемии коронавируса. Наша цель – с одной стороны, представить общий, исторически обоснованный обзор форм власти и их одновременного существования, а с другой стороны, показать, как развитие и внятное формулирование новой формы власти лишь усилило сложность и многогранность уже существующих форм власти. Наш схематический обзор трех форм власти наверняка вызовет множество возражений. Мы понимаем, что вопросы власти, в особенности биовласти, вызвали множество возражений относительно ее функций, эффектов и

35 GROS F. *Op. cit.*

36 Covid-19 Presents Stark Choices between Life, Death and the Economy // The Economist. 2020. April 4 (<https://econ.st/3gzdfc7>).

37 BOURDIEU P. *The Forms of Capital* // RICHARDSON J.G. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1983. P. 241–258.

трансформаций³⁸. Концепции биополитики и биовласти блестяще раскрыты Ашилем Мбембе, Джорджо Агамбеном, Яном Хакингом, Майклом Хардтом и Антонио Негри, Николасом Роузом, Роберто Эспозито и Томасом Лемке³⁹. И все же, как недавно показали Пол Рабинов и Николас Роуз⁴⁰, каждый исследователь рассматривал биовласть в определенной перспективе и результаты исследований не складываются в однозначную картину. Рабинов и Роуз настаивают, что если биовласть и биополитика должны сохранять аналитический потенциал, то нам необходимо включать как минимум три элемента: формы знаний о жизни; стратегии, которые вмешиваются в чужие дела во имя жизни, и способы субъективации, посредством которых люди инвестируют в собственные жизни. Используя одновременно тотализацию и индивидуализацию как ключевой аналитический инструмент, они демонстрируют, как действует биовласть, используя отношения между телами и группами населения в качестве основы для регулирования – и одновременно регулируя сами эти отношения. В этом заключается наше широкое понимание регулирующей власти. Тем не менее термины «биовласть» и «биополитика», начиная со схематичных исследований Фуко, свели воедино взаимоотношения между суверенной и дисциплинарной властью и между дисциплинарной и регулирующей властью. Как показывает анализ Пола Пэттона⁴¹, очень сложно представить, как биополитика вмешивается сразу на уровне групп населения, а не через индивидуальные тела, без какого-либо посреднического механизма между ними. Фредерик Гро проницательно предостерегает от использования лекций Фуко о биополитике в качестве исчерпывающего анализа и показывает, что Фуко сместил фокус внимания на изучение рациональности управления и публичной власти в широком понимании⁴².

И все же вполне возможно, что ровно в то время, как эти исследования были опубликованы, а аналитика событий и процессов с 1980-х проводилась с помощью концепций биовласти и биополитики, четвертая форма власти уже назревала и прописывалась. Иными словами, пока исследования современной власти пытались разместить новые явления и процессы,

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

38 CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.*

39 МБЕМБЕ А. *Necropolitics*. Durham: Duke University Press, 2019; АГАМБЕНЕ Г. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press, 1998; ХАКИНГ И. *Biopower and the Avalanche of Printed Numbers* // *Humanities in Society*. 1982. № 5. P. 279–295; ИДЕМ. *The Taming of Chance*; ХАРДТ М., НЕГРИ А. *Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 2000; РОЗЕ Н. *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press, 2006; ЭСПОЗИТО Р. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008; ЛЕМКЕ Т. *Biopolitics...*

40 РАБИНОВ П., РОЗЕ Н. *Biopower Today* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.* Ch. 15.

41 ПАТТОН П. *Power and Biopower in Foucault* // CISNEY V.W., MORAR N. (Eds.). *Op. cit.* Ch. 5.

42 ГРОС Ф. *Op. cit.*

как, например, развитие приложений, устройств и платформ, в генеалогической последовательности, уже известной под различными названиями – «алгоритмическая правительственность», «вычислительный капитализм» или «век алгоритмов»⁴³, – новое важное явление могло разворачиваться в настоящем. Как мы подчеркнули ранее, это явление скорее всего оставалось смутно видимым и трудно артикулируемым – и так было до коронавирусной пандемии. Нам кажется, что задача настоящего времени – попытаться исследовать четвертую форму власти в исторической перспективе, что позволит нам рекурсивно переосмыслить три других.

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ ВЛАСТИ?

Важнейшим аспектом в осуществлении суверенной власти являются объекты, задействованные между телами и группами населения. Как нам кажется, рождение сенсорной власти сигнализирует, что власть не так уж биполярна, как считал Фуко: индивидуализирующая и конкретизирующая, анатомическая и биологическая, или молярная⁴⁴ и молекулярная. Отслеживание деятельности тел со вниманием к жизненным процессам с неизбежностью повлекло за собой сегментирующее разделение групп населения на «типы» народов, как называл это Хакинг⁴⁵. Фуко предвидел, что дисциплинарная и регулирующая формы власти «связаны между собой целым посредническим кластером взаимоотношений»⁴⁶, но он не конкретизировал, из чего такие посреднические кластеры связанных взаимоотношений состоят. Какого рода эти типы связанных взаимоотношений между телами и группами населения? Какие типы власть стягивает воедино?⁴⁷ Как сами группы населения разделены на типы, если функции различных типов нахлестываются и пересекаются? Если смотреть через призму взаимоотношений между регулирующей властью и дисциплинарной властью, типы были произведены как класс, гендер и раса. Но могли появиться и новые кластеры посреднических отношений, которые не были видимыми и артикулируемыми сорок лет назад, когда Фуко, Делёз и

43 См.: AMOORE L. *Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others*. Durham: Duke University Press, 2020; ROUVROY A. *The End(s) of Critique: Data Behaviourism versus Due Process* // HILDEBRANDT M., VRIES K. DE (Eds.). *Privacy, Due Process and the Computational Turn: The Philosophy of Law Meets the Philosophy of Technology*. Abingdon: Routledge, 2013. P. 143–167; ROUVROY A., BERNIS T. *Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation* // *Rezeaux*. 2013. Vol. 177. № 1. P. 163–196; STIEGLER B. *The Age of Disruption: Technology and Madness in Computational Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2019. Ch. 1. Article 4.

44 От слова «моль» – единицы измерения количества вещества. – *Примеч. перев.*

45 HACKING I. *Making up People* // ИДЕМ. *Historical Ontology*. Cambridge: Harvard University Press, 2002; ИДЕМ. *Kinds of People: Moving Targets* // *Proceedings of the British Academy*. 2007. Vol. 151. P. 285–318.

46 FOUCAULT M. *The History of Sexuality...* P. 139.

47 *Assemble*, однокоренное с «ассамбляж». – *Примеч. перев.*

их последователи писали свои исследования. События, произошедшие с тех пор, и разворачивающиеся процессы, особенно в начале 2020 года, дают основание полагать, что мы можем выделить новую форму власти, стягивающую воедино «посреднический кластер связанных взаимоотношений». Пусть сам Фуко и не давал определения слова «кластеры», мы предполагаем, что *кластеры – это посреднические объекты управления между телами и группами населения, которые задействует новая форма власти и которыми она управляет посредством сенсорных ассамблежей*. Иными словами, мы хотим предположить, что сенсорные ассамблежи, частью которых являются интегрированные приложения, устройства и платформы, задействуют особые объекты управления – кластеры. Хотя может показаться, что этот термин будет релевантным исключительно в контексте пандемии коронавируса, эпидемиологических моделей и вокабуляра, доминирующего в общественных обсуждениях, также важно помнить, что Фуко изначально прорабатывал концепции дисциплинарной и регулирующей форм власти с пристальным вниманием к реагированию на эпидемии, как было показано в недавней публикации⁴⁸. В любом случае, когда мы ссылаемся на кластеры, мы подразумеваем широкое понимание этого слова.

Все же прежде, чем мы обсудим кластеры как объекты управления, мы хотим остановиться на сенсорных ассамблежах, поскольку именно они приводят к появлению кластеров. Наша формулировка сенсорных ассамблежей может показаться резонирующей с тем, как Делёз использует идеи Фуко и их рецепцию⁴⁹, особенно в исследованиях науки и технологий⁵⁰. Пол Пэттон⁵¹ уже нашел аналитическое применение столь же схематичному анализу обществ контроля у Делёза⁵². Оставляя за скобками предположения, в которых мы уже усомнились – о том, что общества дисциплины уступали место обществам контроля или заменялись ими; или о том, что биополитика вмешивается без каких-либо посреднических механизмов, – Пэттон тем не менее приводит весьма уместные наблюдения о том, как общества контроля скорее ориентировались на технологии модуляции тел, чем на их наказание или дисциплинирование, и в связи с этим создавали новые ассамблежи. Мы полагаем, что новые исследования политики данных, пре-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

48 *Coronavirus and Philosophers*. M. Foucault, G. Agamben, S. Benvenuto // *European Journal of Psychoanalysis* (<https://bit.ly/2V7fJkk>).

49 DELEUZE G. *Foucault*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. 32–41; DELEUZE G., GUATTARI F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. Ch. 11, 12.

50 BARRY A. *Technological Zones* // *European Journal of Social Theory*. 2006. Vol. 9. № 2. P. 239–253.

51 PATTON P. *Philosophy and Control* // БЕКМАН F. (Ed.). *Control Culture: Foucault and Deleuze after Discipline*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. Ch. 11.

52 DELEUZE G. *Control and Becoming*; IDEM. *Postscript on Control Societies*.

имущественно вдохновленные Фуко и Делёзом, начали двигаться скорее в ином направлении⁵³. Иными словами, новые исследования политики данных доказывают – по крайней мере, на наш взгляд, – что «общества контроля» являются скорее продолжением «обществ дисциплины» и управляются с помощью новых технологических средств, например, с помощью биометрического распознавания, автоматизированного негласного наблюдения, алгоритмического управления и цифрового шпионажа. Мы считаем, что сенсорная власть – это родственная, но отдельная форма власти, отличающаяся по значению от того смысла слова «контроль», который мы вкладываем в фразу «общества контроля».

Очевидно, мы не заинтересованы в провозглашении зари или века «сенсорных обществ». Нам предстоит трудная задача: нужно принять во внимание эти исследования политики данных, найти в них новую значимость посредством обрисованных здесь методов анализа власти, а затем прояснить, как четвертая форма власти угнездилась в других формах власти, но стала видимой среди них во время пандемии коронавируса. Это задача не из легких. Мы не сможем осуществить это без необходимого тщательного анализа. Тем не менее мы предлагаем наблюдения и предположения, как развивались новые ассамбляжи сенсорной власти и как пандемия делает их видимыми.

Все формы власти работают через ассамбляжи, которые задействуют объекты ассамбляжей посредством бесчисленных технологий и взаимоотношений: суверенная власть управляет территориями через ассамбляжи, которые задействуют колонии, доминионы, регионы (картография, карты, топографы, границы); дисциплинарная власть управляет телами через ассамбляжи, которые составляют тюрьмы, лагеря, больницы, фабрики, школы, рабочие дома (архитектура, стены, ограждения, стража, ворота), и регулирующая власть управляет группами населения через ассамбляжи, которые задействуют атрибуты, категории и классификации, такие как класс, гендер и раса (административные записи, перечисления). Таким же образом, как было отражено в таблице выше, сенсорная власть управляет кластерами через новые ассамбляжи, которые составляют приложения, платформы и устройства (программное обеспечение, передатчики, код, протоколы).

53 AMOORE L. *Algorithmic Life: Calculative Devices in the Age of Big Data*. Abingdon: Routledge, 2015; BECKMAN F. (Ed.). *Op. cit.*; FULLER M. *How to Be a Geek: Essays on the Culture of Software*. Cambridge: Polity, 2017; FULLER M., GOFFEY A. *Evil Media*. Cambridge: MIT Press, 2012; GALLOWAY A. *Protocol: How Control Exists after Decentralization*. Cambridge: MIT Press, 2006; GALLOWAY A., THACKER E. *The Exploit: A Theory of Networks*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007; MACKENZIE A. *The Production of Prediction: What Does Machine Learning Want?* // *European Journal of Cultural Studies*. 2015. Vol. 18. № 4–5. P. 429–445; IDEM. *Machine Learners: Archaeology of a Data Practice*. Cambridge: The MIT Press, 2017.

При том, что сенсорная власть работает через сенсорные ассамбляжи, которые задействуют ее объекты управления, мы не думаем, что это означает, будто новая форма власти заменяет существующие формы: она скорее артикулируется вместе с ними / в них. Таким образом, новую форму власти стоит искать угнезданной в существующих формах, но тем не менее мобилизующей новые стратегии и технологии. Однако, чтобы сформулировать, что такое сенсорная власть, нам нужно для начала обсудить, как сенсорные ассамбляжи производят кластеры. В недавней работе мы выдвинули пять предположений о кластерах на основе нашего анализа переписей населения, производившихся в империях, а также нынешнего развертывания больших данных и методов анализа для управления постколониями⁵⁴. Мы будем и дальше ссылаться на эти пять предположений. Здесь мы разовьем эти идеи и приведем примеры в контексте осуществления власти во время пандемии коронавируса. Все нижеследующие предположения в какой-то степени можно применить и к суверенной, и к дисциплинарной, и к регулирующей формам власти, однако они имеют ключевое значение для стратегий сенсорной власти и способов ее функционирования. Мы надеемся, что по мере объяснений эти процессы станут понятнее.

Кластеры – это относительные объекты. Во время пандемии коронавируса принципиально новые объекты управления стали видимыми и артикулируемыми. Мы видели упоминания разных сущностей, например, «горячие точки»⁵⁵, эпицентры и «пузыри» социального взаимодействия⁵⁶. Конечно, они были связаны с распространением коронавируса, но подразумевалось, что по ним можно будет показать, как тела – либо зараженные, либо здоровые – связаны друг с другом. «Пузыри», «горячие точки» и эпицентры получались так: тела контактировали с неким состоянием (зараженный, здоровый) и тем самым становились объектом интереса для управляющей власти. Этот интерес не про поимку, наказание или дисциплинирование тел, а про идентифицирование и предоставление средств, с помощью которых тела могут модулировать свое поведение и образ действий с желательными результатами. Модуляция отличается от технологий корректировки, свойственных регулирующей власти, ведь последние работают только

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

54 ISIN E., RUPPERT E. *Data's Empire...* (Также см.: МВЕМБЕ А. *On the Postcolony*. – Примеч. перев.)

55 Места с высоким риском заражения коронавирусом. – Примеч. перев.

56 *Coronavirus: Wuhan in First Virus Cluster since End of Lockdown* // BBC News Online. 2020. May 11 (<https://bbc.in/3fzKAyF>); CHAN J.F.-W., YUAN S., KOK K.-H. ET AL. *A Familial Cluster of Pneumonia Associated with the 2019 Novel Coronavirus Indicating Person-To-Person Transmission: A Study of a Family Cluster* // The Lancet. 2020. Vol. 395. P. 514–523; *The Dangers of Cramped Coronavirus Hotspots* (<https://on.ft.com/2xpeLY2>); MASON R. «Social Bubbles» of Small Groups Could Be Early Step out of UK Lockdown // The Guardian. 2020. April 29 (<https://bit.ly/2SiKWzG>).

посредством таких форм знания, как статистика. Напротив, управление кластерами включает в себя непрерывное отслеживание деятельности в реальном времени, благодаря чему решения и вмешательства могут быть выработаны безотлагательно за счет сокращения времени между идентификацией и действием. Это различие можно рассмотреть на примере того, как собрания тел для отмечания праздников, рейвов и пляжных вечеринок вызвали новые опасения у органов правопорядка по поводу дисциплины и наказания во время ослабления режима самоизоляции в Великобритании и во Франции летом 2020 года⁵⁷. Кластеры, объекты сенсорной власти, не просто существуют как физические собрания тел – они являются связующими взаимоотношениями; а сенсорные ассамбляжи в свою очередь являются связующими взаимоотношениями между инфицированными и здоровыми телами. Сенсорные ассамбляжи, которые производят кластеры, включают в себя взаимоотношения между человеческими и нечеловеческими акторами, включая устройства, сенсоры, платформы, практики, данные и методы, учреждения, органы власти, технических работников и профессионалов в органах управления, корпорациях и некоммерческих организациях. Пусть (пока что) не все устройства, составляющие сенсорные ассамбляжи, являются полностью цифровыми – это хорошо видно на примере того, как программы отслеживания контактов требуют задействования медицинского персонала и аналоговых практик, – для обнаружения, тестирования и отслеживания тел необходимы частый сбор, хранение и передача данных разнообразными агентами и органами власти. Наряду с локдауном, дистанцированием и изоляцией обнаружение инфицированных субъектов, отслеживание тех субъектов, которые потенциально физически контактировали с инфицированными, и сигнальное оповещение обоих кластеров о необходимости изолироваться требует применения целесообразных технологий власти.

Что же касается приложений по прослеживанию и отслеживанию – мы видели, как они влекли за собой конкурентную борьбу внутри и между государствами, международными организациями и транснациональными корпорациями. Это существенно отличается от того сценария, когда у государств была виртуальная монополия на знание о собственных субъектах. Сейчас же технологические компании распоряжаются этим знанием и напряженно борются друг с другом за гегемонию. Но борьба также идет и между различными соревнующимися профессиями, включая эпидемиологов, статистиков, исследователей данных, программистов, разработчиков приложений,

57 BLAND A., PARVEEN N., DODD V. ET AL. *Hardline Policing May Provoke Civil Unrest, Government Warned* // The Guardian. 2020. June 26 (<https://bit.ly/385rl7i>).

специалистов по безопасности, методологов и так далее, чья экспертиза пересекает национальные границы. Пусть (пока что) не все сенсорные ассамбляжи являются полностью цифровыми, они тем не менее включают в себя разнообразные цифровые технологии – такие как спутники, центры хранения и обработки данных, передатчики, приемники и мобильные устройства, – а также методы анализа, такие как алгоритмы, машинное обучение и облачные вычисления⁵⁸. Рассмотрим, к примеру, доклады о мобильности, создававшиеся «Apple», «Google» и «Facebook». Используя глобальные связные взаимоотношения между человеческими и нечеловеческими акторами, компании аккумулировали данные о числе заражений и смертей, что в итоге послужило информационным источником для развития набора приложений для обнаружения и отслеживания⁵⁹. Здесь мы можем увидеть, как обнаружение и отслеживание ни в коей мере не ограничены исключительно болезнью, но также связаны и с другими формами поведения – например, с тем, что люди смотрят, слушают, читают, как коммуницируют и так далее. Посредством этих форм поведения люди выстраивают взаимоотношения, которые могут быть задействованы в виде кластеров. Хотя, как показала практика, задействование и контролирование кластеров с целью поддерживать накопление субъективированных народов (здоровья) и накопление капитала (богатства) – крайне трудно реализуемая задача, все же развитие приложений о коронавирусе сделало видимой форму власти, объектом которой являются кластеры. А это значит, что кластеры как объекты власти – это не что-то принципиально новое и появившееся исключительно ввиду коронавируса; кластеры связаны с сенсорными ассамбляжами и уже используются в различных областях торговли и управления.

Кластеры – это множественные объекты. Если сенсорные объекты приумножают, распространяют и воспроизводят кластеры, то как люди становятся связанными? Кластеры не только лишь представляют собой новые репрезентации «старых» групп населения. Кластеры не наносят на карту – для осуществления регулирующей власти – группы населения, составленные по большей части органами государственной власти для собственных нужд. За шесть месяцев коронавирус пересек границы и репродуцировался на территории более

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

58 Облачные вычисления – модель обеспечения удобного сетевого «доступа по требованию» к некоторому общему фонду конфигурируемых вычислительных ресурсов, которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены с минимальными эксплуатационными затратами или обращениями к провайдеру. – *Примеч. перев.*

59 *Mobility Trends Reports* (www.apple.com/covid19/mobility); *Data for Good: Disease Prevention Maps* (<https://dataforgood.fb.com/tools/disease-prevention-maps/>); *Covid-19 Community Mobility Reports* (www.google.com/covid19/mobility/).

чем двухсот государств, несмотря на то, что органы власти закрывали границы с различной степенью интенсивности. При кросснациональных сопоставлениях совершенно теряется тот факт, что государствам лишь самую малость удавалось контролировать сквозную, трансграничную репродукцию коронавируса. В то же время ровно таким же образом сенсорные ассамбляжи распространяли, приумножали, адаптировали и видоизменяли кластеры. Чтобы понять это, необходимо увидеть, как сенсорные ассамбляжи производили олицетворяющие их объекты. Именно по этой причине данные можно понимать как агента внутри сенсорных ассамбляжей, ради которого они могут претерпевать изменения – в зависимости от рассредоточенных и сквозных, трансграничных взаимосвязей. Когда данные о кластерах появляются благодаря сенсорным ассамбляжам из экспертов, методов, технологий, организаций, практик, органов власти, субъектов и так далее, эти данные не попадают под строгий контроль или сильное влияние ни одного из них. Именно за счет циркуляции и переориентирования сенсорные ассамбляжи отрываются от органов власти, которые их скомпоновали, а затем оказываются задействованными – и воздействуют как на объекты, так и на субъектов миллиардом возможных способов. Стоит иметь в виду, что не только кластеры инфицированных и тех, кто с ними контактировал, пересекают границы, но также и различные комбинации стратегий и технологий, знаний и всех актантов и акторов, из которых состоят множественные кластеры (сети, ассоциации, взаимосвязи), которые в свою очередь неизбежно пересекают границы национальных государств.

Кластеры – это текучие объекты. Обычная статистика населения традиционно включает в себя социодемографические категории и сбор данных путем объединения самостоятельно составленных отчетностей, в которых используются различные методы для отнесения людей к тем или иным категориям⁶⁰. Как показали наблюдения Хакинга⁶¹, создание таких категорий приводит к «новым жестким концептуализациям человеческого существования». Напротив, сенсорные ассамбляжи задействуют кластеры, основанные скорее на деятельности тел, чем на вменении категорий и классификаций. В отличие от категорий, кластеры возникают в результате применения таких методов анализа, как машинное обучение или алгоритмы: эти методы не выявляют ассоциации между существующими переменными, а обнаруживают многомерные структуры и закономерности среди «сотен и, в некоторых случаях, десятков тысяч переменных и выборок большого объема, исчисляемых мил-

60 RUPPERT E. *Population Objects: Interpassive Subjects* // *Sociology*. 2011. Vol. 45. № 2. P. 218–233.

61 HACKING I. *Making up People*; IDEM. *Kinds of People...*

лионами и миллиардами единиц данных»⁶². Различия – это не статистические «переменные». Они выводятся из комбинации атрибутов разных «форм данных (текста, изображений, видео, транзакций, сенсорных датчиков), а не только из переменных, измеренных с использованием классических статистических таблиц с данными из опросов, анкетирования и случайной выборки»⁶³. Хотя переменные также могут быть разнообразными, ключевое отличие от традиционного статистического производства групп населения состоит в том, что регистрируются множественные формы поведения – иными словами, то, что люди делают; к примеру, передвижения и поступки (транзакции, выборы, высказывания, взаимодействия), причем исследовательский запрос сфокусирован не на индивидуальных факторах, влияющих на поведение, а на совокупных закономерностях и взаимосвязях: на заражении, распространении, влиянии, ассоциации и так далее⁶⁴. Именно ввиду постоянного обнаружения, отслеживания, мониторинга и модуляции можно сказать, что кластеры – как результат работы сенсорных ассамблеж – являются скорее текучими (и динамичными), чем твердыми (и статичными) объектами управления. Если кластеры воспринимаются как нечто текучее и динамичное, то как они воспринимаются визуально?

Кластеры – это визуализированные объекты. Как и суверенная, дисциплинарная и регулирующая формы власти, сенсорная власть работает через визуализации. Каждая форма власти произвела свой режим визуализаций: от картографии до анатомических диаграмм и статистических графиков, однако визуализация сенсорных ассамблеж послужила предпосылкой и катализатором для появления принципиально новых воображаемых образов и техник репрезентации. Если Эдвард Тафти настаивал на том, что визуализация может быть техникой «для рассуждений о статистической информации», которая «раскрывает данные» и может быть более «точной, чем традиционные статистические вычисления»⁶⁵, так и Стивен Фью операционализировал логику визуализаций, придумав дашборды⁶⁶. Миллионы точек данных, из которых состоят сенсорные ассамблежи, мобилизовали визуализации не просто как репрезентацию, а как ключевую технику, с помощью которой специалисты делают данные видимыми, чувственно ощутимыми

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

⁶² MACKENZIE A. *The Production of Prediction...* P. 434.

⁶³ Ibid. P. 433.

⁶⁴ RUPPERT E., LAW J., SAVAGE M. *Reassembling Social Science Methods: The Challenge of Digital Devices* // *Theory, Culture & Society*. 2013. Vol. 30. № 4. P. 22–46.

⁶⁵ TUFTS E.R. *The Visual Display of Quantitative Information*. Cheshire: Graphics Press, 1983. P. 9, 13.

⁶⁶ FEW S. *Information Dashboard Design: The Effective Visual Communication of Data*. London: O'Reilly, 2006. (Дашборд – визуальный отчет, где на одной «доске» отображаются разные, но связанные по смыслу графики. – Примеч. перев.)

и артикулируемыми⁶⁷. Эти визуализации выявляют невидимые закономерности и включают в себя интерактивные элементы и дашборды, которые позволяют увидеть результаты сочетания различных данных в характеристиках населения. Мы предполагаем, что дашборды стали основной технологией управления, как картография, анатомия и схемы с графиками. Повсеместность использования дашбордов уже становилась предметом научных исследований⁶⁸. Как бы то ни было, если посмотреть на все, казалось бы, точные картографические репрезентации, доминирующие среди общедоступных визуализаций о пандемии коронавируса – как, например, те, что представлены на дашборде Университета Джона Хопкинса, – то мы заметим: все, что они предлагали, особенно в начале 2020 года, это достаточно простые данные и статистика, нанесенные на карту с учетом государственных границ⁶⁹. Схожим образом несколько других дашбордов также можно назвать скорее простенькими, содержащими лишь базовую информацию⁷⁰. И все же выборка, искусно подобранная Нилом Пателем⁷¹, показывает, что наработки по развитию дашбордов о коронавирусе продолжают. Тем не менее уже существуют гораздо более сложные дашборды, как, например, те, что создаются для финансовых (рынков, транзакций) или транспортных систем (железных дорог, воздушного и морского транспорта), военных операций и организации информации о футбольных или иных спортивных состязаниях⁷². Также стремительно развиваются дашборды в таких сферах, как миграция и охрана правопорядка, где дашборды были задействованы для управления передвижениями и для контроля над преступностью⁷³. Как утверждают Китчин и МакАрл⁷⁴, изначально большинство городских дашбордов использовали традиционные данные, сгенерированные за определенные периоды, однако за последние годы они продвинулись настолько,

67 MACKENZIE A. *The Production of Prediction...* P. 437.

68 KITCHIN R., LAURIAULT T.P., MCARDLE G. *Knowing and Governing Cities through Urban Indicators, City Benchmarking and Real-Time Dashboards* // *Regional Studies, Regional Science*. 2015. Vol. 2. № 1. P. 6–28; KITCHIN R., MCARDLE G. *Urban Data and City Dashboards: Six Key Issues* // KITCHIN R., LAURIAULT T.P., MCARDLE G. (Eds.). *Data and the City*. Abingdon: Routledge, 2018. P. 111–126; MATTERN S. *Mission Control: A History of the Urban Dashboard* // *Places Journal*. 2015. March (<https://doi.org/10.22269/150309>).

69 Covid-19 Dashboard. *Center for Systems Science and Engineering* (<https://coronavirus.jhu.edu/map.html>).

70 Covid-19 Dashboard (<https://bit.ly/2lcpggx>); THORLUND K., DRON L., PARK J. ET AL. *A Real-Time Dashboard of Clinical Trials for Covid-19* // *The Lancet Digital Health*. 2020. April 24 (<https://bit.ly/35NPt2D>); *Coronavirus (Covid-19) Cases in the UK*. Government of the United Kingdom (<https://bit.ly/2WiRSPn>); *Who Coronavirus Disease (Covid-19) Dashboard*. World Health Organization (<https://bit.ly/2SSG44l>).

71 PATEL N.V. *The Best, and the Worst, of the Coronavirus Dashboards* // *The MIT Technology Review*. 2020. March 6 (<https://bit.ly/3e5pWVB>).

72 MATTERN S. *Code + Clay... Data + Dirt: Five Thousand Years of Urban Media*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017.

73 ARADAU C., BLANKE T. *Politics of Prediction: Security and the Time/Space of Governmentality in the Age of Big Data* // *European Journal of Social Theory*. 2017. Vol. 20. № 3. P. 373–391; TAZZIOLE M. *Spy, Track and Archive: The Temporality of Visibility in Eurosur and Jora* // *Security Dialogue*. 2018. Vol. 49. № 4. P. 272–288.

74 KITCHIN R., MCARDLE G. *Op. cit.* P. 113.

что смогли инкорпорировать данные, производимые сенсорами и устройствами в режиме реального времени, включая данные, собранные автоматически из социальных сетей и путем краудсорсинга. Итак, хотя дашборды о пандемии оставались довольно простыми, они лишь часть гораздо большего ряда дашбордов; если учитывать, насколько активно в их развитие продолжают инвестировать правительства, фонды, поддерживающие научные исследования, и университеты, вполне вероятно, что дашборды станут со временем изощреннее и приобретут более сложную форму. Это подводит нас к самому важному аспекту кластеров: они не только существуют в режиме реального времени, они живые. В чем разница?

Кластеры – это живые объекты. В то время, как данные, поступающие в режиме реального времени, могут быть представлены на дашбордах, а на субъектов можно воздействовать с помощью дисциплинарной и регулирующей форм власти, сенсорная власть организует так называемые алгоритмы машинного обучения таким образом, что измерение, идентификация, действие и вмешательство могут происходить как моментально, так и рекурсивно. Под моментальными (*live*) мы подразумеваем формы данных, которые мобилизуются благодаря их незамедлительной, непосредственной актуальности, могут быть разной степени интенсивности и иметь разные темпоральности. Как бы то ни было, множественность и текущесть кластеров, которые делают их «живыми», также приводят к тому, что кластеры трудно объявить подведомственными контролю исключительно одного органа власти. Это последний аспект сенсорных ассамблежей, который наиболее приближает нас к тому, что мы подразумеваем под «сенсорной властью». Этот аспект включает в себя модуляцию деятельности тел и групп населения за счет управления мерами воздействия, основанными на технологиях машинного обучения, алгоритмов и визуализаций кластеров как связанных взаимоотношений. В отличие от периодического «переучета инвентаря» в традиционной статистике, здесь группы населения разделяются по живым кластерам, у которых есть импульсы, течения и закономерности. В отличие от достоверности и точности данных по числу инфицированных, контактировавших, выздоровевших и скончавшихся, здесь мы получаем знание о распространении, о пиках и спадах заболевания, которое мобилизует управленческие меры воздействия. В свою очередь данные выполняют двоякую функцию: позволяют выявить атрибуты или характеристики, которые образуют кластеры (например инфицированные, контактировавшие), но в то же время постоянно отслеживают эти характеристики вживую, в режиме реального времени (например ежедневные изме-

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

нения R -метрики в «горячих точках», эпицентрах, «пузырях» социального взаимодействия) и тем самым провоцируют изменения в поведении (в том, как люди управляют своими передвижениями относительно «горячих точек») и суверенные и дисциплинарные вмешательства (ослабление или усиление локдауна). Выявление атрибутов производит данные почти тем же образом, что и классические режимы: группы населения периодически измеряются с помощью индексов, показателей, метрик и индикаторов. Однако модуляция процессов между телами и группами населения посредством кластеров, задействованных сенсорными ассамбляжами, непрерывно работает с импульсами и сигналами. Эта рекурсивная логика зафиксирована в четырех стадиях аналитической обработки данных: описательный и предварительный анализ («что сейчас происходит», чаще всего в режиме реального времени); применение прогнозирующей аналитики («что вполне вероятно произойдет»); распознавание («обнаружение тех, кто скорее всего преуспеет, и тех, кто потерпит неудачу»); оценка и диагностика данных («как улучшить выполнение программы») ⁷⁵. По этим элементам можно исчерпывающе проследить, как данные сенсорной власти не отделены, но переплетены с суверенной, дисциплинарной и регулирующей стратегиями. Мы предполагаем, что во время пандемии коронавируса этот аспект сенсорной власти стал особенно видимым и артикулируемым.

Ранее мы упомянули о появлении сенсорных ассамбляжей, которые создают и задействуют кластеры – как, например, «горячие точки» и эпицентры. Они стали объектами управления, особенно в гонке разработчиков приложений для обнаружения и отслеживания контактов, репродуцирующих вирус, и тех, кто создает формы вмешательства – например, иммунные паспорта, чтобы вернуть людей к производительному труду ⁷⁶. Конкурентная борьба между национальными органами власти – как, например, было в Великобритании, Германии и Франции – и транснациональными корпорациями, такими как «Apple» и «Google», описывалась как борьба за неприкосновенность частной жизни, однако эта борьба, несомненно, затрагивала и вопрос контроля над данными, их хранением и доступом к ним ⁷⁷.

75 BAMBERGER M. *Integrating Big Data into the Monitoring and Evaluation of Development*. New York: United Nations Global Pulse, 2016. P. 60–61.

76 *Exit through the App Store?* Ada Lovelace Institute, UK. 2020. April 20 (<https://bit.ly/35ft6ou>).

77 BOWCOTT O. *Covid-19 Tracking App Must Satisfy Human Rights and Data Laws* // The Guardian. 2020. May 3 (<https://bit.ly/3fkanuj>); LEVY I. *High Level Privacy and Security Design for NHS Covid-19 Contact Tracing App*. National Cyber Security Centre, UK (<https://bit.ly/2SPvHyq>); MCGEE P., MURPHY H., BRADSHAW T. *Coronavirus Apps: The Risk of Slipping into a Surveillance State* // Financial Times. 2020. April 27 (<https://on.ft.com/2VLyCdp>); MILLER J., ABBODD L. *German U-Turn over Coronavirus Tracking App Sparks Backlash* // Financial Times. 2020. April 27 (<https://on.ft.com/2W4Hr0N>); SABBAGH D. *UK Racing to Improve Contact-Tracing App's Privacy Safeguards* // The Guardian. 2020. May 5 (<https://bit.ly/2L1oK90>).

Тем не менее разработка подобных приложений наглядно демонстрирует рождение сенсорной власти в самой начальной стадии зарождения: живое, в режиме реального времени, управление динамическими взаимосвязями между телами и группами населения путем задействования кластеров.

Стоит вкратце описать их логику. Цели любого такого приложения таковы: *обнаружить* местонахождение тел, зараженных вирусом, *уведомить*, *протестировать* и *изолировать* их (если нужно), чтобы предотвратить репродукцию вируса; *отслеживать* все тела, с которыми инфицированные тела вступали в контакт; также *уведомить*, *протестировать* и *изолировать* (если нужно) контактировавших и тем самым *замедлить* репродукцию (R -индекс) вируса. В сущности это создает живые кластеры тел, инфицированных или потенциально инфицированных коронавирусом. Тем не менее для управления телами в кластерах необходимо вмешательство на стадиях уведомлений, тестирований и изоляций, и только так все будет работать эффективно. Несомненно, в этом проявляется взаимосвязь между регулирующей властью и дисциплинарной: чтобы достичь желаемого значения метрики R , используются дисциплинарные технологии власти – как, например, согласие людей на получение уведомлений и на действия в соответствии с полученными результатами в случае, если понадобится пройти тестирование или (если нужно) уйти на самоизоляцию. Это дорогостоящее и малоэффективное осуществление власти. И все же весьма ощутим энтузиазм по поводу потенциального приложения и перспективы полностью изменить положение дел: минимизировать дисциплинарную власть, а сенсорную власть, наоборот, максимизировать. Иными словами, сформулировать проблему управления как взаимосвязь между регулирующей и сенсорной властями.

Оставив без внимания тот факт, что подобное приложение может никогда и не заработать так, как задумано, несмотря на многочисленные попытки (к этой мысли мы вернемся позже), стоит подробнее сосредоточиться на потенциально успешном приложении данного свойства. Мы отметили разные стадии цикла: обнаружение, уведомление, тестирование, изолирование, отслеживание, уведомление, тестирование и замедление. Если бы были найдены решения, как можно автоматизировать стадии тестирования и изолирования, то, в сущности, множественные, взаимосвязанные, текущие, визуализированные и живые кластеры могли бы *управлять сами собой*. Конечно, для такого сценария есть технологические ограничения. Также есть серьезные юридические, политические и культурные ограничения. Но они могут стать преодолимыми, пусть и не во время пандемии коронавируса, а позже и в другой сфере

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

применения, где подобные ограничения кажутся менее значимыми – например, в сфере финансов или транспортной логистики.

Непросто поверить, что подобные сценарии представимы, если бы технологий для обнаружения и отслеживания людей уже не было бы в других сферах, помимо эпидемиологии. Ранее мы упомянули, что накопление капитала в сферах финансов, производства, розничной торговли, транспортных перевозок, гостиничной индустрии, развлечений и в других индустриях уже некоторое время сопровождается накоплением субъективированных людей за счет обнаружения и отслеживания их передвижений и модуляций чувств, потребностей и желаний. Также в ряду сфер управления, где проявляется сенсорная власть, мы упомянули сферу финансов, охраны правопорядка, преступности, миграции, пограничного контроля и образования. Живые данные, производимые сенсорными ассамбляжами, пронизывают и всеохватно распространяются по этим секторам и сферам. В условиях пандемии коронавируса мы наблюдаем, как стратегии и технологии сенсорной власти, появившиеся за последние сорок лет в этих сферах, стремительно набирают скорость.

О СОПРОТИВЛЕНИИ, КОТОРОЕ ВЛАСТЬ ВЫЗЫВАЕТ

Увы, власть – это крайне коварная и ненадежная концепция, и пользоваться ею нужно с осторожностью, по крайней мере с тех пор, как Макс Вебер⁷⁸ попытался использовать концепцию Фридриха Ницше⁷⁹ в своих работах. Мы считаем, что Мишель Фуко⁸⁰ освободил Ницше от Вебера, занявшись исследованием исторического развития форм власти (особенно с XVII века в Европе) и не задаваясь при этом вопросом: что *такое власть по своей сути*? Это вызвало череду вопросов не только о том, как власть функционирует, но и о том, как возможно сопротивляться власти. Мы ставим этот вопрос лишь после того, как выдвинули для начала пять предположений, которые в совокупности наглядно демонстрируют, как сенсорная власть работает через ассамбляжи, которые обнаруживают, отслеживают и визуализируют деятельность кластеров, задействуя их в качестве множественных, относительных, текучих, визуализирован-

78 WEBER M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 926–940.

79 NIETZSCHE F. *On the Genealogy of Morality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 35–67; IDEM. *Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 106–153.

80 FOUCAULT M. *Nietzsche, Genealogy, History* // BOUCHARD D.F. (Ed.). *Language, Counter-Memory, Practice*. Ithaca: Cornell University Press, 1977. P. 1–14.

ных и живых объектов. Мы утверждали, что это сигнализирует о рождении сенсорной власти. Здесь мы обратимся к некоторым мыслям по поводу ограничений, с которыми сталкиваются эта и другие формы власти, и по поводу сопротивлений, которые каждая из них вызывает. Такие ограничения, как говорит Ховард Кейгилл⁸¹, вызывают одновременно и перебои в работе, и сопротивление. Во-первых, многое из того, что мы сказали о формах власти и ее стратегиях, почти никогда не функционирует по желаемому или воображенному сценарию мечты. Каждая форма власти всегда исчерпывает себя в рамках определенных ограничений. Каждую почти всегда подводят ее управленческие намерения. Для сенсорной власти такими ограничениями являются ошибки кода, осечки алгоритмов, нехватка данных и перебои в работе приложений. И все же осуществление власти, даже наталкиваясь на собственные ограничения, воздействует на накопление субъективированных народов и на накопление капитала. Осуществление власти служит предпосылкой и катализатором, организует и мобилизует практики, которые выходят за рамки намерений и имеют парадоксальные последствия. Во-вторых, формы власти всегда вызывают сопротивление. Методы анализа власти, которые мы разработали в данной статье и проиллюстрировали в таблице выше, исходят из предположения, что каждая форма власти вызывает некий тип сопротивления: суверенная власть вызывает восстание (протест, мятеж, оккупация), дисциплинарная власть вызывает свержение (неразборчивое, многозначное, аллегорическое), а регулирующая власть вызывает уклонение (побег, подражание, лукавство, паразитизм). Если выразиться более решительно, можно сказать, что именно сопротивление делает формы власти видимыми и артикулируемыми. Каждая форма власти выводит на авансцену латентное или потенциальное сопротивление в чувственно ощутимом, видимом и артикулируемом бытовании. Таким образом, подобные ограничения – это не только источники сожалений, но также и сигналы о сопротивлении и объекты для анализа.

Мы предполагаем, что характерный тип сопротивления, который становится символом сенсорной власти, включает в себя взаимодействие между прозрачностью и непрозрачностью. Как замечает Бирчалл⁸², рост прозрачности как политического идеала приводит к неправильному толкованию симбиотических отношений между прозрачностью и непрозрачностью, в результате чего предметом спора становится не выбор между двумя опциями, а вопрос, как определить точки напряженности и

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

81 CAYGILL H. *On Resistance: A Philosophy of Defiance*. London: Bloomsbury, 2013.

82 BIRCHALL C. *Shareveillance: Subjectivity between Open and Closed Data* // *Big Data & Society*. 2016. Vol. 3. № 2. P. 1–12.

противоречия между ними. Фуллер⁸³, например, предполагает, что между прозрачностью и непрозрачностью идет не то чтобы игра с нулевой суммой, а скорее игра власти. Наблюдая за тем, как прозрачность стала ключевой, основополагающей, сущностной добродетелью в современном мире, Фуллер замечает, что в случае органов власти это подразумевает возможность прозрачной подотчетности, основанной на следующем предположении: абсолютно все может быть переведено в формат отчетов; причем эти отчеты должны быть чистыми и ясными, понятными и непротиворечивыми, и их можно будет тщательно критически изучать. В то же время прозрачность также приводит к созданию так называемых «черных мест» – этот неприкрыто расистский термин описывает созданные военными стратегиями засекреченные места, где применялись некоторые из самых изуверски жестоких технологий суверенной власти (пытки водой, лишением сна, казни на электрическом стуле, избиения)⁸⁴. Как говорит Фуллер, чтобы сохранять прозрачность как добродетель, подобные места должны быть сделаны непрозрачными. Мы можем к этому добавить, что в случае коронавируса накопление капитала также зависит от непрозрачности процесса распределения и получения конкурентных преимуществ. Данные, которые производит сенсорная власть, прозрачны («открытые данные»), но то, как эти данные используются и трансформируются в аналитике и разведке, остается непрозрачным; непрозрачны также инфраструктуры, коды, алгоритмы и практики машинного обучения⁸⁵, которые являются частью связанных взаимоотношений, из которых состоят сенсорные ассамбляжи.

Каждая форма власти всегда исчерпывает себя в рамках определенных ограничений. Каждую почти всегда подводят ее управленческие намерения. Для сенсорной власти такими ограничениями являются ошибки кода, осечки алгоритмов, нехватка данных и перебои в работе приложений.

А как тогда прозрачность и непрозрачность отыгрывают себя в способах субъективации? Если сенсорная власть действительно требует и безапелляционно предписывает абсолютную прозрачность, то восстание, свержение и уклонение стано-

⁸³ FULLER M. *Op. cit.*

⁸⁴ К примеру, секретных тюрем ЦРУ. – *Примеч. перев.*

⁸⁵ VEALE M. *Privacy is not the Problem with the Apple/Google Contact-Tracing App* // The Guardian. 2020. July 1 (<https://bit.ly/38gNNj5>).

вятся неприемлемыми тактиками. Если накопление субъектов зависит от того, как тела становятся прозрачными в своих движениях, желаниях и потребностях, то субъектам становится все сложнее исполнять ход «я бы предпочел этого не делать»⁸⁶ или «согласие не быть единым (вместе с другими) существом»⁸⁷ в условиях, когда сенсорная власть принимает решения без согласия и динамично распределяет тела по многочисленным кластерам, в которых тела принимают ответные меры. Мы изобрели различные игры согласия, где разыгрываем иллюзию обладания контролем, а сенсорная власть неотступно обнаруживает и хищно отслеживает наши движения, желания и потребности. Каковы тогда формы сопротивления, которые вызывает сенсорная власть? Если тела и вправду задействуются сенсорными ассамбляжами как часть множественных, относительных, текущих, визуализированных и живых кластеров, проблема сопротивления власти оказывается не только в том, как действовать посредством восстаний, свержений и уклонений, но и в том, как сопротивляться обучаемой машине через непрозрачность. Это включает в себя утаивание (шифрование, анонимизация, условные обозначения-псевдонимы) следов (дезориентирующие помехи и подтасовки, маскировка), движений (виртуальные частные сети, сети *Tor*) и настроений (аллегория, ирония, хитрость, мемы), и тем самым мы сможем сделать тайные механизмы и результаты воздействия власти прозрачными. Если до пандемии коронавируса мы сохраняли хоть каплю невинного простодушия относительно способов, которыми мы инкорпорированы в сенсорные ассамбляжи посредством приложений, устройств и платформ, то сейчас хочется надеяться, мы от этого невинного простодушия избавились, так как сенсорная власть стала слишком уж видимой и артикулируемой в тех формах сопротивления, которые она вызывает.

Сокращенный перевод с английского Марии Казаковой

ЭНГИН АЙСИН,
ЭВЕЛИН РУППЕРТ

РОЖДЕНИЕ СЕНСОРНОЙ
ВЛАСТИ: КАК ПАНДЕМИЯ
СДЕЛАЛА ЕЕ ВИДИМОЙ?

⁸⁶ Žižek S. *The Parallax View*. Cambridge: The MIT Press, 2006.

⁸⁷ Moten F. *Black and Blur. Consent Not to Be a Single Being*. Durham: Duke University Press, 2017.

Бедные пенсионеры и богатые начальники

Из частей нашего общества, к которым чаще других обращается общественное внимание, обсудим две. Они во многом полярны: одна большая и бедная, другая маленькая и богатая. Опираясь будем на данные опросов, проводимых «Левада-центром», известным иностранным агентом¹.

Первая – это пенсионеры, примерно они же «группа 65+». Это те, кого сильнее всего поражает ковид. Ходят разговоры, в том числе в самой пенсионерской среде, что либо ковид, либо вакцины (или «и-и») были придуманы, чтобы число пенсионеров – очень

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

большое – поубавить. Мол, государству это выгодно. Уверять, что это не так, тех, кто в это верит, бессмысленно. Но обратим внимание на следующее обстоятельство. Государству, или, точнее, нынешней власти, эта часть общества очень нужна для политических целей. Представители именно этой группы поддерживают на вызывающей у многих изумление высоте так называемый «рейтинг Путина». В самом деле, в ноябре 2021 года этот рейтинг среди многих других групп начал опять чуть снижаться, но удержать его на уровне 64% в среднем по населению позволило то, что среди пенсионеров он остался на высоте 74%. И если бы в ближайшее воскресенье состоялись президентские выборы, то пенсионеры поддержали бы кандидатуру Путина почти в два раза активнее, чем другие избиратели. Тем, кого заботит, как пройдут выборы-2024, такой избиратель очень нужен. С ним – минимум хлопот.

Люди в возрасте, как никакая другая часть российского общества, находятся в руках государства. Из этих рук они получают пенсию, во многом именно для них работает оставшаяся бесплатной часть медицинской помощи (по крайней мере в доковидной ситуации). Полностью контролируемые государством телеканалы в значительной мере равняются на них, окормляют их информационно, а интернет до них еще почти не дошел. В этих возрастных группах доля женщин заметно выше доли мужчин, и коммуникация с ними выстроена на некотором подлаживании под их депрессивное настроение. Да, мы вместе с вами думаем, что настоящая (и хорошая) жизнь была только в СССР. Не мы ее сломали, не нам ее вернуть, но мы вместе с вами... Усладя эту аудиторию «нашим хорошим советским кино» и иными пропагандистскими приемами,

телевидение – а точнее власть, от имени которой оно вещает, – распространяет ретро-дискурс на всех, в том числе и молодых.

Нынче много говорят о мужском доминировании в нашей культуре. Официоз развивает дискурс пожилых и в большой части овдовевших женщин, которые свою молодость и зрелость провели в браках с мужчинами, действительно склонными к доминированию, вплоть до насилия. Этот травматический опыт – часть их женской культуры. То есть мужское доминирование – часть нашей женской культуры даже в том ее сегменте, где мужчин уже просто нет. В такой «женской аудитории» телевизору легко посеять страх перед коварным врагом, будь им Америка или Украина, как и разжечь ярость против него, активировав этот «мужской» агрессивный компонент.

Теперь о другой части нашего общества. В начале 1990-х было немало надежд: вот бы у нас, как на Западе, сформировался средний класс, а его доля составила бы 60%, а то и 80%! Одних это привлекало тем, что средний класс – в основном сторонник либеральных ценностей, при нем политический строй будет «приличной демократией». Других – что средний класс не склонен к бунтам и беспорядкам, при нем можно править спокойно, без опаски.

За путинские годы такой класс сложился – правда, состоит он не из предпринимателей и лиц свободных профессий, как на Западе, а из чиновников. Либеральные ценности они не жалуют. А вот государственники из них – хоть куда, как и предъявители спроса на все, что входит в круг потребления западного среднего класса, включая хорошие магазины и гляцевые журналы, машины и дороги, финансовые услуги и тому подобное.

До последнего времени эта часть общества (как и пенсионеры) была довольна всем происходящим и неизменно лояльна. Но, видимо, что-то начинает разлаживаться в отношениях с властью: накануне сентябрьских выборов 2021 года представители этой категории собирались примерно в равных долях отдать голоса ЕР и КПрФ. В октябре из ответов тех из них, кто участвовал в выборах, следовало, что за партию власти они подали в 1,3 раза больше голосов, чем за КПрФ. И проголосовали бы примерно так же, если парламентские выборы состоялись бы в ближайшее время. Но прошел месяц, и в поведении этой категории наметился другой тренд: из собранных ответов получается, что, будь выборы в ноябре, за КПрФ они голосовали бы в полтора раза активнее, чем за ЕР. А уровни доверия президенту и одобрения его деятельности вдруг оказались здесь самыми низкими среди

всех групп населения, хотя обычно было ровно наоборот. Данные опроса позволяют предположить, что причины недовольства связаны с политикой, которая проводится в связи с пандемией. Характерно, что в этой группе наибольшая доля привитых от коронавируса и наибольшая же доля сочувствующих возможным выражениям протеста против предполагаемых ограничений.

Результаты нашего опроса не позволяют с уверенностью распространять эти наблюдения на весь корпус государственной бюрократии. (Не исключена и просто случайная флуктуация.) Но стоит в дальнейшем внимательнее отнестись ко всем сведениям о поведении этой важной части нашего социума. Будем ждать, какими станут настроения наших пенсионеров и наших начальников после Нового года. А пока — желаем им всем хорошо его встретить и провести.

12 свидетельств о войне

БОРИС
СОКОЛОВ

«Если только буду жив...»:

12 дневников военных лет

ПАВЕЛ ПОЛЯН

СПб.: Нестор-История, 2021. – 992 с.

В сборник, составленный российским исследователем истории принудительных миграций Павлом Поляном, вошли дневники двенадцати человек, написанные в годы Второй мировой войны. Перед нами дневник военнослужащего Русского охранного корпуса и Русской национальной армии Георгия Томина-Симона; начальника Особого отдела 50-й армии Ивана Шабалина, погибшего в Вяземско-Брянском «котле»; бойца штрафной роты Александра Контарева; военнопленного Анатолия Галибина, побывавшего в финском плену; военнопленного Сергея Воропаева, работавшего шахтером и умершего от туберкулеза через неделю после освобождения; военнопленного и оstarбайтера Василия Пахомова; остовки из Курска Александры Михалевой; оstarбайтера Василия Баранова; оstarбайтера и заключенного штрафного лагеря (по сути – концлагеря) в Гаттингене Анатолия Пилипенко (записи о заключении в концлагере фактически являются мемуарами, написанными через несколько месяцев после освобождения); оstarбайтера-шахтера и солдата советского трудового батальона Бориса Андреева; немолодого жителя Таганрога Николая

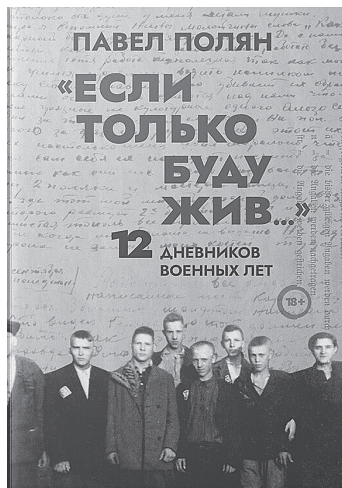

*Борис Вадимович Соколов
(р. 1957) – историк,
филолог, член ассоциации
ПЭН-Москва.*

П

**НОВЫЕ
КНИГИ**

193

Саенко, пережившего германскую оккупацию, и уцелевшей узницы Каунасского гетто Тамары Лазерсон. Сборник, который составил Полян, представляет бесценный личный опыт и свидетельства людей, принадлежащих к самым разным социальным стратам, чье положение в годы войны сильно отличалось – но порой имело немало общего. Если прочесть все двенадцать дневников подряд, складывается уникальное видение Второй мировой войны в личном восприятии самых разных ее участников и жертв, не причесанном на основе более поздних мифов и стереотипов. Для данной книги тексты всех дневников были заново подготовлены к публикации и прокомментированы.

Судьба ряда дневников весьма драматична. Так, дневник Анатолия Ивановича Галибина был найден в потайном кармане брюк одного из скелетов в братской могиле советских военнопленных в финской Лапландии и уже в 1945 году частично опубликован. Тогда не было сомнений, что автор дневника погиб в 1944-м. Однако позднейшее изучение документов показало, что Галибин в 1943 году был переведен в немецкий лагерь, освобожден в конце войны и в 1946-м благополучно репатрирован. А дневники Александра Филипповича Контарева в 1970-е были присланы по почте поэту Евгению Евтушенко то ли самим автором, то ли кем-то из его родных или друзей. После развода в 1978 году дневники достались жене Евтушенко, Галине, а она позднее передала их писателю и правозащитнику Алексею Симонову. А уже от него дневники попали Павлу Поляну и ныне покойному Николаю Поболу, с которым они вместе начинали подготовку текста к печати (памяти Поболя посвящена рецензируемая книга). Дневник же Шабалина сначала был найден немцами на мертвом теле автора, переведен на немецкий и размножен, а потом один из немецких экземпляров был захвачен советскими войсками и переведен обратно на русский язык.

Больше всего материала публикуемые дневники дают для освещения темы оstarбайтеров (или остовцев) – людей, угнанных на принудительные работы в Германию с оккупированной территории СССР. Так или иначе сюда относятся шесть из двенадцати дневников (Воропаева, Пахомова, Михалевой, Баранова, Пилипенко, Андреева). Полян совершенно прав, когда подчеркивает, что, «поскольку переписка оstarбайтеров подвергалась жесткой цензуре, их сохранившиеся многочисленные открытки на родину представляют лишь ограниченный интерес, так как найти среди них свободное, неподцензурное слово непросто» (с. 973). Поэтому эти дневники имеют особую ценность и особенно важны для «анализа всех табуизированных тем войны – от жизни под оккупацией и угона гражданских лиц до страотоцида военнопленных и Холокоста» (с. 974).

Идея Поляна разделить на зоны оккупированные территории СССР для анализа положения проживавшего там населения представляется правильной, однако без пояснения трудно понять различие между «ареалом оперативной зоны вермахта» и «собственно армейским тылом». В то же время выделение прифронтовой зоны и зоны гражданской оккупационной администрации возражений не вызывает (с. 974). На наш взгляд, следовало бы говорить о прифронтовой зоне, тыловом районе военных операций (*Rückwärtiges Armeegebiet*) и зоне гражданской оккупационной администрации.

Различные группы оstarбайтеров различались по своему положению. Главными были два фактора – обеспечение продовольствием и физическая тяжесть работы. С этой точки зрения положение подавляющего большинства оstarвцев оказалось значительно тяжелее, нежели подневольных рабочих из других стран. Несколько лучше были условия у выходцев из стран Балтии и поляков. Начиная с 1943 года значительную часть оstarвцев стали составлять коллаборанты, отступавшие вместе с немцами. Не всем из них нашлось место во все сокращавшейся оккупационной администрации – и не все хотели сражаться с партизанами. Полян отмечает, что у коллаборантов, эвакуированных вместе с семьями в Германию, «по сравнению с оstarбайтерами номинально был другой правовой статус; их так же использовали на принудительных работах, и со временем эти различия практически исчезли» (с. 484). Баранов подтверждает наличие среди оstarвцев бывших полицаев, которых прочие оstarвцы иногда били (с. 696). Но были и высокопоставленные коллаборационисты, которые сохраняли привилегированное положение даже в Германии, – например, бывший бургомистр Смоленска Борис Меньшагин, а также инженеры и другие дефицитные специалисты, работавшие с немецким персоналом.

Положение оstarвцев различалось еще из-за характера предприятий, где они работали, а также от того, как складывались их отношения с хозяевами, мастерами, охранниками и так далее, где большую роль играл субъективный фактор. Относительно лучше ситуация была у тех, кто трудился в сельском хозяйстве. Работать порой приходилось больше, чем в городе, но зато здесь оstarвцы были сыты вплоть до конца войны. В городах же и продовольственные возможности, и тяжесть работы варьировались от предприятия к предприятию. На более тяжелых работах, например, в шахтах, кормили лучше, и дневники тех, кто был шахтерами, это доказывают. Для женщин работа была более легкой, чем для мужчин, и зачастую их возможности достать еду в городе были обширнее. Оstarвки также гораздо реже, чем оstarвцы, подвергались избиениям со стороны мастеров и охраны. Для мужчин же избиения, как видно из дневни-

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

ков, порой заканчивались смертью. Остовцы были абсолютно бесправны и жили на казарменном положении. Поэтому многие из них совершали побеги – при том, что пойманных беглецов ждал не расстрел, а карцер и временное уменьшение пайка.

Еще одной серьезной опасностью для жизни остовцев и советских военнопленных в Германии были англо-американские бомбардировки. Зато у тех, кто остался на оккупированной территории, был еще больший шанс погибнуть во время боевых действий, как, например, у жителей прифронтового Таганрога, как хорошо показано в дневнике Николая Григорьевича Саенко. Также их могли убить как партизаны, так и немецкие каратели, которые нередко сжигали целые деревни и расстреливали заложников. После освобождения местную молодежь чаще всего мобилизовывали в Красную армию. Таких призывников обычно бросали в бой без подготовки (и часто невооруженными), что повышало шансы на гибель. Но и военнопленных, и остовцев, включая девушек, точно так же в последние месяцы войны отправляли в армию сразу после освобождения – и с тем же риском. Лазарь Рубинчик, закончивший войну сержантом, вспоминал, что их рота 24-го гвардейского полка 10-й гвардейской дивизии была укомплектована «в основном бойцами, освобожденными из плена, и мальчиками, угнанными на работы в Германии. Кстати, эти мальчики, едва достигшие 17–18 лет, по их рассказам, не так уж и плохо жили у своих немецких хозяев. Работали они много, но и кормили их прилично». По словам Рубинчика, многие из них погибли в последнем бою роты 5 мая 1945 года под Шнейдемюлем:

«Вдруг застрочил пулемет противника и вмиг скошил всех тех, кто был на пригорке. Так погибли почти все новобранцы, мальчишки 1927 года рождения, угнанные в Германию и призванные в армию уже здесь, на занятой нами территории. Эти мальчики совсем не были обучены военному делу, не умели передвигаться по-пластунски и перебежками. Погибло их в этом бою человек 25–30, ранило человек десять, а уцелело мало»¹.

В феврале 1945 года в 13-й армии 1-го Украинского фронта из 3870 человек пополнения военнопленных было только 23%, тогда как остальные были бывшими остовцами, включая 20% женщин².

Переходя к другим сюжетам, наиболее странным представляется то, что Полян не идентифицировал Георгия Томина-Симона и ничего не сообщил о его дальнейшей судьбе после того,

1 Рубинчик Л.Е. *Воспоминания и размышления сержанта об отдельных событиях Отечественной войны 1941–1945 годов // Я помню. Ветераны ВОВ. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны* (<http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/rubinchik-lazar-evseevich/>).

2 *Битва за Берлин. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15. М.: Терра, 1995. С. 148.*

как 11 января 1946 года тот выехал из Лихтенштейна в Австрию («его след затерялся где-то после 11 января 1946 года», с. 42). Но несложно отыскать «след Симона»: для этого достаточно заглянуть в соответствующий том справочника «Незабытые могилы» Вадима Чувакова. Там – на основе некрологов «Нового русского слова» (Нью-Йорк) и «Русского слова» (Буэнос-Айрес) – читаем:

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

«Симон-Томин Георгий Люцианович (6 марта 1895, Буды Харьковской губ. – 24 июня 1965, Буэнос-Айрес). Режиссер, актер. Руководитель драматической театральной труппы. Окончил Томское реальное училище, в 1911 году – слушатель имп. драматических курсов в Санкт-Петербурге, через год уехал в Одессу, где прошел курс сценического искусства в театральных школах О.В. Рахмановой и Е.А. Мочаловой, после чего работал в Одессе в драмтеатре Сибирякова, затем в труппе Григория Ге, а в 1915–1916 гг. – в Одессе, в театре Михайловского, затем в театрах Аккермана, Керчи. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию. После эвакуации жил в Югославии, работал в театре миниатюр (играл на сербском яз.). В 1943 г. записался в Русский корпус, где создал труппу “Веселый бункер”, выступавшую в армии. После создания “Русского Дома имени государя Николая Второго”, в котором возник русский театр, он перешел туда. Играл все амплуа. Его знали под именем Жорж Томин. Настоящая фамилия: Симон. В 1945–1948 гг. в Австрии, в лагере Парш создал театр и ставил спектакли для Ди-Пи. В 1948 г. приехал в Буэнос-Айрес, где за 16 лет создал 50 спектаклей. В 1948–1953 гг. заведовал Домом русских эмигрантов. Скончался на 71-м году жизни»³.

В книге Михаила Близняка Симону-Томину посвящен целый раздел⁴. Несомненно, Георгий Симон-Томин направился в Аргентину вслед за Борисом Хольмстон-Смысловским. Там в июле 1949 года он редактировал газету «Суворовец» основанного Смысловским Суворовского союза, но уже в ноябре 1949-го был вынужден выйти из союза, будучи обвинен в «неподобающем поведении»⁵.

Алексей Белков в статье, посвященной периодике Русского охранного корпуса (РОК), среди сотрудников первого корпусного издания «Ведомости охранной группы» (начали выходить в декабре 1941 года и потом – после смены ряда названий – трансформировались в газету «Борьба», о которой идет речь в дневнике) упоминает «унтер-офицера отдела пропаганды штаба Корпуса Георгия Люциановича де Симона (Томина),

3 Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Пашков дом, 2005. Т. 6. Кн. 1. С. 559.

4 Близняк М.И. Войной навек проведена черта... Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях ДР. М.: Старая Басманная, 2017. С. 551–559, 726–733. Здесь также обильно цитируется дневник Симона-Томина.

5 Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. Особый штаб «Россия». М.: Вече, 2011. С. 389, 409.

в прошлом актера Керченского театра, поручика Добровольческой армии». Отмечу, что обер-офицеры белых армий принимались в Русский охранный корпус унтер-офицерами. Также в статье сообщается, что уже к концу первой декады апреля 1945 года главный редактор издания Евгений Месснер перешел на службу в штаб 1-й Русской национальной армии (РНА) генерал-майора Бориса Хольмстон-Смысловского на должность начальника оперативного отдела (I A) с присвоением воинского звания «майор». Приблизительно в то же время в армию Смысловского прибыл Симон-Томин вместе с редакцией, «насчитывающей в тот момент 10 человек»⁶. Из статьи Белкова можно предположить, что Симон-Томин служил в РОК уже в 1942 году.

Полян полагает, что жена Георгия Симона-Томина, Лидия Симон («Зайчик» в дневнике), «была советской гражданкой и поэтому со временем была выслана американцами в советскую зону, о чем он не знал» (с. 40). Откуда почерпнуты эти сведения, автор не указывает. Однако из книги Михаила Близняка, опирающегося на аргентинскую русскоязычную прессу, следует, что, выехав из Лихтенштейна в Австрию, Симон-Томин благополучно воссоединился с женой, которая играла в его постановках и последовала за ним в Аргентину. Симон-Томин прибыл с женой в Буэнос-Айрес из Генуи на борту американского корабля «USAT General Stuart Heintzelman» 27 октября 1948 года⁷. Лидия Симон скончалась в Буэнос-Айресе 11 января 1974 года, пережив мужа на 8,5 лет⁸. Скорее всего она тоже была из эмигрантов и не имела советского гражданства.

Вероятно, Симон был немцем французского происхождения, из гугенотов. На немецкую национальность указывает немецкая форма отчества – Люцианович (по-французски было бы Люсьенович, а по-русски – Лукьянович). Возможно, после оккупации Югославии Германией Симон оптимировался как фольксдойче (это давало ряд преимуществ, в том числе дополнительный паек), но это очень трудно выяснить достоверно. Кстати, если Симон был зарегистрирован как фольксдойче, его вряд ли можно назвать коллаборантом, как это делает Полян. Также нет никаких данных, что он совершил какие-либо военные преступления и вообще участвовал в боях с партизанами. Можно предположить, что Симон-Томин все-таки служил в армии в Первую мировую войну, иначе не понятно, как он успел стать поручиком в Добровольческой армии. Судя по тому, что он кончил реальное училище, его отец, вероятно, был инженером. Но был

6 Белков А.Н. *Русский охранный корпус (1941–1945 гг.): официальная периодическая печать* // Вестник Академии военных наук. 2015. № 2. С. 165, 168. Здесь же есть данные о некоторых упоминаемых в дневнике Симона-Томина лицах.

7 Близняк М.И. *Указ. соч.* С. 731.

8 Там же. С. 733.

он дворянином или разночинцем, сказать трудно. Частица «де» здесь не показатель. Классический пример – Барклай-де-Толли, где «де» не имеет отношения к дворянству этого рода. Возможно, Симон был призван в конце 1916-го или начале 1917 года, направлен в военное училище и к октябрю 1917-го уже был прапорщиком. Он упоминает свою работу железнодорожником. Может быть, в Добровольческой армии он служил на бронепоезде? Но это только гипотезы.

Симон-Томин в лагере в Лихтенштейне мастерил кукол на продажу, в частности, в июне 1945 года ему удалось продать «два подергунчика (одетых) и тряпичную куклу» (с. 61). Если верить Роману Гулю, двадцатью годами ранее бывший военный министр России Владимир Сухомлинов в эмиграции в Берлине «занимался тем, что делал мягкие куклы из кусков материи, набитых ватой, с пришитыми рисованными головами».

«Выходили прекрасные Пьеро, Арлекины, Коломбины. Радовался генерал, ибо дамы покупали их по 10 марок штуку. И садились мертвые куклы длинными ногами возле фарфоровых ламп, в будуарах богатых немецких дам и кокотов»⁹.

Михаил Булгаков в пьесе «Бег» (1929) позаимствовал у Гуля эту деталь для генерала Чарноты, который изготавливал в Константинополе игрушечных «красных комиссаров», но далеко не так успешно, как Сухомлинов. Игрушками вынуждены были торговать и остовцы во Вторую мировую, чтобы прокормиться. Борис Андреев 11 января 1943 года записал в дневнике:

«В лагере мастерят из дерева фогелей – птиц и игрушку-физкультурника и продают немцам в шахте за куски хлеба. Я тоже занялся этим делом. Сегодня я снес двух физкультурников и получил за них 2 куса хлеба гр. по 200» (с. 752).

Пожалуй, то, что Полян пропустил биографию Симона-Томина, – главный недостаток в целом хорошей книги. Несомненно, в случае переиздания подробную биографию этого персонажа следует в нее включить.

Кадровый чекист, майор госбезопасности Иван Савельевич Шабалин, и на войне привычно применял главный чекистский метод – расстреливал предполагаемых дезертиров, трусов и изменников родины. Но в условиях немецкого окружения этот метод был уже бесполезен. Шабалин видел много недостатков в армии. Так, 6 сентября 1941 года он записал: «Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают» (с. 75). Однако, не имея практически никакого военного и

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

9 Гуль Р. Жизнь на Фукса // Белое движение: начало и конец. М.: Московский рабочий, 1990. С. 464.

боевого опыта, Шабалин ничем не мог помочь в исправлении недостатков. И скорее всего перед смертью, при выходе из окружения, он сознал свою абсолютную бесполезность. Об этом свидетельствует трагическая запись 15 октября, за пять дней до гибели: «Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась» (с. 82).

Александра Контарева Алексей Симонов характеризует как «двадцатипятилетнего жлоба и хама, занятого выживанием и только о нем думающего», – и Полян с ним полностью согласен (с. 87). На мой взгляд, оба они слишком сурово относятся к Контареву. Стремление выжить присуще всем солдатам, и оно, как правило, отражается в их дневниках. Контарев же за чужие спины не прятался, воевал честно, совершил подвиг; совершенно непонятно, что ему можно поставить в вину. Не чуждо ему и чувство патриотизма. 11 августа 1943 года Контарев записал: «Как все-таки жалко, что мало прожил и мало сделал, хотелось бы сделать что-то большее для нашей страны, но ничего не сделаешь: на войне без жертв не бывает» (с. 98). А 18 августа 1944 года он пишет: «Если только доберусь до бригады [139-й пушечно-артиллерийской бригады 39-й армии. – Б. С.], буду проситься в подразделение, там будет больше опасности и работы, так что некогда будет думать» (с. 132). Порой Контарев стремится на фронт, а не в тыл – хотя в итоге его оформляют при штабе бригады чертежником (старшим вычислителем). И жизненная программа у него вполне позитивная: «если только останусь жив, то после войны учиться и учиться, без конца учиться, пока не добьюсь чего-либо основательно» (27 августа 1944 года) (с. 135). А возмущение по поводу неравноправия солдат и офицеров можно понять, когда он пишет:

«Случайно пришлось сверять списки награжденных с корешками временных удостоверений, и из всего списка ни одного солдата нет, награжденного орденом, а все медалью и только. Спрашивается, кто ж тогда воюет, солдат или офицер, кто заставляет немцев бежать с нашей территории, кто бьет немцев повсюду – солдат! И вместе с тем такая несправедливость по отношению к нему» (3 сентября 1944 года) (с. 137–138).

На ту же тему запись 8 октября 1944-го:

«Привезли водку, солдатам дали только по 100 грамм, боясь, что они перепьются, а офицеры понажрались так, что даже не могли руководить дальнейшим ходом наступлений и за вчерашний день задачу не выполнили. Спрашивается, кто же виноват, почему солдат так мытарят, почему офицер получает ордена, а солдат, честно заработавший орден, получает несчастную медаль? Да и ту дают и говорят: смотри же, теперь не подкачай» (с. 147).

Показательно, что так отзывается Контарев об офицерах штаба артиллерийской бригады, тогда как пехотные офицеры, вместе с которыми он был в окопах, пользовались у него значительно большим уважением: «Когда я был в пехоте, то не чувствовал такой несправедливости и меньше обращал на все внимания» (с. 148). Будучи солистом ансамбля самодеятельности при штабе бригады, Контарев 17 мая 1945 года возмущался: «Но насколько это низко, мы являемся скоморохами, которые веселят начальство по их прихоти» (с. 205).

Вот описание действительно героического боя Контарева 1 июня 1943 года у деревни Вердино:

«[Из взвода штрафников] из тех, что действовали, остался я да Гриша Томилец с выбитыми глазами: [...] и поперли фрицев, перебили до хрена, начали закрепляться. Вдруг началась жуткая канонада, артподготовка, ну, сейчас пойдет в контратаку. Так и есть, огонь перенес в глубину, бегут фрицы. Ну и началась работенка, сидишь да щелкаешь по одному, насчитал 25, контратака захлестнулась. Слева и справа у нас тоже действуют, немец перенес весь огонь туда, нам дал передохнуть. В 5 ч. вечера начал вторичную артподготовку, бьет и фугасами, и шрапнелью. Вой, визг, свист, треск жуткий, та же история, пошел в контратаку, но залег от огня нашей артиллерии, но все же еще 2-х успел снять. [...] Светает, вот полетели гранаты: две шлепнулись у нас, одна в окопе, другая на бруствере, я схватил ту, что в окопе, и послал назад, получилось удачно, и мне понравилось. Начал следить, чтобы не прозевать, таким образом я выкинул к немцам еще пять штук, одновременно стреляя по поднимающимся немцам, пока что укладываем всех на месте, еще ни один не перебежал. Второй парень, хоть и узбек, но молодец, бьет без промаха, снял еще человек 10, считать некогда. Седьмую контратаку сорвали» (с. 95).

За такой бой, в зависимости от конъюнктуры, можно получить любую награду, от «Красной Звезды» до Героя Советского Союза, но вчерашнему штрафнику на это рассчитывать было трудно. Если верить дневнику, Контарев в этом бою убил 27 немцев, а один узбек из его отделения – еще десять. В представлении к «Красной Звезде» (Полян на странице 96 ошибочно пишет, что Контарева представляли к ордену «Красное Знамя») его отделению было записано 37 убитых немцев, а лично Александру – 21, в том числе пять солдат и один офицер – в рукопашном бою¹⁰, до которого, судя по дневнику, в действительности дело не дошло. Но, согласно донесениям о потерях, германская 4-я армия, чьи части противостояли 39-й армии, за период с 1-го по 10 июня 1943 года потеряла 194 убитых, 836 раненых и 21 пропавшего без вести¹¹. Разумеется, совершенно невероятно,

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

¹⁰ См.: <http://podvignaroda.ru/?#id=17030667&tab=navDetailDocument> (л. 3).

¹¹ *Human Losses in World War II. Heeresarzt 10-Day Casualty Reports per Army/Army Group, 1943* (https://web.archive.org/web/20121029022426/http://ww2stats.com/cas_ger_okh_dec43.html).

чтобы 17,2% всех безвозвратных потерь 4-й германской армии пришлось на одно штрафное отделение – тем более, что против 39-й армии действовал лишь один 27-й армейский корпус. Несомненно, потери немцев в том бою завышены многократно. Но такое завышение характерно для участника ближнего боя: ему действительно кажется, что каждый упавший после его выстрела враг убит.

Эпизод же с ловлей вражеских гранат, возможно, имеет литературную основу. В мае 1940 года в журнале «Молодой колхозник» Сергей Михалков опубликовал поэму «Дядя Степа в Красной Армии»¹², где главный герой участвует в Польском походе РККА в сентябре 1939 года:

Наступают наши части,
Отступает польский пан.
Мы несем с собою счастье
Для рабочих и крестьян.
Занят Львов, и взято Гродно,
За спиной бойцов Столбцы.
Мощной силою народной
В бой бросаются бойцы.
Вот идет, нахмутив брови,
Дядя Степа – рядовой.
На лету гранаты ловит
У себя над головой.

Дневник Контарева дает яркое представление и о состоянии Красной армии в последние военные и первые послевоенные месяцы. В записи 22 февраля 1945 года отмечается, что «Карпенко и старшина попали в штрафную роту за то, что убили командира взвода» (с. 185). Но наиболее яркие картины морального состояния бойцов Красной армии мы находим в записях, посвященных послевоенному быту советских войск в Маньчжурии, прежде всего в Порт-Артуре и Дайрене. Помимо поголовного и ежедневного пьянства, нарастала ненависть к офицерам из-за задержки демобилизации. 12 августа 1946 года Контарев записал:

«Русский солдат не злопамятный, но когда его доведут до ярости, тогда он все сметает на своем пути. И если сейчас уже раздаются выкрики по адресу майора Дементьева во время кино “Долой его, туши свет”, мы ему устроим темную, а затем оглушительный свист, то через месяц–два всколыхнется все» (с. 262).

Учитывая подобные настроения, представляется невероятным, чтобы Сталин рискнул напасть на своих союзников вско-

12 Михалков С. *Дядя Степа в Красной Армии* // Молодой колхозник. 1940. № 5. С. 26–27.

ре после окончания Второй мировой войны. Это грозило солдатскими бунтами, сравнимыми с февралем 1917 года.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ

О ВОЙНЕ

Любопытно, что Александр Контарев стал прототипом главного положительного героя повести Эдуарда Маципуло «Подземные дворцы Кощея» (1988), рядового Иннокентия Кощеева. Как и Контарев, Кошеев служит в Красной армии с 1939 года, однако все время на Дальнем Востоке. Соответственно, и подвиг Контарева передан Кошееву, но совершает он его в августе 1945 года во время войны с Японией. Кошеев, как и Контарев, – это человек, стремящийся выжить и далекий от высоких материй, не любящий начальство и имеющий репутацию анархиста и хулигана, но иногда поступающий героически. Отразился в повести Маципуло и любовный треугольник Контарева, медсестры Милы и майора, за которого Мила в конце концов вышла замуж. Только в повести медсестру зовут Ефросинья Кошкина.

Нарушение устава на войне – вещь обыденная, и далеко не всегда это нарушение можно поставить солдату в вину. Уставы устаревают, и порой командирам приходится отдавать приказы вопреки уставам, а также закрывать глаза на нарушение уставов подчиненными.

В заключении к своей книге Полян утверждает, что «все двенадцать дневников, составляющих ядро настоящей книги, являют собой общее и единое поле битвы между двумя этими установками – государственно-патриотической и бесчеловечной («Умри же за родину, герой!») и индивидуалистической и общечеловеческой («Ни в коем случае не умереть – выжить!»)» (с. 985). Получается, что Контарев выступает как носитель общечеловеческой установки и вроде бы не должен считаться «жлобом». Но тут же Полян оговаривается, что вряд ли допустимо «выжить» ценой предательства или «нарушения присяги или устава» (с. 985). Замечу, что нарушение устава на войне – вещь обыденная, и далеко не всегда это нарушение можно поставить солдату в вину. Уставы устаревают, и порой командирам приходится отдавать приказы вопреки уставам, а также закрывать глаза на нарушение уставов подчиненными. Возможно, Полян подозревает Контарева в предательстве или в нарушении присяги, но ничего подобного из дневниковых записей не следует – Контарев даже в мародерстве не замечен.

Жизненное кредо Контарева выражается в следующей записи, неоднократно повторяющейся с различными вариациями: «Да и вообще все как-то относятся ко мне с каким-то затаенным

презрением. Ну и хер с ними, чхать я на всех хотел». (5 сентября 1944 года) (с. 138). Тут сразу вспоминается песенка американского пилота Бена Энсли из кинофильма «Последний дюйм» (1959): «Какое мне дело до всех до вас, а вам – до меня?». Контарев – тот же тип человека, что и герой Джеймса Олдриджа, и с таким кредо в мирной жизни ему, наверное, было еще труднее, чем на войне. После тяжелого ранения воевать на передовой стало трудно: даже спустя десять месяцев, 19 сентября 1944 года, он записал: «Я немного поиграл [в футбол. – Б.С.] и бросил, нельзя бегать, жуткие боли в том месте, где ранило» (с. 141).

В дневниках отразился роман Контарева с Милой – Людмилой Ленской, москвичкой 1922 года рождения, старшим сержантом медицинской службы, младшей хирургической сестрой Хирургического полевого передвижного госпиталя № 572 39-й армии¹³. Также через дневник проходит его дружба с Павликом – сержантом 139-й бригады Павлом Карташевым, 1919 года рождения, – тот был призван из Тбилиси и числился начальником вычислительной команды, тогда как Контарев – старшим вычислителем (оба чертили графики и таблицы огня, таблицы боевых порядков и иногда корректировали огонь). Их имена стоят по соседству в списке бойцов 139-й пушечно-артиллерийской Витебской Краснознаменной ордена Кутузова бригады, награжденных медалью «За взятие Кёнигсберга»¹⁴.

18 января 1945 года, находясь в Восточной Пруссии, Контарев фиксирует:

«Вчера слышал от майора Тимошкина, он с Штарма [политотдел], что есть указание Военного совета армии ничего не запрещать солдатам на захваченной территории. Что из этого получится, не знаю, но это нехорошо, этим самым мы сами себе противоречим» (с. 175).

Из-за этого указания, явно спущенного из Москвы, очень скоро случилась трагедия. Уже 20 января Контарев записал:

«По всей Пруссии-земле горят дома и подсобные здания, зрелище очень приятное, но мне это немного не нравится, так как сзади нас идущие части остаются без помещений и им придется жить на улице, а сейчас все время холодная погода стоит и не очень-то высидишь на дворе» (с. 175–176).

Но еще более жуткая запись 31 января 1945 года в Нойхофе:

«Что творится сейчас на улице! Недалеко от нашего дома стоит сарай, в котором полно беженцев. Вот солдаты, а особенно офицеры, пользуясь разрешением на все, жуткие вещи творят сейчас. На

¹³ См. наградной лист в связи с награждением ее медалью «За боевые заслуги» от 24 октября 1943 года: <http://podvignaroda.ru/?#id=22013888&tab=navDetailDocument>.

¹⁴ <http://podvignaroda.ru/?#id=1536164873&tab=navDetailDocument>.

дворе стоит сплошной крик и визг женщин, которых насилюют, и до чего дошли, 15–20 чел. насилюют одну девушку 14–15 лет. Страшно смотреть на все это» (с. 180)¹⁵.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

А 11–12 февраля он, очевидно, стал свидетелем чего-то еще более жуткого: «А что вообще везде творится, страшно об этом вспоминать. Недалеко и мы ушли от немцев, ведь это не месть, а глупость» (с. 182). Дополняет картину запись 9 апреля, сделанная в капитулировавшем Кёнигсберге:

«А солдат и машин полно, все тянут трофеи. Страшно смотреть на все это. Видя это, можно подумать, что не регулярная армия, [а] сброд какой-то. Все тянут, не разбирая ничего, машины загружены бараклом, по дорогам движутся колонны мирного населения и пленные – у них отбирают солдаты чемоданы, все это превращается в полный бандитизм. Неужели нельзя это пресечь?» (с. 196).

Ту же картину Контарев увидел в Маньчжурии 21 сентября 1945 года, хотя китайцам красноармейцам мстить было абсолютно не за что:

«Дошел до военного городка, и слышно, как где-то в стороне кричат женщины-китайки. Это Русь разоряется, уж не армия стала, а банда. Сравнивая когда-то мною прочитанные книги о старой армии и то, что сейчас делается, так нет никакой разницы, если не хуже. Грабеж и насилие среди белого дня стало обыденным явлением, что будет дальше, страшно подумать, во всяком случае китайцы и японцы этого не простят нам» (с. 233–234).

Возмущала его и вопиющая несправедливость в распределении маньчжурских трофеев, что сквозит в записи 22 сентября:

«Если солдат что-либо себе достанет из трофея, то отберут, а ординарцы подполковника, майоров Св-о и С-ва тащат беспощадно все. [...] Если описывать все, что видишь, то получается не лучше, чем у немцев» (с. 234).

Хотя, как следует из той же записи, грабителей из числа солдат иногда все же арестовывали и даже расстреливали (с. 234–235).

Накануне демобилизации, летом 1946 года, Контарев так оценивает итоги войны:

«А если взять весь Советский Союз в целом, то получится величайший в мире океан несчастья, горя и невзгод, океан, в котором можно утопить весь наш земной шар, а что в результате получили –

15 Во вступительной заметке к публикации дневника Контарева эта цитата ошибочно отнесена к 31 января 1944 года (с. 89), из-за чего у читателей может создаться ошибочное впечатление, что красноармейцы так вели себя по отношению к жителям освобожденных советских территорий.

шиш, огромнейший шиш, или, попросту говоря, дулю за все пережитое. [...] Ведь говорят приехавшие отпускники, что в Советском Союзе не лучше, даже хуже живут, сделали так, что даже вздохнуть нечем» (с. 261–262).

Но вернемся к дневникам остовцев. Полян совершенно справедливо связывает ухудшение питания и военнопленных, и остовцев в начале 1945 года с массированными бомбардировками англо-американской авиацией, которые не только разрушили многие заводы и парализовали их снабжение сырьем и топливом, но и разрушили пути снабжения продовольствием (с. 349).

Тех из остовцев, кто надеялся, уехав в Германию, «повидать свет», ждало горькое разочарование. Михалева отмечает: «Увидеть мы здесь ничего не могли. Мы были как пленные, как рабы. Мы только и знали дорогу с завода и до бараков» (запись 22 июля 1942 года) (с. 382). А еще она возмущалась воплощением в жизнь «расовой теории»: «Каждый паршивенький уродик, гордясь тем, что он немец, задирает свой нос до потолка» (запись 29 августа 1942 года) (с. 392). Она и другие остовцы тоскуют «о свободной, разгульной жизни в России» (с. 416), хотя, как мы понимаем, жизнь в сталинском СССР отнюдь не была свободной. По той же причине другой остовец Василий Баранов 7 сентября 1943 года записал, что «вспоминали родной дом, что как мы жили хорошо, а нам казалось – неудовлетворительно» (с. 663).

Примечательна запись Михалевой 9 апреля 1943 года: «Противный климат здесь. Так не нравится он мне. Скучаю по русскому климату» (с. 444). О том же пишет 5 мая 1945 года Пилипенко: «О, здесь все иное, даже климат сырой, безжизненный, противный» (с. 721). Впрочем, периодически отношение остовцев к немцам меняется в лучшую сторону. 23 декабря 1943 году, перед Рождеством, Михалева записала:

«Мы, все девчата, поздравили с наступающим праздником обер-мастера и мастера и подарили им по картине. Они очень удивлены. Для них это так неожиданно. Мы как-то забываем, что ведь все-таки они немцы – наши враги, видим только людей перед собой, к которым мы уже так привыкли» (с. 490).

И некоторые немцы стали относиться к остовцам лучше, особенно после того, как потеряли веру в победу Германии. 18 апреля 1944 года Михалева отметила:

«Заметно изменилось отношение немцев к русским в Германии. Носятся слухи, или даже вернее уже напечатано в газете, о том, что для русских улучшат условия питания» (с. 504).

Причины такой перемены она видела в следующем:

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

«Заметно изменилось отношение немцев к русским. Немцы поняли русский народ. Поняли его простоту, добродушие, честность, трудолюбие. Все эти качества нравятся немцам. Немцы очень уважают русских, несмотря на то, что на русском фронте тысячами гибнут немецкие солдаты» (6 января 1944 года) (с. 492).

В то же время у остовцев возникает своеобразный «стокгольмский синдром», и немцев порой они называли «нашими». Характерна запись Михалева от 25 февраля 1944 года: «Финляндское правительство пропускает наши части через свою территорию» (с. 495), где под «нашими» явно имеются в виду немецкие войска.

2 февраля 1945 года Михалева, комментируя уменьшение длины рабочего дня и одновременное сокращение норм питания, отмечает:

«Вообще с продуктами сейчас становится с каждым днем все хуже и хуже, не только для нас, но и для всего населения Германии. Все с ужасом ждут голода. Немцы в отчаянии. Некоторые из них даже завидуют нам, что мы на каждый день обеспечены тремя кусочками хлеба» (с. 548–549).

А вот на заводе в Лейпциге, согласно дневнику Баранова, первый остовец умер от голода еще 10 ноября 1943 года (с. 684). Следующая смерть произошла 27 ноября на заводе «Эрла», причем Баранов отметил, что «случаи голодной смерти здесь уже не новости» (с. 690–691). Интересно, что, по мнению Баранова, узников концлагеря, находившегося при «Эрле», «кормят хорошо, лучше нас» (с. 696). 7 января 1944 года один из остовцев «Эрлы» был убит немцем-полицейским ударом приклада в тот момент, когда собирал в помойной яме брюквенные очистки (с. 705). 21 января Баранов отметил, что «русских мрет каждый день десятки, и все от голода» (с. 709). Всего в Гаттингене, близ Бохума (Северный Рейн-Вестфалия), где находился исправительно-трудовой лагерь для иностранных рабочих, в 1940–1945 годах их умерло 356 человек, в том числе 217 – остовцев (с. 711–712).

У тех остовцев, кто трудился в шахтах и на других тяжелых работах, паек был усилен, ежедневно выдавалось мясо (колбаса). Шахтер Борис Андреев отмечает 30 мая 1942 года: «обед был шикарный: 5 шт. картофеля (вареных, в мундире), огурец соленный, подлива из кровяной колбасы и чашка киселя из какой-то травы, но очень вкусной» (с. 744). Но на этих работах умирали даже чаще, чем на более легких, пусть и с меньшим пайком. 21 августа 1942 года Андреев зафиксировал смерть одного из товарищей: «Нужно было нагрузить 50 вагонеток угля.

Из-за слабости он не мог работать. Немцы стали его бить, и в лагерь его принесли на руках, здесь он и умер» (с. 747). 23 декабря 1942 года в лазарете умер еще один шахтер-остовец – вероятно, в результате несчастного случая. 7 апреля 1943 года последовала новая смерть, причем на этот раз не обошлось без побоев. Следующая смерть из той же ленинградской партии в 41 человека последовала 7 мая (с. 756). 15 августа 1943-го еще один товарищ Андреева умер от туберкулеза (с. 758). Но погибали русские шахтеры и вне этой группы. 30 октября 1943 года «в уборной повесился один из новеньких» (с. 761), а 10 февраля 1944-го «в шахте немцы убили пигелем (киркой) одного русского за то, что он ослаб и не мог как следует работать лопатой» (с. 764). Но страдали осто́вцы и от боевых действий. 19 марта 1945 года несколько из них были убиты при обстреле колонны британскими самолетами (с. 775).

После освобождения начались расправы осто́вцев и пленных над коллаборантами. 11 мая 1945 года Андреев отметил: «Сегодня в соседнем лагере расстреляли одну русскую женщину. Она при немцах служила в гестапо, допрашивала и била русских. Судили ее и расстреливали русские» (с. 778). Точно так же в эшелоне осто́вцев, направлявшемся в советскую оккупационную зону Германии, в ночь на 10 июня 1945 года был убит русский за то, что «он при немцах был в их армии и расстреливал партизан» (с. 780). Андреев, после освобождения более года прослуживший в советском трудовом батальоне, судя по записи, питался там значительно лучше, чем у немцев. И хотя положение бойцов трудбата не так сильно отличалось от узников ГУЛАГа (и те и другие занимались лесоповалом на Урале), здесь не практиковалось рукоприкладство, которое по отношению к осто́вцам в Германии было обычным делом.

Примечательна запись Баранова от 4 октября 1943 года, где он описывает встречу с русским из Дрездена, вероятно, эмигрантом. Тот «сказал, что для Сталина мы враги, так как он отказался от нас, сказав, что у меня пленных нет, а только изменники. Но для Гитлера мы тоже не нужны, так что положение наше неважное» (с. 671). Возможно, это один из наиболее ранних примеров употребления приписываемой Сталину фразы «У меня нет пленных, а есть только предатели», первоисточник которой не определен по сей день. А 8 октября Баранов записал: «До чего противна стала песня “Если завтра война”, потому что на деле вышло иначе» (с. 673).

Поскольку Тюрингия находится почти в центре Германии, в связи с приближением фронтов с Востока и Запада осто́вцев никуда не эвакуировали. Только 1 апреля 1945 года была попытка эвакуировать осто́вцев и итальянцев из Вальтерсхаузена, но она была тотчас пресечена налетом англо-американ-

ской авиации. При этом союзники не стали бомбить поезд с остарбайтерами и вестарбайтерами (с. 564). А уже 3 апреля в Вальтерсхаузен без боя вошли американские танки. В связи с освобождением у Михалевой в последний раз проявляется «стокгольмский синдром»:

«Обидно за свою родину, за свой отсталый русский народ. Я плачу от обиды. У меня появляется ненависть ко всему. Поведение русских возмущает меня. Какие отсталые наши люди! Даже стыдно за свой народ перед всеми иностранцами. Ребята наши уже достали где-то водки. Они грубят немцам» (с. 566).

Но уже 5 апреля замечает: «На “Ада Werk” итальянцы и русские расправляются с немцами, которые плохо обращались с иностранцами. [...] Все мстят немцам. Немцы заслужили эту месть» (с. 567). Начавшийся же почти сразу с санкции американских властей грабеж немецкого имущества освобожденными пленными и иностранными рабочими Михалева все же осуждает:

«Грابتь я не могу. Мне противно смотреть на все, что происходит в лагере. Полный разврат, распущенность девушек. Все русские ребята и многие девчата пьяные. Они гоняются за американскими солдатами, ходят по городу, грабят, доказывают американцам про немцев. Да, немцы заслужили эту месть. Но как все это противно! Когда же кончится эта животная жизнь?» (с. 568).

13 апреля 1945 года она замечает: «Мы еще пока счастливые: не так много пришлось нам переживать, видеть таких ужасов, как видели другие люди в этой войне» (с. 569).

Если до освобождения межнациональные противоречия между иностранными рабочими сглаживались общим противостоянием немцам, то после они вышли наружу. Если раньше русские, итальянцы и чехи устраивали концерты друг для друга и делились едой, то теперь русские парни, в том числе освобожденные из концлагеря, начали терроризировать русских девушек, били их, остригали им волосы за то, что они встречаются с итальянцами. Михалева неоднократно пишет об этом в дневнике. Так, 31 мая 1945 года она отмечает: «Итальянцы почти не танцуют. Русские пьяные ребята застращали их угрозами. Я танцую с Зиной. Как обидно! Мы боимся своих русских ребят» (с. 593).

А во время нахождения остовцев в пересыльном лагере в Эльсе (ныне Олешница в Нижнесилезском воеводстве в Польше) они подвергались нападениям со стороны советских солдат. 1 августа 1945 года Михалева записала в дневнике:

«Почти каждую ночь происходит кража, грабеж. Сегодняшней ночью ограбили людей из нашего дома, с нами соседнюю комнату.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

Это делают солдаты. Они с оружием в руках отбирают у мирного населения последние вещи, оставляя людей совершенно голыми. Какое безобразие! Какой позор всему русскому народу! Из-за тряпки, из-за водки человек может убить другого человека» (с. 602).

Таганрожец Николай Саенко, как и чекист Иван Шабалин, был убежденным коммунистом, хотя, в отличие от Шабалина, про него до сих пор неизвестно, состоял ли он в партии. Наводнивших Таганрог «окруженцев» Саенко считал дезертирами, а пленных осуждал за то, что позволили взять себя в плен. Замечу, что в интернете про Саенко все же есть кое-какие сведения – а в рецензируемой книге отсутствует биография Саенко после освобождения. Согласно имеющимся данным, Николай Саенко родился в 1880 году в Самарской губернии в крестьянской семье, женился на односельчанке Марии. У них было шестеро детей, трое из которых умерли в детстве. Участвовал в Первой мировой войне, был комиссован по состоянию здоровья. После революции Саенко перебрался в Крым, а потом в Ростов-на-Дону. В 1937 году его сын Николай после окончания МАИ стал начальником ОТК на Таганрогском авиазаводе и забрал родителей к себе. Скончался Саенко в Таганроге 17 марта 1953 года (по другим данным, в 1948-м)¹⁶.

В начале войны Саенко писал в дневнике:

«Пленных красноармейцев очень плохо кормят, а то и совсем не кормят, [занимаются] попрошайничеством у крестьян» (17 ноября 1941 года) (с. 816).

«Со слов пленных видно, что в г. Мариуполе очень много пленных и все очень в плохом положении, раздеты, разуты, кормят кое-как и впроголодь, так что каждый день умирают человек по 20, и все эти горе-вояки сдались большей частью добровольно, а теперь некоторые говорят, что лучше умереть на фронте, чем в плену быть у немца» (22 декабря 1941 года) (с. 826).

Саенко в основном опирается на слухи, которые, в частности, явно преувеличивают какое-то раблезианское продовольственное изобилие немцев в Таганроге на встрече нового, 1942, года:

«В Таганроге на некоторых квартирах по три дня готовили кушанья, варили, парили, жарили всевозможные кушанья и яства, всего было навезено и птица всевозможная, и поросята, и окорока свиные, мясо баранины и говяжье, колбасы, молочные изделия, масло сливочное, сливки, сыры разные, и все это наше местное русское производство, часть из государственных складов, а молоко и птица взята, где попало, на глаза, и пошло все для удовольствия чужих непрошенных гостей, хотя нужно заметить, что много и

16 Солова Н. *Живые свидетельства Николая Саенко* // Таганрогская правда. 2020. 14 октября. Фото Николая Саенко см.: https://vk.com/wall-48054063_22785.

наших советских граждан принимали участие встречи Нового года вместе с немцами, ведь все это без расхода, но интересно было бы услышать при возгласении тоста и поднятии бокалов с вином, за чье благополучие выпивали наши бывшие советские товарищи, которые уже успели примазаться к немцам» (с. 830).

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

В марте 1942 года он отмечает падение цен на продукты на таганрогском базаре, порой на 50–70%. (с. 843–844). Это косвенный показатель того, что голода в городе в первую военную весну не было. 17 марта Саенко признал, что «хлебом население, можно сказать, что запаслось до мая месяца. Многие имеют достаточно и провизии, но большая часть населения недоедает» (с. 846). Однако после посещения кладбища он отмечает, что в сравнении с прошлым хоронят «наполовину больше», особенно детей (с. 848). А ведь были еще тысячи расстрелянных евреев, захороненных во рвах, и слухи об этих расстрелах тоже запечатлены в дневнике. Саенко свидетельствует о геноциде цыган, фиксируя 2 февраля 1942 года, что в 25 километрах от Таганрога «расположен цыганский колхоз и что колхозников-цыган всех немцы расстреляли» (с. 836). Что же касается голода, то он наступил позднее – летом, когда немцы практически запретили таганрогцам ездить в деревни за продуктами. После этого многие горожане подались на Украину. 27 июня 1942 года Саенко отметил, что «с города беспрерывно выезжают жители в тыл и на Украину, избегая голодовки, хлебное зерно на базаре ужасно дорого» (с. 860). 17 июля он отметил, что в Таганроге стало очень много нищих и «смертность людей очень велика, а в особенности пожилых людей» (с. 861).

9 апреля 1943 года Саенко затронул тему остовцев из Таганрога:

«На биржу из Германии пришло два мешка русских паспортов или документов, оставшихся от умерших, убитых и без вести пропавших людей, отправленных в Германию на работу. Бежавшие из Германии люди передают устно, что 90 процентов умерших – от голодовки, хлеба нет, а труд тяжелый. Сами немцы говорят, что в Германии хлеба нет, пока русские хлеб подвозили, все же давали, а теперь нема, т.е. нет. Немецкие фронтовики жалуются на плохую пищу и мало хлеба, немецкие офицеры поставлены на общий солдатский паек, сигарет выдают по 2 штуки в день, посылки в Германию очень редко стали посылать, как видно, ввиду недостатка транспорта» (с. 875–876).

К тому времени вещей для продажи и обмена у таганрогцев осталось мало, цены на продовольствие значительно поднялись. Характерно, что сам Саенко ни разу не пишет, что голодает. Вероятно, ему хватило довоенных запасов, скудного

оккупационного пайка, а также того, что удавалось выменять в деревнях на вещи, табак, соль и так далее.

Дневники Тамары Лазерсон еще трагичнее, ведь большинство тех, кто там упоминается, были либо убиты нацистами, либо умерли в последние месяцы войны от голода и болезней. Но самой Тамаре повезло. Двое из пяти членов ее семьи – она и брат Виктор – выжили, тогда как в Литве погибли жившие там до войны 96% евреев. Как подчеркивает Полян, «именно в гетто у Тамары всерьез пробудилось еврейское национальное самосознание, причем не религиозное, а сионистское. Она старалась узнать как можно больше об истории и литературе своего народа, но концентрируется на языках – подтянула идиш и налегла на иврит!» (с. 904).

Фактически узники гетто, вынужденные трудиться на немцев, во многом своим положением напоминали остовцев (хотя и была принципиальная разница: евреев нацисты собирались уничтожить поголовно, а в отношении остовцев такой цели не было). Но в чем-то положение узников гетто было даже лучше, чем положение остовцев. Они жили семьями в своих квартирах или комнатах, пусть и постоянно уплотняемых, спали не на нарах, имели гораздо больше возможностей доставать продукты в городе. Лазерсон пишет:

«Наше положение, пока оба ходим в бригады, очень хорошее. Питаемся хорошо, но запасы сделать никак нельзя. Принесешь, хорошо поешь, а о дальнейшем думать не стоит» (с. 918).

Также за выходом на работу не было строгого контроля, и при желании ее можно было пропускать, что порой Лазерсон и делала. В гетто имелось свое самоуправление и ремесленная школа, что облегчало положение узников. Характерно, что у стрелявшего в немцев при попытке побега и повешенного за это Наума Мекка были найдены при обыске «два пистолета, полный портфель золотых часов и колоссальная сумма денег», после чего последовал приказ всем сдать оружие (с. 923). Более или менее сносная жизнь в Каунасском гетто продолжалась до 27 марта 1944 года, когда были уничтожены около 1500 узников, главным образом, стариков и детей. Тамара Лазерсон свидетельствует:

«Молодые родители отдали все, что было для них самым дорогим. Муж нес на руках до грузовика стариков родителей – инвалидов, жена несла малюток. Жутко!» (с. 952).

Трагично и то, что обе спасительницы Лазерсон, литовские учительницы Петронеле Ластене и Вероника Жвиронайте, были позднее депортированы советскими властями в Сибирь (с. 954). А еще одна спасительница – зубной врач, литовка Броне Пае-

дайте, спасавшая также других еврейских детей, – отказавшись ехать в Сибирь, покончила с собой в тюрьме (с. 957–958). Однако дата ее ареста 3 сентября 1945 года, которая содержится в комментарии, может быть поставлена под сомнение, так как Тамара Лазерсон пишет в дневнике 18 сентября, что Броне была арестована «вчера вечером», то есть 17 сентября (с. 964). Ссылка в Сибирь постигла и литовку Ону Кайрене, спасавшую еврейских детей (с. 959). Сама же Лазерсон в первый послевоенный год, оставшись сиротой и лишившись депортированных в Сибирь опекунов, жила даже более голодно, чем в гетто.

Вернемся к недочетам книги – более мелким, нежели указанные выше. Город Будвайс отнесен Поляном к Верхней Австрии (с. 40). В действительности это нынешний Ческе-Будеёвице, он находится в Южной Чехии. Вряд ли основательно предположение автора о том, что 1-я Русская национальная армия (РНА) Хольмстона-Смысловского входила в состав «власовских» формирований и что ее встреча с группой Русского охранного корпуса могла быть заранее запланированной (с. 40). В действительности РНА была частью вермахта, и ее командующий, будучи генерал-майором германской сухопутной армии, категорически отказался подчиняться Андрею Власову, а его встреча с группой Томина наверняка была случайной¹⁷. Об этом же пишет Симон-Томин в дневнике 23 апреля 1945 года: «Случайно встречаю полковника Соболева» – командира полка у Смысловского (с. 51).

В примечании к записи Контарева от 1 сентября 1943 года: «узнал новость: IX танковая дивизия сейчас сзади меня» (с. 104) Полян утверждает: «Неточность. Имеется в виду 10-я танковая дивизия вермахта (9-я воевала на западном театре военных действий)». Но неточность здесь как раз допускает комментатор: германская 10-я танковая дивизия была уничтожена в мае 1943 года в Северной Африке и более не восстанавливалась. А вот 9-я танковая дивизия вермахта действительно воевала на Восточном фронте. Но в августе 1943 года она сражалась в составе 2-й танковой армии и 9-й армии группы армий «Центр» в районе Брянска и Спас-Деменска, а 22–25 августа была переброшена в 6-ю армию группы армий «Юг» в Донбассе¹⁸. Про-

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

17 На том, что группу Симона-Томина «совершенно случайно подобрал полковник Тарасов-Соболев, командир полка в РНА, настаивают биографы Смысловского. См.: Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. *Указ соч.* С. 303. Они называют Симона-Томина лейтенантом вермахта, тогда как, судя по дневнику, он был произведен Смысловским из унтер-офицеров сразу в обер-лейтенанты. Евгения Месснера же Смысловский произвел из фельдфебелей сразу в майоры. Командующий 1-й РНА имел на это полное право, так его соединение действовало на правах отдельной дивизии вермахта. Следовательно, Смысловский имел права командира корпуса, а возможно, и командующего армией. Эти производства делались с чисто гуманитарными целями – для того, чтобы после интернирования в Лихтенштейне они имели права офицеров и офицерское содержание. Дневник Симона-Томина обильно цитируется в: Грибков И.В., Жуков Д.А., Ковтун И.И. *Указ соч.*

18 Kruk M., SZEWCZYK R. *9th Panzer Division: 1940–1943*. Sandomierz: Stratus s.c., 2011. P. 161–162.

тив 39-й армии, в которой воевал Контарев, она не действовала. Скорее всего недостоверный слух о ее появлении исходил из штаба армии.

2 сентября 1943 года Контарев упомянул:

«Ночью восемь белорукавников прошли через передний край. [...] После завтрака привели задержанного Николаева. Во время его опроса немецкая артиллерия сделала налет на то место, где мы находимся, бил очень точно, наверное, эти сволочи начали работать» (с. 105).

В комментариях утверждается: «Белые повязки выдавались коллаборантам, служившим в полиции правопорядка. Здесь – обозначение любых коллаборантов», а Николаев охарактеризован как «предположительно, наводчик немецкой артиллерии». Но, судя по контексту, здесь речь идет о дезертирах, которые перешли передний край и ушли к немцам. Вероятно, они имели белые нарукавные повязки или обнажили белые рукава рубах, чтобы показать, что сдаются. Николаев никак не мог быть «наводчиком немецкой артиллерии», так как наводчик – это тот, кто непосредственно стреляет из орудия. Скорее всего Николаев – это один из дезертиров, которого удалось задержать.

В записи от 25 ноября 1943 года упоминается монтаж, который Контарев должен сделать «по приказу № 304 И. Сталина». Здесь опять идет странное примечание: «Неточность. Приказ Сталина № 304 был издан 20 марта 1945 г.» (с. 123). Но для приказов верховного главнокомандующего была независимая нумерация для каждого года и скорее всего здесь неправильное прочтение – речь идет о праздничном приказе Сталина № 309 от 7 ноября 1943 года¹⁹. На странице 126 БАО расшифровывается как «батальон артиллерийского обслуживания», но на самом деле это – батальон аэродромного обслуживания.

Город Лабиау, о взятии которого сообщает Контарев 23-го и 24 января 1945 года, – это отнюдь не Либава, как предполагает комментатор (с. 177), а нынешний Полесск в Калининградской области, бывший Labiau.

В книге немало упущений в опознавании упомянутых в дневниках фильмов и цитат. В дневнике Контарева комментатор не узнал фильма «Битва за Россию» (с. 194). Между тем это очень известная картина «The Battle of Russia» – снятый в 1943 году пятый эпизод семисерийного пропагандистского документального фильма «Почему мы сражаемся» («Why We Fight») американского режиссера Фрэнка Капры. Точно так же комментатор оказался бессилён перед упоминаемым в дневнике Контарева американским фильмом «Я вами очарован» (с. 204). Эта черно-

¹⁹ Сталин И. В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М.: Воениздат, 1948. С. 128–133.

белая музыкальная комедия 1936 года (режиссер Отто Премингер) была захвачена Красной армией в Германии и в советском прокате шла под названием «Очарован тобой», а в оригинале назывался «Under Your Spell». Контарев, отметив в дневнике, что фильм «неплохо сделан», сравнивает американскую и советскую жизнь:

«Как все же американцы прекрасно живут. Далеко нам до их жизни. У нас жизнь трудней, дороже, грубее. Жестокая наша жизнь, каждый шаг в ней приходится забирать с боем, с большой трудностью. Многому нам надо у них учиться».

Михалева упоминает «очень интересный фильм. «Allo, Жанни» – про жизнь артистов», в связи с чем комментатор замечает: «Подробностями не располагаем» (с. 439). Здесь имеется в виду картина 1939 года «Hallo, Janine!» немецкого режиссера Карла Бёзе с Марикой Рёкк в главной роли французской балерины Жанни. А по поводу кинокартины «Vision am See» кроме перевода названия «Видение на море» (правильный перевод: «Видение на озере») (с. 459) стоит добавить, что это венгерский фильм (оригинальное название «Tóparti Látomás», «Видение озера») 1941 года режиссера Ласло Кальмара. Про фильм «Hab mich lieb» («Полюби меня») (с. 497) стоит сообщить, что это картина 1942 года немецкого режиссера Харальда Брауна с Марикой Рёкк в главной роли. Александре Михалевой определенно нравились фильмы с этой актрисой. На странице 511 дан только перевод названия романа «Дитер и Ивона», но при этом не сказано, что это произведение 1935 года «Dieter und Yvonne» германского писателя Оскара Глута.

На странице 513 комментатор ошибочно идентифицировал фильм как «Цирк Бенца», скорее всего неправильно прочитав запись в дневнике Михалевой. В действительности речь идет о германской картине 1943 года режиссера Артура Марии Рабенальта «Zirkus Renz» («Цирк Ренца»), названном в честь реального германского цирка. (Цирк Ренца существует и в настоящее время.) Почему-то не идентифицирован фильм, который в публикации дневника Михалевой назван как «Der gobietierischche Ruß». Но в данном случае ошиблась не автор дневника, а публикатор, который неправильно прочел подлинное название фильма «Der gebieterische Ruf» («Властный зов») в записи от 12 марта 1945 года (с. 560). Этот фильм произвел на Михалеву столь сильное впечатление, что она единственный раз пересказала в дневнике его содержание, которое спроецировала на собственный любовный треугольник с чехом Юзефом и итальянцем Уго. Германский фильм «Властный зов» был снят в 1944 году австрийским режиссером Густавом Учицки. Интересно, что в 1940-м, в короткий период дружбы между СССР и

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

нацистской Германией, Учицки снял картину «Почтмейстер» («Der Postmeister») по повести Пушкина «Станционный смотритель». На странице 636 к упомянутому Михалевой в записи от 7 мая 1946 года названию фильма «Аршин мал алан» дано загадочное примечание: «Так в тексте» (с. 636). Но иначе и быть не могло. Азербайджанская музыкальная комедия по мотивам одноименной оперетты Узеира Гаджибекова, снятая в 1945 году режиссером Рзой Тахмасибом, называется именно так.

На странице 270 в комментарии к фразе Контарева «эшелон тронулся на Ворошиловград», этот город ошибочно отождествлен с современным Луганском. На самом деле под этим названием, равно как и употребленным здесь же названием Ворошиловск, имеется в виду город Ворошилов (ныне Уссурийск) Приморского края.

Встречающееся в дневнике Галибина название «Ахос» Полян предположительно идентифицирует с городом Або. На мой взгляд, более вероятно, что речь идет о финском отделении благотворительной организации «Афон» («Athos»), которая, вероятно, оказывала помощь пленным.

В комментарии к записи Пахомова от 17 октября 1943 года «Немцами взят о. Кос» (с. 338) Кос спутан с Корсикой. Между тем греческий (тогда – итальянский) остров Кос в Эгейском море действительно был занят немцами 4 октября после трехнедельных боев, а итальянский и британский гарнизон капитулировали.

На странице 410 не опознана и не прокомментирована цитата в дневнике Михалевой «Я девчонка еще молодая, но душе моей тысячи лет». Между тем она из популярной в 1930-е песни поэта Сергея Алымова и композитора Юрия Шапорина «Перебиты, поломаны крылья» (другие названия – «Кокаин», «Песня Соньки»), впервые прозвучавшей в фильме «Заключенные» (1936). И цитата, и название фильма очень хорошо передают настроение автора дневника. Здесь сказалось художественное чутье Михалевой, так как процитированные строки – лучшие в песне. «Я девчонка еще молодая» – это народный вариант. У Алымова и в фильме: «Я совсем ведь еще молодая, но душе моей тысячи лет»²⁰.

На странице 451 ошибочный комментарий: «Курск был освобожден в ходе Харьковской наступательной операции, проходившей со 2 февраля по 3 марта 1943 года». В действительности Курск был освобожден 8–9 февраля частями 60-й армии в ходе Воронежско-Касторненской операции. Ее в свою очередь, наряду с Харьковской, иногда рассматривают как часть Воронежско-Харьковской наступательной операции.

20 «Стихи, и шприц, и кокаин...» Малая антология русской наркотической поэзии / Сост. и примеч. А. ШЕРМАНА. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. С. 60.

Столь же ошибочен комментарий на странице 481: «Большое число итальянских военнослужащих было интернировано или взято в плен немцами сразу же после того, как 25 июля 1943 г. в Италии произошел военный переворот и власть перешла к маршалу Пьетро Бадольо, объявившему нейтралитет». На самом деле интернирование итальянских войск немцами произошло не сразу же после переворота 25 июля, а только после объявления о капитуляции Италии 8 сентября 1943 года, в связи с чем и запись Михалевой об ожидаемых в Германии интернированных итальянцах сделана 30 сентября. И ни о каком нейтралитете Бадольо до капитуляции не объявлял. В другом месте Полян признает, что итальянцы были интернированы 8 сентября 1943 года, но не говорит, что в этот день было объявлено о капитуляции Италии. При этом отнюдь не две немецкие дивизии разоружили пять итальянских (с. 653), а около двадцати немецких дивизий разоружили несколько десятков итальянских дивизий в Италии, на Балканах и в Южной Франции. Две немецкие дивизии действительно разоружили пять итальянских, но только в районе Рима.

Упомянутый в записи Михалевой руководитель партизан в Украине «замечательный, умный вождь, храбрый русский герой Калашников» охарактеризован комментатором как «Полулегендарный партизанский командир, действовавший в окрестностях Киева и грабивший банки, склады продовольствия и т.д.». Между тем это вполне реальная личность. В указе Президиума Верховного Совета СССР от 14 января 1944 года о награждении партизан соединения Александра Сабурова, отличившихся при взятии Овруча, среди награжденных орденом Богдана Хмельницкого III степени числится Иван Иванович Калашников²¹. О нем подробно пишет Сабуров, отмечая, что тот во время рейда по Полесью увеличил свой взвод с 20 до 120 человек. Он также отмечает, что гестапо создало легенду о существовании в Киеве подполья во главе с неким Калашниковым, чтобы заманивать партизан в ловушку. Но этот Калашников был агентом гестапо²².

Почему-то для подруги Михалевой – Ирины Демехиной, – арестованной в начале февраля 1946 года в Курске, тот же год указан в качестве даты смерти (с. 630), но между тем Демехина, осужденная на шесть лет лагерей, умерла только в 1972-м²³.

Упомянутый в дневнике Михалевой (в записях от 11 февраля, 16-го и 22 марта 1946 года) ухаживавший за ней сотрудник «Курской правды» Николай Корнеев (1915–2001) – это до-

²¹ <http://podvignaroda.ru/?#id=1560715084&tab=navDetailDocument>.

²² См.: САБУРОВ А. Н. *У друзей одни дороги. Воспоминания*. М.: Воениздат, 1975. С. 164–166.

²³ [https://ru.openlist.wiki/Демехина_Ирина_Федоровна_\(1924\)](https://ru.openlist.wiki/Демехина_Ирина_Федоровна_(1924)).

вольной известный курский поэт и журналист, заслуженный работник культуры РСФСР. На фронте он потерял глаз²⁴.

О другом кавалере Михалевой – Георгии Шмакове (1908–1964) (с. 637) – стоит сообщить, что этот военный строитель, уроженец Самарканда, дослужился до майора, но в период романа с Михалевой, в 1946 году, он, вероятно, был только лейтенантом, как и в августе 1944-го, когда получил орден «Красной Звезды», или старшим лейтенантом. После окончания войны Шмаков был направлен в Курск восстанавливать разрушенный город. В 1941-м у него уже была семья, жена и две дочки 10-ти и 4-х лет, так что его увлечение Михалевой вряд ли имело какую-то перспективу, хотя, если верить тому, что он ей говорил, к тому времени Шмаков с женой развелся (с. 637). В 1947 году Георгий Шмаков демобилизовался и вернулся в Самарканд²⁵.

Ничего не говорится о том, кто такой Доронин, из-за замечания которого по поводу ошибки в «Курской правде» редактор в марте 1948 года решил уволить трех сотрудников, включая Михалеву (с. 647). Между тем Павел Доронин (1909–1976) в 1938–1948 годах был первым секретарем Курского обкома партии.

В биографическом комментарии о представителе Управления Совнаркома СССР по делам репатриации во Франции, генерал-майоре Василии Драгуне, вместо года смерти поставлен знак вопроса (с. 723). Между тем известно, что Драгун умер 7 декабря 1961 года в Москве; урна с его прахом установлена в колумбарии Донского кладбища²⁶.

Фраза по поводу Анатолия Пилипенко: «Осенью 1943 года во время уличной облавы в Харькове он был схвачен и отправлен в Германию» (с. 711) примечательна тем, что советские войска освободили Харьков 23 августа, а последние харьковские окраины были освобождены 29-го и 30 августа. Не менее загадочен и следующий пассаж: «В 2003 году Анатолия Назаровича пригласили посетить Гаттинген, но он отказался, сославшись на то, что не хочет лишний раз даже вспоминать об этом. Кроме того, он все еще боялся репрессий со стороны своего государства за излишнее копание в прошлом!» (с. 714). Трудно понять, почему украинское государство должно было репрессировать за копание в остовском прошлом – тем более, что оно приветствовало выплату Германией компенсаций бывшим остарбайтерам.

24 См.: Капустина Е.М. *Когда поэзия – судьба. К 100-летию со дня рождения поэта Н.Ю. Корнеева (1915–2001). Биобиблиографический указатель*. Курск: Комитет по культуре Курской области; Курская областная научная библиотека имени Н.Н. Асеева, 2015.

25 Шмаков Георгий Матвеевич. *История солдата* (<https://soldat.moypolk.ru/soldier/shmakov-georgiy-matveevich>).

26 Драгун Василий Михайлович (<http://tankfront.ru/ussr/persons/gen-tv/DragunVM.html>).

На странице 565 опечатка: «Айденах» вместо правильного «Айзенах». На странице 570 не расшифровано чешское слово *nazdar* («привет»), обозначенное одной буквой *N*. Не переведены на русский тексты итальянских песен на страницах 573–574 и 586–588, а также украинских песен на страницах 717–718. Также на странице 583 явные опечатки – «*etwas bekommen von dise Madchen*» вместо правильного «*etwas bekommen von diesem Mädchen*» и почему-то нет перевода – «что-то получить от этой девушки». На той же странице – искаженное в оригинале или неправильно прочитанное публикатором «*Tu sei katiwa*» вместо правильного итальянского «*Tu sei cattiva*» («Ты плохая»). Там же явно искаженное публикатором слово «*Sehwimbad*» вместо правильного немецкого «*Schwimmbad*» («пляж»)²⁷. На странице 594 не исправлено и не переведено итальянское «*Destino Katiwa*». Правильно: «*Destino cattiva*» («Плохая судьба»). На странице 595 не исправлено и не переведено название итальянской песни «*Non dimentikare le mio Parole*». Правильно: «*Non Dimenticar Le Mie Parole*» («Не забывайте моих слов»). На странице 605 дан правильный перевод итальянской фразы «*Destino Katva Perche, perche sona russa?*» («Злая судьба, почему я русская?»), но не приведено ее правильное написание: «*Destino cattiva, perché sono russo?*». На странице 610 в записи Михалевой от 24 сентября 1945 года неправильно расшифрована фамилия писателя *Granin*, в связи с чем следует ошибочный перевод: «Я читала книгу Гранина “Студенты”, “Инженеры”». В действительности писателя Гранина в 1945 году еще не существовало, поскольку Даниил Герман взял псевдоним «Гранин» только в 1949-м, и он никогда не писал романы «Студенты» и «Инженеры». На самом деле эти произведения написал Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906), а в тексте дневника написано *Garin*.

На странице 736 комментатор указывает на неясность этимологии слова «пазури», употребленном в значении объятья. Но «пазур» по-украински означает «коготь», так что выражение «бросила его в пазури каннибалов-фашистов» означает «бросила его в когти каннибалов-фашистов».

Непонятно, почему в дневнике Пилипенко опущен перечень английских слов с русскими переводами (с. 724). Сам набор этих слов мог бы дать интересный материал для анализа.

Упомянутый Андреевым город Вейнгейм Полян в комментарии предположительно превратил в Вернхайм (*Vernheim*) к северу от Майнхайма (с. 779). Однако здесь явно имеется в виду Вайнхайм (*Weinheim*) в земле Баден-Вюртемберг.

27 Возможно, Михалева совершила здесь орфографическую ошибку, написав *t* вместо *tt*.

Почему-то в дневнике Лазерсон не переводится слово «веркштаты» (*Werkstätten*) – «мастерские». Также не расшифровывается аббревиатура NSKK, которая относится к палачам Каунасского гетто из 4-го батальона (с. 915–916). Между тем она обозначает Национал-социалистический автотранспортный корпус (*Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps*, НСКК) – организацию в рамках НСДАП, отвечавшую за контроль за использованием авто- и мототранспорта, развитие автомобилизма, пропаганду автомобильного туризма, автоспорта, а также помощь полиции в патрулировании автобанов. Скорее всего этот батальон, выполнявший транспортные и полицейские функции, был сформирован из членов НСКК (ими могли быть и фольксдойче), а его офицер Фриц Йордан, которого называли референтом немецкого комиссара в Каунасе «по еврейскому вопросу» и фактическим комендантом Каунасского гетто (с. 916), скорее всего был не гауптштурмфюрером СС, как считает Полян, а гауптштурмфюрером НСКК. Возможно, данное свидетельство Лазерсон – доказательство одного из редких случаев участия частей НСКК в Холокосте.

«Ах, страшный век, жестокие сердца!» (с. 949) в дневнике Лазерсон – это парафраз из «Скупого рыцаря» Пушкина, сцена 3: «Ужасный век, ужасные сердца!».

Упомянутого Лазерсон доктора Купа комментатор определяет как «литовского философа». Однако здесь, по всей видимости, имеется в виду немецкий философ и географ Эрнст Капп (*Ernst Kapp*, 1808–1896), основоположник философии техники. В его трактате «Основы философии техники» (*Grundlinien einer Philosophie der Technik*, 1877) последовательно проводит принцип органопроекции, излагаемый Тamarой Лазерсон.

Тот факт, что найденный в советском архиве уже после смерти автора первоначальный текст романа Генриха Герлаха «Преданная армия», написанного в советском плену и восстановленного в 1950-е по памяти с помощью гипнотизера, в значительной мере совпали, комментируется следующим образом: «Удивительный и уникальный случай – сугубо гипотетический, выскажусь отчетливее – сомнительный, но типологически возможный» (с. 978). Что тут сомнительного, понять невозможно. То ли то, что роман был частично восстановлен с помощью гипнотизера (но тот сумел отсудить себе часть авторского гонорара), то ли то, что был обнаружен первоначальный текст романа в архиве (но тогда в фальсификации подозреваются нашедший этот текст германский историк Йохен Хелльбек и помогавшие ему российские архивисты, хотя одну из книг Хелльбека Полян считает «монументальной» и «яркой» – с. 979)²⁸. Кстати говоря,

28 См.: Хелльбек Й. «Прорыв под Сталинградом»: вырванные советские корни немецкого военного бестселлера // Новое литературное обозрение. 2012. № 4(116). С. 268–293.

не очень понятно, почему значительная часть авторского заключения к книге составляет рецензия на монографии Йохена Хелльбека и Ирины Паперно (с. 979–981), которые к опубликованным в сборнике дневникам никакого отношения не имеют.

Галибина в заключении Полян почему-то называет погибшим (с. 983), хотя из введения к публикации его дневника следует, что он уцелел и благополучно пережил войну (с. 275). В то же время Полян утверждает, что из двенадцати авторов дневников выжили десять (с. 985), а это оставляет Галибина в числе живых, поскольку Шабалин и Воропаев погибли.

Полян отмечает, что «такие полярные типы, как Томин и Контарев, «сошлись» на вовлеченности в самодеятельность своих частей» (с. 984). Стоит все-таки подчеркнуть, что эта вовлеченность была очень разной. Профессиональный актер и режиссер Симон-Томин занялся постановками спектаклей по собственному призванию, хотя и по приказу командования, чтобы чем-либо занять бойцов РНА в период интернирования. Для него это было естественным продолжением прежней театральной деятельности в России и Югославии и подготовкой к будущей – в Австрии и Аргентине. Контарев же, не имея сколько-нибудь серьезных вокальных, музыкальных и танцевальных способностей, попал в самодеятельность только потому, что служил при штабе бригады и имел опыт участия в самодеятельности в госпитале. С передовой в самодеятельность не забирали, наоборот, часто участников самодеятельности направляли на передовую в период особо напряженных боев.

В целом об этом издании можно сказать следующее: Павел Полян задумал очень интересный проект – свести под одной обложкой двенадцать дневников, отражающих двенадцать судеб разных людей во время войны. Но вот исполнение проекта порой оставляет желать лучшего.

БОРИС СОКОЛОВ

12 СВИДЕТЕЛЬСТВ
О ВОЙНЕ

КОНСТАНТИН
СОНИН

Высшее образование в России: ландшафт перед, во время и после революций

Университеты в России. Как это работает

ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ, МАРИЯ ЮДКЕВИЧ

М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. – 616 с.

Константин Исаакович Сонин (р. 1972) – экономист, профессор Чикагского университета (США) и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Современный исследовательский университет можно описать разными способами: это место, где создаются новые научные знания; это учреждение, обучающее студентов; это социум, в котором формируются отношения и взгляды. В книге «Университеты в России. Как это работает» Ярослав Кузьминов и Мария Юдкевич четко обозначают свою точку зрения: университет – это ключевой элемент системы высшего образования страны, инструмент в руках правительства. В соответствии с этим взглядом университет существует не сам по себе, а как один из элементов системы высшего образования, в которую входят и специализированные вузы, и профессиональные училища. Это не мешает авторам препарировать и анализировать устройство индивидуального вуза, но взгляд на университет как элемент большой системы присутствует постоянно.

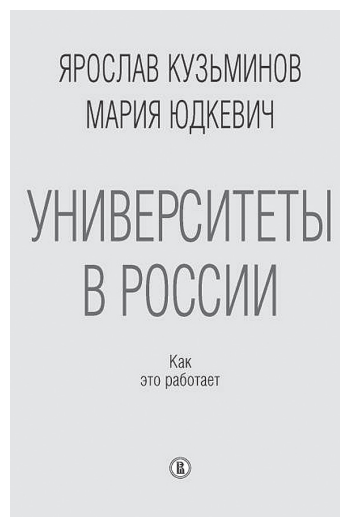
У системного взгляда на высшее образование есть множество преимуществ. В конце концов, всегда легче анализировать сложную систему, если представлять ее в виде чего-то задуманного или управляемого из единого центра. Даже в тех случаях, когда влияние этого единого центра в реальности опосредованно – как это, конечно, происходит в ситуации с российским правительством и высшим образованием, – одно предположение этого может существенно упрощать анализ. Тем не менее в таком подходе есть и недостаток: теряется понимание, что нынешняя университетская среда является площадкой острой и бескомпромиссной конкуренции – за студентов, профессоров, лаборатории. Скажем, ведущие американские университеты – они же сегодня ведущие университеты в мире – являются, конечно, частью системы высшего образования США. Однако это не мешает им быть смертельными конкурентами друг другу. Гарвард, Чикаго и Беркли могут объединять усилия, когда речь идет о лоббировании каких-то законов или бюджетов, которые распределяются федеральным правительством на во-

енные или медицинские исследования, но в остальном каждый день их жизни – острая конкуренция за студентов, профессоров и ресурсы. Для частных университетов конкуренция – это совершенно естественно в интересах их управляющих советов – быть лучше, чем другие. В ситуации же, когда практически все деньги, на которые существуют университеты, получаются из одного источника и регулируются, в конечном счете, правительством, здоровая конкуренция вузов может быть только результатом специального институционального дизайна и нуждается в постоянной поддержке.

В России, в которой всякая деятельность в государственном секторе крайне централизована по сравнению с другими странами, конкуренции вузов способствует то, что у некоторой части из них есть разная ведомственная принадлежность. То есть, подчиняясь единого регулятору – Министерству науки и высшего образования и его подведомственным учреждениям, – вузы управляются из источников, от Министерства образования напрямую не зависящих. Тем не менее возможности конкуренции ограничены – и в силу централизованного контроля над содержанием программ и условиями обучения, и в силу низкой географической мобильностью абитуриентов. Более того, иногда конкуренция ведущих университетов приводит к явно негативным явлениям – например, к созданию школ при вузах. Вместо того, чтобы конкурировать за закончивших школу абитуриентов, привлекая их прежде всего силой профессорско-преподавательского состава и качеством учебных программ, вузы конкурируют за 13–14-летних детей, а точнее – за их родителей. При том, что российские вузы, как правило, предлагают крайне узкие по сравнению с международными специализации в рамках закрепленных факультетов, старшие классы тоже становятся узко специализированными. Получается, что ключевой выбор учебной траектории делается в еще более раннем возрасте, а потому становится еще менее осознанным и менее, соответственно, эффективным. Эта ранняя конкуренция – знакомый каждому экономисту «провал рынка», в котором отдельный участник взаимодействия действует в собственных интересах и результат оказывается хуже для любого из них, чем если бы стратегию для них выбирал внешний актер – например, регулятор.

Взгляд на университеты как на целостную систему высшего образования имеет и преимущества. Например, при таком подходе вопрос: «Какие университеты нужны?» – подразумевает наличие единой точки зрения, что заметно упрощает ответ. Впрочем, чтобы изложить взгляд Кузьмина и Юдкевич даже в такой простой, естественной постановке, требуется некоторая подготовка. Для экономиста естественна перспектива,

КОНСТАНТИН СОНИН
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИИ...

в которой нет никакого самостоятельно «государственного интереса». Государство понимается как результат деятельности и решений индивидуальных граждан, голосующих на выборах или как-то иначе участвующих в процедуре коллективного выбора, результатом которого является та или иная проводимая политика.

Как при таком подходе можно обосновать выделение бюджетного финансирования на одни образовательные специальности вместо других? В отсутствие внешне заданных приоритетов можно было бы, например, опираться на выбор рынка – то есть субсидировать обучение по тем специальностям, за которое семьи абитуриентов готовы платить. Вариантом такого подхода была бы выдача студентам, успешно сдавшим выпускные школьные экзамены или ЕГЭ, «образовательных ваучеров» с правом выбирать специальность. Или, например, не приоритезировать никакие специальности, финансируя их равномерно. Централизованный подход позволяет использовать бюджетное финансирование как инструмент получения заданного результата.

В ситуации когда практически все деньги, на которые существуют университеты, получаются из одного источника и регулируются, в конечном счете, правительством, здоровая конкуренция вузов может быть только результатом специального институционального дизайна и нуждается в постоянной поддержке.

Теоретический аргумент в пользу бюджетного финансирования специальностей, не пользующихся спросом, выглядит так. Например, государственная оборона – это общественное благо, товар, который в случае, если его количество определяется рынком, недопредставляется по сравнению с тем, что граждане в идеале хотели бы получить. Причина в том, что каждый отдельный гражданин предпочел бы не платить налог, с помощью которого финансируется оборона, потому что если один человек уклонится от этой обязанности, то общий объем финансирования практически не изменится. Но если каждый человек будет рассуждать таким образом – «Мой вклад так мал, что, если я не заплачу, ничего не изменится», – то никакой обороны не будет вовсе. Это та ситуация, в которой базовый учебник микроэкономики рекомендует государственное вмешательство, чтобы скомпенсировать «провал рынка».

В образовании «провал рынка» возникает на каждом шагу. Например, поскольку оборона – общественное благо, оно недопроизводится. Направляя людей на оборонные специальности, государство корректирует «провал рынка». Этой же логикой, видимо, вдохновляются авторы, когда, опираясь на разнообразные исследования, повторяют популярный тезис о том, что плохо, что студенты не идут на инженерные специальности. Это «плохо» в некотором высшем смысле: благосостояние страны было бы выше, если бы она находилась в другом экономическом равновесии с высокоразвитыми перерабатывающими отраслями, активным сектором технологических инноваций и, соответственно, высоким спросом на инженерные специальности. Здесь у государства предполагается роль не спонсора общественного блага, а скорее внешнего актора, который мог бы «переключить» экономику из одного равновесия (в котором никому не нужны инженеры и, соответственно, никто не хочет учиться на инженерных специальностях) в другое (в котором инженеры востребованы и, значит, абитуриенты соревнуются за право учиться по этой специальности).

В экономике развития это называется «теорией большого толчка» и восходит к Полу Розенштейну-Родану¹. Вот только бюджетное финансирование инженерных специальностей – это не «большой толчок», а скорее попытка подтолкнуть собаку с помощью поводка. Если правительству удастся – с помощью то ли институциональных реформ (либеральных или консервативных), то ли промышленной политики – перевести российскую экономику в равновесие с высоким спросом на инженеров, то на соответствующие потоки вузов будет вал абитуриентов и без наличия бюджетных мест. (В XXI веке в России мы видели это с несколькими профессиями, например: дизайнерами, специалистами по сетевым коммуникациям, программистами – рыночный спрос привел к массовому притоку абитуриентов на эти специальности.) Если же экономика останется в прежнем, «плохом», равновесии, то никакие бюджетные дотации не сделают инженерные специальности популярными.

Та же концептуальная модель множественных равновесий гораздо лучше объясняет необходимость сильных региональных вузов и, соответственно, оправдывает целенаправленные усилия по их поддержке за счет московских и петербургских университетов. В «плохом» равновесии сильные профессора вместо того, чтобы быть на ведущих ролях в региональных вузах, занимают второстепенные роли в столичных. В экономике развития первая модель этого явления была предложена в статье Кевина Мёрфи, Андрея Шлейфера и Роберта Вишны «The

1 ROSENSTEIN-RODAN P. *Problems of Industrialization of Eastern and South-Eastern Europe* // *Economic Journal*. 1943. Vol. 53. № 210-211. P. 202–211.

Allocation of Talent: Implications for Growth»². Отчасти такой эффект наблюдается и со студентами – и это может вызывать желание каким-то образом рационализировать поток абитуриентов, что, конечно, является менее эффективным способом усиления региональных вузов, нежели усиление профессорско-преподавательского состава и улучшение материальной базы.

Поскольку авторы не ставят своей целью пропаганду какого-либо подхода к управлению высшим образованием, теоретическая основа – менее эксплицитная, чем в моей рецензии, – нужна в основном для того, чтобы, приводя огромное количество данных и институциональных деталей, следовать какой-то единой логике. Не каждый выбор авторов однозначен. Например, много страниц уделено исторической динамике: в какой момент какие законы и проекты сменяли старые, как они эволюционировали и так далее. Такой подход вовсе не является единственно возможным выбором. Рассказ о происходящем в российском образовании в XXI веке не требует истории – достаточно знать, какова была ситуация на момент распада СССР. Тем более, что ключевой исторический момент, который освещен в «Университетах в России», – это, конечно, Вторая русская революция, события 1991 года, которые привели и к распаду Советского Союза, и к смене общественного устройства. Титанические изменения во всех сферах жизни – прежде всего переход от плановой экономики к рыночной, с другими институтами, формальными и неформальными, и другими поведенческими установками – не привели к быстрому, одномоментному переходу к иной системе высшего образования. Но и старая система не могла существовать после 1991 года в том виде, в котором она подошла к этому рубежу. Эволюция системы, в которой формальные правила менялись медленно, а значительная часть участников – прежде всего профессора и сотрудники, но отчасти и студенты с абитуриентами – менялась еще медленнее, – само по себе редкий эксперимент. «Университеты в России» можно считать первой попыткой систематизировать опыт этого эксперимента и подвести первые итоги.

Оправданием авторского подхода, при котором последовательно рассказывается история во всех подробностях, является особое внимание к актуальному вопросу: взаимоотношения научного процесса в университетах и неучебных научных учреждениях. История этих взаимоотношений в России предельно проста: до революции 1917 года понятие «академической науки» было по существу синонимично «университетской науке». Вся исследовательская деятельность в фундаментальных областях велась так или иначе в связи с работой ученых в учеб-

2 MURPHY K.M., SHLEIFER A., VISHNY R.W. *The Allocation of Talent: Implications for Growth* // *The Quarterly Journal of Economics*. 1991. Vol. 106. № 2. P. 503–530 (<https://doi.org/10.2307/2937945>).

ных заведениях. Революция 1917 года привела к принципиальной смене курса.

Два фактора играли важную роль: во-первых, новая власть активно боролась со старой профессурой. От преподавателей требовалось учить не тому и не так. Это, возможно, было оправдано в некотором высшем, техническом, смысле: в конце концов, если в Российской империи все было бы нормально и можно было бы продолжать жить по-старому, не было бы и революции. Кроме того, с укреплением тоталитарной диктатуры политическая лояльность стала требоваться от всех, а не только от тех, кто занимался исследованиями или читал лекции, связанные с политикой. Преследования и репрессии коснулись и математиков, и только работа над атомным оружием спасла физиков от разгрома, аналогичного учиненному коммунистическим правительством в биологии. Научная и педагогическая элита рассматривалась политическим руководством как враждебная социальная группа. Неудивительно, что раз за разом предпринимались попытки превратить университеты в своего рода курсы технической подготовки, целиком лишённые исследовательской компоненты.

Второй важной причиной разделения науки и высшего образования в советское время была плановая система организации экономики. В такой экономике государственные органы решают, что и в каком количестве должно производиться, распределяют ресурсы, в том числе и трудовые, для осуществления этих планов. В такой системе политические решения влияют не только на непосредственное распределение ресурсов, но и на долгосрочные приоритеты. Соответственно, оказывается естественным сначала формулировать заказ для науки и создавать специальные институты для реализации конкретного заказа. Это в значительной степени противоречит идее современного – последних полутора столетий – университета, который генерирует фундаментальные знания в отсутствие специфического правительственного запроса.

Конечно, как и в любой ситуации, реальность была сложнее простой схемы. Огромный объем фундаментальных исследований осуществлялся под видом чего-то способствующего достижению прагматических целей. Например, масштабная космическая программа Советского Союза оправдывалась оборонными целями – тем не менее легко представить не менее успешную разработку ракет без дорогостоящих космических программ. В ситуации, когда научное сообщество использует прагматические запросы власти для работы над проблемами, не имеющими прямой прикладной ценности, нет, по-видимому, ничего специфически социалистического – в послевоенной Америке значительная часть фундаментальных исследований

КОНСТАНТИН СОНИН
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИИ...

финансировалась через оборонный бюджет. В СССР институции создавались с четко определенными целями и вскоре оказывались локальными центрами фундаментальных исследований.

Несмотря на то, что достижения и проблемы науки советского времени являются предметом довольно активных исторических исследований, никакой устоявшейся, используемой всеми парадигмы пока не создано. Можно отметить следующую проблему, общую для плановой экономики в целом и советской организации науки и образования в частности. Экономист Янош Корнай в «Экономике дефицита» назвал это «мягким бюджетным ограничением» – в плановой экономике убыточные предприятия продолжали существовать, получая ресурсы от правительства. Все дело было в отсутствии механизмов выбытия предприятий, которые уже были не нужны, – то, что в рыночной экономике обеспечивается нежеланием владельцев нести убытки и осуществляется, если менеджмент не согласен с закрытием, в рамках процедуры банкротства. То же самое происходило в советское время в научной сфере – новые институции создавались по мере возникновения новых задач, но отсутствовали механизмы ликвидации оказавшихся ненужными или неудачными проектов. Даже успешные начинания были в значительной степени лишены механизмов обновления. Стагнация и застой в экономике, медленно ведущие в 1970–1980-е к экономической катастрофе, сопровождались стагнацией и застоєм в высшем образовании и науке.

Революция 1991 года, приведшая к смене политического устройства, экономического уклада и состава страны, не привела – и не могла привести – к немедленному изменению университетской системы. В этой части книга Кузьминова и Юдкевич становится первым аналитическим описанием огромного естественного эксперимента – адаптации системы, сложившейся в прошлом, к резко поменявшимся условиям. Важно, что адаптация не просто протоколируется – делается попытка поставить ее в контекст меняющихся условий. Серьезное увеличение бюджетного финансирования высшего образования в начале 2010-х не вернуло российские университеты к *status quo* 1990 года. Складываются новые институты (включая поведенческие практики и ожидания), сохраняя при этом элементы, которые были результатом эволюционного отбора на шок революции.

Книгу «Университеты в России: Как это работает» трудно себе представить, если исходить из знания только имен авторов. Один из них – Ярослав Кузьминов – на протяжении тридцати лет был ректором Высшей школы экономики, которая за эти годы прошла путь от маленькой школы/центра прикладных исследований до одного из крупнейших университетов

России, единственного, по сути, современного исследовательского университета в стране. Однако книга в минимальной степени сфокусирована на уникальном опыте ВШЭ – наоборот, она предлагает нехарактерный для практика системный взгляд. Второй автор – Мария Юдкевич – является крупнейшим в России специалистом по высшему образованию в сравнительной перспективе, автором и редактором нескольких монографий на эту тему. Однако сравнительная перспектива – это то, что в книге присутствует постоянно, но в качестве фона: детали не собраны в одном месте, а контрастно перемешаны с другими подробностями – историческими, институциональными, социологическими. Результат – книгу можно читать начиная не только с любой главы, но и с любого раздела. Она настолько энциклопедична, что я легко могу представить дебаты на тему, скажем, о роли правительства в российском образовании, в которых каждая из сторон опирается исключительно на фактуру и данные из «Университетов в России». Это неидеологизированное, детальное описание российского высшего образования – редкость в последние годы, важный инструмент в руках практиков, энциклопедический источник фактуры для теоретиков и, несомненно, большой успех авторов.

КОНСТАНТИН СОНИН
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИИ...

Социализм в городе

*Red Metropolis. Socialism
and the Government of London*

OWEN HATHERLEY

London: Repeater, 2020. – 266 p.

Кирилл Рафаилович
Кобрин (р. 1964) –
историк, литератор,
шеф-редактор журнала
«Неприкосновенный за-
пас», автор (и соавтор)
более двадцати книг.

«**Д**ля тех из нас, кто работал в County Hall¹ с первых дней лейбористской администрации, одним из наиболее поражающих изменений стало то, каких людей можно было встретить теперь в его коридорах. Чиновников из других ведомств и высокопоставленных лиц постепенно стали сменять лондонцы из самых разных групп населения: от панков и растаманов до бангладешских пенсионеров – причем никто из них не смущался величием этого места и вел себя так, будто оно принадлежало именно им. Во время Июльского фестиваля 1984 года эти изменения в County Hall достигли наивысшей точки. Целый день в здании буквально роились юные панки, скинхеды, растафарианцы и другие лондонцы. Они обосновались на главной лестнице (ранее использовавшейся только для вип-персон), в отделанных деревом коридорах Главного этажа. Зал заседаний городского совета использовался для непрерывных дискуссий о судьбе Совета Большого Лондона, причем в какой-то момент слово предоставили Анне Скаржилл² и организации “Жены шахтеров”. Атмосфера была довольно необычная – стены County Hall ранее не выдвали ничего подобного».

Эту цитату из сочинения Морин Макинтош и Хилари Уэйн-райт можно обнаружить на страницах 120–121 новой (но не самой последней на момент написания рецензии) книги Оуэна Хэзерли «Красный метрополис. Социализм и управление Лондоном». Книга посвящена отчасти скрытому до сего дня сюжету, самим автором названному «красным метрополисом» – истории того, как левые, преимущественно социалисты, участвовали в работе органов местного самоуправления огромного города, который со стороны очень сложно назвать «красным». Действительно, в зависимости от точки наблюдения Лондон представляется городом то архибуржуазным, то свехартистическим или даже просто хаотическим нагромождением самых

1 Адекватного – столь же краткого – русского перевода County Hall на русский нет. Назовем это «зданием лондонского горсовета».

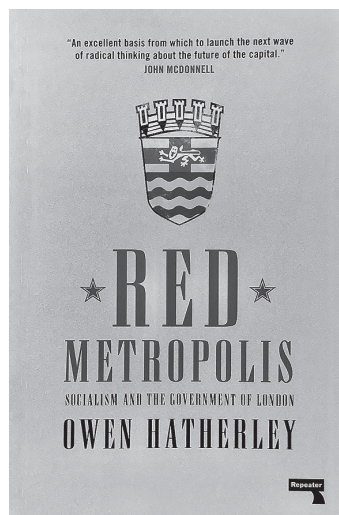
2 Британская левая профсоюзная активистка, организатор многочисленных протестов против закрытия шахт правительством Маргарет Тэтчер в 1980-е и антивоенного женского лагеря в Гринэм Коммон. Жена профсоюзного лидера Артура Скаржилла, в 1982–2002 годах президента Национального союза шахтеров.

разных районов, по сути, небольших и больших городов, слабо между собой связанных. Последнее, пожалуй, будет наиболее близким к истине; неупорядоченность, разнообразие, порой даже слишком пестрое, – таковы главные характеристики этой столицы бывшей империи, которая стала одним из финансовых центров мира – и одновременно одним из самых неудобных для жизни, дорогих, но странно привлекательных мест. Тем не менее за подобным вроде бы беспорядком стоит не просто история, вполне упорядоченная и поддающаяся рационализации, но механизмы управления городом и довольно жесткие рамки, не допускающие превращения плодотворной до известного предела хаотичности лондонской жизни в хаос настоящий, разрушительный, чреватый деградацией и упадком. О деградации (и даже упадке) Лондона говорят уже довольно давно, с 1930-х, но в каждый период кризиса метрополис умудрялся переродиться, переизобрести себя на новых основаниях, не теряя – по крайней мере видимости – приверженности старым устоям и обычаям. Огромную роль в ключевых для Лондона сменах парадигм играли местные власти – и, как демонстрирует Оуэн Хэзерли в своей книге, прежде всего социалисты самого разного толка, которые управляли городом немалую часть его истории прошлого и начала нынешнего века.

Тут следует уточнить, что имеется в виду под словом «управляли». Лондон никогда не был похож на другие европейские столицы с их мэрами, централизованной администрацией, городской бюрократией, выстроенной в иерархическом порядке. Лишь в последние двадцать лет там появилась должность мэра – и, несмотря на медийную шумиху и политические баталии, сопровождающие деятельность первых трех на данный момент лондонских мэров (Кена Ливингстона, Бориса Джонсона и Садика Хана), реальной власти эта позиция предполагает совсем немного. Кое-какие вопросы, связанные с деятельностью полиции, транспортом, городским благоустройством (совсем немного) плюс представительские функции и организация пиар-деятельности для привлечения инвестиций – вот, пожалуй, и все или почти все. Тем не менее «мэр Лондона» стал одной из наиболее важных фигур в британской политике; для Ливингстона эта должность стала концом политической карьеры, для Джонсона – трамплином к премьерству.

Более того, местные выборы в столице всегда – и особенно в последнее время – демонстрируют пропасть, отделяющую ее от остальной страны, особенно Англии. Лондон – космополитический мегаполис, в котором преобладают леволиберальные настроения. Оттого британские правые презирают столицу, обвиняя «элиту метрополии» в полном отрыве от нужд и чаяний простого английского человека (валлийцев и шотланд-

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ

цев, не говоря уже о североирландцах, в ксенофобской консервативной прессе за «простых людей» не считают – первые и вторые голосуют за лейбористов и местных националистов, а последние и вовсе не присутствуют в сознании журналиста какой-нибудь «Daily Telegraph»). Собственно, уже лет пятнадцать идет настоящая «культурная война» правой (как пристойной, так и таблоидной) прессы против Лондона – война, нашедшая кулинарное воплощение в схватке между хипстерским тостом с авокадо (запивать непременно тыквенным латте с веганским молоком) и народным *fish & chips* или барбекю (все это в сопровождении неизменной пинты местного эля). К реальности Лондона это противостояние отношения почти не имеет, метрополию населяют не хипстеры, а в основном обычные люди, которые считают каждый пенс, оставшийся после выплат по грабительским ипотекам или заоблачным рентам за съем жилья. Тут не до мятого вилок авокадо на тосте из экологически ответственной булочной.

Тем не менее эта сочиненная правой прессой реальность, как и реальность любой иной «культурной войны», развязанной для достижения вполне конкретных целей, формирует представления, которые укладываются в идеологические рамки и политические предпочтения, после чего, в условиях демократического устройства, приводят к важнейшим решениям, меняющим судьбы миллионов людей. Яркий пример тому – Брекзит. Правые националисты выиграли эту кампанию исключительно благодаря упомянутой выше «культурной войне», разыграв карту «простой английский патриот *versus* изнеженный лондонский космополит». Понятное дело, что в результате пострадали и те и другие, причем первые гораздо сильнее: Брекзит нанес тяжелейший удар по британскому сельскому хозяйству, сфере услуг, торговле, производству. Однако реальность реальной жизни и реальность идеологическая – вещи разные. В любом случае, Лондон голосовал против Брекзита и от Брекзита проиграл очень сильно; причем не только Лондон рабочий, многонациональный, артистический, но и Лондон финансовый: Сити недосчиталось семи тысяч рабочих мест. Как это скажется на будущем метрополиса, сказать еще сложно; но то, как Лондон стал тем, чем он является сейчас – и какую роль в этом сыграли британские лейбористы и прочие социалисты, включая даже коммунистов, – этот сюжет постепенно проясняется. Книга Оуэна Хэзерли сильно тому способствует.

Перед нами не монументальное исследование, а краткий очерк истории «красного метрополиса». Книг об истории лондонского местного само- и просто управления написано немало, но вот сложить это в одну картину, кажется, раньше в голову никому не приходило – по крайней мере развернуть данный

сюжет именно для социалистического Лондона. А он исключительно важен, поскольку и внешним своим видом, и внутренним устройством современный Лондон обязан левым (в самом широком смысле) гораздо больше, чем правым. Скажем, County Hall, где происходят удивительные события в сюжете, с которого открывается эта рецензия, – впечатляющее здание городской администрации, построенное в межвоенный период в обычно раздражающем, но в данном случае отчего-то вполне уместном стиле эдвардианского псевдобарокко. Каждый, кто бывал в Лондоне, помнит его – оно расположено на южном берегу Темзы, ровно напротив здания Парламента и Биг Бена, в начале нашего тысячелетия рядом пристроили монструозное колесо обозрения. Как явствует из его названия, County Hall возвели, чтобы он стал штаб-квартирой преобразованного и модернизированного в конце XIX века органа городского управления (точнее, органа координации самоуправлений городов/районов, образующих мегаполис) – London County Council (LCC, Совет графства Лондон), который с начала прошлого столетия контролировался чаще всего лейбористами и представителями других левых движений и групп и который чаще всего находился в конфликте с центральным правительством, по большей части консервативным. В середине 1960-х казалось, что победило правительство – парламентским актом LCC распустили, заменив на Greater London Council (GLC, Совет Большого Лондона), надеясь, что, включая в границы «большого города» множество пригородов и небольших окрестных городков с преимущественно мелкобуржуазным населением, можно будет избежать победы левых на местных выборах.

Расчет консерваторов сработал – но до известного хронологического предела; с началом 1980-х, в первый этап правления Тэтчер, лондонцы, возмущенные неоконсервативным курсом ее кабинета, передали власть в GLC левым, причем крайне левым, вроде Кена Ливингстона. «Красный Кен» стал председателем Совета; он последовательно и безжалостно реализовывал самую социалистическую повестку, причем в современном понимании социализма. Речь идет не только о строительстве доступного социального жилья, транспорте и прочем, но и о расовом, национальном и гендерном разнообразии как самой системы городской власти, так и проводимой ею политики. Именно при Ливингстоне Лондон стал действительно космополитным, «открытым» – на уровне повседневной жизни.

Интересно, что параллельно с этим архивраг Ливингстона, Маргарет Тэтчер, «достроила» переизобретающую себя метрополию другой разновидностью открытости – финансовой. Смягчение, а порой даже и полная отмена регулирования финансовых операций в Сити привели к тому, что туда устремились

деньги со всего мира – причем часто сомнительного происхождения. Свежеоткрывший себя Лондон привлекал иммигрантов из Юго-Восточной Азии и арабских стран возможностью найти работу и спокойную, далекую от крайних проявлений религиозной, расовой и социальной нетерпимости жизнь – и он привлекал деньги элит из тех же регионов, элит, далеко не толерантных и не демократических. В Сити эти деньги отмывались и начинали приносить спокойный уверенный доход, а внизу, у подножья рвущихся вверх небоскребов финансовых компаний и банков, в полукилометре от Сити, на Брик-лейн и в Тауэр Хамлетс, обживались бежавшие с родины от этих новых заморских инвесторов бангладешцы, ливанцы, иракцы. Об удивительной одновременности, казалось бы, противоположных процессов стоит в будущем поговорить подробнее, причем не только на британском материале. Пока же отметим, что связь между ними очень прочная, несмотря на кажущуюся полярность.

В 1986 году правительство опять победило в схватке с лондонским управлением – GCL распустили. Способствовали тому и сами действия Ливингстона и его соратников – в частности, помянутый выше Июльский фестиваль 1984 года. Но не только. На фасаде County Hall периодически вывешивали разные оппозиционные радикальные билборды – так, чтобы их было видно из окон находящегося через реку парламента. В свою очередь правительство Тэтчер смогло привлечь симпатии немалого количества лондонцев, создав схему, согласно которой жильцы социальных квартир могли выкупить их за относительно небольшие деньги. Это сократило социальную базу левых, создало новый класс владельцев недвижимости в городе, где люди чаще всего обитали (и обитают) в не принадлежавших им жилищах. Плюс к этому консервативное правительство развязало настоящую войну против левых и профсоюзов – жестоко подавляло стачки и протесты на севере страны (особенно шахтерские), пыталось уничтожить саму инфраструктуру своих политических соперников, важнейшей частью которой был Совет Большого Лондона. Наконец, одержимость децентрализацией, характерная для тэтчеризма, взявшего за образец Америку 1920-х и 1950-х, была применена и к Лондону – после роспуска GCL серьезного координирующего органа городской власти в столице просто не осталось. Лишь десять лет спустя «новые лейбористы» Тони Блэра, получив большинство в парламенте, стали создавать новую структуру управления городом.

Что же до County Hall, то после ухода оттуда городской администрации и совета зданию, как водится в реальности неолиберальных затей, сильно не повезло. Его продали японскому инвестору, он на какое-то время пустил туда очень крупнобуржуазную частную галерею современного искусства

Чарльза Саатчи, потом Саатчи поссорился с владельцем здания и переехал на другой берег Темзы, одно крыло здания разрушили, чтобы построить невыразительный отель, другое приходит в упадок. В основной же части – «Аквариум морской жизни» и иные развлечения для детей, которым предлагают еще раз насладиться похождениями Шрека, плюс еще какие-то увеселения. Кое-где можно встретить офисы компаний, арендовавших в County Hall помещения. Рядом – очередь туристов на колесо обозрения. Ничто не напоминает о трудах и днях тысяч людей, сформировавших Лондон таким, какой он есть.

Хэзерли избежал соблазна сделать историю County Hall сюжетопорождающим стержнем своей книги – и в этом ее отличие от некоторых предыдущих сочинений этого автора. В первых принесших ему известность вещах – «A Guide to the New Ruins of Great Britain» и «A New Kind of Bleak»³ – Хэзерли предлагал очерк нынешнего состояния британских городов, и именно из современности он ретроспективно проводил линии исторического свойства, которые обнажали механизмы формирования и функционирования жизни не только урбанистической, но и общественно-политической, как на местном, так и в основном на общебританском уровне. Для решения подобной задачи как раз необходимо использовать историю и современное состояние того или иного здания (а Хэзерли – интереснейший архитектурный критик) или городского пространства. Получилась своего рода история Великобритании последних ста с лишним лет, данная через очерки о разных ее городах.

В «Красном метрополисе» – все наоборот; автор реконструирует – в основных чертах – историю участия социалистов в управлении и самоуправлении Лондона, и тем самым возникает картина нынешнего города, *ставшего результатом этой истории*. При таком подходе в центре внимания – люди, их действия и идеи, которые определяли и определяют эти действия, а не здания и городские районы, хотя, конечно, Хэзерли немало о них пишет. Среди его героев Джон Макдоннелл – один из лидеров нынешних левых лейбористов, еще относительно недавно министр финансов в теневом правительстве Джереми Корбина, сорок лет назад бывший заместителем «Красного Кена» в Совете Большого Лондона. Высказывание Макдоннелла украшает обложку книги Хэзерли: «Превосходная основа для следующей волны радикального переосмысления будущего столицы». Автор выбрал для обложки именно эту цитату не-

3 HATHERLEY O. *A Guide to the New Ruins of Great Britain*. London; New York: Verso, 2010; IDEM. *A New Kind of Bleak*. London; New York: Verso, 2012. Отрывок из введения ко второй из них был опубликован в «НЗ»: Хэзерли О. *Будут ли строить и дальше в темные времена?* // Неприкосновенный запас. 2013. № 3(89) (www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/89_nz_3_2013/article/10508/).

спроста – тем самым он подчеркивает политический контекст своей книги и собственные идеологические симпатии; Хэзерли – сторонник левого, радикального социалистического лейборизма, который символизирует Джереми Корбин (тоже работал в Большом Совете Лондона при Кене Ливингстоне) и его сподвижник Макдоннелл. Эта книга не просто написана с социалистических позиций; ее сверхзадача – показать, что при господстве буржуазных идеологий и политических партий социалисты (и даже коммунисты) в рамках демократического устройства могут сделать очень многое, особенно на уровне администраций городов. В наши времена торжества правого популизма стоит рассказать о прошлых достижениях и начать думать о будущем.

Книга состоит из предисловия, введения и четырех глав, последняя из которых, как водится в литературе такого рода, пытается ответить на вопрос «Что делать?». «Красный метрополис» написан во время пандемии, когда автор оказался заперт в стенах своей съемной квартиры в Южном Лондоне, в доме, некогда построенном в рамках программы LCC. Изначально это было большое эссе, заказанное журналом «New Left Review»; под карантинным «домашним арестом» оно разрасталось и разрасталось, пока не превратилось в 266-тистраничное издание, немалую часть которого, впрочем, составляют фотографии и библиографические сноски.

Об иллюстрациях стоит отдельно сказать несколько слов. Уже в первых своих книгах Хэзерли обильно использует снимки домов, кварталов и городских районов, о которых пишет, – это любительские фото, черно-белые, будничные, невыразительные, почти случайные. Как мне кажется, они ведут свое происхождение не только из блога Хэзерли, который он вел в 2000-е и тексты из которого составили «A Guide to the New Ruins of Great Britain» и «A New Kind of Bleak». Здесь прослеживается и другая линия, ставшая в последнее время модной. Я имею в виду издания прозы Винфрида Зебальда, которые сопровождаются намеренно «никакими» снимками. Они играют огромную роль в создании глубочайшего и беспросветнейшего состояния меланхолии, закончившегося настоящего, истории, обещавшей будущее, но обещания обманувшей. Остался только печальный, почти бесстрастный голос рассказчика, который пешком передвигается по Восточной Англии, вспоминает, замечает вроде бы мелочи, обильно снабжая речь экскурсами в почти забытую историю (и окончательно забытые персональные истории). Зебальдовская меланхолия оказалась столь убедительной, будучи обратной стороной бодрых, агрессивно красочных 1990-х, закончившихся сменой парадигмы после 9/11, что полуслепые черно-белые фото в духе «Колец Сатур-

на», «Эмигрантов», «Аустерлица», «Головокружения» стали фирменным знаком многих изданий англоязычной некоммерческой прозы, эссеистики и даже публицистики – вплоть до сегодняшнего дня.

Хэзерли, думаю, связь с этой традицией (а теперь модой) отверг бы, так как довольно скептичен в отношении зебальдианства и вообще разговоров о меланхолии, ставшей результатом несостоявшихся будущих высокой модерности⁴. С точки зрения воинствующего социалиста и модерниста⁵, меланхолия – занятие недостойное, даже вредное, но тут с Хэзерли согласиться сложно. Из «сожаления о нереализовавшейся, как хотелось бы, модерности» как раз и может родиться воинственность борьбы за «продолжение модерности», ее обновление, развитие «в нужную сторону». В конце концов, идея прогресса, явившаяся в эпоху Просвещения, но примененная к строительству новой жизни уже романтизмом, имела обратную сторону в меланхолии, ностальгии и культурном ривайвализме того же романтизма.

Буржуазный прогресс середины позапрошлого века породил в самой прогрессивной буржуазной стране Европы, Великобритании, прерафаэлитов, неоготику, движение «Искусств и ремесел» (*Arts and Crafts*), которое стало одним из мест рождения английского социализма. Основатель движения, Уильям Моррис, выдающийся художник, поэт и дизайнер-ривайвалист, был отцом и британской Социалистической лиги, участвовал в создании Второго Интернационала, дружил с Петром Кропоткиным. Он пытался создать новый тип производства, основанного на ручном труде, отказе от эксплуатации и, в отличие от других утопистов, преуспел в этом – моррисовская дизайнерская фирма стала одной из самых успешных и влиятельных в стране. Его – как и некоторых других участников «Искусств и ремесел» – идеи и практическая деятельность сильно повлияли на образованную в 1900 году британскую Лейбористскую партию и на политику лейбористов в органах местного управления/самоуправления Лондона. С самого начала британский социализм – как идея, как практика – был теснейшим образом связан с областью эстетического; будучи отчасти порождением эпохи позднего романтизма, он сильно (хотя и скрывает это) зависит от идеи панэстетизма, которая в сознании Морриса и его сподвижников являлась одновременно и идеей

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ

4 Здесь он решительно расходится с Марком Фишером, который в 2000-е был для него во многом примером и – в какой-то мере – учителем. См. эссе Хэзерли о посмертном издании коллекции текстов из фишеровского блога «k-Punk»: Хэзерли О. *От скучной дистопии к кислотному коммунизму* // Неприкосновенный запас. 2019. № 1(123). С. 211–249. Книга Марка Фишера «Призраки моей жизни» издана «Новым литературным обозрением» в 2021 году.

5 См. первую книгу Хэзерли: HATHERLEY O. *Militant Modernism*. London: Zero Books, 2009.

всеобщей социальной справедливости. Карл Маркс заклеил бы такой социализм «феодальным» или «консервативным», объявив его противником социализма истинного, коммунистического, однако в той стране, в которой он провел вторую половину жизни, актуальным – и работающим – оказалась именно эта разновидность. Не зря же в июле 1984 года в социалистический County Hall пришли представители субкультур: панки, растаманы, даже скинхеды – а ведь любая субкультура стоит на принципе прежде всего формального единообразия и, в конце концов, эстетического единства. Образ жизни «красного метрополиса» прежде всего *эстетически* отличается от повседневности других городов Великобритании и континента – в этом привлекательность Лондона, несмотря на все его неудобство и дороговизну. Наконец, у британского социализма есть свой эстетический маркер, сразу узнаваемый, – это бруталистская архитектура южного берега Темзы, Барбикана и так далее.

Образ жизни «красного метрополиса» прежде всего *эстетически* отличается от повседневности других городов Великобритании и континента – в этом привлекательность Лондона, несмотря на все его неудобство и дороговизну.

Оуэн Хэзерли принадлежит к этой политической и социокультурной традиции, ведущей свое происхождение от романтизма. Именно он был одним из первых, кто открыл заново не только брутализм (в этом участвовали многие другие), но и как бы непритязательную социальную, муниципальную архитектуру 1950–1970-х, на которую уж точно было принято (да и сейчас принято) смотреть свысока. Его любовь к британским аналогам советских многоэтажек и хрущевок сродни тому, как ранние романтики любили готические руины, считавшиеся в XVIII веке воплощением уродства. Промышленная и финансовая буржуазия середины – второй половины XIX столетия превратила романтическую реабилитацию готики в один из городских архитектурных мейнстримов; таким образом этот новый класс как бы легитимировал себя, укореняясь в истории, причем в «чужой истории», в той, в которой он еще – в его современном виде – не существовал. Это была стратегия «присвоения» не своего прошлого; точно так же сегодня, в эпоху позднего капитализма, неолиберальное общество присваивает социалистическую бруталистскую архитектуру, сделав ее модной. Хэзерли, много писавший о брутализме в первых своих

книгах, сейчас, во времена, когда на кофейных столиках в приемных адвокатов, зубных врачей или в гостиничных лобби можно найти роскошные альбомы, посвященные этому стилю, больше говорит о другого рода зданиях – тех, что еще не были апроприированы буржуазной культурой. Здесь он тоже романтик по сути – и в каком-то смысле эстет.

Ковидный карантин породил обсуждаемое здесь произведение именно как книгу, и он же стал исключительно удачной точкой для реконструкции истории «красного метрополиса». В эпидемию Лондон опустел и встал; из окна Хэзерли мог видеть только общий для жильцов его дома садик, да вдалеке – самый высокий небоскреб Европы «Осколок» («Shard»), построенный лет десять назад возле вокзала «London Bridge». «Осколок» возвели при Борисе Джонсоне, однако сам принцип, согласно которому частный девелопер должен либо передать муниципалитету какое-то количество квартир для социальных жильцов, либо обустроить прилегающую общественную территорию, был сформулирован и введен в жизнь «Красным Кеном» во времена GLC.

«Осколок» принадлежит катарской компании; прилегающий к нему вокзал действительно был перестроен и стал менее неудобным, нежели был до того; цена недвижимости вокруг «London Bridge» выросла до еще более заоблачной. Социального жилья в этом районе все меньше, Южный берег стремительно джентрифицируется начиная с некогда забудыжного и мрачного района Бермондси. Процесс трансформации пошел здесь классическим путем: сначала тут обосновалась артистическая тусовка, потом открылось местное отделение галереи «White Cube» (и закрылось – в 2015-м – в стопроцентно джентрифицированном районе Хокстон на Северном берегу), появились хипстерские кафе⁶ и «ремесленные магазины» (*artisan shops*). Потом сюда принялись переезжать представители социальной группы, некогда названной в Париже «бобо» (*bohème bourgeois*), а затем и просто работники Сити: из Бермондси до офиса можно дойти пешком или очень быстро доехать на велосипеде как раз через мост на той стороне реки.

Как мы видим, Лондон трансформируется совместными усилиями тех, кто слева, и тех, кто справа, представителями классов совершенно противоположных и, согласно марксистской логике, антагонистических. Соответственно, у «красного метрополиса» есть двойник – если не «белый», то уж точно «зо-

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ

6 Название одного из них, «Fuckoffee», призвано умеренно будоражить прохожих, но, кажется, этого не происходит. То ли потому, что вокруг немало других, столь же неоправданно дорогих кофеен, то ли из-за того, что расположенный ровно напротив «White Cube» выставляет искусство, рассчитанное на примерно такой же эффект: слегка удивить, чуть-чуть шокировать – в рамках, конечно, – чтобы было о чем вечером поболтать с приятелями за третьей порцией джина с тоником.

лотой». История Лондона в прошлом и начале нынешнего века – сюжет инициативы и борьбы «красного», плоды которых присваивает «золотой»; неудивительно для города, бойко продающего туристам майки с «God Save the Queen» «Sex Pistols». Создательница панк-моды, дизайнер Вивьен Вествуд пятьдесят лет прожила в скромной социальной (потом – эконо-социальной, так как выкупила ее по тэтчеровской схеме) квартире района Клапем на юго-западе Лондона. Это любопытная деталь того же самого сюжета.

Предисловие к «Красному метрополису» называется «Лондон в лимбе» (то есть не в аду, не в раю – в промежуточном состоянии) и начинается с рассказа, как автор встречал 2020 год в гостях в Бермондси – в бывшей социальной квартире на последнем этаже бывшего социального дома, откуда открывался отличный вид на «Осколок». Последний допандемийный Новый год. Следующие полтора года Хэзерли практически не покидал своей съемной квартиры, откуда «Осколок» тоже виден.

Лондон трансформируется совместными усилиями тех, кто слева, и тех, кто справа, представителями классов совершенно противоположных и, согласно марксистской логике, антагонистических.

В недавнем (пока неопубликованном⁷) эссе он, однако, пишет не о небоскребе, а о скромном садике под своим балконом. Дом построен местным советом еще в 1930-е; соответственно, зеленый участок был общим для всех жильцов. Ничего особенного – кустики, газон, несколько деревьев, протоптали тропинки, ограждено забором. Когда-то это было место общего пользования, и там происходила нехитрая коммунальная жизнь обитателей дома. Затем, в тэтчеровские времена, жильцы выкупили значительную часть квартир, большинство от них потом избавились, а список новых владельцев пополнился людьми из других районов и других городов. Сейчас в доме живут практически только арендаторы – вроде самого Хэзерли. Садик стал ненужным, так как не понятно, кому он теперь принадлежит, кто и что имеет право там делать. Оживила его, как ни странно, пандемия; жильцы, лишённые возможности перемещаться по городу, стали использовать пространство под окнами их квартир: нехитрая коммунальная жизнь вернулась в самых непритязательных формах – от сушки белья на веревочках до барбекю или утренних занятий йогой на траве.

⁷ Предисловие к фотокниге Анастасии Цайдер «Аркадия», которая готовится к публикации в рижском издательстве «Орбита».

В сущности, это еще одна символическая история – о том, что происходит с наследием «красного метрополиса» в начале 2020-х годов. Материальные плоды социалистического мышления, присвоенные поздним капитализмом, вдруг в ситуации кризиса вновь обретают свой социалистический смысл. Последняя глава «Красного метрополиса» – та, которая о «Что делать?», – об этом. Впрочем, о судьбе садика при своем доме Хэзерли пишет в другом тексте – предисловии к альбому фотографий заросшей буйной растительностью советской застройки нынешних российских городов. Книга (и арт-проект) фотографа Анастасии Цайдер называется «Аркадия»; красный урбанизм Хэзерли и его соратников по воинствующему модернизму можно назвать «челночным»: он неустанно передвигается между «et in Arcadia ego» (в обоих смыслах этого латинского изречения) и «Что делать?». Такова нынешняя судьба не только левого урбанизма, но левой мысли и левого движения как таковых.

Из четырех глав книги три – исторические. Название первой, «Building the Tories out of London», сложно точно перевести на русский, получается что-то вроде «Выстроим тори из Лондона». Имеется в виду не задача поставить в строй всех консерваторов, живущих в британской столице, как может показаться из многозначности русского слова «выстроить». Речь идет о стратегии лондонских лейбористов, которые с помощью своей последовательной урбанистической политики (социальная застройка, создание общественных пространств, развитие доступной транспортной системы, реформа местных школ и прочее) хотели сделать город «своим» политически, трансформировать его так, чтобы в нем отныне и навсегда голосовали за них. Собственно, глядя ретроспективно, можно сказать, что левые в этом преуспели. Хронологические рамки первой главы – 75 лет существования и работы LCC (1889–1964). Там множество интересных сюжетов: и смены направления общей политики левых, когда они возглавляли Совет, и соотношение генеральной линии LCC с деятельностью районных советов, и некоторые удивительные архитектурные решения в социальной застройке. Но это для тех, кто, так сказать, глубоко в теме. Для неспециалиста в истории Лондона наиболее важно политическое измерение этих 75 лет. Перед нами разворачивается история британского социализма, выросшего из совершенно разных корней: Уильям Моррис соседствует с бюрократической разновидностью левой политики, которая базируется на христианской (протестантской) идее справедливости, в том числе и социальной.

Глава открывается с пространной цитаты из статьи Морриса «Отчет о развитии и условиях английского социализма» (1899),

где он призывает левых сосредоточить все усилия на местной политике, а не на попытках проникнуть в парламент; по его мнению, британский парламент всегда будет реакционным. Поле неспешной, обстоятельной, никогда не прекращающейся битвы за английский социализм – Лондон. Один из главных – быть может, главный – герой этой битвы и первой главы Герберт Моррисон (1888–1965), наверное, вторая по важности фигура в истории британского лейборизма прошлого столетия. Моррисон был министром в разных правительствах, в том числе и в межпартийном «военном кабинете» Уинстона Черчилля; именно он организовал триумфальную предвыборную кампанию своего товарища по партии Кремента Эттли в 1945-м. Но нас интересует его деятельность во главе LCC в 1930-е; никто из городских деятелей до Кена Ливингстона не повлиял настолько сильно на облик и жизнь Лондона. Социальная застройка, подземка, административные реформы, создание и благоустройство общественных пространств, приведение в порядок школ – все это Моррисон. И он же, Моррисон, был ксенофобом – и удивительно старомодным ханжой. Всего этого невозможно объяснить, если не понимать происхождения моррисоновской разновидности социализма – из сочетания пуританской убежденности в необходимости строго этического порядка и социальной справедливости с культом администрации и общественной и государственной службы. Моррисон был, наверное, идеальным бюрократом-социалистом. Что касается ханжества, то Хэзерли вспоминает такую историю. В 1937-м Моррисон инициировал программу строительства в Лондоне открытых общественных бассейнов, они называются «Lido». Сеть бассейнов существует до сих пор, многие работают. Однако тот же Моррисон настоял, чтобы бассейны закрывались с концом светового дня. На возражения, мол, как же тогда рабочие люди будут их посещать в будние дни, Моррисон ответил: «В темноте они там будут ... *[заниматься сексом]*!». Герберт Моррисон умер в тот самый год, когда вместо распущенного правительством LCC появился GLC.

Периоду существования Совета Большого Лондона (1964–1986) до его уничтожения Тэтчер посвящена вторая глава книги – «Битвы за County Hall». Самое интересное здесь – история того самого радикально-левого Совета первой половины 1980-х, о котором речь шла выше. Именно в данный период на первую роль в формировании нового типа социалистического лондонского урбанизма выдвигается Кен Ливингстон, здесь же начинают свою карьеру Джон Макдоннелл и Джереми Корбин. Собственно, истоки нынешнего левого лейборизма (корбинизма), который на пару лет даже стал официальной идеологией и практической политикой партии, – здесь. Это уже не со-

циализм пуританского толка и не левый, в какой-то степени луддитский, ривайвализм Уильяма Морриса. Социализм новой, современной повестки, состоящей из комбинации давно известных этатистских черт (в британском случае – доведенного до предела кейнсианства) с появившимися в 1960–1970-е темами гендерного равноправия, мультикультурализма, антирасизма, защиты сексуальных меньшинств. В каком-то смысле вариант «Герберт Моррис плюс Анджела Дэвис». Несмотря на тактическое поражение, роспуск Совета Большого Лондона, эта повестка, в том виде, в котором ее продвигал в 1980-е Ливингстон, восторжествовала, став мейнстримом современной политической жизни Великобритании – и особенно Лондона. Но главный ее результат – сам Лондон, «открытый всем», многонациональный, ультралиберальный город, который усилиями уже консерваторов и умеренных лейбористов («новых лейбористов» времен Тони Блэра) исключительно успешно не просто продает этот имидж – он как бы из него, хотя бы виртуально, состоит.

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ

Материальные плоды социалистического мышления, присвоенные поздним капитализмом, вдруг в ситуации кризиса вновь обретают свой социалистический смысл.

Этот сюжет присвоения «красного метрополиса» «золотым» продолжается в третьей главе с драматическим названием «Фауст в County Hall». Речь уже о нашем тысячелетии, когда у Лондона появился мэр. За двадцать лет их было три: Кен Ливингстон, Борис Джонсон и нынешний Садик Хан. Два лейбориста и один консерватор; при этом то немного, чем действительно может похвастаться Джонсон, есть присвоенные плоды проектов, задуманных и начатых Ливингстоном⁸. В роли Фауста – не клоун (как в последние годы выяснилось, опасный клоун) Джонсон и не исключительно осторожный и практичный Хан – Кен Ливингстон: только он обладал тайным знанием о преобразовании Лондона. Ливингстон – Фауст не столько гётевского типа, сколько шпенглеровского: рации плюс воля плюс энергия. Персонально для Кена Ливингстона эта история кончилась поражением – прежде всего собственной партии; завершив активную карьеру, он занял совершен-

8 К примеру, революционная для тех времен схема аренды велосипедов, прокладка велодорожек, строительство надземки, но главное – продолжение ливингстоновской политики в отношении девелоперов: разрешение на застройку в обмен на некоторое количество социальных квартир и/или обустройство общественных пространств вокруг. Как утверждает Хэзерли, именно последнее привело к безумному буму недвижимости в городе, сняв большинство препятствий для коммерческой застройки.

но ему не подходящую роль резонера, комментатора городской, общebritанской и, увы, международной политики, что сильно подпортило его образ. Но дело Ливингстона жило – и в каком-то смысле живет; по крайней мере было живо до начала пандемии.

Наконец, будущее. Последняя глава книги Хэзерли называется «Будущие для лондонских левых»; хотя на самом деле лучше было бы перевести как «Варианты будущего для левого Лондона». Множественное число в обычно единственном «будущем» здесь ключевое. Как говорил лидер британской панк-группы «The Clash» Джо Страммер, «The Future is Unwritten». В последние несколько лет западные левые с энтузиазмом, сменившим былую меланхолию, занимаются если не поисками настоящего, подлинного, будущего, которое не предполагается нынешним «поздним капитализмом», то попытками это будущее сформулировать. В этой точке оборвалась жизнь Марка Фишера, он намеревался написать книгу о возможном коммунистическом будущем, но покончил с собой, оставив лишь набросок предисловия к ней⁹. Акселерационисты и многие другие продвигают свои будущие, вариантов становится все больше¹⁰.

Оуэн Хэзерли не очень любит теоретизировать, так что предпочитает не конструировать мыслительные объекты, а предлагать конкретные (ну, или, как ему кажется, конкретные) меры. В соответствующем разделе последней главы пять пунктов. В первом предлагается использовать опыт других метрополисов (Берлина, Барселоны, даже, как ни странно, Парижа) в проектировании и развитии социальной застройки, решении проблемы чистого воздуха и прочего. Второй пункт – о том, что следует остановить расползание самого Лондона, иначе станет невозможно решать насущные и стратегические проблемы сколь-нибудь централизованным образом. Третье – в условиях «деволюции власти», иными словами, усиления самоуправления определенных частей Соединенного Королевства (Уэльс, Северная Ирландия, прежде всего – Шотландия, которая

9 Фишер М. *Кислотный коммунизм (недописанное предисловие)* // Неприкосновенный запас. 2020. № 6(134). С. 13–35. Будущим – несостоявшимся и возможным – посвящен последний курс лекций Фишера в Голдсмитском колледже. Их посмертная публикация: FISHER M. *Postcapitalist Desire: The Final Lectures*. London: Repeater Books, 2021. Рецензии на нее: КОБРИН К. *Понедельников больше не будет. Последние лекции Марка Фишера* // Новое литературное обозрение. 2021. № 5(171). С. 343–348; Скородумов Д. *Последняя битва за похищенное будущее* // Неприкосновенный запас. 2021. № 4(138). С. 253–262.

10 См. например, нашумевшую книгу Ника Срничека и Алекса Уильямса «Изобретая будущее», а также «Капитал мертв» Маккензи Уорк: SRNICEK N., WILLIAMS A. *Inventing the Future. Postcapitalism and a World without Work*. London; New York: Verso, 2016 (рус. перев.: СРНИЧЕК Н., Уильямс А. *Изобретая будущее. Капитализм и мир без труда*. М.: Strelka Press, 2019; об этой книге: Николаи Ф. *Назад в будущее: контррегеменция и новый sensus communis* // Неприкосновенный запас. 2020. № 1(129). С. 153–160); WARK M. *Capital is Dead*. London; New York: Verso, 2019; рецензия на это сочинение: КОБРИН К. *Стало хуже, но есть надежда* // Неприкосновенный запас. 2020. № 4(132). С. 327–340.

и вовсе движется к независимости), Лондон должен получить больше власти и контроля над своими делами. На парламент в смысле левой повестки рассчитывать бессмысленно, что доказали выборы 2019 года: правые контролируют английскую провинцию, они раздули ксенофобию у населения разоренных ими же северных районов, их поддерживает самый мощный пропагандистский механизм страны – желтая пресса. Такую ситуацию быстро не изменишь – но что наверняка можно изменить: перераспределение власти в пользу если не «красного», то уж точно «розового» метрополиса. Четвертый пункт посвящен необходимости усиления представительного органа лондонского управления – Лондонской Ассамблеи, – иными словами, демократизации городской политики. В этом смысле не стоит опираться на опыт великого бюрократа Моррисона или «Фауста»-Ливингстона. Ну, и, наконец, последнее: не следует впадать в уныние – надо продолжать то, что лондонские левые делали почти 150 лет. «Красный метрополис» не памятник, а процесс, который следует сделать еще более интенсивным.

Пандемия еще не закончилась, но пандемийная гибернация завершается. Мир – и Лондон – просыпается. Следует засучить рукава и приняться за дело. *The Future is Unwritten.*

КИРИЛЛ КОБРИН
СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ

Прогуливаясь вдоль лесных троп: антропология против санитарных кордонов

Correspondences

TIM INGOLD

Cambridge: Polity Press, 2021. – 240 p.

Могут ли эксперименты, произведенные через окно (то есть в теории), на что-то претендовать – или же в стремлении к познанию все же придется выйти за дверь?

ВИЛЕМ ФЛЮССЕР. «О положении вещей»¹

ОСВОБОДИТЬ СЛОВА ИЗ КАРАНТИНА АКАДЕМИИ

Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.

Как разрушить возведенную теоретическим дискурсом стену между словом и миром? Как создать условия для их встречи, не давая слову превратиться в возвышающееся над миром понятие, через которое утверждается власть суверенной перспективы абстрактного разума? В новой книге с говорящим названием «Корреспонденции»² британский антрополог Тим Ингольд рекомендует подойти к этой проблеме «эпистолярно»: отбросить академические условности вкупе с экспертным анализом и писать как *любитель* – не ради академической карьеры, а из искренней *любви* к теме. Как утверждает Ингольд, в таком режиме теория погружается в материалы и силы обитаемого мира, вплетаясь в его текстуры и тем самым создавая условия для «переписки» с деревьями, камнями, землей, небом, морями, реками, ветрами, ракушками и песчинками – все они становятся персонажами представленных в книге эссе. В русле развиваемой автором поэтики обитания любовь является собирающей силой, а любитель – «корреспондентом», внимательным к миру и сопоставляющим свои движения с потоками его элементов. Отвечая друг другу, эти элементы непрерывно пишут мультилинейную историю – историю мира, где пафос лица, начертанного на

¹ Флюссер В. *О положении вещей. Малая философия дизайна*. М.: Ad Marginem, 2016. С. 94.

² См. также более раннюю версию книги: INGOLD T. *Correspondences*. Aberdeen: Aberdeen University, 2017. Сборник в нынешнем виде дополнен восемнадцатью новыми эссе, но не обошлось и без потерь: некоторые старые материалы – в частности, интервью – в новую книгу не вошли.

песке, лишается всякого смысла, растворяясь в судьбах самих песчинок, захваченных процессом неукротимых метаморфоз.

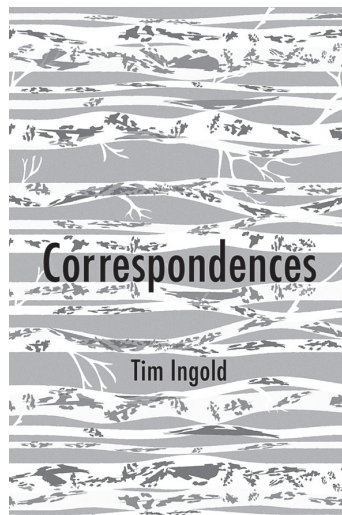
Но каков смысл переориентации, к которой призывает Ингольд? Не равнозначен ли этот подход отказу от теории как таковой – в исходном значении созерцательного познания, не связанного с опытом? В более раннем тексте антрополог утверждает, что, пока мы сидим в своих домах, аудиториях или конференц-залах, окружающая среда проносится у нас перед глазами в образах ландшафтов, дикой природы и тому подобного; то есть мир сводится к изображению, а мы забываем, что мир этот не столько созерцаемый, сколько обитаемый. «Я хотел бы, – заявляет Ингольд, – чтобы вы прогулялись на свежем воздухе, напомнив себе об этом»³. По сути дела «Корреспонденции» иницируют как раз такую прогулку – *прогулку по лесу*, если быть точным. Ведь во введении сказано, что войти в книгу можно с любого места, читая собранные в ней эссе в произвольном порядке, «как во время лесной прогулки, когда вы можете выбрать какое угодно число альтернативных маршрутов» (р. 16). В этом смысле страницы книги становятся землей, а строки – тропинками.

Надо заметить, что выбор места для прогулки отнюдь не случаен, поскольку, с точки зрения Ингольда, лес есть пространство конвивиальности и мать всех материалов: собирая в себе нити множественных существований, деревья оказываются эталоном социальности. А в основе последней лежит именно то, что антрополог называет *корреспонденцией*. Этот концепт (эта метафора?) едва ли поддается однозначному переводу: с одной стороны, речь идет о переписке, с другой, – о «со-ответствии», то есть об отзывчивости, резонансе или, в широком смысле, вовлеченности в мир жизни. Как заметил Морис Мерло-Понти – один из ключевых авторов для Ингольда, – утрата такой вовлеченности ведет к тому, что «тело падает и вновь становится объектом»⁴. Именно такие объекты – изолированные от мира и упакованные в понятия – изучает теория в исходном значении, но, по словам Ингольда, теоретическая работа отнюдь не обязана иметь дело с «гиперабстракциями», утратившими связь с опытом, а вполне может быть укоренена в материалах и силах обитаемого мира (р. 14). Вопрос, однако, в том, будет ли она все еще *теорией*? Или станет чем-то другим?

С одной стороны, по словам Ингольда, «это не совсем теория» – не метод, не техника и не набор упорядоченных шагов для достижения predetermined цели, – а «средство продолжать и продолжаться, то есть проживать жизнь с другими» (р. 200), двигаясь не от точки к точке, а *вдоль*, как ручей, размывающий

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ

ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

3 ИДЕМ. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge, 2011. P. 95.

4 МЕРЛО-ПОНТИ М. *Феноменология восприятия*. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 327.

оба своих берега⁵. С другой стороны, это «не совсем» теории говорит не столько об отказе от нее, сколько о ее переводе в режим корреспонденции. В одном из интервью, не вошедших в новую версию сборника, Ингольд проясняет эту мысль, заявляя, что необходимо освободить антропологию от этнографии: если вторая скована обязательством репрезентации, то первая может быть спекулятивной дисциплиной, в этом отношении сопоставимой с архитектурой и искусством⁶. Но главное, что антропология может со-ответствовать искусству, мысля *вместе* с ним, а не создавая его теории. Таким образом, в антропологии практика *вгибается* в теорию: антропология в этом понимании оказывается познанием через делание – практикой теории как модуса обитания, или практической теорией, идущей «путем искусства» (р. 14–15). Этот момент приобретает особое значение в ходе разговора о «Корреспонденциях», так как, во-первых, многие из собранных здесь текстов написаны «в ответ» на художественные произведения и, во-вторых, книга вторгается на территорию поэзии – в сборник вошли «любительские» стихотворения «О вымирании» (р. 148–151) и «Складка» (р. 177–179). Этот поэтический уклон перформативен, поскольку разыгрывает ключевую идею книги: будучи основным средством корреспонденции, слова «опосредуют поэтику обитания», однако «вместо того, чтобы обитать в мире поэтически, мы создали небольшую нишу в обитаемом мире для поэтов» (р. 197). Таким образом, сама поэзия специализируется, или территориализуется, превращаясь из «земной вещи» в «музейный объект», а значит, играет по правилам мира, который «захвачен дьявольской спиралью презрения к слову» и полагается только на «объективные принципы рационального управления» (р. 207–208). В этом свете любитель предстает концептуальным персонажем, прокладывающим тропу сопоставления научно-техническому разуму, который подчиняет слово императиву размещения.

Если поэт, следуя этому требованию, становится «специалистом по метафорам», то академический исследователь, напротив, должен быть уверен в стерильности своего языка. Он использует слово как хирургический инструмент, предназначенный не для общения, а для расчленения – артикуляции, нацеленной на «объективность». Но последняя, по мысли Ингольда, блокирует корреспонденцию. В итоге исследователи не учатся *вместе* с миром, а подходят к нему так, будто «достигли высот

5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 45.

6 INGOLD T. *Correspondences* [2017]. Р. 125–126. О недовольстве этнографией см.: INGOLD T., MACDOUGALL S. *Enough about Ethnography: An Interview with Tim Ingold* // *Cultural Anthropology*. 2016. April 5 (<https://culanth.org/fieldsights/enough-about-ethnography-an-interview-with-tim-ingold>).

интеллектуального превосходства, с коих вещи раскрываются с ясностью и определенностью, недоступными простонародью» (р. 198). Исходя из этого антрополог заключает: дабы преодолеть построенный традиционной теорией барьер между словом и миром, нужно высвободить слова из санитарного кордона академии. Поэтизировать теорию, скорее исполнять письмо, чем писать об исполнении, то есть экспериментировать с материалами и формами так, чтобы слова не замыкали вещи в «коробках» дефиниций, ведь «мы обитаем в мире, а не в коробке; коробка либо открыта, либо закрыта; ткань мира, однако, складчата» (р. 217).

ДЕНИС ШЛАГИНОВ
ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

**Если поэт становится «специалистом по метафорам»,
то академический исследователь, напротив, должен
быть уверен в стерильности своего языка. Он
использует слово как хирургический инструмент,
предназначенный не для общения, а для расчленения –
артикуляции, нацеленной на «объективность».**

ПОРИСТЫЕ ПОВЕРХНОСТИ, ОТЗЫВЧИВЫЕ НИТИ

Прогуливаясь вдоль лесных троп, можно заметить, что сами тропинки подобны складкам в земной поверхности (р. 26). Более того, деревья вокруг сплетаются и вкладываются друг в друга так, что невозможно определить, где кончается одно и начинается другое (р. 19). Складка, пожалуй, является ключевым образом в сборнике, поскольку описывая динамику одностороннего различения, он позволяет Ингольду мыслить вещи неизолированными, пребывающими в непрерывной корреспонденции и неотделимыми от земли (*ground*), в которую они «вписывают» свои тропы. Как утверждает Ингольд, земля – это не фундамент и не сцена, а многосложная, скомканная поверхность, и, «хотя можно отличить тропу от земли, в которую она вписана, [...] земля от тропы отличить нельзя» (р. 25–26). Описываемый с помощью этого инструментария мир есть мир переплетающихся множественных историй – например, самой своей сингулярной формой снежинка рассказывает историю своего падения на землю (р. 76); более того, она и есть эта история, то есть неповторимая «тропа» различения. Продвигаясь сквозь мир и попутно вступая во взаимоотношающийся резонанс с другими историями, вещи прокладывают такие тропы, которые можно сравнить со сгибами на поверхности листа

бумаги. Это сопоставление позволяет лучше понять развиваемую Ингольдом онтологию становления – или, в его терминах, «онтогению» (р. 8): хотя складки множественны, они являются вариациями одной, как линии, формирующиеся в смятой, а затем разглаженной бумаге (р. 177). Такой «бумаге» обитаемого мира полностью посвящен третий раздел книги, поэтому следует рассмотреть эту тематическую линию чуть подробнее.

В первом эссе, включенном в раздел, Ингольд вспоминает об игре «Камень, ножницы, бумага», которая появилась в Китае не меньше двух тысяч лет назад, но сегодня знакома практически каждому. Антрополог использует эту игру в качестве модели для описания земли, которая появляется в результате схождения и взаимовлияния трех элементов: земли (*earth*), атмосферы и обитателей. Первая встает на место бумаги, вторая – камня, а третьи играют роль ножниц. В ходе роста и перемещения обитатели «разрезают» земную ткань, оставляя на ней следы и вплетая в нее свои тропы. В свою очередь земля, испытывающая воздействие геоморфологических сил, извергается, что порождает искривления, трещины и разрывы. Наконец, атмосфера – со своими ветрами, штормами и осадками – размывает поверхность земли, стирая следы ее обитателей. Таким образом, утверждает Ингольд, мы получаем круговорот вписывания, извержения и эрозии, которые постоянно перекраивают землю (р. 86). Антрополог уподобляет ее палимпсесту, погруженному в непрерывный цикл письма и стирания. Любопытная особенность такого понимания заключается в том, что «в земле, как на пергаменте, прошлое не погребено под настоящим, а в действительности расположено ближе всего к поверхности» (р. 89). Пребывая между землей и атмосферой, земля, однако, является не интерфейсом, а зоной взаимопроникновения и смешения земных материалов с атмосферными потоками, то есть корреспонденции стихий, в ходе которой и формируется обитаемый мир, или мир жизни.

Разговор о мире жизни – сквозная тема работ Ингольда, и обсуждаемый сборник не исключение. Такой мир во многом соответствует тому, что в эссе «Ta, Da, Ça!» именуется вегетативным порядком, который в корне расходится с порядком артефактов: если первый воплощает принципы роста и отклонения и превалирует в лесу, то второй связан с работой интеллекта, укладывающего непослушные материалы в статичные формы, и представлен многообразием спроектированных объектов, которые доминируют в современных городах. Здесь турбулентность мира постоянно сдерживается через производство непроницаемых поверхностей. Примером такой поверхности могла бы послужить мостовая. В отличие от земли, у которой нет ни верха, ни низа, а лишь середина, где земля

поднимается, чтобы встретиться с небом, «мощенная поверхность, твердая и неподатливая, закрывает землю внизу от контакта с воздухом наверху. У нее есть верхняя и нижняя стороны» (р. 101). Это сопоставление указывает на ключевую характеристику земной поверхности: не будучи ни покровом, ни настилом, она бесконечно пориста. В конечном счете именно эту пористость, или «способность дышать», стремится заблокировать утверждаемый интеллектом порядок артефактов, и все же «поверхность, которая кажется интегральной невооруженному глазу, на молекулярном уровне больше похожа на сито», то есть «в ней полно дыр» (р. 46). А значит, дезинтеграция границы между поверхностью и средой – это лишь вопрос времени, и, как говорит Ингольд, «требуется совсем немного, чтобы процарапать поверхность мира артефактов и тем самым высвободить вегетативную силу материалов из их артефактного футляра, вернув город в леса» (ibid.). Соответственно, такие процессы, как дезинтеграция, коррозия, деформации и им подобные, в развиваемом антропологом подходе трактуются строго позитивно, как выражения жизни вещей и текучести материалов. Этот позитивный подход к распаду, как несложно догадаться, напрямую связан с противостоянием автора теоретической логики модерна, так как «общая тенденция модерна состояла в попытках спроектировать мир так, чтобы он как можно больше соответствовал [*conforms*] тому, что всегда говорили о нем его [модерна] теоретики»⁷. Выражаясь в духе Ингольда, мы могли бы сказать, что теоретическая машина модерна движется *вопреки* миру, а не *вместе* с ним; то есть абстрактный разум «нарезает» среду на дискретные объекты, вместо того, чтобы сочетать свою энергию с динамикой ее потоков. Стало быть, декларативно расколдовывая мир, модерн на деле заколдовывает его посредством понятийных разграничений.

Тематическую линию движения *вместе*, а не *вопреки* отлично иллюстрирует эпизод из эссе «Жизнь камня» – спор камня с бетоном о том, «кто из них продержится дольше». Под воздействием «пропаганды своих производителей» бетон самоуверенно утверждает:

«Я – новый волшебный камень. [...] Я тверже, сильнее, могущественнее. Для всякого современного [*modern*] строителя храма я – избранный материал. Ведь я могу принять какую угодно форму, и она будет держаться вечно» (р. 141).

Но камень знает, что все это «пустое хвастовство», ведь «нельзя ускорить время»:

7 INGOLD T. *Correspondences* [2017]. P. 123.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

«Так что же говорит бетон? Что нужны не тысячелетия, а всего несколько дней, дабы затвердеть, превратившись в камень столь прочный, что он никогда не износится!» (ibid.).

Если камень движется и развивается *с течением* времени, то бетон, современный материал, гомогенный и лишенный прошлого и истории, хочет отменить время с помощью рациональной магии своих производителей. Однако, заключает Ингольд, «это миф – думать, что камень может быть создан в одно мгновение», а «вечный» бетон рано или поздно раскрошится.

Говоря о поверхностях в мире материалов, едва ли можно пройти мимо излюбленной темы Ингольда, а именно – линий. Им посвящены несколько текстов, вошедших в сборник. Наиболее репрезентативным из них, пожалуй, является эссе «Выводя нить на прогулку», где прослеживаются сквозные мотивы линеалогии⁸. Текст предваряется тезисом, хорошо известным читателю предыдущих работ Ингольда:

«В мире материалов не может быть линий без поверхностей и поверхностей без линий. Где бы ни существовали поверхности, они должны были неким образом сформироваться в результате линейного переплетения материалов. И везде, где есть линии, они должны быть либо прослежены на поверхности, либо пронизывать ее. Но такие виды линий, как следы и нити, обладают принципиально разными свойствами» (р. 180).

Распутывая хитросплетения их свойств, антрополог подробно разбирает отношение нитей и поверхностей, которое раскрывается через сравнение клубка шерсти с игровым мячом. Если мячи суть дискретные объекты с непрерывными сферическими поверхностями, то клубок шерсти, несмотря на сферическую форму, не обладает когерентной поверхностью; попытавшись отыскать ее, мы попросту разматываем сам клубок, и он превратится в нить. Таким образом, пишет Ингольд, «клубок шерсти всегда является “становлением клубком”, а линия становления есть нить» (р. 182). При наличии спиц можно превратить нити в узлы и с помощью повторяющихся движений создать ткань. При этом важно, что сама нить не является ни клубком, ни тканью, ни тем, что соединяет одно с другим, а представляет собой «становление клубка тканью» (р. 184). Согласно Ингольду, нити держатся вместе благодаря симпатии, то есть корреспондируют, ритмически отзываются, а сплетаемая из них «полифоническая» ткань сродни музыкальной композиции (р. 186). Полифонический подход к синтезу переносится здесь на жизнь

⁸ Линеалогия, или сравнительная антропология линий, – экспериментальный проект Ингольда, посвященный исследованию разнообразных линий и связанных с ними практик. См.: Idem. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007; Idem. *The Life of Lines*. London; New York: Routledge, 2015.

как таковую. Например, разрезание клубка шерсти уподобляет- ся рассечению живой плоти, которая в этом смысле есть не что иное, как ткань из отзывчивых нитей-голосов. Однако плоть – лишь одна половина живого тела, его видимая «ипостась», тогда как другая, обычно невидимая, сделана из воздуха.

ДЕНИС ШЛАГИНОВ
ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

ОБРЕТАЯ СПОСОБНОСТЬ ДЫШАТЬ

В работе «Жизнь линий» (2015) Ингольд решает дополнить разрабатываемый им подход к изучению линий своеобразной «метеорологией», которая не сводилась бы ни к науке, ни к эстетике, а главным предметом такого рода дисциплины была бы атмосфера, понятая как слияние аффективного с космическим. Надо ли говорить, что воздух, исследуемый с этих позиций, будет вовсе не смесью кислорода, азота, аргона, водорода и углекислого газа. Но тогда чем? В одном из фрагментов «Жизни линий» Ингольд отвечает на этот вопрос так:

«Это не тот воздух, который физика или химия определяют по его молекулярному составу и который мог бы прекрасно существовать в газообразном состоянии в отсутствие людей или каких-либо других существ, которые им дышат. Вдыхаемый и выдыхаемый, этот воздух скорее переносит наши аффективные жизни, изливающиеся в окружающий нас мир. Воздух в этом смысле, подобно ветру и погоде, проживается, а не записывается. “Я не могу дышать, – говорит задыхающийся человек, – дайте мне воздуха!” Вновь быть способным дышать – вот что такое воздух. Действительно, можно сказать, что воздух есть изнанка дыхания»⁹.

Эссе «В тени древесного бытия», написанное в ответ на работы художника и скульптора Джузеппе Пеноне – одного из зачинателей *Arte Povera*, – разворачивает эту концепцию воздуха и дыхания в неожиданном направлении. Как сказано выше, у тела две половины. Они пребывают в непрерывном взаимопроникновении благодаря коже, так как последняя не покров, отделяющий внешнее от внутреннего, а пористая поверхность «необычайной топологической сложности», или *складка*, обеспечивающая обмен веществ со средой. По словам Ингольда, хотя воздушная половина тела всегда с нами, мы склонны игнорировать ее, считая себя сугубо плотскими существами. Схожим образом, гуляя по лесу, мы видим лишь половину дерева, забывая о его двойнике, коим выступает ветер, и, хотя дыхание деревьев незримо, его можно расслышать в шелесте листвы. А теперь, предлагает Ингольд, «представьте

9 Ibid. P. 79.

себе тело, вывернутое наизнанку, так что его дыхание является земным, а плоть – воздушной» (р. 34). Такая воздушная плоть стала бы невидимой, а «в ее середине образовалась бы древо-видная структура, ее ствол – дыхательное горло, ее ветви и сучки – бронхиальные и бронхиоларные трубки, ее листья – альвеолы» (р. 36). Если в древесном бытии становится воздушным то, что материально в теле человека, тогда дерево в каком-то смысле позволяет увидеть невидимое в нас самих – скажем, его дендритная структура выявляет легкие, а форма кроны – дыхание. Более того, «деревья, – напоминает Ингольд, – даже дышат наоборот: то, что мы вдыхаем, деревья выдыхают», и в этом смысле «тело и дерево подобны руке и перчатке» (ibid.). Этот мысленный эксперимент, не претендующий ни на какую «научность», является превосходным примером корреспонденции с деревом, а также демонстрирует ключевую роль дыхания в мире материалов. И это возвращает нас к вопросу, с которого мы начали: как позволить слову встретиться с миром?

В одном из недавних текстов Ингольд заметил, что сложность разговора о дыхании коренится в вызове, который оно бросает установившемуся в социальной теории разрыву между вербализацией и воплощением: «как только мы убираем дыхание, слова расходятся с мышцами, попадая в отдельные регистры вербального познания и телесной [*embodied*] практики»¹⁰. Как показывает антрополог, это расхождение проистекает из укорененного в наших мыслительных традициях допущения, что тело есть сосуд, который можно наполнить неким содержанием. В основе этого допущения лежит то, что Ингольд именует логикой инверсии, то есть операции, исходя из которой линии движения превращаются в границы содержания. Но живое тело – это вовсе не контейнер, а «сложная топологическая конфигурация, допускающая непрерывный обмен материалами через свои замысловато сложенные поверхности»¹¹. Такая конфигурация не может быть ни открыта ни закрыта, а скорее находится в процессе открытия и закрытия, расширения и сжатия, то есть дыхания. Когда мы дышим, мышечное движение сливается с мыслью и речью, которые столь же тесно связаны друг с другом, как вдох и выдох, а пауза на вдохе является паузой для размышления. Таким образом, пишет Ингольд, говорение без пауз указывает вовсе не на когнитивное мастерство, а на бездумность и модернистское обесценивание души в пользу самости как сознания и способности к рефлексивному познанию, локализованной в теле. При таком раскладе разум и, как следствие, слово возносятся над телом, которое сводится к статусу безмолвного автомата. Но что насчет души?

10 ИДЕМ. *On Breath and Breathing: A Concluding Comment* // *Body & Society*. 2020. Vol. 26. № 2. P. 165–166.

11 Ibid. P. 162.

«Сворачиваясь на вдохе и разворачиваясь на выдохе, душа, как вихрь, есть место не отдыха, а смятения, [...место,] дрейфующее в потоке воздуха, который она временно отводит в сторону, в “поворот организма” [...] до его повторного высвобождения. Жить и дышать – не плыть по течению, а отклоняться от него, держаться против течения»¹².

ДЕНИС ШЛАГИНОВ
ПРОГУЛИВАЯСЬ ВДОЛЬ
ЛЕСНЫХ ТРОП...

То есть дышит именно душа как место отклонения, не локализованное ни внутри тела, ни за его пределами, но размыкающее само это тело, не давая ему превратиться в контейнер. Таким образом, начав с вопроса, как устранить границу между словом и миром, мы приходим к другому: как спасти душу от удушья в руках социальной теории?¹³

* * *

Сегодня вопрос о свежем воздухе особенно актуален. Хотя эпидемия объявлена уже давно и должна бы закончиться, некоторые из «заповедей» не утратили твердости: «Нам говорят, что пространство вокруг – там, где люди, – стало опасным. Нам говорят: не покидать дома, а если уж вышел, надеть маски, держать дистанцию»¹⁴. Едва ли стоит сомневаться в том, что сегодня воздух меняет пространство. Но разве «сверхтонкая» опасность, которой оно определяется, исходит от него? И да и нет – ведь, с одной стороны, ветер уже не просто ветер, а с другой, – держать дистанцию требуется вовсе не от него. Эта двойственность пробуждает в памяти квазиэкзистенциалистскую проблему:

- Да, смертельная эпидемия действительно надвигается: вирус очень опасен, и антитела пока не существуют.
- Значит, вы в курсе?
- Конечно. Это самая страшная из всех болезней. Она называется «другие люди»¹⁵.

Как бы ответил на эпидемию «других людей» антрополог, усматривающий в совместном дыхании сущность человеческой конвivialности?¹⁶ Может ли эта сущность раскрыться в теории? Последовательно проводя линию практической теории как модуса обитания, Ингольд предложил бы снять перчатки и маски, так как «живое тело должно дышать» (р. 73), но вряд ли этот ответ удовлетворил бы всех.

¹² Ibid. P. 165.

¹³ Ibid. P. 166.

¹⁴ Аронсон О. Воздух [Физика общего чувства] // Синий диван. 2020. № 24. С. 21.

¹⁵ Баллард Дж. Привет, Америка! М.: АСТ, 2018. С. 174.

¹⁶ INGOLD T. *On Breath and Breathing...* P. 162.

Рецензии

Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма¹

Под ред. Дмитрия Жукова

и Ивана Ковтуна

М.: Пятый Рим, 2020. – 464 с. – 1500 экз.

В сборнике, издание которого составители приурочили к 75-летию окончания Второй мировой войны, с самых разных сторон рассматривается тема, которая в отечественном историческом дискурсе остается дискуссионной на протяжении уже многих десятилетий. Феномен сотрудничества с врагом интересен тем, что по прошествии времени накал ведущихся вокруг него споров не только не снижается, но, напротив, делается все больше. Разумеется, в значительной мере спокойному и обстоятельному обсуждению сюжета мешает та нагрузка, которая априорно обрекает понятие «коллаборационизм»: как

отмечают создатели книги на первых же ее страницах, «после поражения стран Оси во Второй мировой войне термин приобрел негативные коннотации» (с. 6).

Сборник состоит из двух частей, в первой из которых («Исследования») представлены девять статей российских ученых-историков, занимающихся коллаборационизмом 1939–1945 годов, а во второй («Материалы») публикуются неизвестные ранее документы – переписка, мемуары, свидетельства людей, сотрудничавших с нацистами. На исследовательские статьи приходится примерно две трети внушительного объема всей публикации. В редакционном введении подчеркивается, что создатели книги не поддерживают стремление многих российских историков свести русский коллаборационизм только к фигуре генерала Андрея Власова и возглавляемому им движению и поэтому хотели бы взглянуть на изучаемое явление шире и обстоятельнее. Что же касается введения в научный оборот новых архивных источников, то его предназначение, по мнению составителей, заключается в «расширении документальной базы по вопросам сотрудничества с нацистами различных кругов российской эмиграции как до, так и во время Второй мировой войны» (с. 12).

Как представляется, авторское желание осветить коллаборационистскую деятельность с самых разных и несхожих сторон удалось реализовать в полной мере. Вполне логичным образом вступительным текстом оказывается статья Федора Синицина («Коллаборационизм: историко-правовой анализ терминологии»), посвященная концептуальному уточнению самого базового

¹ Рецензия подготовлена в рамках программы «Иммануил Кант» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Германской службы академических обменов (DAAD).

понятия. Кроме того, здесь же предпринимается его правовой анализ, необходимый, с точки зрения автора, из-за тех юридических последствий, которые до сих пор влечет за собой клеймо «коллорациониста». Фундаментальную проблему, препятствующую объективному рассмотрению исторических реалий, автор видит в том, что термин «коллорационизм», несмотря на широкое его использование раньше и теперь, не содержался в советских законах и по-прежнему отсутствует в российском законодательстве (с. 18). Понятно, что это способствует неоправданно широкой дискреции в его применении. Кроме того, подобное положение вещей позволяет пренебрегать различиями в мотивах, толкавших советских граждан к сотрудничеству с врагом: как отмечает автор, психологические мотивы – страх перед жестокостью оккупантов и стремление защитить себя и своих близких – едва ли можно приравнивать к низменным мотивам (тщеславие, алчность или месть), а также к политическим мотивам в виде неприятия советского строя, включая его репрессивные практики (с. 27–28). Трудно спорить с тем, что для объективного исторического исследования такая нюансировка очень важна.

В статье Дмитрия Жукова и Ивана Ковтуна («“Викинг всея Руси”. Генезис идеологии и партийное строительство в вооруженных формированиях и гражданских структурах Б. Каминского») анализируются организационные и идейные установки одной из наиболее одиозных коллаборационистских организаций – «Национал-социалистической партии России» (НСПР). Несмотря на то, что идейные установки партии Бронислава Каминского характеризуются в статье как «причудливый гибрид, материалом для которого послужили клише из пропагандистских листовок вермахта и весьма туманные представления о том, как следует формировать идеологию и строить политическую организацию» (с. 47), в них

имелись и устойчивые мотивы, главным из которых был антисемитизм. Интересны также приводимые в статье параллели между программными положениями НСПР и идеями, пропагандируемыми Народно-трудовым союзом российских солидаристов (НТС) – в частности, Романом Редлихом.

Наряду с организациями и объединениями, сотрудничавшими с оккупантами, в сборнике рассматриваются и судьбы отдельных советских коллаборационистов. В частности, опираясь на материалы уголовного дела, хранящегося в архиве Управления ФСБ по Брянской области, Борис Ковалев в статье «“Царственная вдовица” русского коллаборационизма. По материалам уголовного дела А.В. Колокольцевой-Воскобойников» исследует жизненный путь супруги первого руководителя Локотского самоуправления Константина Воскобойникова, убитого партизанами в январе 1942 года. (Кстати, на посту бургомистра его сменил Бронислав Каминский, упоминавшийся выше.) Руководимое этим человеком в период оккупации Брянщины муниципальное образование, сочетавшее самоуправленческие и военные функции, считалось немцами чуть ли не образцовой формой сотрудничества местных жителей с оккупационными властями. Свои признания, сделанные в ходе допросов, Анна Колокольцева завершает следующими словами:

«Ведь когда перед собой и перед людьми ты оправдывала свое сотрудничество с немцами, сотрудничество в момент войны, то единственным оправданием для меня служило то, что так нужно для народа. Когда же это оправдание отпало, то оставался один голый факт: ты – изменник Родины. Это трудно сказать, еще труднее написать, а прожить – еще страшнее» (с. 112).

Обращает на себя внимание тот факт, что героиня этой статьи избежала смертной казни: получив в 1945 году десять лет лагерей, она дожила до глубокой старости.

Между тем автор материала, излагая обширные цитаты из уголовного дела, которые, в принципе, каждому позволяют вынести собственные оценки, все-таки завершает свой материал чем-то вроде подсказки – очевидно, для тех читателей, которые сами не в состоянии разобраться, что к чему:

«Не оправдывая реалий жизни советского сталинского общества, необходимо признать, что война с нацистской Германией была действительно Отечественной. И все те, кто был на стороне Гитлера, не могут называться честными людьми» (там же).

Другой столь же интересный биографический очерк тоже построен на архивных материалах, предоставленных спецслужбой – только на этот раз не российской, а украинской («Мне, как еврею, нечего было бороться за власовский манифест». Судьба особиста, или История начальника разведки РОНА «майора Костенко»). Опираясь на помощь Службы безопасности Украины, Сергей Дробязко описывает биографию Бориса Краснощекова – начальника разведки Русской освободительной народной армии (она же 29-я добровольческая пехотная дивизия СС «РОНА»). Скрупулезно изученное историком уголовное дело – «к сожалению, никакими другими материалами, способными пролить свет на эти события, мы не располагаем» (с. 123) – позволяет составить весьма колоритный портрет. Любопытно, что Краснощеков родился евреем, но долгая жизнь на Украине позволяла ему выдавать себя за украинца. Автор подчеркивает, что для сотрудничавших с нацистами граждан СССР это далеко не единичный случай:

«Подобные превращения в “украинцев” и “казаков” были достаточно широко распространены среди советских военнопленных, пытавшихся любым способом выбраться из лагерей, где весной 1942 года им угрожала почти верная смерть от голода, болезней и жестокого обращения» (с. 127).

Менее типично то, что раздвоение личности сопровождало Краснощекова и дальше: автор приводит свидетельства того, что этот бывший офицер НКВД, занявший видный пост в штабе РОНА, сотрудничал не только с немцами, но и с партизанами, передавая последним «данные о замыслах противника, численном составе и вооружении германских и коллаборационистских частей, их передвижении» (с. 131). Все эти усилия, однако, позже не были оценены советскими следователями: Бориса Краснощекова приговорили к высшей мере наказания, а в 1997 году ему отказали в посмертной реабилитации. Автор статьи считает подобный исход вполне характерным для советского коллаборациониста:

«Скорее всего Краснощеков никогда не имел намерений изменить тому строю, которому начинал служить в СССР, однако желание выжить и выбор для этого наиболее удобного и выгодного пути привели его к неразрешимому конфликту с жесткой и беспощадной системой» (с. 138).

С одной стороны, действительно, здесь коллаборация удалась не в полной мере; но, с другой стороны, закономерен вопрос: а может ли такая личностная стратегия оказаться беспроектной?

Статья польского исследователя Хуберта Куберского («Восточные добровольцы вермахта, войск СС и полиции во время подавления Варшавского восстания (август–октябрь 1944 года)») написана в рамках специального проекта, поддержанного Национальным центром науки Республики Польша. Отталкиваясь от долго бытовавшего в польской историографии мнения о том, что особую жестокость в борьбе с повстанцами проявили именно украинцы, автор пытается установить, можно ли считать такую позицию обоснованной. С его точки зрения, в данном вопросе царит путаница, изначально порожденная тем, что «немногие жители Варшавы были способны увидеть

разницу между мундирами подразделений полиции, СС и вермахта; только образованные люди могли различать русский и украинский языки» (с. 141). В итоге оформился стереотип, в рамках которого сражавшимся в рядах нацистов украинским подразделениям приписывались преступления, на самом деле творимые русскими коллаборационистами из РОНА. Польская эмигрантская пресса того времени, предвзятая в отношении украинских националистов, охотно распространяла эти мифы: ее идейные установки предполагали, что именно украинцы «должны были составлять большинство из тех, кто стрелял с крыш по полякам» (с. 145). Однако анализ архивных источников позволяет, по убеждению польского историка, пересмотреть прежние оценки; доступные на сегодняшний день материалы свидетельствуют, что наиболее активным формированием, использованным нацистами для уничтожения варшавских повстанцев, стала уже упоминавшаяся 29-я добровольческая пехотная дивизия СС «РОНА», которой руководил все тот же Бронислав Каминский, ставший к тому времени генерал-майором СС. «Это формирование состояло в основном из русских, хотя в его рядах также находились некоторые белорусы, украинцы, казаки и, возможно, даже поляки из восточных районов» (с. 154). Действительно, рука об руку с русскими коллаборационистами в Варшаве воевали представители других этнических групп, проживавших в СССР, но именно первые в особой мере «отметились грабежами гражданского населения и насилием над женщинами» (с. 155).

Продолжая тему коллаборационистского сора́тничества, Андрей Самцевич в своей статье рассказывает о службе русских и украинских эмигрантов в вооруженных формированиях одного из балканских сателлитов «третьего рейха» – Независимого государства Хорватии («За Поглавника и Хорватию». Русские и украинцы в Усташ-

ской войнице»). Материалом для авторского осмысления служат десять эмигрантских биографий, показывающих, каким образом выходцы из России попадали в ряды хорватских националистов и какие роли они там играли. Среди прочих персонажами этих биографических очерков стали Дмитрий Пио-Ульский, погибший в 1944 году, а также Володамир Войтановский, расстрелянный вместе с родителями по решению югославского суда летом 1945-го.

Две статьи, включенные в сборник, посвящены коллаборационистской прессе. Алексей Белков концентрирует свое внимание на пропаганде, которую вели на оккупированных территориях СССР бывшие советские военнослужащие, оказавшиеся на стороне противника и прошедшие подготовку на специальных курсах («Ложь вместо лжи. К истории печатной периодики “Русской освободительной армии”»). Объектами его исследования стали такие власовские газеты, как «Боевой путь», «Доброволец» и «Боец РОА». Все эти издания были призваны укрепить перебежчиков в том, что сделанный ими выбор был правильным и достойным, они разжигали ненависть к большевизму и призывали советских граждан вступать в РОА. В материалах, адресованных солдатам противника, использовался «традиционный набор инструментов нацистской пропаганды: антисемитизм, апелляция к инстинкту самосохранения и создание атмосферы недоверия к собственному командованию» (с. 243). Кроме того, на страницах коллаборационистских изданий публиковались тексты о бытовых и боевых буднях власовцев, которые, как и следовало ожидать, неизменно героизировались. В некоторых газетах до 30% объема занимали карикатуры – в основном на Сталина. Как представляется автору, по своей стилистике и используемым приемам печать, издаваемая пропагандистами РОА, выглядела как искаженное отражение изданий Красной армии – хотя

идейная «начинка» была, несомненно, абсолютно другой. Богатый иллюстративный материал на ту же тему предлагает и статья Ивана Грибкова, представляющая собой библиографическое описание почти сотни журналов, издаваемых советскими коллаборационистами в оккупации («Журнальная измена. Русские коллаборационистские журналы на оккупированной территории»). Этот материал в полной мере позволяет представить масштаб той гигантской работы, которую предпринимали подконтрольные немцам печатные издания.

Написанная Сергеем Митрофановым статья «Цена измены: по материалам рассекреченных надзорных производств прокуратуры Томской области по делам о государственных преступлениях», завершающая первый раздел книги, основана на новейших документах, лишившихся грифа секретности только в 2018 году. Разбирая конкретные жизни и судьбы, автор пытается выявить мотивы, толкавшие советских людей к взаимодействию с оккупантами. Здесь же обсуждаются и дефекты системы, преследовавшей коллаборационистов. Так, авторское недоумение вызывает обращение НКВД с женщинами, главное преступление которых состояло в сожительстве с немецкими офицерами: в большинстве своем они приговаривались к расстрелу по пресловутой 58-й статье УК РСФСР и аналогичным статьям, имевшимся в уголовных кодексах других советских республик. Завершая свой текст, автор намечает задачи, которые в будущем придется решать историкам, занимающимся обозначенной в сборнике темой:

«Предстоит верно оценить масштаб коллаборационизма, понять мотивы людей, совершавших те или иные деяния, составить их социальный портрет, охарактеризовать вклад работников госбезопасности в дело разоблачения и наказания изменников. При этом важно помнить: советских патриотов, боровшихся с противником, было

куда больше, чем предателей. Поэтому выявление новых аспектов коллаборационизма – не самоцель, а желание видеть картину войны более полной и максимально объективной» (с. 304).

Сегодня, когда на историках лежит особая ответственность за интерпретацию прошлого, этот вывод кажется особенно важным.

Во второй раздел сборника вошли документы и материалы из российских и зарубежных архивов, имеющие отношение к довоенному и военному сотрудничеству между немецкими нацистами и русскими эмигрантами. Все они прошли тщательную научную обработку: каждый сопровождается вступительной статьей и научным комментарием, а также справочным аппаратом, восстанавливающим именной состав и биографии участников описываемых событий. Открывает эту познавательную коллекцию переписка генерал-майора Василия Бискупского и главного нацистского идеолога Альфреда Розенберга, хранящаяся в Мюнхенском институте современной истории и подготовленная к печати Игорем Петровым. Затем следуют мемуары начальника одного из отделов Русского общевойскового союза Дмитрия Ходнева из Бахметьевского архива Колумбийского университета в Нью-Йорке, которые отредактировал и прокомментировал Олег Бэйда. Потом идут воспоминания офицеров «Русской национальной армии», оказавшихся в мае 1945 года в княжестве Лихтенштейн; их обрабатывали Дмитрий Жуков и Иван Ковтун. Наконец, завершает подборку письмо, которое в 1961 году бывший офицер вермахта, переводчик и эмигрант Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, написал бывшему члену Комитета освобождения народов России и члену НТС Михаилу Томашевскому. Этот документ, находящийся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, подготовил к печати Андрей Мартынов. Раскрывать

здесь содержание всех этих исторических источников нет смысла: заинтересованный и увлеченный читатель просто не сможет обойти их вниманием.

Людмила Климович, старший научный сотрудник Ульяновского государственного технического университета

Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих

Ольга Пинчук

М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. – 208 с.

Концептуальный жест, организующий рецензируемую книгу, прост и безотказно эффективен. Бросая вызов поверхностным академическим суждениям и распространенным бытовым предрассудкам, Ольга Пинчук предлагает начать «разговор об индустриальном труде и возвращении фигуры рабочего не только в экспертные дискуссии, но и в повседневность городских жителей» (с. 24). Силу и легитимность этому заявлению о намерениях придает тот факт, что сама социальная исследовательница

с августа 2016-го по август 2017-го работала на подмосковной конфетной фабрике и в книге фиксируется и анализируется личный опыт включенного наблюдения за заводской жизнью.

Очерчивая в первой главе структуру и основные особенности современного фабричного труда, Пинчук обращается к целому ряду тем и сюжетов (начало работы на производстве, инструкции и их несоблюдение, устройство цеха, основные профессии и круг их обязанностей, типы занятости, зарплаты, горизонтальные и вертикальные взаимодействия персонала и так далее), которые постепенно складываются в выразительную и местами неожиданную картину функционирования постсоветского капитализма. Конфетная фабрика, на которой работала исследовательница, возникла уже после распада СССР и принадлежит «транснациональной корпорации по производству сладостей» (с. 43). Тем не менее воспоминания о мертвых советских традициях все еще тяготеют над умами живых: работники болезненно переживают замену старого руководства «патерналистского типа», управлявшего предприятием через неформальные взаимоотношения, на новый менеджмент «неолиберального толка» (с. 47), занятый разработкой абстрактных правил и нереальных требований. Одним из результатов внедрения этих практик управления стал тотальный коммуникативный разрыв между менеджерами и рабочими, лишь изредка преодолеваемый письмами, которые удачно сочиняла Пинчук.

Между тем рабочим приходилось постоянно обращаться к начальству с просьбами о помощи, поскольку – и здесь мы приближаемся к смысловому ядру книги – цеховое оборудование на этом заводе предельно износилось. Причина его износа проста – «оно много лет эксплуатировалось на другой фабрике транснационального концерна» (с. 46) и попало в Россию только после того, как было списано за границей.

Проработав еще полтора десятка лишних лет, оно пришло в такое состояние, что теперь весь производственный процесс оказался организованным вокруг заглавных для книги «сбоев и поломок», определяющих современную жизнь завода и его сотрудников. На эту ситуацию накладывается менеджерская нелиберальная одержимость оптимизацией и повышением производительности труда, в результате чего изношенные машины работают на максимальных оборотах. Это ведет к постоянным поломкам и угрозе порицаемой начальством остановки оборудования, так что операторы машин вынуждены все время и любыми средствами поддерживать их работу. Вторым следствием износа в сочетании с максимальными темпами производства оказывается запредельное, еле контролируемое количество брака, требующего дополнительного ручного труда для отправки на переработку.

Представив этот многообещающий эмпирический материал, во второй главе Пинчук приступает к его теоретической обработке. Участие в реальном функционировании современного завода позволяет исследовательнице поставить под вопрос расхожие представления об автоматизации и роботизации современного производства, которые оказываются – во всяком случае на одной подмосковной кондитерской фабрике – «фантомами ненаступившего будущего» (с. 101). Если когда-то и можно было говорить об исчезновении профессии рабочего, то точно не сейчас и не здесь: вместо рутинного конвейерного труда или наблюдения за исправно функционирующей машиной операторы вынуждены заниматься бредовой (без ссылки на Дэвида Гребера² книга, конечно, не обходится)

деятельностью по поддержанию работы заведомо неработоспособного оборудования, заменить которое руководству кажется невыгодным. Таким образом, современный завод оказывается пространством новых нерегламентированных форм человеческого ручного труда, требующих изобретательности, креативности, живого опытного знания – всех тех качеств, которые обычно связываются с нематериальным трудом и экономикой знаний, о которых писал Андре Горц³, постиндустриальной эпохой и так далее. Изношенное состояние оборудования перекраивает рабочие взаимоотношения, задает новые критерии квалификации операторов, формирует особые навыки, требует наличия дополнительных инструментов – все это за пределами кодифицированных правил или в прямом конфликте с ними – и связывает между собой работников фабрики: «сбои и поломки стали единственным важным элементом повседневности и основой коллективной идентичности» (с. 126).

Третья глава книги проблематизирует уже не фабричный, а исследовательский труд. Обращаясь к автоэтнографии, Пинчук анализирует собственный полевой опыт, его предысторию и контексты. Включенное наблюдение заводской жизни изначально было частью коллективного социологического проекта, столкнувшегося с рядом трудностей, «сбоев и поломок», в результате которых исследование стало индивидуальным. Что важно, эти препятствия носили системный характер и были связаны с общими проблемами современной академической науки – нестабильной занятостью и недофинансированностью. Пинчук оказалась вовлечена сразу в два трудовых порядка, равно требующих

2 GRAEBER D. *Bullshit Jobs: A Theory*. New York: Simon & Schuster, 2018; рус. перев.: ГРЕБЕР Д. *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. М.: Ad Marginem, 2020.

3 Андре Горц (1923–2007) – французский левый философ, социолог, журналист. На русском языке вышла одна из основополагающих его книг: Горц А. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.

больших физических и интеллектуальных затрат и проблематично сочетающихся друг с другом. Помимо рефлексии по поводу своего специфического двойного статуса, исследовательница анализирует ретроспективно обнаруженные собственные стереотипы о заводском труде и жизни рабочих, а также размышляет о довольно очевидных, но от этого не менее остро переживаемых, этических проблемах, связанных с включенным наблюдением, необходимостью скрывать на начальных этапах свои научные намерения и установлением доверительных отношений с информантами.

Один из возможных вопросов, возникающих по прочтении этой ясной, сжато написанной книги, связан с выбранной в ней формой представления результатов социологического исследования. Как сообщает Пинчук, в своем тексте она прибегла к анонимизации (с. 26) фабрики, ни названия, ни точного местоположения, ни владельцев которой читатель не узнает. Более того, фигурирующие на страницах книги работники, с их именами, характерами и должностями, – лишь «собираательные образы» (с. 25). Таким образом, исследовательница доводит до предела уже несколько десятилетий присущее антропологии стремление к фикционализации своих научных нарративов. Повествование на протяжении всей книги последовательно ведется от первого лица, теоретические рассуждения чередуются с бытовыми зарисовками, а последняя саморефлексивная глава делает, как это повелось в автоэтнографии, работу похожей на описывающее собственное происхождение, замкнутое на себя модернистское произведение искусства.

Подобное сближение научного исследования и художественного вымысла продуктивно обнажает сделанность, искусственность первого и эпистемологический потенциал последнего. Однако возникает вопрос о связи между способом репрезентации и степенью репрезентативности

полученных данных. «Собираательные образы», образованные в результате эстетических операций сгущения и смещения, предполагают наличие хотя бы минимального прибавочного смысла, аллегоричности, способности обозначать целую группу явлений. Между тем остается непонятным, насколько типичен или, напротив, уникален опыт подмосковной конфетной фабрики с чрезвычайно износившимся оборудованием. Могут ли описанная в книге полувывмышленная фабрика и ее работники символизировать собой устройство заводского труда в современной России? Подходят ли для широкого применения убедительные выводы о (не)автоматичности и креативности фабричной работы? Как бы то ни было, эти вопросы не должны заслонять того факта, что рецензируемая книга – очень удачный компактный опыт переживания и обновления мыслительных схем, с которыми мы подходим к явлениям современного индустриального труда.

Олег Ларионов

Взламывающая философия

МАРТИН КОЭН

М.: АСТ, 2020. – 320 с. – 3000 экз. –

Серия «Взламывающая наука»

В последние несколько лет крупные российские издательства, словно соревнуясь между собой, печатают все больше популярных книг, посвященных философии. Жанр, казалось бы, не слишком высокий, но сама тенденция кажется вполне отрадной, ибо невозможно заинтересовать современного читателя, скажем, «Рассуждениями об опыте» Рене Декарта или «Левиафаном» Томаса Гоббса, не представив прежде самих мыслителей и их основные идеи в простом и привлекательном виде. Поэтому, увидев на обложке название, подобное тому, что

у рецензируемой книги, не будем высокомерно отворачиваться: вещь может оказаться вполне стоящей. В конце концов, нынешняя волна философской популяризации начиналась в 1991 году с такого общедоступного шедевра, как «Мир Софии» Юстейна Гордера, норвежского школьного учителя, многих заставившего взять в руки настоящие философские книги и увенчанного переводами на четыре десятка языков и даже экранизацией.

Британский преподаватель философии Мартин Козн (Университет Хартфордшира) работает в русле той же традиции. В своей книге, первое издание которой состоялось в 2017 году, он попытался представить панорамное видение эволюции философской мысли от самых ее истоков и до нынешних дней. Особенность его подхода в том, что история мировой философии видится ему гигантским собранием нерешенных и, возможно, вообще неразрешимых проблем. Трактующее в подобном свете философствование, во-первых, бесконечно, а во-вторых, безнадежно, но в нем, по мнению автора, важен отнюдь не результат, а само человеческое усилие, направленное на раскрытие спрятанных смыслов. Представляя эволю-

цию философской мысли, Козн в основном придерживается временного принципа, но не считает его нерушимым: когда ему нужно сопоставить апории Зенона с относительностью по Эйнштейну, он анализирует обе доктрины в одной и той же главе. Разумеется, у такого метода есть как преимущества, так и недостатки. Минус очевиден, поскольку прозрения и догадки какого-то философа не всегда собраны в одном месте, но зачастую разбросаны по разным главам, и кого-то из читателей это может раздражать. Но бесспорный плюс заключается в том, что каждая глава делается как бы самостоятельной, она не теряет цельности даже в тех случаях, когда ее читают в отрыве от остального текста.

В книге десять глав, и, хотя разбивка, как только что было сказано, условна, следование ей кажется наиболее удобным способом разговора об этой работе. В первых трех главах («Там, где все началось. Первые философы», «Золотой век философии» и «Бог: в поисках мудрости») автор представляет знаменитых мыслителей «осевого времени» – прежде всего греков и китайцев, – особо выделяя в их ряду Платона, Пифагора, Зенона, Конфуция и Лао-Цзы, а также описывает предпринятые ими и их наследниками изыскания, нацеленные на обретение абсолютной Истины. Каждый из них – и китайцы не исключение – так или иначе работал с вечной триадой «истина, красота, благо», впервые сформулированной Парменидом. Предложенное последним толкование истины, под которой понималось «то, что должно быть и не может быть по-другому» (с. 15), задавало алгоритмы философствования на много веков вперед. Обращает на себя внимание, что Платон и Конфуций зачисляются автором в один и тот же лагерь искателей абсолютного, предвечного, непоколебимого; «положение Конфуция в китайской культуре может быть сопоставлено с тем, что занимали Сократ и Платон

на Западе» (с. 30–31). Причем, как подчеркивается в книге, параллели не ограничивались лишь этим, поскольку и в греческой, и в китайской культуре наблюдалось одно и то же любопытное явление: чем желаннее становилось обладание Истиной с большой буквы, тем острее осознавалась проблематичность самого этого понятия и сомнительность притязаний на его постижение. Благодаря элеатам на Западе и даосам на Востоке, а также их многочисленным последователям, постепенно складывалось убеждение, что «истина сама по себе – проблематичная концепция для философов» (с. 20). Работая в разных культурных и идеологических контекстах, греческие и китайские мыслители приходили к выводу, что разум и истина далеко не всегда дружат между собой: есть такие истины, для постижения которых разумное начало вовсе не требуется – более того, они могут как поработать, так и освободить.

Поначалу западная и восточная мудрость не только шли одним и тем же курсом – в частности, в старом Китае были свои платоны и софисты, а в античной Греции свои лао-цзы и конфуцианцы, – но также плодотворно обогащали друг друга. Показательно в этом смысле наследие Платона, которому автор фактически отказывает в праве именоваться «европейским мыслителем». Не будем удивляться: уже во введении читателю было обещано: «Придется разнести в пух и прах не одно осященное веками почтенное мнение о том, что такое философия и чем она была» (с. 6). Мартин Козн держит слово: ведь если верить книге, то большая часть идей, пропагандируемых Платоном, ему вообще не принадлежала – скорее он транслировал потомкам содержание дискуссий, которые вели его предшественники, первейшим из которых называется Пифагор. В своих оценках автор категоричен:

«Когда говорят, что история западной философии является, в сущности, не чем иным, как заметками на полях платоновских рукописей, стоит отметить, что весь Платон – не более чем примечания к Пифагору» (с. 50).

Последний же, как известно, черпал вдохновение у мудрецов Египта и Персии; именно оттуда в Грецию был привезен культ математики и поклонение цифре, оказавшие на западную философию гораздо более глубокое влияние, чем принято считать. Конечно, Платону многое приходится договаривать за Пифагора, поскольку последнего зачастую неправильно толковали – Пифагорово учение в процессе такой реинтерпретации неизбежно искажалось, и поэтому «дистиллированный» Пифагор для нас сегодня недоступен. Но что не вызывает сомнения, так это гигантское влияние привнесенных им математических методов мышления на все последующее развитие европейской философии.

«Пифагор верил, что математика являла проблеск совершенной реальности, отражением которой является наш мир, противопоставляя эту чистую, неиспорченную, божественную реальность развращенным земным сферам. К несчастью, полагал он, человеческая душа была поймана в клетку этой сферы и закована в тело, как в гробницу» (с. 64).

В последующие тысячелетия подобная линия рассуждений получила всестороннее развитие. Кстати, в ходе анализа античной философии среди пострадавших от беспощадного автора оказывается не только Платон; досталось и Аристотелю, который «даже сейчас возвышается как авторитет над многими дисциплинами, несмотря на то, что, если присмотреться, что бы он ни утверждал, он почти везде не прав» (с. 73).

Но, как бы то ни было, в конечном счете математический инструментарий абсолютной Истине не помог: ее все равно сослали

в сферу религии, разлучив с философией (с. 22). Правда, произошло это не сразу. В наши дни, справедливо отмечает Козн, философию и религию стараются не рассматривать в качестве двух сторон одной медали – скорее их принято противопоставлять друг другу. Однако «эта новейшая враждебность скрывает куда более значительную и важную историю симбиоза» (с. 8). Автор с симпатией цитирует Гюстава Флобера, сумевшего, по его мнению, лаконично и ярко передать всю сложность этого соотношения: «небольшая доза науки уводит прочь от религии, но все, что свыше того, возвращает нас к ней же». Изначально западная философия и западная религия сомкнулись на исследовании двух сюжетов, которые интересовали обеих: смерти и зла. Сопоставляя Августина и Фому, двух средневековых мыслителей-священнослужителей, занимавшихся этой проблематикой, автор отдает предпочтение второму из них (с. 89–101). По его мнению, если Августин вбивал клин во взаимоотношения веры и разума, категорически обособляя одно от другого в своей концепции первородного греха и тем самым делая философию ненужной, то Аквинат, напротив, внес в развитие философии неоценимый вклад: он требовал обосновывать существование бога не столько свидетельствами веры, сколько рациональными доводами, тем самым подталкивая философское знание вперед. Так вызревал фундаментальный прорыв, подготовивший новый этап в истории философии.

Этому прорыву, определяющей чертой которого стало торжество рационального познания, автор посвящает следующие три главы («Ренессанс и триумф разума», «Просвещение, философия и подъем науки» и «Ищейки эмпиризма: Локк, Беркли и Юм»). По мере того, как набирает обороты секуляризация, человеческое мышление преобразуется: регламентирующие его рамки становятся иными, нежели прежде, а точнее

говоря, просто оседают и размываются. «Мысли ренессансного человека свободно следуют за тем, куда его влечет любопытство» (с. 104), а это видоизменяет как практические, так и теоретические аспекты философствования. Хотя родоначальник принципа «радикального сомнения» Декарт все еще звучал эхом средневековых мыслителей, очень скоро основанная им школа философов-картезианцев прощается с теологией и переходит к бесстрастному анализу любых рациональных конструкций. Касаясь духовной атмосферы XVI–XVII столетий, автор меняет типичную для анализа той эпохи фокусировку: он выдвигает на передний план фигуру Фрэнсиса Бэкона, которого «часто игнорируют», но который воплощал дух времени намного полнее, чем «агрессивный Ньютон или высокомерный Галилей» (с. 119). Говоря о политических мыслителях, Козн, естественно, останавливается на Никколо Макиавелли и Томасе Гоббсе, трактуя их прежде всего в качестве социальных психологов. С точки зрения Козна, создатель «Левиафана» смог затмить не только творца «Государя», но и самого Фридриха Ницше: английский философ сформулировал те же постулаты, на которых потом базировалось ницшеанство, значительно убедительнее, элегантнее и на двести лет раньше.

Пострелигиозная философия есть философия рационализма, ключевыми фигурами которой на первом ее этапе автор провозглашает Рене Декарта, Готфрида Лейбница и Баруха Спинозу. Это правильно, хотя некоторые читатели, вероятно, будут удивлены, обнаружив, что важнейшим основанием, сближающим этих мыслителей, в книге выставляется особо горестное завершение каждым из них своего жизненного пути. Казалось бы, банальность, ведь все люди, включая философов, умирают, однако для Козна это принципиальный момент – похоже, что дурная кончина в авторской оптике как-то связана с внутренней по-

рочностью самого рационалистического метода. «О бесславной смерти этих трех гигантов континентального рационализма не так часто рассказывают», – с укоризной заявляет автор, незамедлительно восполняя вскрытую им лауну (с. 137). Он напоминает, что Декарт умер от пневмонии в Швеции, ненавистной ему стране вечного снега, Спиноза скончался, не дожив даже до 45 лет, а последние дни Лейбница были отравлены дискуссиями о том, присваивал он чужие идеи или нет, из-за чего его могила оставалась без памятника в течение последующих пятидесяти лет. Более того, все трое считались практикующими черную магию.

У этой троицы рационалистов подразумевается и еще одно сближающее их качество, не проговариваемое, однако, Коэном столь же явно: ни один из этих мыслителей, намекает он читателю, в общем-то, не отличался особой оригинальностью. Декарт, например, свой метод «назвал „методом сомнения“, но для философии в этом не было ничего нового; античные скептики сомневались намного более серьезно и решительно, чем Декарт» (с. 146). Спиноза лишь по-новому изложил Маймонида, а его идея Бога, который, подобно математической конструкции, не испытывает любви к людям, «вскоре вышла из моды» (с. 151). Что же до Лейбница, то вклад этого создателя путаного учения о монадах тоже «был сильно преувеличен» (с. 152), а предложенные им философские принципы – законы достаточного основания, непротиворечия, тождества – «самоочевидны» (с. 157). По мысли автора, всю эту компанию по инерции принято считать «великими именами рационалистической философии», но «по-настоящему великим рационалистом был тот мыслитель, чьи достижения оказались так велики, что вывели его за пределы царства философии и сделали основателем нового вида науки – физики» (с. 157). Речь, разумеется, идет об Исааке Ньютоне, сыне

английского фермера. Именно Ньютон стал первым в истории ученым: всех его предшественников автор не без пренебрежения называет «натурфилософами».

Дело, однако, не только в Ньютоне. Автор книги, не таясь, демонстрирует свою глубокую предрасположенность к англичанам, считая именно их наиболее продвинутыми мыслителями Нового времени. В то же время и здесь акценты расставляются не слишком традиционно. Скажем, трезвый эмпирик Джон Локк, политическая теория которого повлияла на несколько революций, упрекается в вопиющей двусмысленности воззрений на свободу: осуждая рабство как социальное явление, позорящее британскую нацию, этот поборник разума, напоминает автор, «постоянно совершал личные инвестиции в Королевскую африканскую компанию» – одно из самых жестоких предприятий того времени, торгующих людьми (с. 171). По мнению автора, этот факт чрезвычайно важен: он заметно обесценивает учение Локка. Но зато Джордж Беркли, эмпиризм которого назвать трезвым весьма трудно, поскольку он «предложил своего рода „радикальный идеализм“, в котором мир теряет объективную реальность» (с. 184) (Ленин, как известно, был очень травмирован этим фактом), превозносится на страницах книги за то, что «был озабочен социальными вопросами и активно защищал интересы бедных жителей родной Ирландии», а также, посещая Америку, пытался учредить там колледж для рабов (с. 182). Впрочем, в авторском нарративе Беркли, не говоря уже о Локке, не может сравниться с Дэвидом Юмом, которого исследование чувственной природы познания привело к убеждению, что опыт вообще непригоден для приобщения к истине, а единственная разумная стратегия – полностью избавиться от всего, что он предлагает. Скептический настрой Юма в отношении эмпирического метода придавал мощный толчок последующему развитию

европейского рационализма. Но, даже признавая величие свершений, оставленных Юмом, автор не отказывает себе в удовольствии поехидничать и над ним тоже: «Юм, как и Платон, не относится к тем философам, которых мучают сомнения, он больше писатель, наслаждающийся возможностью поболтать» (с. 198).

Две последующие главы зеркально дополняют друг друга: если в седьмой («Капитализм и человек рациональный») автор представляет создателей великих и всеобъемлющих философских систем XVIII–XIX столетий, то в восьмой («На распутье: философские идеи романтизма и борьба человека за выживание») главными героями предстают их разрушители. С одной стороны, компания неисправимо серьезных систематизаторов в составе Иммануила Канта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и Карла Маркса стремилась к тотальности и завершенности философского мирозерцания, и на этом пути каждый из них, увы, своим учением внес тот или иной вклад в формирование будущих тоталитарных идеологий. Все перечисленные мыслители, пишет автор, «пытались установить “раз и навсегда” правила, которые управляют не только человеческим обществом, но и [...] всей Вселенной» (с. 236). С другой стороны, «взломщики системы» в лице пессимистичного Артура Шопенгауэра, эксцентричного Жан-Жака Руссо и остроумного Сёрена Кьеркегора не видели ни малейшего смысла во всеобъемлющей рационализации мира, считая, что законченные и тотальные нарративы убивают чувство – то главное, что делает человека человеком. С онтологией они боролись посредством психологии, хотя, несмотря на культ субъективности и превознесение личности, столь милые последующим эпохам, ни одному из них современники и потомки так и не воздали по достоинству. Руссо и сегодня остается «одним из самых недооцененных мыслителей» (с. 241), Шопенгауэр большую часть

жизни вообще не имел читателей (с. 255), а Кьеркегор, не сумев сделать себе имя даже в такой миниатюрной литературе, как датская, самоутверждался в борделях и рюмочных Копенгагена (с. 265). Тем не менее сегодня мы знаем, что вклад этих первых экзистенциалистов – в широком смысле слова – в дальнейшее развитие философского мышления оказался громадным: эта троица «недвусмысленно подвергает сомнению всю генеральную линию западной философии начиная с греков и все ее попытки найти смысл в мироздании либо при помощи чистого рассуждения, либо при помощи физического исследования и науки» (с. 256).

Две завершающие главы («Язык, истина и логика» и «За пределами науки: философы все еще в поисках мудрости») представляют экскурсы сначала в историю лингвистической философии прошлого века, где главными героями ожидаемо выступают Людвиг Витгенштейн, Бенджамин Ли Уорф и Жак Деррида, а потом в философию науки – с центральными персонажами в лице апологета «открытого общества» Карла Поппера, специалиста по теории научных революций Томаса Куна и методологического анархиста Пола Фейерабенда. Здесь, как и в предыдущих разделах, автор не слишком церемонится с теми философами, которые ему не по душе. Например, одному из крупнейших мыслителей XX столетия отведены всего четыре строчки:

«Единственное, что стоит упоминания в философском проекте Хайдеггера, – это проблематика роли времени в структурировании нашего мира как в нашем мышлении, так и в написанных текстах» (с. 296).

Подводя итог, можно сказать, что книге Козна сполна присущи все издержки и прелющества избранного им жанра. С одной стороны, работа предлагает взгляд на интеллектуальную историю с «высоты птичьего полета», и это не только информативно,

но и красиво. С другой стороны, при таком подходе многие нюансы исчезают и стираются, а важные мыслители и доктрины остаются в глубокой тени. Скажем, обеспечив читателю пусть мимолетное, но все же знакомство с великими китайцами, автор проходит мимо индийской философской традиции – несмотря на ее бесспорную значимость. Та же необъяснимая избирательность проявляет себя и в его работе с европейскими мудрецами, многие из которых не удостоены даже упоминаний. Впрочем, заслуженно критикуя автора, мы должны в очередной раз признать: появление подобных книг все-таки отраднее, поскольку они так или иначе напоминают о существовании такой замечательной вещи, как философия – любовь к мудрости, остающаяся в дефиците в любую эпоху.

Юлия Крутицкая

Деревянные глаза. Десять статей о дистанции

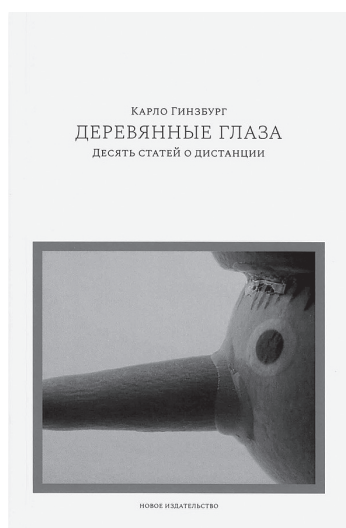
Карло Гинзбург

Перев. с ит., фр., англ. М.Б. Велижева,
Г.С. Галкиной, С.Л. Козлова, ред.
В.В. Зельченко

М.: Новое издательство, 2021. – 448 с.

Едва ли не самый именитый из современных историков, Карло Гинзбург не нуждается в представлении русскоязычной публике: ученый не раз приезжал в Россию, с которой связан как биографически, так и интеллектуально, а рецензируемое издание – его пятая книга, выходящая на русском языке. Вряд ли стоит подробно говорить и о таких общепризнанных свойствах исследователя, как способность сочетать тщательный анализ отдельных случаев с широкими обобщениями, сопрягающими явления далеких друг от друга периодов и обществ; принципиальная от-

крытость к междисциплинарному диалогу истории с антропологией, искусствоведением, филологией; умение переходить от изучения конкретного материала к утонченной методологической рефлексии и постановке теоретических вопросов; поразительная эрудиция и блеск изложения. В статьях, составивших обсуждаемый сборник, Гинзбург обращается к разнообразным сюжетам, общим знаменателем для которых оказывается вынесенное в подзаголовок понятие «дистанция». Это многозначное слово может отсылать как к расположению физических тел в пространстве и их зрительному восприятию, так и, метафорически, к определенной эпистемологической установке, к отстраненному умозрительному рассмотрению предмета познания. Имея в виду оба этих смысла, историк организует свою книгу вокруг двух ключевых тем: теоретических и практических подходов к образам, изобразительному искусству, визуальности в Европе от античности до наших дней, с одной стороны, и устройства исторического взгляда на мир, с другой.

Точкой вхождения в многослойную аргументацию Гинзбурга может послужить вторая глава книги, посвященная мифу. От-

талкиваясь от критики лживых мифов Платоном, историк обращается к греческим и римским размышлениям о природе языка, выводившим отдельные слова за пределы оппозиции истинного и ложного. Сведя вместе эти сюжеты, ученый очерчивает поле античных представлений о вымыслах, которые использовались не только в поэзии или логике, но и в юриспруденции. Различие между фикциональностью и банальной ложью в дальнейшем утвердилось Августином и его средневековыми последователями, которые видели в фигуральном поэтическом языке приспособленное к слабому человеческому разумению средство сообщения божественной истины; этим же оправдывалось аллегорическое истолкование Библии, следствием чего могло быть прямое отождествление поэзии и теологии. Согласно Гинзбургу, «усовершенствованная в течение веков способность контролировать связь между видимым и невидимым, между реальностью и вымыслом» была составляющей «технологического достояния, позволившего европейцам завоевать весь мир» (с. 91). Обозначив этим тезисом сопричастность фикциональности отправлению власти, историк прослеживает развитие данного комплекса идей от рассуждений Платона об управлении народом с помощью мифов через средневековые шутки о трех обманщиках – Моисее, Христе и Магомете, – понимание религии как политически необходимого обмана у Макиавелли, завуалированную критику христианских вымыслов у либертинов, апологию государства как «смертного бога», «религии *sui generis*» (с. 117) у Гоббса, атеистическую мысль эпохи Просвещения, новые националистические мифологии XIX века, Марксов анализ деятельности президента и потом императора Луи-Наполеона [showman], авторитаризм и плебисциты» (с. 126), пропагандистскую манипуляцию массами

в XX столетии до диагностированного Адорно и Хоркхаймером «превращения политики в зрелище» (с. 138) в современных капиталистических обществах. Очерченные в этой главе связи между образами, религиозной или политической властью и потенциальной возможностью критического дистанцирования и анализа задают основные смысловые координаты для всей книги.

В третьей главе Гинзбург помещает в широкую антропологическую перспективу анализ использования – начиная с XIV века – на похоронах английских и французских королей манекенов, репрезентировавших умерших правителей. Приводя в пример сходные практики древних греков, римлян и инков, а также балансирующее на грани идолопоклонства средневековое отношение к мощам святых, он говорит об общем свойстве (религиозных) образов функционировать в качестве субститутов, отсылающих к трансцендентному, и противопоставляет им христианский догмат о пресуществлении, реальном присутствии Христа в таинстве Евхаристии, принятие которого в 1215 году сделало возможным последующее развитие европейского изобразительного искусства, а также породило явление, ставшее «конкретным символом абстракции государства: скульптурное изображение короля, называвшееся *репрезентацией*» (с. 174). В следующих двух главах описываются другие эпизоды из истории западной визуальной культуры: происхождение ряда христианских иконографических типов из евангельских пассажей, восходивших к иудейской профетической традиции и строившихся на жесте указания («се», «вот»), а также судьба и контексты отрывка из Оригена, в котором со- и противопоставлялись идо-лы и изображения.

Между тем не меньше внимания Гинзбург уделяет и оборотной стороне западной культурной традиции: не только увлекательным перипетиям ее внутренней

динамики, но и драматическим отношениям со значимым другим – еврейской культурной традицией. В ключевых моментах всех выше описанных сюжетов европейской истории обнаруживается намеренное дистанцирование от иудаизма, а зачастую и прямой антисемитизм: аллегорическое толкование Библии призвано приспособить Ветхий завет к Новому, а фантазии властей об искусной манипуляции населением вменяются евреям в «Протоколах сионских мудрецов»; утверждение Евхаристии совпадает с усилением гонений на евреев и обвинениями в ритуальных жертвоприношениях; евангельский нарратив об Иисусе во многом складывается из элементов, восходящих к иудейским мессианским текстам, в то же время христианство в целом противопоставляется иудаизму как религия «духа» религии «слова», «плоти», идолопоклонства – в девятой главе Гинзбург демонстрирует, как этот язык невольно воспроизводит папа Иоанн Павел II в примирительной речи, произнесенной при посещении римской синагоги. Фундаментальная двусмысленность важнейших европейских категорий и способов мышления иллюстрируется в шестой главе на примере истории идеи стиля. Обнаружив у Цицерона мысль о том, что «пути к художественному совершенству различны и несравнимы между собой», историк показывает, как она была переформулирована в теологической перспективе Августином, применившим риторические представления об «уместности», «подобающем» к сфере религии, что позволило ему «одновременно учитывать и фактор божественной неизменности, и фактор исторической изменчивости» (с. 252). В дальнейшем идея стилистического плюрализма возникает в ренессансных обсуждениях живописи (у Кастильоне и Вазари) и получает развитие в искусствоведении и художественной критике, способствуя формированию исторического взгляда на искусство, с одной

стороны, и постулированию радикальной несоизмеримости великих художников друг с другом, с другой (например у Бодлера). Параллельно, однако – впервые у Винкельмана и намного последовательнее в теориях рубежа XIX и XX веков, – появляется мысль о неразрывной связи стиля с нацией или расой. Приводит это, разумеется, к нацистским утверждениям о германской сущности готики и нетворческой природе евреев; отголоски этого дискурса ученый обнаруживает в релятивистской концепции стилей науки Пола Фейерабенда, чему он противопоставляет необходимость перевода (интерпретации) и понимания разных языков и стилей.

В седьмой главе Гинзбург продолжает обсуждение того же круга проблем, теперь уже эксплицитно обращаясь к устройству взгляда историка и анализируя три базовые для европейской традиции модели понимания истории. Первая – это уже упоминавшееся учение Августина о «божественной адаптации к историческому процессу», примиряющее «божественную неизменность с историческими изменениями, истину иудейских храмовых жертвоприношений с истиной христианских таинств, превзошедших иудейские жертвоприношения» (с. 341–342). Эта модель легла в основу гегелевской диалектики и «стала ключевым элементом нашего исторического сознания: прошлое надлежит мыслить одновременно и в его собственных категориях, и как звено в длинной цепи времен, доходящей в конечном счете до нас» (с. 344). Вторая модель была сформулирована Макиавелли вскорости после изобретения линейной перспективы в итальянской живописи и строилась на конфликте точек зрения различных акторов исторического процесса; ее современную переработку можно обнаружить у Маркса. Третья модель возникает у Лейбница и характеризуется множественностью гармонично сосуществующих перспектив и точек зрения; позже перспек-

тивизм использовался Ницше в «борьбе против позитивистической объективности» (с. 357). Как заключает Гинзбург, в основе «нынешней историографической парадигмы» лежит «секуляризованная версия модели божественного согласования, разбавляемая теми или иными дозами конфликта и множественности» (с. 360). Соответственно, «на способе, которым мы познаем прошлое, лежит глубокая печать христианской позиции превосходства по отношению к иудеям» (с. 361). При этом принципиально важно, что, даже раскрыв антисемитскую подкладку европейского исторического мышления, исследователь от него не отказывается. В условиях критики модели согласования и глубокого кризиса модели конфликта (историк ссылается на идею «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы; стоит учитывать, что статья написана во второй половине 1990-х) наиболее привлекательной оказывается модель множественности (условно «постмодернистская» и связанная с политикой идентичности). Гинзбург призывает не упускать при этом зачастую отвергаемого «интеллектуального дистанцирования» и помнить про продуктивное «напряжение между субъективной точкой зрения и объективными, верифицируемыми истинами, гарантированными реальностью (как у Макиавелли) или Богом (как у Лейбница)» (с. 362–363).

Таким образом, дистанция оказывается в рецензируемой книге не только объектом изучения, но и рекомендуемой эпистемологической установкой. Уже в первой главе сборника, посвященной генеалогии описанного Шкловским приема остранения, ученый совмещает рассказ о духовных упражнениях стоиков, народных загадках, литературной фигуре дикаря и Прусте с размышлениями о том, что остранение ценно для историков как «эффективное средство противодействия тому риску, которому подвержены все мы: риску принять реальность (включая сюда и нас самих) за нечто

самоочевидное, само собой разумеющееся» (с. 61). Вопрос о соотношении дистанции и сочувствия рассматривается в восьмой главе на примере мысленного эксперимента с китайским мандарином. Наконец, наиболее эксплицитно Гинзбург обсуждает свое научное кредо в десятой главе, впервые опубликованной в 2012 году и вошедшей только в русское издание «Деревянных глаз». Отталкиваясь от рассуждений Марка Блока, ученый объявляет ключевым вопрос о соотношении «наших» и «их» слов – языка исследователя и языка источника. Используя антропологическую оппозицию этических (внешних по отношению к изучаемой культуре) и эмических (имманентных этой культуре) категорий, он формулирует задачу историка как переход от этических вопросов к эмическим ответам, корректирующим исходные вопросы. Применять этот герменевтический метод должен при анализе конкретных случаев, выбранных с расчетом на последующее обобщение. По мысли Гинзбурга, практикуемая таким образом микроистория позволяет преодолеть этноцентризм и разрушает устоявшиеся иерархии, достойно реагируя на вызовы глобализации.

Особенностью и заслугой Гинзбурга следует считать выработку специфического типа письма, отличающегося от стандартного языка историков. Соблюдая все жанровые и стилистические конвенции научного дискурса, это письмо, однако, словно выламывается из рутинного потока академических публикаций и ведет разговор с большей дистанции, с особой наблюдательской позиции, позволяющей разглядывать то же проблемное поле в иной перспективе. Читая, перечитывая, сталкивая, комментируя десятки и сотни текстов, художественных и научных, древних и новых, каноничных и неизвестных, историк собирает их в те или иные цепочки, извилистые траектории мысли. Речь почти никогда не идет о реконструкции истори-

ческого опыта, лежащего по ту сторону источников; в этих своих работах Гинзбург почти без исключений остается в пределах текстов, замечаний на полях, перекрестных ссылок и параллельных мест. Границы между главами стираются, остается ощущение организующего книгу единства мысли, в пространстве которого быстро начинаешь различать излюбленные лейтмотивы (например соотношение истории и морфологии) и значимых собеседников (Эрнст Гомбрих или Эрих Ауэрбах). Как представляется, с этим типом письма может быть затруднено профессиональное взаимодействие: скорее хочется сослаться на книгу целиком, чем на конкретный разбор, как правило, беглый, или сюжет, обычно изложенный фрагментарно. Однако и книга, при всей продуманности ее построения, едва ли оказывается предельной смысловой единицей; читатель имеет дело с узнаваемым способом мысли, который в той же мере выражается и в других текстах или выступлениях Гинзбурга. Знакомство, первое или очередное, с текстуальными следами этого опыта тотального исторического мышления трудно не воспринимать как дар, безвозмездное подключение к полю сложной, нестандартной, эрудированной, очень персональной рефлексии, которая существует на своих условиях и выглядит уже не менее ценным артефактом европейской культуры, чем то, что она осмысляет.

Олег Ларионов

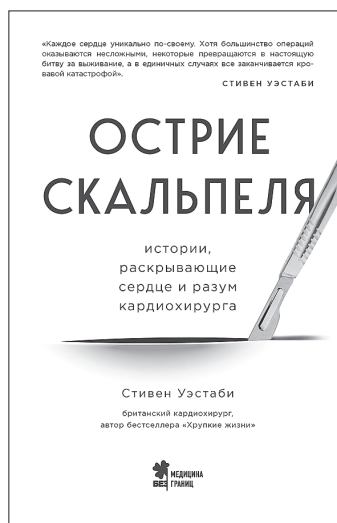
Острые скальпеля. Истории, раскрывающие сердце и разум кардиохирурга

Стивен Уэстаби

М.: Бомбора, 2020. – 320 с. – 4000 экз.

Документальная мемуарная проза, написанная врачами, в последние годы набирает популярность. Об этом можно судить по

рекламным выкладкам в книжных магазинах, где откровения хирургов соседствуют с очередной полусотней «оттенков серого» и самоучителями типа «Как стать счастливым за три дня». Авторы этих мемуаров, как правило, иностранные врачи, причем выдающиеся. В своих странах такие воспоминания становятся бестселлерами. Российские издательства охотно их переводят и публикуют, потому что, во-первых, это интересно и поучительно, во-вторых, написано человеческим языком – и даже названия сложных диагнозов добавляют интриги. В этих книгах есть то, что есть в любой хорошей прозе: повествование, история. Специфика профессии врача в том, что она сплетается с жизнями других людей, а поскольку жизнь зачастую оказывается богаче любого вымысла, необычные случаи из практики всегда интересны. Но хорошая врачебная проза – это не просто пересказ необычных случаев и хода сложных операций, это и осмысление пройденного пути, в том числе и сделанных на нем ошибок. Медицинская карьера становится фоном, на котором проявляются личные качества автора, возникают эмоции и мысли, в том числе по поводу устройства общества, власти, сферы здравоохранения.

Такова и обзореваемая здесь работа британского кардиохирурга Стивена Уэстаби, которая в этом похожа на книгу британского нейрохирурга Генри Марша «Не навреди»⁴. Первая книга Уэстаби «Хрупкие жизни», вышедшая в Великобритании в 2017 году и также переведенная на русский язык, получила восторженные отклики читателей⁵:

«То же, что Генри Марш сделал для нейрохирургии благодаря своей книге “Не навреди”, Уэстаби делает для кардиохирургии с помощью этой яркой, страстной серии историй, собранных за всю его долгую карьеру, которая прошла на переднем крае битвы за технологию искусственного сердца»⁶.

Эти истории благодаря их драматическому накалу читаются, как детектив, но дело не только в этом: знакомясь с очередным кардиохирургическим кейсом, проникаешься пониманием хрупкости жизни, и это понимание добавляет экзистенциальное измерение как твоей собственной жизни, так и жизни человеческой популяции. Смерть с косой часто выглядывает из-за плеча хирурга – одно неверное движение руки, и человеческая жизнь ускользает. В этом ужас, саспенс и азарт, – каждая такая книга как очередной фильм Хичкока – может быть, в том числе и поэтому читатели любят щекотать себе нервы подобными мемуарами. Интерес публики к жизни врачей и их мыслям естествен, если признать, что каждый человек – потенциальный пациент. Однако и Уэстаби, и Марш описали свой опыт для публики уже после завершения карьеры в хирургии: воспоминания еще свежи, но отставка дала необходимую для мемуариста дистанцию отстранения.

Стивен Уэстаби – всемирно известный кардиохирург с 40-летним стажем в про-

фессии, он сделал более одиннадцати тысяч операций на сердце, он автор уникальных хирургических методик. Удивительно, но сегодня он не скучает по операциям, заявляя, что четырех десятилетий работы ему хватило. Теперь наступило время рефлексии. Автор размышляет, почему ему удалось достичь так многого. Раздумывая, возможно ли издать книгу о своих профессиональных сражениях для широкой публики, он пошел навстречу желаниям пациентов и их родственников, которые убедили его, что такая книга нужна. Еще одним мотивом, побудившим взяться за писательство, стала «государственная политика по разглашению в прессе уровня смертности пациентов каждого хирурга». (Решение открыть эту статистику для публики было принято после скандала в Бристольском королевском лазарете, где детская смертность однажды вдвое превысила показатели в других центрах.) Уэстаби стал писателем, чтобы показать жизнь «по ту сторону забора», помочь людям осознать, что хирург – тоже человек, не лишенный эмоций.

Есть несколько условий, которые необходимы любому хирургу: хорошие, «точные» руки, данные от рождения; подходящий темперамент, позволяющий говорить о смерти с родственниками пациента; смелость, чтобы взять на себя ответственность в критической ситуации; терпение и стойкость, когда приходится оперировать много часов подряд, не теряя концентрации, или дежурить несколько суток кряду. У большинства успешных хирургов есть и общие отрицательные черты, известные как «темная триада», включающая психопатическую и нарциссическую организацию личности, а также макиавеллизм (достижение цели любыми средствами). «Возможно, мучительный путь к карьере хирурга способны

4 См. мою рецензию на эту книгу в: Неприкосновенный запас. 2017. № 1(111). С. 270–274.

5 Уэстаби С. *Хрупкие жизни. Истории кардиохирурга о профессии, где нет места сомнениям и страху*. М.: Бомбора, 2017.

6 См.: www.goodreads.com/book/show/33801469-fragile-lives.

пройти лишь люди, обладающие такими негативным чертами», – полагает Уэстаби (с. 33). Сам он в юности ими не обладал вплоть до того момента, как получил спортивную травму во время матча по регби: трещину в лобной кости и травматический отек мозга. «К счастью для меня, прежним я не стал», – пишет автор. У обычных людей префронтальная кора головного мозга посылает миндалевидному телу сигналы тревоги и страха, но у Уэстаби в результате черепно-мозговой травмы эта нейронная связь нарушилась, что привело к ложной психопатии.

«Я перестал быть увядающей фиалкой и превратился в раскованного, смелого и эгоистичного человека. [...] Казалось, я стал совершенно невосприимчив к стрессу; я полюбил идти на риск и превратился в зависимого от адреналина человека, всегда ищущего ярких эмоций» (с. 92).

Молодой Уэстаби стал человеком без тормозов и чувства вины, но при этом не утратил эмпатии. Имея при этом талантливые руки, оба ведущих полушария мозга и способность визуализировать мир в трех измерениях, он стал идеальным хирургом. В своей работе он постоянно шел на риск и тем развивал кардиохирургию. Готовность рисковать всегда была условием инноваций в медицине. «Да и сама жизнь – это риск, – добавляет автор. – Без возможностей для инноваций кардиохирургия зачахнет» (с. 95). Но система британского здравоохранения ориентируется на хорошие показатели; по этой причине на операцию могут не взять пациента с высоким уровнем риска, что опытный Уэстаби называет сегодня «убогим взглядом на профессию».

Автор с удивительной откровенностью препарирует свою психическую организацию, словно вновь и вновь доказывая себе, читателям, пациентам и, возможно, медицинской бюрократии, что его успех в кардиохирургии объясняется его ново-

обретенными психопатическими чертами. От острого кончика его скальпеля зависели человеческие жизни, но этот факт не сдерживал его самоуверенности и необузданного энтузиазма. Что чувствовал Уэстаби, когда не раздумывая брался оперировать тяжелого пациента? «Только любопытство и нервное возбуждение, потому что мне попало что-то редкое» (с. 101). В такие минуты он не очень отличался от автослесаря, увлеченно копающегося в двигателе, и, возможно, именно это любопытство вместе с эмоциональным дистанцированием помогли ему спасти тысячи жизней. Даже теряя собственных пациентов, Уэстаби, по его признанию, быстро к этому привык. В этом хирургам способствует и то, что большинство смертей в кардиохирургии обезличены: «Пациент либо скрыт драпировкой на операционном столе, либо теряется на фоне мрачных атрибутов отделения интенсивной терапии» (с. 37).

Врач, склонный к риску во имя инноваций, становится *enfant terrible* любой бюрократической системы, не терпящей нарушений регламентов. Хирург, изобретающий новые протоколы операций, – человек несистемный. При этом вся деятельность Уэстаби прошла в NHS – британской Национальной службе здравоохранения. В рейтинге бессмысленных бюрократий английская, несомненно, войдет в первую десятку. Автор «Острия скальпеля» приводит тому немало примеров. Например, человек при жизни может пожертвовать почку сыну, но, если человек умер, его семья не может объявить его донором органов, так как, по правилам NHS, орган, пригодный для трансплантации, должен отправляться в национальный банк органов, хотя эта почка идеально подошла бы сыну (с. 76). Прижимистость бюрократии может стоить пациенту жизни. Уэстаби с горечью вспоминает случай, когда перед операцией он запросил компьютерную томографию, чтобы узнать расстояние между костью и сердцем паци-

ента, но хирургу сделали замечание, что он превышает стоимость операции, и только специальные комитеты могли дать разрешение на дополнительные расходы. В итоге хирургическая пила рассекла коронарную артерию, но добраться до места кровотечения оказалось невозможно, потому что того самого расстояния совсем не оказалось.

«Я с отвращением сбросил маску и перчатки. [...] Я попросил своего ассистента сделать то, что мне самому приходилось делать в ранние годы: поговорить с женой пациента. Я же в это время пошел в паб» (с. 17).

Уже по окончании карьеры, выступая перед школьниками, он так ответил на вопрос одной девочки, спросившей, сколько его пациентов умерло: «Я убил больше человек, чем среднестатистический солдат, но меньше, чем пилот бомбардировщика» (с. 12).

Российское и британское здравоохранение схожи своей одержимостью оптимизацией. В Великобритании она проходила в рамках программы «Безопасность и устойчивость» (впоследствии свернутой благодаря жесткой критике), из-за чего закрывались небольшие хирургические центры и, как пишет автор, в стране больше не осталось лучших учреждений по академической педиатрической хирургии, включая отделение детской кардиохирургии в Оксфорде, которое создал сам Уэстаби. В момент основания в 1948 году NHS была прогрессивным явлением, но сегодня это уже не так: чиновники от здравоохранения «зациклились на финансовой стороне и предпочитают сохранять деньги, а не жизни» (с. 268). Это сложный вопрос – не только экономический, но и этический. В одной из телепрограмм Би-би-си из серии «Ваша жизнь в их руках» (Уэстаби также был ее героем) обсуждался вопрос, должна ли NHS тратить кучу денег на спасение 20-летнего пациента-сердечника. Обсуждение откры-

ло другую перспективу: вправе ли страна «первого мира» сэкономить деньги и позволить пациенту умереть так, как если бы тот жил в стране «третьего мира»? И если передовая страна отказывается платить за неимущего пациента сумму, сопоставимую со стоимостью приличного автомобиля, не уравнивает ли это ее со страной «третьего мира»?

Английские хирурги ведут с администрацией больниц постоянную борьбу за койки. Если в реанимации нет свободных коек, то даже срочная операция будет отложена. За последние десять лет высокопоставленные чиновники, утверждающие, что Национальная служба здравоохранения финансируется лучше, чем когда-либо, сокращали тысячи больничных мест, сетует автор. Очевидно, управление потоком пациентов – узкое место в NHS. Четверть коек заняты людьми, которым незачем находиться в больничных палатах, но они нигде больше не могут получить помощь, и из-за этого не госпитализируют новых пациентов. Когда Уэстаби самому понадобилась медицинская помощь, никаких привилегий ему, спасшему тысячи жизней, не полагалось. Он пишет, что Национальную службу здравоохранения убил принцип «бесплатно для всех в пункте доставки», который сложно реализовать из-за старения населения, недостаточного финансирования и «медицинского туризма». Государственное здравоохранение стало в Англии непривлекательным для специалистов, поэтому в стране трудно найти детских кардиохирургов, и их приглашают из-за рубежа. Талантливые врачи эмигрируют, чтобы продолжать работать и внедрять новые технологии.

Автор книги анализирует свои отношения с NHS и эффективность государственной службы. Очевидно, что это его «больная мозоль», он регулярно возвращается к этой теме, так что можно подумать, что все свои блестящие операции он делал

вопреки системе. Но вот его горькое признание: в сегодняшней ситуации он не стал бы обучаться кардиохирургии, а стал бы юристом, чтобы «не стоять на задних лапках» перед медицинской бюрократией, требующей от врачей саморефлексии. «Сколько же времени я впустую потратил на операции, когда мог бы заниматься продуктивным самоанализом», – иронизирует Уэстаби. Сам Уэстаби прекратил оперировать в 68 лет, когда тело стало его подводить. Он, по его признанию, не испытывал сожаления по поводу своей отставки, потому что имелись новые планы: он занялся биоинженерной разработкой искусственного сердца, а также клиническими испытаниями генетически модифицированных стволовых клеток, которые устраняют рубцы на сердечной мышце, образовавшиеся из-за инфаркта.

Кроме естественных рисков, связанных с исходом сложных операций, хирург и его бригада подвержены и другим опасностям. Например, есть пациенты, которые предпочитают утаивать, что у них гепатит или ВИЧ, но во время операции врач или медсестра могут случайно уколоться зараженной иглой или кровь пациента может брызнуть им в глаза (таких случаев много). У некоторых врачей после этого развивается посттравматическое расстройство, разрушаются личные отношения и интимная жизнь.

«Каждый раз, когда я оперировал наркомана с инфицированными клапанами сердца, мои ассистенты, которые обычно работали с удовольствием, куда-то исчезали. У одних начиналась мигрень, другим нужно было к врачу» (с. 160).

Но Уэстаби, по его словам, не считал себя богом и не судил своих подопечных,

хотя за всю карьеру лишь один из его пациентов-наркоманов «завязал». Другой профессиональной опасностью для хирургов является... развод, особенно когда второй супруг не работает в сфере медицины. Известно, что продолжительность жизни хирургов ниже средней вследствие высокого уровня стресса, который они испытывают на работе. Их жизнь во многом им не принадлежит, и справиться с этим могут как раз те самые психопаты, способные абстрагироваться от страданий пациента на время работы.

В книге «Острые скальпеля» есть описания захватывающих операций, которых ждет читатель, но главное, пожалуй, в том, что там представлен очень любопытный, хотя и субъективный, анализ психических особенностей врача-кардиохирурга, а также его положения в национальной системе здравоохранения. И то и другое – фон, на котором развивается драма каждого пациента: сколько больных ушли из жизни, потому что им не хватило койко-места или потому что хирург провел скальпелем на полмиллиметра глубже, чем следовало...

Книга в целом хорошо переведена (перевод Олега Ляшенко), за некоторыми досадными исключениями, когда переводчику не хватило внутреннего слуха, а редактор недоглядел. Например, «мрачный жнец» (недопустимая здесь калька с английской идиомы Grim Reaper) – это все-таки «старуха с косой», «безногая» или просто смерть; нелепо звучащий «актовый день» – это школьное собрание, а «действовать против часовой стрелки» – это «в спешке», «в авральном порядке».

СЕРГЕЙ ГОГИН

Summary

The 140th *NZ* issue is centred around a single theme, perhaps the most urgent one in the past two years: the COVID-19 pandemic and its influence both on the life of every individual and on society as a whole. We publish it under the title “THE INTERNET UNDER THE PANDEMIC”.

For many during the pandemic, the internet became the only way to maintain social connections, to socialise and to spend time with their friends and family. People began to use the internet in new ways and to change their habitual practices. Methods collectively known as digitalisation acquired an additional momentum and meaning. Even the pandemic itself needed to be collectively understood as a global phenomenon. The internet proved to be both a tool and a platform on which to discuss current developments.

The idea of this issue stems from the conference “*Internet Beyond 2020*”, organised by the Internet and Society Enthusiasts Club in the spring of 2021. It brought together anthropologists, sociologists and media researchers in an attempt to understand the internet and its post-2020 relationship to the world and society. The issue comprises three sections, organised around the three main themes of the conference.

The first section, “PANDEMIC/INTERNET + PLACE”, includes articles on the global and the local in the times of the pandemic, as well as on how people build their relationships with various spaces in these circumstances. In “*The Ruin and Infrastructure: How the Internet Transforms in the Pande-*

mic”, Polina Kolozaridi, the guest editor of the issue, compares the internet to a city, rethinking familiar opposites: the global internet and the local urban environment, the online and offline worlds. The city and technology may not be a new subject, but some of its pandemic-related aspects are still waiting to be examined in depth. A complex political story is developing in the sphere of urban surveillance and control. In a conversation with Dmitry Muravyov and Leonid Yuldashev, Dmitry Serebrennikov tells of his research into the use of CCTV to spy on city dwellers. He identifies a number of questions: where cameras are positioned, who operates them, and how risk and security are measured. The first section ends with Dmitry Muravyov’s review of “*COVID-19 from the Margins. Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society*”, a collection of pieces by international contributors that aim to transform our understanding of the global and local nature of the recent events.

The next section, “PANDEMIC/INTERNET + EXPERIENCE AND KNOWLEDGE”, focuses on the production of pandemic-related knowledge and on the role the internet plays in this knowledge. The opening piece is an interview with the British scholar Annette Markham about autoethnography in the pandemic era. A group of researchers gathered by Markham have begun to study their own experience, describing it in different ways and sharing their observations with each other. The conversation criticises the division of study into academic and non-academic, offering an opportunity

to examine independently the processes driving everyday life online and offline. Difficulties associated with the studying of digitalisation are the subject of another conversation, with Konstantin Fursov and Valentina Polyakova, researchers at the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, who talk about the significance of so-called digital skills. The emergence of new types of practices compels those who study the statistics of digital life to reconsider the pre-pandemic perceptions of the internet. The theme of knowledge and learning is continued in an article by Anna Shchetvina and Andrea Marsili, which analyses Russian and Italian memes, putting the main emphasis on their common characteristics. A comprehensive article by Aleksandra Arkhipova talks about online wars between proponents and opponents of vaccination, making it clear that vaxxers and anti-vaxxers are imaginary communities, since both these groups often include individuals with very different agendas. The sides are engaged in a “cold civil war” of sorts, and Arkhipova’s piece helps the reader to understand its mechanisms.

The final section, “PANDEMIC/INTERNET+ INSTITUTIONS”, opens with a conversation about education. The transition to distance learning at the start of the lockdown provoked a strong, mainly negative, reaction, but the process began much earlier than 2020. The conference “*Internet Beyond 2020*” featured a round table discussion between practitioners and researchers of digital education from the Higher School of Economics, who talked about the formation of ideas and practices underpinning online learning, and sociologists, who shared the initial results of studies concerned with the process

that turned distance learning into the norm and with its consequences. Darya Radchenko in “*Spiritual Communitality on Instagram: Constructing Sociality during the COVID-19 Pandemic*” offers a brief survey of how religious practices changed in the pandemic. The article is based on a series of interviews conducted with both regular and occasional churchgoers. Radchenko relates these different types of spiritual participation to people’s online behaviours, paying special attention to the question why religious communities formed a “new communality” during the lockdown. The section concludes with a translation of “*The Birth of Sensory Power: How a Pandemic Made It Visible?*” by Engin Isin and Evelyn Ruppert, an invitation to rethink once again most of the themes touched upon in this issue. Changes occurring during the pandemic are not limited to moving from offline to online; they also mean changes in power, in what can be observed by whom and how, and what can be learned in the process. The authors consider these questions from a Foucauldian perspective.

Our NEW BOOKS section remains outside the scope of the issue. It features a number of detailed reviews: a piece by Boris Sokolov on “*If Only I Stay Alive*”, a collection of WWII diaries edited by Pavel Polyan; NZ editor-in-chief Kirill Kobrin’s response to “*Red Metropolis*” by Owen Hatherley; Denis Shalaginov’s article about “*Correspondences*” by the British anthropologist Tim Ingold; and Konstantin Sonin’s review of “*Russian Universities: How the System Works*” by Yaroslav Kuzminov and Maria Yudkevich. Among the shorter pieces are Oleg Lariov’s review of Olga Pinchuk’s “*Failures and Breakdowns: An Ethnographic Study of Factory Labour*”.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com** **eurozine**

**Оформить подписку
на журнал можно
в следующих агентствах:**

«Подписные издания»:
подписной индекс П3832
(только по России)
<https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.periodicals.ru

«Экстра-М»:
подписной индекс 42756
(по России и СНГ)
www.em-print.ru

«Ивис»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.ivis.ru

«Информ-система»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informsystema.ru

«Информнаука»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informnauka.ru

«Прессинформ»:
подписной индекс 45683
(по России и СНГ)
<http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»:
подписной индекс: 45683
(по России и за рубежом)
www.ural-press.ru

**Приобрести журнал
вы можете в следующих
магазинах:**

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнезниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятинский
пер., 1-6 (территория ЦСИ
Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51